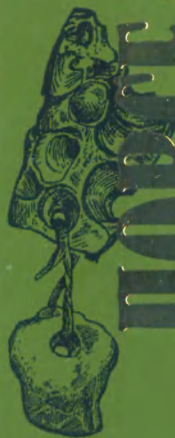

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

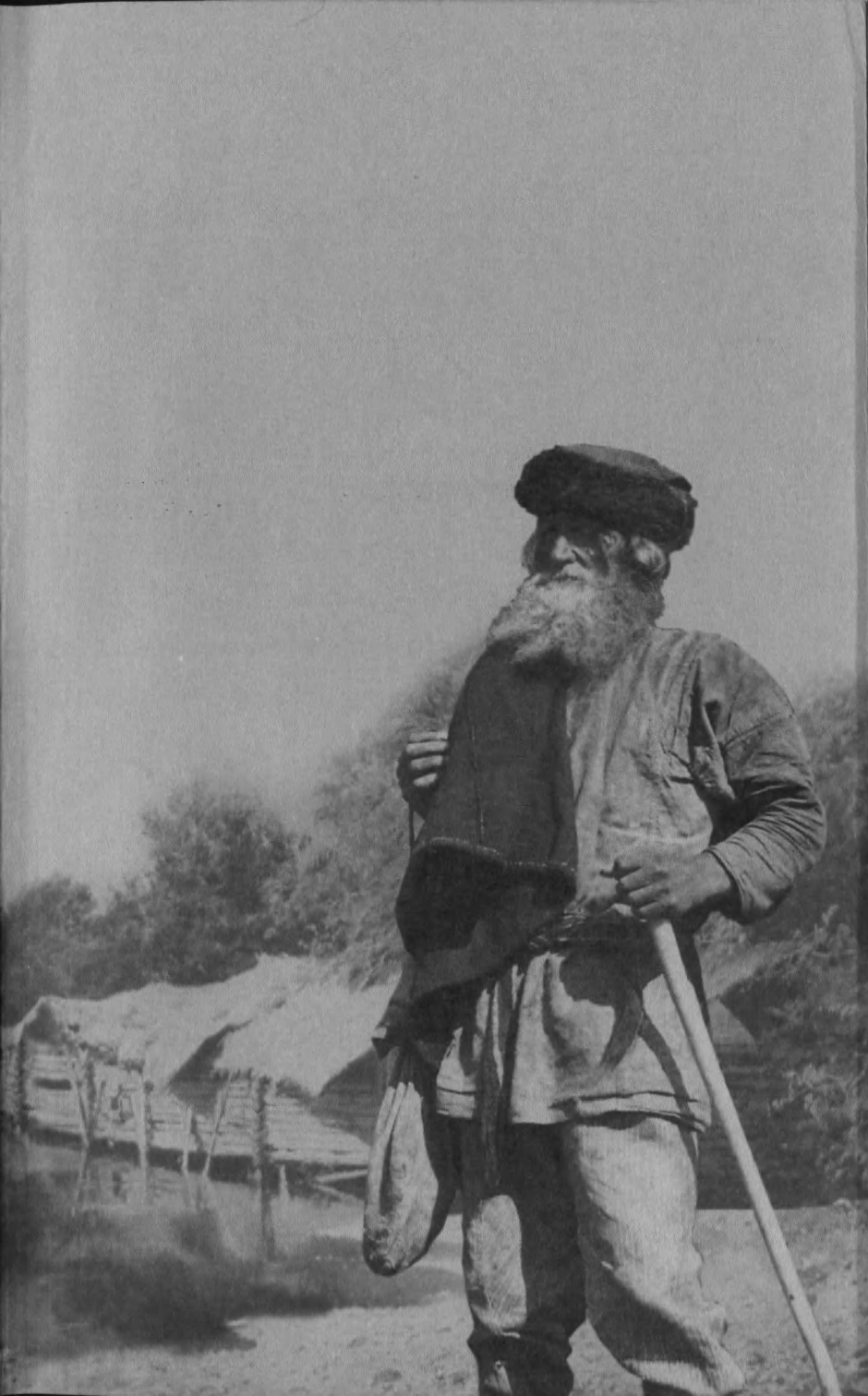
Наталья Будур

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Наталия Будур

МОСКВА

ЖИЗНЬ КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ

УДК 392 (470+571)

ББК 63.529 (2Рос)

Б 90

Художественное оформление

Сергея ЛЮБАЕВА

ISBN 978-5-235-03158-6

© Будур Н. В., 2008

© Издательство АО «Молодая гвардия»
художественное оформление, 2008

Запретный плод сладок. Известная всем, старая как мир, истина... И тем не менее на протяжении тысячелетий люди пытаются откусить хоть маленький кусочек знания именно от запретного плода, хотя вкус его далеко не всегда приятен. Точно так же происходит и с понятиями «колдовство» и «знахарство». Тема удивительно привлекательная как для просто любопытствующего, так и для человека, пытающегося проникнуть в тайны сокровенных знаний.

В русском народе колдунов просто боялись, а знахарей уважали и немного боялись одновременно.

Несмотря на существующее разграничение понятий «ведьма», «колдун» и «знахарь», долгое время в сознании народа они были объединены словом «ведуны», потому что принадлежали к касте знающих, ведающих тайны мира.

«Ведун и ведьма (ведунья, вещица), — писал А. Н. Афанасьев, — от корня “вед”, “вещ” — означают вещих людей, наделенных духом предвидения и пророчества, поэтическим даром и искусством целить болезни. Названия эти совершенно тождественны со словами “знахарь” и “знахарка” — указывающими на то же высшее ведение. Областные говоры, летописи и другие старинные памятники предлагают несколько синонимов для обозначения ведуна и ведуны, называют их колдунами, чародеями, кудесниками и волхвами,

вещими женками, колдуньями, чаровницами, бабами-кудесницами и волхвитками.

Чары — это те суеверные, таинственные обряды, какие совершаются, с одной стороны, для отклонения различных напастей, для изгнания нечистой силы, врачевания болезней, водворения семейного счастья и довольства, а с другой — для того, чтобы наслать на своих врагов всевозможные беды и предать их во власть злобных, мучительных демонов.

Чаровник, чародец — тот, кто умеет совершать подобные обряды, кому ведомы и доступны свойства трав, корней и различных снадобей; очарованный — заклятый, заколдованный, сделавшийся жертвой волшебных чар...

Слово “колдун” в коренном его значении доселе остается неразъясненным. По мнению Срезневского, колдуном (славянский корень “кльд-колд” или “калд-клюд-куд”) в старое время называли того, кто совершал жертвенные приношения; в хорутанском наречии “калдовати” — “приносить жертву”, “калдованц” — “жрец”, “калдовница” и “калдовише” — “жертвенник”.

Знахари в основном лечили русский народ молитвами, заговорами и травами. Это были люди, играющие в народной медицине роль врачей.

Они — добрые ворожбиты — не приступали к своему делу без сотворения креста и молитвы. Заговоры их в основном состоят из обращений к Богу и святым целителям-угодникам. Они всегда работали в открытую, не делая из своего ремесла тайны. Заучивали свои заговоры знахари со слов других «знатков» или по письменным источникам — рукописным тетрадам, называемым «цветниками», «травниками», «лечебниками», которые можно найти в деревнях и в наши дни.

Знахари не водились с нечистой силой, однако знали, как ей можно противостоять.

Они опирались на целебные свойства трав, использовали в своей врачебной практике целебные свойства хлебного зерна, соль, уголь, печную глину и заговоры.

Колдун же был наделен даром предвидения и пророчества, а также мог лечить болезни, но дар этот он получал от дьявола. Колдуны и ведьмы попадали в пожиз-

ненную зависимость от нечистой силы, и именно бесы заставляли их творить зло, причем часто причиняя вред даже самым близким людям.

Колдун, несомненно, имеет генетическое родство с волхвом, древним предсказателем и жрецом и состоит в самых близких отношениях с нечистой силой, и черти не только беспрекословно выполняют все его повеления, но и требуют себе «новых заданий».

Первоначально колдуном, по одному из существующих объяснений, назывался тот, кто со злым умыслом закручивал колосья в «колтун», то есть наводил порчу. По другой версии, это слово происходит от славянского «колидон», то есть ряженный.

С колдунами «сближались» в народном представлении и представители некоторых профессий — прежде всего мельники, плотники, пчеловоды, печники и кузнецы.

Мельник, по мнению русского народа, обладал особой силой. Он мог договориться с водяным, чтобы тот не прорывал плотины, не ломал мельничных колес. Мельник приносил мельничному духу жертву в виде черной курицы и знал специальные заговоры. И еще мельник был во вражде с лешим.

В деревнях бытовало поверье, что мельник обладает способностью творить «чары на подтек», то есть своими колдовскими снадобьями и зельями разрушать чужие мельницы и выгонять водяных из прудов и рек.

В народе рассказывали великое множество страшных историй о мельниках. Вот одна из них, записанная в XIX веке:

«В прежние времена такие истории случались, что только подумаешь, так кожу обдирает.

— Ты, дядя Василий, поди, много знаешь страшного-то? Расскажи, пожалуйста.

— Какое много, но кое-что знаю.

— Расскажи, Василий Александрович.

— Ну, ладно, расскажу вот я про своего родителя, как он у меня Святки проводил да с лешим шушукался. Дело было в Святки на пятый день Рождества Христова. Он же был мельник, вот и вздумал запустить мельницу на Васильев день, крестьянам муки помолоть. Оделся в

шубу и пошел. У нас в тот вечер была посиделка, ребята ему и кричат: мол, не ходи, дядя Александр, смотри, леший шапкой по голове помажет. Как это они сказали, он и говорит: “Я лешему сам рога переломаяю” А мать моя услышала с печи и закричала: “Перекрестись, прежде чем на мельницу входить, Лександр, нешто забыл, ведь Святки теперь, мало ли что может наблазниться?!” Отец же был немножко выпивши, изругал нас всех трусами и пошел на мельницу. Идет себе и в ус не дует, не верит, что может его леший поблазнить. Выходит за деревню, подходит к баньке на краю деревни и только хотел пройти мимо, как вдруг дверь в бане как хлопнет, так что вся баня-то и запрыгала. Он и подумал, что это, наверно, банника леший донимает, и решил его выручить. Подошел к бане и хотел было отпереть задвижку, но не тут-то было. Никак дверь не поддается, хоть ногой он толкал, потом плечом в дверь уперся. Дверь трещит, но не отворяется — и все тут. Вдруг отец слышит, что леший-то стонет, и думает: “Погоди, я тебя уважу”, — и давай опять плечами дверь поддевать. Опять слышит: леший хрипит от натуги, но не поддается, дверь не отпускает. Отец плюнул и пошел дальше, только на прощание сказал: “Ужо, леший, я по шее-то тебе накостыляю” Приходит на мельницу, вынул из-под колес и машин подставки и сел покурить, как ни в чем не бывало. Вдруг слышит, что под мельницей кто-то свистит, да так резко, как рожок нашего пастуха Ваньки. Свистит это он, леший, а отец усмехается: “Свисти, я ведь не испугаюсь” Посвистал, посвистал да и замолчал. А затем как набрал воздуха в легкие да как дунет в машины мельницы, решил их крутить вместо воды. А машины-то, машины как замахают, так что страшно стало. Ну и полез отец с мельницы-то долой, чтобы не придавило колесом-то мельничным. Вспомнил, наконец, отец мой, что от лешего можно “отговориться”, и давай читать заклятье на лешего: “На море, на океане, на острове Буяне лежит бел горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре стоит крест, крестом крест человек родился, крест водрузился, а Сатана связался, Бог прославился. Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цепями, бросаю

ключи в Океан-море, под бел горюч камень Алатырь. Кто мудреней меня взыщется, кто перетаскает песок из всего моря, тот освободит лешего” Только заговор отец проговорил, леший заскрежетал зубами и давай опять пыхать в себя воздух. А отец в то время успел-таки запереть мельницу. “Ну, теперь, — думает, — леший, я с тобой хоть в рукопашную пойду” Только это подумал, как вдруг леший подбежал да как схватит у него с башки шапку — и нет его. Приходит отец домой, а жена спрашивает, где шапка-то. “Леший унес” Все захохотали и умолкли. Отец себе лег на печку, да и думает: “Как это я прозевал, когда леший шапку у меня стащил” Встал утром, да и налаживается в Вологду ехать, купить себе новую шапку. У него опять мать моя спрашивает, куда он шапку девал. “Да леший унес, я ведь говорил тебе” Все стали расспрашивать, как это такая оказия случилась. Ну, он им и рассказал. Отец решил, что не придется ему больше носить шапку. Думал, если леший унес, так не отдаст никогда. Но не тут-то было. Поехал он в мясное заговенье к теще барана доедать по старому обычаю, подъезжает к бревновскому забору, глянь, а на заборе шапка его висит.

— Неужто это правда, дядя Василий?

— А что мне врать-то? Ведь не деньги брать».

Плотники тоже могут навести чары на заказчиков, которые недоплатили или обманули их нечистую силу.

С. Максимов приводит рассказ о вологодском плотнике. Когда ему не поставили обычного, сверх платы, угощения, он ушел, а хозяин послал сына посмотреть новую избу. Мальчик в ужасе прибежал к отцу и стал рассказывать удивительные вещи. Крестьянин сам пошел в новый дом и увидел, как навстречу ему выбежала маленькая мышка, за ней следующая, ростом побольше. А там еще и еще больше... Последние мыши были ростом с большую кошку. Понял отец, в чем тут дело: недовольный плотник наколдовал, — и послал сына за мастером. Вернулся тот, встретили его хлебом-солью, за стол усадили в новом доме. Откушал плотник, а когда вскочила маленькая мышка, сказал ей: «Скажи в стаде, чтобы тотчас убились вон!» И с тех пор мышей не стало.

О пчеловодах же говорили, что каждый из них — «колдун-знахарь». Объясняется это тем, что пчеляки, ухаживающие за Божьей работницей, приглядываясь к цветущим травам, излюбленным пчелою, сами учились распознавать вредные и полезные растения, собирали и сушили их, нередко принимая на себя обязанности лекарей. Все это невольно способствовало их знахарской славе и привлекало к пчельникам страдающих всякими болезнями людей.

О пчеловодах еще говорили: «У кого хорошо ведутся пчелы — знак особой милости Бога»; «Злому несправедливому человеку лучше не водить пчел».

Русский народ считал пчелу такой святой в Божьем мире среди созданных Богом существ, что даже сам грозный Илья-пророк не мог ударить громом-молнией в пчелиный улей, хотя бы за ним укрывался нечистый дух — огненный змей.

Кузнец практически у всех народов мира наделялся народной фантазией особой волшебной силой, он был тем человеком, который может совладать с чертом и расплющить его молотом. Несомненна связь этого «персонажа» с кузнецом из древних мифов.

Искусство в этой профессии всегда считалось магическим. Власть над огнем и магия металла обеспечивали кузнецам репутацию могущественных колдунов.

Присутствие их в инициационных обществах (мужских союзах, к которым относится, например, «каста» берсерков у древних скандинавов) было зафиксировано у древних европейцев. Кузни всегда стояли на отшибе — в месте, удобном для совершения магических обрядов.

Исследователями отмечалось, что между кузнецами и шаманами возникал симбиоз. М. Элиаде указывал, что «тайны металлов» напоминают нам те профессиональные секреты, которые передаются в ходе посвящения в шаманы. В обоих случаях мы имеем дело с практикой эзотерического характера.

Не менее неприятной для русского человека была и «фигура» другого «колдуна» — *печника*, с которым крестьяне вынуждены были общаться довольно часто. Печники не только клали печи, но и каждое лето осматривали и подправляли их.

Печники пользовались дурной славой. Если хозяин был с ними груб или не приветлив или кормил плохо, то они могли сыграть с ним злую шутку. Например, замазать в трубу пустые бутылки по самое горлышко. Как только затопят такую печь, сразу слышат, будто кто-то начинает свистеть в доме.

Крестьяне часто не понимали природы страшных звуков и считали, что это печник подсадил в печь нечистую силу. Поэтому печников всячески старались убажить — чтобы не нажить себе горя.

После окончания работы мастера угощали специально испеченным для него караваем, один кусочек которого обязательно клали за печку — для домового, которого побеспокоил печник.

Ведьма же в представлении русского народа — это женщина, наделенная колдовской силой, связанная с нечистым. Она может менять свой облик, летать, наводить порчу и вредить людям. Очень часто ведьмы оборачиваются черными кошками, свиньями, собаками, сороками. Могут они оборачиваться и прекрасными молодыми женщинами и соблазнять мужчин.

Основные функции ведьм — мешать продолжению рода и появлению изобилия в любых его формах. Забирая жизненную силу у людей, животных и растений, ведьма увеличивает свою собственную силу. Если корова не доится или молоко не сбивается в масло, то надо звать на помощь местную колдунью или знахаря — узнать, что тому виной: естественные причины или колдовство. Часто оказывается, что коров доит ведьма в обличье какого-либо животного, с которой местный знахарь вступит в состязание. Победит сильнейший.

Ведьмы получают свою силу от злых духов и руководствуются собственной злой волей. Кладбища для них священны. Силу свою ведьма должна передать на смертном одре преемнику. Ведьмы могут управлять погодой и насылать бурю, град, заморозки, засуху.

Вот уже более десяти лет в нашей стране продолжается настоящий бум на «русские» книги — книги, в которых рассказывается об обычаях и традициях рус-

ского народа, то есть о том, что характеризует народ и помогает понять его характер и душу.

Стремление возобновить и возродить давние традиции, именно то, что отличает нас от других не только внешне, но и духовно, — отличительная черта последних лет.

Мы стараемся сохранить и даже возродить свои традиции — чтобы не раствориться в небытии, чтобы сохраниться как общность, остаться русскими людьми.

В этой ситуации обращение к фольклору — обращение не к прошлому, а к тем резервам души, которые есть в каждом и бывают востребованы в самые сложные, трудные минуты, — может быть, именно для этого народ веками собирал и отбирал самое необходимое из всей своей коллективной мудрости.

В книге, которую вы сейчас держите в руках, автор коснулся одновременно «коммерческой» и очень тяжелой темы ведовства и знахарства, попытался представить общую картину обычаев и обрядов, поверий и суеверий, мифов и легенд русского народа, связанных с колдунами, лекарями и ведьмами.

Какие-то из обрядов покажутся современному читателю если не глупыми, то, по крайней мере, странными — например, вряд ли кому придет в голову при трудных родах опускать роженицу вниз головой, а затем, приподнимая ее кверху, стучать пятками о потолок. Но многие традиции (на то они и традиции, хранившиеся веками) живы и поныне.

Наша книга — это попытка ввести современного человека в невероятно увлекательный и очень непростой мир русских традиций.

Успехов вам в этом путешествии!

КОЛДОВСТВО

*Красная девица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала,
Корни вырывала,
Месяц скрала,
Солнце съела.
Чур ее колдунью,
Чур ее ведунью!*

Великорусское
заклинание

Глава первая

История колдовства в России

По верованиям средневековых людей, власть над миром и над человечеством оспаривается двумя силами, почти равными по могуществу, но различными по своим принципам — Богом и Сатаной. Бог мог бы уничтожить Сатану и его силу, но Он сохраняет его и предоставляет ему право действовать в мире, искушать и совращать человечество — для того, чтобы последнее своим сопротивлением соблазну нечистой силы заслужило спасение.

Борьба ведется между этими двумя силами на равных основаниях, по установленным правилам: у Бога есть воинство Небесное, а у дьявола — легионы демонов. Сатанинское войско управляется начальниками, которых зовут Вельзевул, Асмодей, Магог, Дагон, Магон, Астарота, Азazel, Габорим. Ученые насчитывают в дьявольской армии 72 тысячи князей, графов и маркизов и 7 миллионов 405 тысяч 928 чертенят.

У человеческой души есть свой ангел-хранитель и

свой демон-искуситель. Ангел и демон борются за душу человека. Всевышний установил это равенство сил в борьбе и дал врагу равное оружие — для возвышения человечества и для очищения души путем испытаний.

Основная цель дьявола — овладеть душой человека и вселиться в его тело, для чего существует великое множество хитростей. Сатана может явиться к женщине в образе галантного кавалера, к верующему — в облике благочестивого монаха, словом, он может принять образ, какой ему угодно, чтобы обольстить и соблазнить жертву. Причем соблазнить не только душу, но и склонить брненное тело человека к вступлению с ним — Сатаной — в плотскую связь. Дьявол может явиться в любое время суток и в любом месте — в богатом доме и в бедной хижине, в лесу и на многолюдных городских улицах.

Во всех слоях средневекового общества существовало твердое убеждение, что дьявол вмешивается во все человеческие дела. Присутствие черта предполагалось везде и в самых разнообразных видах: за каждым кустом или деревом, старым камнем или стеной, на чердаке и в колодце. Были демоны земные, водяные, воздушные, горные, лесные, подземные. Черт являлся также в образе животного — змея, обезьяны, собаки, кота или кошки, жабы — или превращал людей, одержимых им, в зверей, преимущественно в волков, которые стаями и в одиночку нападали на людей и скот и вредили им.

Повсюду дьявол выслеживает жертвы, пользуется всяким случаем вступить в связь с человеком и отнять его от Бога. И когда это ему удастся, он закрепляет свою власть над человеком посредством формального договора, подписанного кровью, и ставит на теле человека свой «чертов знак», или «дьявольскую печать». Одержимый дьяволом становится его рабом, он должен во всем ему повиноваться, исполнять все его приказания, совершать все преступления, которые ему внушает его повелитель.

Помните легенду о докторе Фаусте? Классический пример искушения человека дьяволом. Доктор Фауст хотел возвыситься над Богом, познать все тайны бы-

тия — надо заметить, ради благой цели: помочь людям стать счастливыми. Сатана охотно обещает помочь ему в познании мира — но в обмен на бессмертную душу. Доктор Фауст соглашается и не обращает внимания на знак Господень: в последний момент перед подписанием договора с дьяволом из надреза на руке у Фауста не идет кровь, которой он и должен скрепить договор. Сатана верой и правдой служит доктору Фаусту оговоренное время — а потом забирает с собой его душу и отправляется в ад. При этом выясняется, что жертва Фауста никому не была нужна — людям не требовались его знания и умения, а нужно было лишь получить побольше презренного металла — золота.

Но людей, подобных ученому Фаусту, на свете мало, а потому Сатана предпочитает соблазнять бедных и наивных девушек, покинутых своими возлюбленными. Уж их-то на белом свете достаточно. Соблазненные дьяволом девицы становятся ведьмами. На первых порах они перенимают его искусство, чтобы отомстить изменившим им юношам или своим соперницам. А затем «втягиваются» в процесс колдовства и «усваивают» дьявольскую науку. Именно так процесс превращения невинных дев в ведьм представлялся людям Средневековья.

Люди верили, что ведьма насылает болезни и бесплодие на людей и скот, губит тело и душу христиан, умеет вызывать грозы и ветры, насылает град на поля, мор на стада, сеет вражду и ссоры между людьми и изо всех сил старается испортить жизнь семейных пар, вселяя в супругов отвращение друг к другу. Какова цель ведьм, которые стремятся разрушить счастливые семьи? Простая — помешать воспроизведению рода человеческого, или, говоря современным языком, помешать рождению детей. Почему? Да потому, что дети будут крещены в церкви — и достанутся Богу, и надо будет опять бороться за их душу и совращать, и соблазнять их, и тратить на это дело великое множество сил. А дьявол, который, не будем забывать, является «врагом рода человеческого», стремится облегчить себе задачу и призвать в свои ряды как можно больше помощниц-ведьм и помощников-колдунов.

История колдовства в России резко отличается от истории колдовства в Западной Европе*

«Древнейшие сказания, — писал Ф. Буслаев, — распространены на Руси, как национального, так и византийского происхождения, изображают беса в самых общих чертах, придавая ему только одно отвлеченное значение зла и греха. Фантазия, скованная догматом, боязливо касается этой опасной личности и, упомянув о ней вскользь, старается очистить себя молитвой. Самые изображения бесов в русских миниатюрах до XVII века однообразны, скудны, не занимательны и сделаны как бы в том намерении, чтобы не интересовать зрителя».

Восточная Церковь не считала своей задачей борьбу с дьяволом и не посвящала себя этой борьбе, как слу-

* В раннем Средневековье ведовство рассматривалось как «злодеяние», подсудное светским судам. Народные же суеверия и уверенность в способностях ведьм летать, варить колдовские зелья и превращаться в кошек объявлялись Церковью нелепицей и следствием народного же «безумия». Ведьмы объявлялись «грешницами не по злему умыслу», а священники должны были внушать прихожанам, что все рассказы о ведовстве — всего лишь ложь.

Отношение к ведьмам резко меняется в XII—XIII веках. Как раз в это время в Европе получает распространение ересь катаров, которые считали, что зло на земле происходит от дьявола. С ним-то ведьмы и вступают в добровольный союз. Следовательно, речь тут идет не о грехе «не по злему умыслу», а о добровольном предательстве Бога.

Первая булла против ведьм была подписана папой Иоанном XXII в 1326 году.

В XVI веке вера в колдовство овладела воображением Запада и, как зараза, распространилась по всей Европе с силой настоящей эпидемии. К началу XVII века началась «охота на ведьм». Во многих странах Европы, где католицизм был силен, не было женщины, над которой не висело бы подозрение в колдовстве.

Но и протестантские страны оказались не свободны от этого ужасного заблуждения. Сам Мартин Лютер был одним из глубоко верующих в силу дьявола. Он говорил о своих разговорах с дьяволом, который по ночам бил у него оконные стекла и ворочал под его кроватью мешки с орехами. Дьявол являлся к нему, когда он писал свои сочинения, и он должен был вступать с нечистым в пререкания. Однажды, разозлившись на болтливую дьявола, Лютер запустил в него чернильницей с такой силой, что залил стену чернилами. Лютер разделял учение об инкубах и суккубах, демонах, которые соблазняют людей, потому что, по его мнению, дьявол охотнее всего совращает человека в образе юноши или молодой женщины..

жению Богу. Как справедливо замечает В. Б. Антонович, «народный взгляд, допуская возможность чародейного, таинственного влияния на бытовые, повседневные обстоятельства жизни, не искал начала этих влияний в сношениях со злым духом; демонология не только не была развита, как свод стройно развитой системы представлений, но до самого конца XVIII столетия совсем не существовала в народном воображении, даже в виде неясного зародыша. Народный взгляд на чародейство был не демонологический, а исключительно пантеистический. Допуская существование в природе законов и сил, неведомых массе людей, народ полагал, что многие из этих законов известны личностям, тем или другим образом успевшим проникнуть или узнать их».

Само по себе обладание тайной природы не представлялось, таким образом, делом греховным, противным учению Церкви. Поэтому преследования колдовства и ведьм не имели в России того жестокого фанатического характера, какой приняли процессы о колдовстве на Западе.

«Производившиеся у нас процессы по обвинению в колдовстве не имели ничего общего с процессами западными, — пишет Я. Канторович. — Эти были большей частью обыкновенные гражданские иски, возбуждавшиеся против тех или других лиц (преимущественно женщин), обвиняемых в причинении вреда посредством колдовства.

С начала XVI века борьба с Сатаной в лице ведьм становится делом первой важности и преследование женщин, обвиняемых в колдовстве, входит в задачи Церкви и государства и принимает невероятные размеры. Во всех европейских странах начинаются судебные процессы над ведьмами.

Время «охоты на ведьм» совпало с эпохой Возрождения, идеалами которой были красота и гармония в природе и человеке. Именно в эту эпоху человечество стало бороться с влиянием Церкви, с самим ее духом, которым были пронизаны почти все стороны общественной и частной жизни.

Преследование ведьм со стороны Церкви было одним из проявлений кризиса старого уклада. Менялся строй, основы привычного существования человека, что не могло не породить страха и неуверенности в людях. Немедленно возникло желание защититься — и «козлами отпущения» стали ведьмы и их главный козлообразный предводитель — Сатана.

Колдовство, таким образом, играло лишь роль орудия для нанесения вреда другому, и вина обвиняемых вытекала не из греховного начала колдовства, а измерялась экономическим началом — степенью и количеством нанесенного ущерба. Никаких религиозных или иных причин для преследования колдовства в народном сознании не было.

Дьявольская сила преследовалась не за свою греховность, а за то, что ею пользовались для нанесения вреда. Народ смотрел на колдунов как на силу, умеющую вредить, и защищал себя от колдовского вреда или мстил за причиненный вред. Судьи принимали к своему рассмотрению дела о колдовстве как частные случаи и были чужды каких-либо фанатических представлений о необходимости искоренения колдовства во имя каких-либо общих демонологических понятий.

Поэтому у нас не было систематизированного преследования ведьм, как на Западе; не было выработано никаких исключительных судопроизводственных порядков по делам о колдовстве, не было специальных законов о преступлениях колдовства, обвиняемые не пытались, не сжигались на костре. Дела оканчивались обыкновенно вознаграждением потерпевшего или уплатой штрафа в пользу Церкви, церковной епитимией или очистительной присягой».

Колдовство известно в России с самых древних времен. В летописях есть много рассказов о волхвах.

Под 1024 годом рассказывается, что из Суздаля вышли волхвы и стали избивать «старую чадь», то есть стариков и старух, говоря, что они портят урожай. Князь Ярослав велел схватить волхвов и иных из них заточить в темницу, других предать смерти, говоря: «Бог наводит по грехом на куюждо землю гладом ли мором, ли ведром, ли иною казнью, а человек не весть ничтоже».

Во время голода в Ростовской земле в 1071 году пришли туда из Ярославля два волхва и стали преследовать женщин: мучить их, грабить и убивать — за то, что будто бы виновны в этом народном несчастье. Обыкновенно придя в какой-либо погост, они называли лучших жен, то есть более зажиточных женщин и утверж-

дали, что одни из них задерживают жито, другие мед, третьи рыбу или кожи. Жители приводили к ним своих сестер, матерей и жен; волхвы же, прорезавши у них за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. д. и затем убивали несчастных, присваивая себе их имущество.

Отсюда волхвы пошли в Белоозеро, в сопровождении большой толпы народа, их последователей. Через некоторое время сюда пришел Ян, сын Вышаты, для сбора дани от имени своего князя Святослава. Белоозерцы рассказали ему, что волхвы тут убили много женщин. Ян вступил в борьбу с волхвами, дело дошло до сечи, которая кончилась гибелью волхвов.

Таких примеров в источниках множество.

Волшебство, чары, волхование представлялись как реально существующие явления и порицались Церковью как грех. Дела о чародействах находились в ведении духовенства, которому была предоставлена юрисдикция этих дел. Но до XVI века отношение к чародеям было довольно мягким и их «темное дело» каралось не смертью, а лишь штрафами и изгнанием.

С начала XVI века положение вещей меняется. При Иване Грозном чародеев начинают преследовать и клеймить огнем («огнем пожечи»).

С тех времен до нас дошла одна легенда:

«При царе Иване Васильевиче Грозном расплодилось на Русской земле множество всякой нечисти и безбожия; долго горевал благочестивый царь о гибели христианского народа и решился наконец для уменьшения зла уничтожить колдунов и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно в Москву, если есть у кого ведьмы и переметчицы; по этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, со строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь приказал, чтобы всех их привели на площадь; собрались они в большом числе, стали в кучку, переглядываются и улыбаются; вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой; когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на

Руси на своих глазах. Охватило пламя ведьм, и они подняли визг, крик и мяуканье; поднялся густой черный столб дыма и полетело из него множество сорок, одна за другою: все ведьмы обернулись в сорок, улетели и обманули царя в глаза. Разгневался тогда царь и послал им вслед проклятие: чтобы вам отныне и до веку оставаться сороками. Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами; до сих пор они боятся царского проклятия и потому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 верст вокруг»*

Насколько сильно было распространено в Московском царстве колдовство, показывает формула присяги, по которой клялись служилые люди в 1598 году в верности избранному на царство Борису Годунову: «Ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати... да и людей своих с ведовством не посылати и ведунов не добывати на государское лихо... и наследу всяким ведовским мечтаньем не испортити и ведовством по ветру никакого лиха не насилати... а кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати... и того поймати».

Афанасьев в своей книге «Воззрение славян на природу» описывает множество ведовских дел, относящихся к XVI—XVII векам, которые определялись как государственные преступления. В большинстве своем они касались наведения порчи на кого-либо из членов царской фамилии и вообще посягательства колдовскими средствами на жизнь и здоровье государей. Очень

* Надо сказать, что сороку на Руси не особенно жаловали — как, впрочем, и ворона, сову и филина. Считалось, что если сорока прокричит на крыше дома, то быть в доме покойнику.

В Москве существовала легенда о сороке, будто бы предавшей боярина Кучку. Известно, что наша столица основана на месте убийства Кучки. Когда он, желая спрятаться от преследователей, схоронился под кустом, сорока своим стрекотанием выдала его. С тех пор сороки навсегда изгнаны из Москвы.

Рассказывали еще в народе, что Марина Мнишек, жена самозванца Димитрия, была ведьмой, и когда убили ее, будто бы перекинулась сорокой и улетела в окно своего терема. За это и прокляты все сороки. Хотя существует и другая версия проклятия сорок — якобы их проклял один набожный старец за то, что одна из представительниц этого племени унесла последний кусок его сыра.

часто к оговору в чародействе прибегали, как к лучшему средству отделаться от противников, в борьбе партий, вечно кипевшей вокруг царского трона. Немало людей было замучено по этим колдовским делам.

Вот один из нескольких примеров, которые есть в книгах и статьях И. Забелина.

В 1635 году одна из золотных мастериц царицы, Антонида Чашникова, выронила нечаянно у мастериц в палате, где они работали, платок, в котором был заверчен корень «неведомо какой». Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрение. Донесли об этом государю. Государь повелел дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тараканову сыскать об этом накрепко. Дьяк начал розыск расспросом, «где мастерица Чашникова тот корень взяла или кто ей тот корень и для чего дал, и почему она с ним ходит к государю и государыне в верх, то есть во дворец». На эти вопросы мастерица Чашникова отвечала, что «тот корень не лихой, а носит она его с собою от сердечной болезни, что сердцем больна». Дьяк снова со всякой пригрозой начал допрос словами: «Если она про тот корень, какой он нашел, где она его взяла и для чего дал и кто ей дал, подлинно не скажет и государю в том вины своей не принесет, то по царскому повелению ее будут пытати накрепко». Эти слова сильно подействовали на бедную женщину, она повинилась и сказала, что в первом расспросе не объявила про корень подлинно, блюдясь от государя и от государыни опалы, но теперь все откроет. «Ходит де в царицыну слободу, в Кисловку, к государевым мастерицам жонка, зовут ее Танькою. И она этой жонке била челом, что до нее муж лих; и она ей дала тот корень, который она выронила; и велела ей тот корень положить на зеркальное стекло, да в то зеркало смотреться и до нее де будет муж добр. А живет та жонка на Задвиженской улице».

Дьяк тотчас велел сыскать женку Таньку. Когда посланные за нею дети боярские поставили ее к допросу, она сказала, что зовут ее Танькою, а мужа ее зовут Гришка-плотник и что отнюдь в царицыну слободу, в Кисловку, ни к кому не ходит и золотной мастерицы

Антониды Чашниковой не знает и иных никаких мастериц не знает. Поставили ее на очную ставку с Чашниковой и угрожали пытать накрепко и жечь огнем; но она продолжала отпираться. Дело было снова доложено государю, и он повелел окольному Василию Стрешневу и дьяку Сурьянину Тараканову «ехать к пытке и про то дело сыскивать и мастерицу и жонку Таньку расспрашивать накрепко». Под пыткой мастерица и Танька все-таки не признались и повторяли свои первые показания; между прочим, Танька подтвердила, что она дала мастерице корень, который зовут «обратим», вследствие просьбы ее, чтобы она ей сделала, чтобы ее муж любил. О судьбе этих женщин имеется в сыском деле следующее: «Сосланы в Казань за опалу, в ведовском деле, царицын сын боярский Григорий Чашников с женою, и велено ему в Казани делати недели и поденный корм ему указано давати против иных таких же опальных людей. Да в том же деле сосланы с Москвы на Чаронду Гриша-плотник с женою с Танькою, а велено им жить и кормиться на Чаронде, а к Москве их отпустить не велено, потому что та Гришина жена ведомая ведунья и с пытки сама на себя в ведовстве говорила».

При царе Михаиле Федоровиче была отправлена в Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба-ведунья и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города, с целью навести чрез то на Русь моровое поветрие.

В 1547 году, во время великого московского пожара, народная молва приписала это бедствие чародейству Глинских, родственников по матери молодому Ивану IV, и толпа разорвала Юрия Глинского, родного дядю Ивана Васильевича.

Чародеев в это время уже сжигают. Причем часто сжигали только мужчин-колдунов, а женщин (ведьм) закапывали живых по грудь в землю, отчего они умирали на другой или на третий день.

Даже в «артикулах» воинского устава Петра Великого 1716 года сказано: «Ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заго-

воритель, суеверный и богохульный чародей: оный по состоянию дела в “жестоком” заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть».

В России также практиковалось «испытание водой», которое заключалось в следующем. Женщин, подозреваемых в причинении засухи, заставляли непрерывно в течение дня носить воду из реки или пруда через поля и поливать ею кресты или образа (фигуры), выставяемые обыкновенно близ села или на перекрестке. Та женщина, которая проходила это испытание, бывала признана невиновной.

Также употреблялось, как на Западе, топление женщин в воде, которое называлось также «испытанием водой». Женщину раздевали, что само по себе уже невероятно унижительно и может лишить остатков мужества, связывали «крестообразно», так что правая рука привязывалась к большому пальцу левой ноги, а левая рука — к пальцу правой ноги. Естественно, что любой человек в таком положении шевелиться не может. Палач опускал связанную жертву на веревке три раза в пруд или реку. Если предполагаемая ведьма тонула, ее вытаскивали и подозрение считалось недоказанным. Если же жертве удавалось тем или иным способом сохранить в себе жизнь и не утонуть, то ее виновность считалась несомненной и ее подвергали допросу и пытке, чтобы заставить признаться, в чем же именно заключалась ее вина. Это испытание водою мотивировалось или тем, что дьявол придает телу ведьм особенную легкость, не дающую им тонуть, или тем, что вода не принимает в свое лоно людей, которые заключением союза с дьяволом стряхнули с себя святую воду крещения.

Испытание водою объяснялось также легкостью тела ведьмы. Вес ведьмы представлял весьма важное указание виновности. Существовало даже убеждение, что ведьмы имеют очень легкий вес.

В Малороссии на шею ведьм привязывали камень и опускали в воду: если она тонула, ее считали виновной и вытягивали веревками вверх, а если она держалась на поверхности воды, ее признавали ведьмой и обрекали на смерть.

В позапрошлом столетии рассмотрением процессов над ведьмами занимался В. Б. Антонович, который рассмотренные им дела распределил по следующим группам — по цели, с которой колдовство производилось:

1) самые многочисленные данные свидетельствуют о посягательстве посредством чародейства на жизнь, здоровье и рассудок, а также об излечении таинственными средствами различных болезней;

2) другая группа фактов относится к применению колдовства с целью снискать или предотвратить любовь;

3) далее следуют дела, касающиеся причинения вреда в хозяйстве или ремесле;

4) группа фактов, свидетельствующих о прибегании к колдовству при разнообразных предприятиях;

5) группа дел, заключающих факты о колдовстве, которым пользуются стороны при судебном процессе.

В 1716 году в магистрате города Выжмы (на Волыни) разбиралось дело по обвинению мещанки Ломазянки Супрунюками в том, что она таинственным образом причиняла смерть всем лицам, имевшим с нею тяжбу в суде.

В 1733 году в Овручском градском суде дворяне Ярмолинские обвинялись в том, что они похвалялись публично посредством колдовства умертвить дворян Верновских и искоренить их род.

В 1739 году в магистрате города Олыки разбиралось дело по обвинению мещанки Райской в том, что будто она чародейством причинила смерть сыну мещанки Анны Шкопелихи.

В 1701 году каменецкий мещанин, почтарь Судец, обвинил гречанку Антошеву в том, что она желала причинить ему болезнь, посыпая порог его дома каким-то порошком. Магистрат освободил обвиняемую от ответственности, присудив ее лишь к принятию очистительной присяги.

В редких случаях, когда какое-либо народное бедствие возбуждало народное воображение, были случаи более жестокой расправы с теми людьми, которых считали чародеями.

Колдуны и ведьмы и виды их «деятельности»

В русских народных представлениях о черте и о ведьмах, в отличие от существовавших в Европе, нет ничего таинственного. Черт представляется существом более комичным, чем грозным, более добродушным, чем злобным.

Колдуны и ведьмы, по представлениям русского человека, — обыкновенные люди, живут среди людей, всем в деревне известны, и деревенские жители входят с ними в постоянные сношения и даже обращаются к ним за помощью и советом во всех трудных случаях жизни.

«Классификация» колдунов и ведьм

Существуют несколько видов колдунов и ведьм:

- ведьмы и колдуны прирожденные, или природные;
- ведьмы и колдуны ученые, или добровольные;
- колдуны и ведьмы поневоле.

Первые обладают таинственной силой ведовства от природы; вторые учатся этой силе от первых или непосредственно от черта, отдавая ему взамен свою душу; а третьи — по незнанию или глупости принимают «ведовское знание», когда колдун или ведьма умирают.

Для невольных колдуна и ведьмы возможны спасение и покаяние, их отчитывают священники и отмаливают в монастырях. Для вольных же колдунов и колдуний, по мнению русского народа, нет ни того ни другого.

Самыми злыми и опасными оказываются «ученые» ведьмы и колдуны. Противостоять им могут ведьмаки природные, к которым люди обращаются за помощью, чтобы исправить зло, нанесенное учеными ведьмами.

Вот один из множества рассказов, записанных этнографами в XIX веке, о силе колдуна, могущего помочь человеку.

«Уворовали у нас деньги, — рассказал крестьянин из Саранского уезда Пензенской губернии, который на всю жизнь запомнил, как ходил с отцом к местному чародею, — пятнадцать целковых у отца из полушубка вынули. Ступай, говорят, в Танеевку к колдуну: он тебе и вора укажет, и наговорит на воду али на церковные свечи, а не то так и корней наговоренных даст. Сам к тебе вор потом придет и добро ваше принесет. Приезжаем. Колдун сидит в избе, а около него баба с парнишкой — значит, лечить привела. Помолились мы Богу, говорим: “Здорово живете!” А он на нас, как пугливая лошадь, покосился и слова не молвил, а только рукой на лавку показал: садитесь, мол! Мы сели. Глянь, промеж ног у него стеклянный горшок стоит с водой. Он глядит в горшок и говорит невесть что. Потом плюнул, сначала вперед, потом назад и опять начал бормотать по-своему. Потом плюнул направо, потом налево, на нас (чуть отцу в харю не попал), и начало его корчить да передергивать. А вода та в горшке так и ходит, так и плещет, а ему харю-то так и косит. Меня дрожь берет. Потом как вскочит, хватъ у бабы мальчишку, да и ну его пихать в горшок-то! Потом отдал бабе и в бутылку воды налил: велел двенадцать зорь умыть и пить давать, а потом велел бабе уходить.

— Ну, — говорит нам, — и вы пришли. Знаю, знаю, я вас ждал. Говори, как дело было.

Я так и ахнул: угадал нечистый! Тятка говорит: так и так, а он опять:

— Знаю, знаю! С вами хлопот много!

Отец его просит, а он все ломается, потом говорит:

— Ну ладно, разыщем, только не скупись.

Отец вынул из кармана полуштоф и поставил на стол. Колдун взял, глотнул прямо из горла раза три, а отцу и говорит:

— Тебе нельзя! — и унес вино в чулан. Выходит из чулана, сел за стол и отца посадил.

Начал в карты гадать. Долго гадал и все мурлыкал, потом сдвинул карты вместе и говорит:

— Взял твои деньги парень белый (а кто в наших деревнях и по волосам, и по лицу не белый?).

Потом встал из-за стола и пошел в чулан. Выносит оттуда котел. Поставил его посередь избы, налил воды, вымыл руки и опять ушел в чулан. Несет оттуда две церковные (восковые) свечи; взял отца за рукав и пошел на двор. Я за ними. Привел под сарай, поставил позади себя, перегнулся вперед и свечи как-то перекрутил, перевернул. Одну дал отцу, одну у себя оставил и стал чего-то бормотать. Потом взял у отца свечу, сложил обе вместе, взял за концы руками, посреди уцепил зубами и как перекосятся — я чуть не убежал! Гляжу на тятку — на нем лица нет. А колдун тем временем ну шипеть, ну реветь, зубами, как волк, скрежещет. А рыло-то страшное. Глаза кровью налились, и ну кричать: “Согни его судорогой, вверх тормашками, вверх ногами! Переверни его на запад, на восток, расшиби его на семьсот семьдесят семь кусочков! Вытяни у него жилу живота, растяни его на тридцать три сажени!” И еще чего-то много говорил. Затем пошли в избу, а он свечи те в зубах несет. Остановил отца у порога, а сам-то головой в печь — только ноги одни остались, и ну мычать там, как корова ревет. Потом вылез, дал отцу свечи и говорит:

— Как подъедешь к дому, подойди к воротному столбу, зажги свечу и попали столб, а потом принеси в избу и прилепи к косяку: пускай до половины сгорит. И как догорит, то смотри, не потуши просто, а то худо будет, а возьми большим и четвертым (безымянным) пальцем и потуши: другими пальцами не бери, а то сожжешь совсем, и пальцы отпадут.

И так он велел сжечь свечи в три раза. Приехали мы с отцом домой и сделали, как велел колдун. А дён через пять приходит к нам Митька — грох отцу в ноги: так и так, моя вина! И денег пять целковых отдал, а за десять шубу оставил, говорит: “Сил моих нету, тоска одолела. Я знаю — это всё танеевский колдун наделал”.

Колдун мог также определить вора, и погадав на... угре. Клал угря на горячие уголья и по прыжкам и движениям угадывал, где скрыта пропажа. Русские крестьяне считали угря «непозволенным яством». Одна только крайность заставляла мужика покуситься на эту рыбу, но и то с условием: обойди наперед семь городов, и если не сыщешь никакой еды, тогда можно есть угря, не касаясь головы и хвоста. Русский народ считал угря

водяным змеем, хитрым и злобным, за грехи лишенным способности жалить людей и зверей.

Колдун, по словам С. Максимова, «напоминает старый дуб. Вспомните обсыпанную снегом фигуру чародея, которая стоит на переднем плане нашего жанриста (В. М. Максимова)».

Колдуны большей частью представлялись крестьянину старыми людьми с длинными седыми волосами и нечесаными бородами, с длинными нестриженными ногтями.

В большинстве случаев они были людьми без родни и холостыми (в отличие от ведьм, у которых были семьи), но при этом у них всегда были любовницы, с которыми чародеи обращались очень плохо и часто их меняли. Хмурые и малоразговорчивые, они ходили всегда насупившись и смотрели исподлобья.

Жили колдуны в маленьких и плохоньких избах в одно окошко и из дома выходили только вечером. И летом, и зимой бывали они одеты в один и тот же овчинный полушубок, подпоясанный кушаком.

А вот образ ведьмы по представлениям народной фантазии: пожилая женщина, чаще старуха, высокая, костлявая, часто сгорбленная, с растрепанными и выбившимися из-под платка волосами, с сердитым выражением глаз, которые чаще всего серого цвета. Она всегда смотрит косо из-под насупленных бровей и никогда не взглянет прямо в глаза другому человеку. У нее большой рот с тонкими поджатými губами, острый и выдающийся вперед подбородок, длинные руки. У прирожденной ведьмы всегда небольшой хвост и черная полоска вдоль спины от затылка до плеча.

Иногда народу ведьмы представлялись в виде молодых красоток, которые могли увлечь мужчину. У них могли быть глаза разного цвета или два зрачка в одном глазу.

Как правило, ведьмам сопутствовали черный кот* и

* В русских быличках черный кот — чаще всего оборотень, колдун или ведьма, принявшие облик этого животного, или волшебный помощник ведьмы.

В английских и норвежских быличках черный кот, посланный ведьмой, приходит тайком на маслобойню и крадет масло, подменяя его «фантомом», некоей видимостью сливок, из которых сделать масло невозможно. В ирландских быличках черный кот громадных размеров — это либо сам черт, либо кошачий царь.

черный петух, которые в фольклоре многих народов связываются с нечистой силой. Петух играл в язычестве роль «представителя грозового племени жертвенного огня» (А. Н. Афанасьев), был непременно спутником пророчиц и вещунов.

В старину осужденных на смерть ведьм зарывали в землю с петухом, кошкой и змеей. По мнению русского народа, когти черной кошки, волчье сердце и кожа змеи были непременно компонентами их волшебных зелий.

По народным верованиям, ведьмы (и у нас, как на Западе, колдовством занимались преимущественно женщины) способны причинять людям всякое зло.

Они доят по ночам чужих коров, причем выдаивают их до крови и тем портят их.

Они «скрадывают» с неба дождь и росу, которые уносят в завязанных сосудах с собою и хранят в своих домах, чем причиняют засуху, или, наоборот, вызывают дождь, град, чем уничтожают посевы и «производят голод».

Также они делают «закрутки», или «заломы», на нивах, которые они «закручивают» с целью причинить смерть хозяину нивы или чтобы перетянуть к себе чужое хлебное зерно. Им также приписываются моровое поветрие и падежи скота.

Ведьмы умеют превращаться в разных животных и в различные неодушевленные предметы.

Они сосут кровь у людей, в особенности у парней и девушек, и тем причиняют им смерть.

Когда ведьма собирает росу, доит чужих коров или делает в полях заломы, она всегда бывает в белой сорочке и с распущенными волосами.

Летом поселяне умели отыскивать ведьм, которые тщательно скрывали свою «деятельность», по особым желтым кругам на полях. Если, кроме того, на поле ломалось много кос, а круги стали появляться недавно, с тех пор, как поле обрело нового владельца, то сомне-

В шотландских легендах кот выступает в роли сменившей обличье ведьмы. Он громадного размера, черный, с белым пятном на груди, спина выгнута дугой, а усы стоят торчком. Очень злобный. Называют его «кайт ши».

ний не оставалось — в семье, владевшей наделом, был колдун или ведьма. На самом же деле круги на поле появлялись от медвяных — вредных — рос, а вовсе не от плясок на траве или всходах ведьм.

Как считалось, медвяные росы появлялись с 7 июня. Эти росы — сладкие выделения тлей и червей, питающихся соками растений. «Медовая роса ржавами ведает, сладко стелется да больно выедает», — говорили в народе.

Заболает ли скотина, крестьяне говорят: «Верно, напали на медвяную росу». Залекнут ли на сухом дереве листья, считают, что завелась медвяная роса. Заболает ли ребенок, думают, что он бегал по медвяной росе. От медвяной росы избавить может только хороший знахарь.

Считалось, что если колдун или ведьма наслали медвяную росу, то скоро на скот нападет мор. Однако с падежом скота на Руси умели бороться. И вот какими способами.

В мор «вытирают» из дерева огонь и раздают на всю деревню. Если через костры, зажженные от такого огня, прогнать скотину, мор остановится.

Если в полночь украсть заставку с водяной мельницы и зарыть в воротах своего дома, то падеж скота не дойдет до него.

От падежа павшую скотину надо закопать под воротами вверх ногами.

Но вернемся к ведьмам.

Между ними, по народным понятиям, есть чаровницы, которые разным зельем и приговорами причиняют людям зло, вмешиваясь в частные дела человека, расстраивая семейное счастье, отнимая любовь или, напротив, заставляя влюбиться в нелюбимую особу, расстраивая здоровье, причиняя смерть и т. д. Но чаровницы могут также действовать на пользу человека, давать во всем удачу, успех, освобождать своими чарами от угрожающих опасностей и т. д.

При помощи зеленого прутика, палки или плети («кнута-самобоя») ведьма превращает людей в животных. То же она проделывает, набрасывая на человека звериную шкуру или подпоясывая его нашептанным

поясом из мочала. Человек получает прежний облик только тогда, когда пояс изотрется.

Ведьма может оседлать человека и носиться на нем, пока тот не выдохнется и не упадет.

Способность ведьм к превращениям, по народным рассказам, безгранична. Ведьма может принять вид иглы и копны сена, мухи и лошади, медленно ползущего бревна и быстро несущегося вихря. По некоторым верованиям, превращениям подвергается не тело ведьмы, а душа ее, тело же ее остается дома бездыханным в то время, когда блуждающая душа меняет свой образ, являясь людям в разных видах.

Так, в одной из быличек рассказывается, как однажды солдат переверотил тело ведьмы, ушедшей на свой промысел, головой туда, где лежали ноги. Когда душа ее вернулась с ночных походов, она начала летать вокруг да около, «то курвою, то гуською, то мухою, то пчелою», чтобы как-нибудь попасть в свою телесную оболочку, однако не могла войти в нее, пока тело не было приведено в то положение, в каком его оставила душа, когда ушла странствовать.

Ведьмы прибегают к превращениям, чтобы отводить глаза, морочить людей. Их не так-то просто распознать. Но если ведьма поймана — беда ей.

Этнограф П. Иванов приводит рассказ о ведьме из Купьянска, жившей там во второй половине XIX века. Это была старуха с совершенно обезображенным шрамами лицом, про которую рассказывали, что она ведьма и что с ней был следующий случай.

Поздно вечером вез крестьянин по Колонтаевской улице на мельницу рожь в мешках, видит — бежит за саями большущая крыса да все старается вспрыгнуть на мешки. Сколько не отгонял ее мужик от саней, не мог прогнать, так вместе с крысой и доехал до мельницы. Рассказал здесь мельнику о чудной крысе, а тот ему и говорит: «Знаю я, что это за крыса! Надоела она мне хуже горькой редьки. Постой, не будет больше таскаться сюда». Взял да поймал эту крысу. Внес ее в сукновальню, бросил в ступу и приказал ударить пестом три раза, а потом выбросить за ворота. Наутро нашли около ворот женщину, всю окровавленную, со страшно

изуродованным лицом и перебитой рукой. Это и была старуха со шрамами на лице.

Вера в оборотней была очень распространена* Существует масса народных рассказов о превращениях в собак, кошек, свиней.

Вот один из них:

«У одного человека была мать ведьма. И вот как-то

* Надо сказать, что верование в оборотней существовало в той или другой форме во всех странах Европы. Особенно сильно оно было там, где водилось много волков — в Норвегии, Ирландии, Греции, даже у нас в России. В Италии же ведьмы большей частью превращались в кошек.

Вера в оборотней принимала в некоторых местах Европы характер настоящей эпидемии. Все дело в том, что существует особая форма безумия, во время которой больные воображают себя превращенными в зверей. Так случалось и в Средние века. Многие воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными костями и клыками и утверждали, что во время своих ночных скитаний они разрывали людей, животных и детей.

Дольский парламент во Франции даже нашел нужным в 1573 году издать следующее постановление: «Ввиду полученных верховным судом Дольского парламента сведений, что часто видят и встречают человека-волка, похитившего уже нескольких маленьких детей, которых затем более не видали, и нападавшего в поле на некоторых всадников... названный суд, в предупреждение большого зла, разрешил и разрешает жителям этих и других мест, невзирая на существующие законы об охоте, собраться с рогатинами, алебардами, пиками, пищалями, дубинами и учинить охоту по названному оборотню, преследовать его всюду, где только можно его найти, поймать, связать и убить, не отвечая за это никаким штрафом или взысканием».

Выслеживание этих оборотней и придание их суду составляли одну из главных забот администрации и судебной власти.

О ведьмах-оборотнях в Европе сложено великое множество легенд. В одной из них рассказывается о некоем французском охотнике, который, однажды ночью охотясь в горах Оверн, подстрелил волчицу, у которой оторвало лапу, но она, хромяя, успела убежать. Охотник поднял лапу, положил ее в свою охотничью сумку и пошел в соседний замок просить гостеприимства и ночлега. Владелец замка принял его очень радушно и любезно осведомился у гостя, много ли он настрелял добычи. Чтобы ответить на этот вопрос, охотник хотел показать хозяину лапу волчицы, но каково было его изумление, когда вместо лапы волчицы в сумке оказалась человеческая рука с кольцом на одном из пальцев ее, по которому хозяин замка узнал, что рука принадлежит его жене. Он направился немедленно в комнату жены и нашел ее раненой. Она призналась, что может принимать вид волчицы, и в этом виде она напала на охотника, который ее подстрелил, после чего она спаслась бегством, оставив руку. Муж передал жену инквизиции, и она была сожжена.

раз стащила она с неба мясца, чтобы не видно было ее черных дел, а сама превратилась в собаку.

А сын-то ее вышел как раз из избы и глядь: чужая зверюга по двору ходит. Он и стал ее прочь гнать, кричать: “Пошла, пошла, поганая!” А собака стоит и никуда не уходит. Разозлился тогда мужик, схватил топор — и отрубил животине лапу. Пошел спать. А утром проснулся и видит: на печи мать лежит с отрубленной рукой да стонет. Понял он тогда, какая собака у него по двору бегала, да поздно было».

Очень часто ведьма принимает вид клубка, и это еще опаснее, чем если она принимает вид собаки. Клубок, под видом которого скрывается ведьма, катится обыкновенно, пересекая путь пешеходу, попадая ему под ноги и нанося удары в различные части тела.

В одной из быличек рассказывается, что у одних людей доила ведьма корову. Пошли они к знахарю, просить их горю пособить, посулили ему за это кусок полотна. Знахарь пришел вечером, нашел в загороде в плетне дырку и сел около нее. Как стемнело, видит — лезет в дырку что-то, он и схватил, а оно обратилось в клубок. Знахарь отнес этот клубок к себе домой и прибил его к стене гвоздем. Наутро смотрит — висит не клубок, а женщина за губу прибитая. Стала она просить знахаря отпустить ее и пообещала никогда уже не ходить доить чужих коров, а ему предложила три куса полотна. Он отпустил ведьму и получил от нее три куса полотна да от хозяев коровы еще один кусок.

В 1864 году в Старобельском уезде Харьковской губернии в селе Белявке, принадлежавшем помещику Штенгеру, в волостное правление явился крестьянин той же волости и принес жалобу, что соседка его, будучи во вражде с ним, испортила его корову, которая чрез это и околела. Кроме того, он сказал, что соседка его — ведьма и что он просит правосудия волостного правления.

Жалоба крестьянина была выслушана волостным старшиной и присутствовавшими с ним в правлении стариками. Чтобы не впасть в ошибочное решение столь трудного обстоятельства, старшина и все сборище, после долгого обсуждения дела, пришли

к решению, что необходимы доказательства более ясные для обличения вины подозреваемой преступницы, и предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который один только может обнаружить виновного.

На расстоянии четырех верст от села Белявки, в селе Варваровке, принадлежавшем графине Клейст-Мос, отыскан был знахарь и привезен в белявское волостное правление. При всем честном народе знахарь был спрошен, кто извел корову крестьянина. Ведун подтвердил обвинение хозяина коровы и удостоверил, что соседка его действительно ведьма. После этого крестьяне схватили бедную женщину, подвергли ее исследованию, не имеется ли у нее хвост; избили ее и присудили уплатить виру за погибшую корову. Также семья ее подверглась преследованию: не было ни ей, ни мужу, ни детям житья в селении, их встречали бранью, укорами в колдовстве и провожали свистом.

Беззащитная семья вытерпела много бед, пока не обратилась к мировому посреднику, в результате чего это дело стало известно.

Ведьма, как мы уже говорили, может превращаться в разные неодушевленные предметы — в иголку, яблоко, копну сена.

Еще в одной быличке рассказывается, как однажды ведьма превратилась в копну сена, передвинулась через дорогу, приблизилась к стоявшей тут корове и стала ее доить. Корова, заметив, что около нее сено, стала щипать и есть. Выдоивши корову, копна сена поползла назад домой. На следующий день утром встали дети и видят, что у матери вырваны на голове все волосы — это корова ей ночью повыщипала волосы. Корова наутро издохла.

Хозяйка коровы пришла в хату к ведьме и видит, что та варит кашу с молоком. Она ее спрашивает: «Где ты взяла молоко, у тебя ведь нет коровы?» Ведьма ответила, что купила. Тогда хозяйка, придя домой, содрала с коровы шкуру, разрежала живот и нашла там волосы ведьмы.

Крестьяне всяческими способами пытались узнать, кто портит скотину и наводит беду на их дома.

Так, в 46-м номере журнала «Неделя» за 1875 год была помещена статья, в которой рассказывается, что крестьяне одного села в Полесье по совету стариков и старосты задумали испытывать ведьм водой и просили помещика, чтобы он позволил искупать баб в его пруде. Помещик им отказал.

Тогда крестьяне порешили осмотреть женщин и пригласили к «сотрудничеству» повивальную бабку, думая, что та женщина, у которой окажется хвост, и есть ведьма.

Староста и сотские приказали мужьям гнать баб в корчму, и мужьям не оставалось ничего другого, как исполнить приказ.

В корчме сидела повитуха и осматривала «пригнанных» баб по очереди. Выпуская очередную «пациентку» на улицу, знахарка кричала стоявшему караулу (староста с сотским): «Пропустить, не ведьма!»

В результате «осмотра» было выявлено три ведьмы. Несчастных посадили под арест и написали донесение становому. Письмоводитель станового напугал толпу, уверив, что по закону ведьм нужно жечь. Дело окончилось взяткой с мужиков.

В «Киевлянине» за 1877 год рассказывается еще об одном случае обнаружения ведьмы.

Крестьяне села Рябухи Дмитровской волости заподозрили в чародействе жительницу этого села, крестьянку Акулину Чумаченкову.

Вследствие этого 23 августа 1877 года по приглашению старосты, сотского и волостного писаря крестьяне собрались на сход и потребовали Чумаченкову для допроса.

Так как она не сознавалась, то судьи при каждом задаваемом ей вопросе подвергали ее следующей пытке. Привязав веревку за большой палец одной ноги, привешивали обвиняемую к потолку, и она, вися вниз головою, в конце концов призналась в том, что она занимается чародейством и «испортила» казака села Демения Педько. При этом она оговорила в соучастии еще одну женщину, Варвару Чузенкову.

Дело было передано судебному следователю.

В 1885 году летом в деревне Пересадовке Херсонской губернии был случай расправы крестьян с тремя

бабами, которых они сочли за колдуний, «державших дождь и производящих засуху». Женщин этих насильно топили в реке, и они избежали печального конца только потому, что указали разъярившимся крестьянам место, где будто бы спрятали дождь. Староста с понятными вошел в избу одной из колдуний и там, по ее указанию, нашел в печной трубе замазанными два напильника и один замок. Волнение улеглось, хотя дождя все-таки не было.

Оборотни

Существует также масса рассказов о волкулаках, то есть оборотнях, принимающих образ волка*. Это или колдун, принимающий звериный образ, или простой человек, чарами колдовства превращенный в волка.

В последнем случае волкулаки представляются существами незловредными, а страждущими, несчастными, заслуживающими полного сострадания. Они

* Образ волкодлака (волкулака, вурдалака, вервольфа) — очень древний, несомненно связанный с мифологией и магией собаки и волка и с ликантропией — магическим превращением участника церемонии в собаку или волка, которое практиковали древние тайные общества воинов во всем мире. Так, в древней северной «Саге о Вёлсунгах» (гл. VII) описывается, как Сигмунд с сыном попали в лесу в некий дом, где спали двое людей, а над ними висели волчьи шкуры. То были заколдованные королевичи, которые каждый десятый день выходили из волчьих шкур. Сигмунд и Синфьотли залезли в шкуры и превратились в волков, а снять шкуры не смогли. Тогда порешили они разбежаться в разные стороны и обратиться за помощью друг к другу только в том случае, если на одного из них нападут сразу не менее семи человек. Едва они расстались, как Сигмунд набрел на людей и позвал Синфьотли, который бросился ему на помощь и всех умертвил. Но когда напали на Синфьотли одиннадцать человек, то не стал он звать отца на помощь, а сам одолел врагов. Стал он насмеяться над Сигмундом, тот бросился на Синфьотли, повалил его на землю и прокусил ему горло. Но некоторое время спустя вылечил его.

Надев шкуру волка, человек перенимает волчьи повадки, становится одержимым воином, непобедимым и неязвимым, обладающим недюжинной силой дикого зверя.

Именно путем надевания шкуры волка ночью и превращаются в оборотней (волков) герои легенд и быличек. После смерти некоторые оборотни могут превращаться в вампиров.

живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий облик.

Наоборот, колдуны, принимающие образ волка, очень опасны: они наводят голод, высасывают кровь из людей и скота, причиняют смерть.

Большей частью волкулаки — это мертвецы, которые при жизни занимались колдовством и умерли без покаяния; после смерти в их тело входит дьявольский дух, одушевляет его и вынуждает под различными образами причинять всевозможные несчастья человеку.

Чтобы обернуться волком или другим животным, надо пойти в лес, найти пень гладко срубленного дерева, воткнуть в него нож и, произнося заклинание, перекувырнуться через пень. Если кто-нибудь вынет нож из пня, то оборотень навсегда останется в шкуре животного. Если нож остается воткнутым в пень, то оборотень может в любой момент прибежать к нему, перекувырнуться через пень и вернуть себе человеческий облик.

Ученые указывали, что вера в оборотничество в древнем обществе связана с представлением о мире как арене вечной метаморфозы превращения одной формы в другую, как едином пространстве, где сущности и существа взаимосвязаны.

Согласно архаическим верованиям, смерть не являла собой конец человеческого существования, а была скорее переходом в «другую» жизнь. В этой «новой жизни» умершие были связаны с высшими силами земного, небесного и подземного миров и обладали способностью воздействовать на природу и мир людей. Переход человека, его души из мира живых в мир мертвых необходимо было совершить по особым правилам, и любые изменения в обряде могли нарушить и без того хрупкий баланс «мира живых» с «миром мертвых» и привести к неблагоприятным для всего общества последствиям.

Народная фантазия яркими красками рисует образ волкулака: желтоватое, изрытое глубокими морщинами лицо, всклокоченные, стоящие дыбом волосы, красные налитые кровью глаза; покрытые кровью до локтей руки, железные зубы, черные как смоль усы и отвисшая кожа на теле — вот внешний вид волкулака.

Упыри

В народе верили, что умершие ведьмы могут оставлять могилы и являться среди людей. В особенности была распространена вера в упырей, то есть умерших ведьмачей, или ведьмунов.

Упыри — ходячие мертвецы — встают из могил по ночам, ходят в разных видах, пьют кровь из детей, вступают в связь с девками и женами*.

Афанасьев определял упырей как злобных блуждающих мертвецов, которые при жизни своей были колдунами, волкулаками и вообще людьми, отверженными Церковью, каковы: самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями. Упыри и упырицы бывают виновниками чумы и других эпидемических болезней, засухи, неурожаев и вообще всяких общественных бедствий.

Вот один рассказ об упыре:

«В одном селе жили два кума-ведьмача; один из них умер и был по общепринятому порядку похоронен, как обыкновенно хоронят крестьян. Через несколько дней после похорон оставшийся в живых ведьмач вспомнил о своем умершем куме и сказал: дай пойду проведу кума. Сказано — сделано.

Придя на кладбище, он отыскал могилу кума, наклонился над нею и крикнул в отверстие, которое было в могиле:

- Здоров, кум!
- Здоров! — отвечал ему из могилы голос.
- Я тебя, кум, пришел проведать.
- Спасибо, кум!

Долго переговаривались они; между тем наступили сумерки, стемнело, в хатах зажглись огни. Выходит из могилы ведьмач и предлагает своему куму отправиться вместе в деревню, как только заснут люди.

* В Европе истории о покойниках, тела которых, не тронутые тлением, находят вне могил, появляются в XI веке. Исследователи полагают, что само понятие «живых мертвецов», позднее трансформировавшееся в «вампиров», пришло из Исландии и с Британских островов, где были сильны принесенные кельтами верования в эти сверхъестественные существа.

Долго ходили они по деревне, отыскивая такую хату, где бы окна не были на ночь осенены крестным знаменем. Наконец нашлась хата, хозяйка которой забыла перед сном перекрестить окна, в эту хату они и вошли. Мертвый пошел в кладовую, принес оттуда хлеба и меду, сел за стол, они и поужинали. Все хозяева хаты спали крепким сном и, конечно, не видели и не слышали, что делается у них в доме.

Между тем упырь заметил, что в люльке лежит грудной ребенок, поэтому, когда, поужинав, они вышли из хаты и прошли улицу до конца, он сказал своему товарищу:

— Эх, кум, что мы сделали: мы забыли в хате погасить свечу! Побудь тут, я пойду погасить.

Воротился мертвец в хату, а живой, догадываясь, зачем он воротился, пошел вслед за ним, подошел к окну и видит: кум наклонился над колыбелью и сосет из младенца кровь.

Потом вышел мертвец из хаты, подошел к куму и сказал:

— А теперь, кум, отведи меня на могилу.

— Нет, кум, я не хочу туда идти с тобою.

— Чего?

— Боюся.

— Не бойся, кум, я тебе не злодей, пойдем, брат, ты взял меня из гроба, ты и отведи.

Делать нечего: пришлось живому куму идти с мертвым до могилы. Пришли к могиле, мертвый и говорит:

— Пойдем же со мною в могилу, мне все будет веселее!

Схватил кума за полу да и тянет за собою в могилу. Но кум был настороже: отполосовал ножом часть полы, а тут, к счастью, запели петухи, и кум-мертвец скрылся в могилу.

Тогда живой кум побежал в деревню, собрал народ и рассказал все, что в эту ночь с ним случилось. Пошли на кладбище, разрыли могилу, вынули гроб, видят, что мертвый лежит лицом вниз, взяли осиновый кол и забили ему в затылок.

Когда вбивали кол, мертвец проговорил: “Эх, кум, кум! Не дал ты мне на свете пожить!”»

Расправы над ведьмами и колдунами

Надо сказать, что русский человек терпел колдуна и был к нему снисходителен до поры до времени. Внешнее почтение к колдунам часто сменялось лютой ненавистью, когда в селе думали, что именно чародей причинил жителям несчастье и навел на них порчу. В таком случае толпа разгневанных крестьян могла не только избить до полусмерти ведьмака, но и даже убить его. Причем случались подобные расправы даже в совсем недавнее (по меркам истории) время.

Так, в «Новом времени» (1895. № 7036) рассказывается о следующем факте народной расправы с колдуньей, имевшем место 25 сентября 1895 года в Москве в самом центре города — на Никольской улице:

«Одна из наиболее чтимых московских святынь — часовня Святого Пантелеймона на Никольской. В ней и около нее всегда толпа. По ночам часовня заперта, но ранним утром, далеко до рассвета, в ней служится молебен; затем чудотворная икона вывозится в город для служения молебнов в частных домах. Тогда в часовню собирается особенно много народа — все больше мещан и крестьян. Так было и в ночь 25 сентября. Часовня еще не была отперта, а около нее уже толпилось человек триста. Между ними находились крестьянский мальчик Василий Алексеев и какая-то простая женщина, одержимая припадками — не то истерического, не то эпилептического свойства. Возле этой пары стояла крестьянка Наталья Новикова; она разговорилась с мальчиком и подарила ему яблоко... Мальчик куснул яблоко, и надо же быть такому несчастью, чтобы как раз вслед за тем с ним сделался истерический припадок. На крик Алексеева прибежал с ближайшего поста городской и отвез больного в приемный покой. Толпа, конечно, всполошилась:

— Отчего был крик? В чем дело?

Наталья Новикова и женщина, сопровождавшая Алексеева, вероятно, успели тем временем повздорить, потому что вторая из них принялась объяснять народу происшедший случай таким ехидным образом:

— Мальчика испортила вот эта баба. Дала ему яблока,

а яблоко-то было наговорное. Едва он закусил яблоко — как закричит! и почал выкликать...

Суеверная сплетка быстро обошла толпу и подчинила ее себе. На Новикову глядят со страхом и ненавистью. Слышны голоса:

— Ведьма!

— Мальца заколдовала!

— Пришибить — и греха не будет...

На Новикову начинают нажимать; она струсила и решила лучше уйти подальше от греха: народ — зверь, с ним не сговоришь. Пока она пробиралась к Проломным воротам, толпа рычала, но не кусалась; со всех сторон ругательства, отовсюду свирепые взгляды, но ни у кого не хватает мужества перейти от угроз к действию... В это время кто-то громко и отчаянно крикнул:

— Братцы... бей колдунью!

И в ту же минуту Новикова была сбита с ног и десятки рук принялись молотить по ней кулаками... Молотили с яростью, слепо, не жалея, насмерть... И, не случись на Никольской в ту пору опозднившегося прохожего, чиновника Л. Б. Неймана, Новиковой не подняться бы живой из-под града ударов. Господин Нейман бросился в толпу:

— Что вы делаете?! С ума сошли?!

— Бей колдунью!

— Этот — что тут еще?!

— Вишь, заступается...

— Заступается? Видно, сам из таких... бей и его!

— Уйди, барин! Не место тебе здесь... Наше дело, не господское...

— Бей! бей! бей!..

Господин Нейман, обороняясь, как мог, протискался, однако, к Китайскому проезду, где подоспел к нему городской, чтобы принять полуживую Новикову: она оказалась страшно обезображенной, защитника ее тоже, выражаясь московским жаргоном, отделали под орех...

И над сценой этой средневековой расправы ярко сиял электрический фонарь великолепной аптеки Феррейна, и повезли изувеченную Новикову в больницу мимо великолепного Политехнического музея, в аудитории которого еженедельно возвещается почтенней-

шей публике то о новом способе управлять воздухоплаванием, то о таинствах гипнотизма, то о последних чудесах эдисоновой электротехники. И когда привезли Новикову в больницу, то, вероятно, по телефону, этому чудесному изобретению конца XIX века, дали знать в дом обер-полицмейстера, что вот-де в приемном покое такого-то полицейского дома лежит женщина, избитая в конце века XIX по всем правилам начала века XVI...»

А вот еще один случай народной расправы с колдуном-упырем, взятый из «Киевской старины» (1890. Т. XXVIII). Случилось это во время ужасной чумы в 1770 году в селе Войтовке. Какие ни принимались меры — ничего не помогало, люди продолжали умирать. И крестьяне тогда решили, что по селу что-то ходит, отворяет окна и «надыхает» чрез них в хаты, отчего народу мрет больше, чем бы мерло без этого.

Поскольку объяснение моровому поветрию было найдено — теперь оставалось только найти конкретного виновника народного бедствия. И вскоре на сельском сходе было заявлено некоторыми из присутствовавших, что они видели ходящего по селу упыря, что на упыря этого с остервенением нападали собаки, а скот при виде его стремительно убегал. Якобы даже видели, во что был одет упырь: он был в белой рубахе и синих суконных штанах, от колен замотанных белым сукном.

А в таком одеянии, как всем было известно, ходил обыкновенно приходский войтовский поп, отец Василий. Тогда у всех явилось подозрение, что ходит по селу по ночам не кто иной, как поп. Обратились с вопросом об этом к самому батюшке, но он категорически отрицал возводимое на него обвинение. Тогда спросили попадью, ходит ли батюшка ночью по селу, и она тотчас заявила, что ходит и что у него бывает по ночам его уже умершая сестра вместе с другими мертвецами, причем все они толкутся с шумом по комнате и «клацают ртами, как будто что едят».

Тогда мужики устроили очную ставку попадьи с попом, ее мужем, требуя, чтобы она сказанное ею повторила в его присутствии. Она повторила, добавив: «Не запирайся, попе, бо сама правда, що ты ходишь по селу

в ночи». Это подтвердила и попова кухарка. После этого участь попа была решена.

Тринадцать человек, выбранные сходом, сперва пошли и выкопали на кладбище яму, а затем явились к попу и в то время, как он вышел из приходского дома, кинулись на него и стали бить кольями. Избив его до полусмерти, достали носилки, положили его на них и отнесли к выкопанной яме. Там, пробив его осиновым колом от плеча к плечу «навывлет», бросили в яму и, не слушая мольбы попа, заживо закидали его землей.

Поветрие после этого, по показаниям участвовавших в убийстве, затихло, хотя и не совсем. На суд попал только один участник убийства, 26-летний крестьянин села Войтовки Деско Ковбасюк, остальные умерли от поветрия. Кодненская военно-судная комиссия отпустила его без наказания.

В той же «Киевской старине» рассказывается и о другом случае, имевшем место 6 июля 1727 года в городе Решетилровке Полтавской губернии.

Именно в этот день в городок явился некий Гаврило Мовчаненко, уроженец села Стасовец, и объявил себя упырем. Он объяснил жителям, что дождя в Решетилровке, страдавшей от засухи, нет потому, что там много ведьм. Народ привел его в ратушу и потребовал от сотника, чтобы тот всякого или всякую, кого упырь объявит ведьминским отродьем, велел топить в воде.

Хотя сотник и не разрешил топить ведьм, но, «невозможши народ уняти» и «уступая принуждению» толпы, велел при всем народе допросить упыря. На этом допросе упырь показал: родом он из села Стасовец, волшебству учился в Зенькове у Ивана Голи-Постолы, живущего близ Гордня Тягни-шкуры. Наука волшебства состояла в мазанье под плечами «неким зельем». В Зенькове он находился три года и знает там трех ведьм, с которыми вместе волшебствовал. В Решетилровке он указал на четырех ведьм.

Показания упыря произвели сильное волнение в народе, и сотник, боясь бунта и угроз, что его самого убьют, если он не даст приказа утопить указанных ведьм, донес обо всем происходящем полтавскому наказному полковнику.

Для унятия бунта была выслана из Полтавы помощь. Упырь и четыре решетиловские жительницы, объявленные им ведьмами, были доставлены в Полтаву для допроса.

При допросе Мовчаненко назвал себя волшебником и на очной ставке с Марией Пещанской, Марией Пустоваровой, Мотрей Гуринкой и вдовой Ефимией Сорочихой показал, что все они ведьмы, что Пустоварова ночью, сделав его конем, ездила на нем и погоняла его коленом, что Иван Голи-Постолы, зеньковский житель, природный колдун, передал ему свое знание, и с того времени ведьмы ездят на нем в Киев на Лысую гору.

Обвиняемые ведьмы показали, что ничего про то не ведают. Когда же упырь был спрошен вновь — на этот раз под «батожным боем», — то сознался, что «в безумии опорочил» этих жен и что в «новомесяч припадает ему в голове замешанье», вследствие которого три раза он был близок к смерти.

Полтавский полковой суд, узнавши «явную его, Мовчаненко, плутню и обману», приговорил опороченных жен освободить «с под караулу и отпустить их в дома их по-прежнему, о чем, всему урадово-решетиловскому товариству и посполитству и кому того ведати надлежит объявить дабы всяк, ведая о таком вымышленного обманщика и неполного ума человека потворе, впредь оному и подобным ему лживцам весьма не доверял».

Наведение порчи и защита от нее

Хотя в настоящее время роли колдунов и знахарей в народном сознании нередко смешиваются*, но, по первоначальному смыслу и значению слов, между ними существует громадная разница: колдуны действуют с помощью дьявольской силы, знахари же — это «знатки», знающие люди, и роль их, в подавляющем большинстве случаев, чисто лечебная.

*Примечательно, что в некоторых местах Новгородской губернии лекарство называлось «вешти, вешетинье», а вместо слова «лечиться» употребляли «ворожиться».

По стародавнему сказанию, первый знахарь первоначально обладал знанием только одних «добрых» трав, посеянных Богом на пользу человеку. Знахарь этот различал шелест и говор трав, был наделен способностью слышать шепот матери-земли, и все тайны природы были для него открыты. Он жил, как праведник, счастливый и своим волшебным знанием, и тем добром, которое он приносил людям. Но, сделавшись стариком, под влиянием соблазнов дьявола, захотел вернуть себе молодость и тогда-то узнал «злые» травы. Узнав их, стал оказывать не одну помощь людям, но творить и пагубу. Таким-то образом пошли по белу свету знахари, передавая от поколения в поколение те чудесные знания и «вещие» слова, которыми владел первый знахарь на Руси.

Именно знахари могли спасти человека от порчи, дав ему амулет — оберег в виде какого-нибудь предмета или корня растения, который предписывалось всегда носить с собой.

Так, в качестве оберега использовали веточки бузины, кустарника, который, как считалось, не только продлевает жизнь, но и дарует способность угадывать будущее. Но бузину относили также и к нечистым растениям. Она знаменовала собой несчастье и смерть, что соответствует дуалистическому характеру мифологических воззрений.

Другим, не менее сильным оберегом была рябина, которая обладала силой защищать от несчастий и бед, недаром ее всегда сажали в палисадниках перед домом. Она защищала от сглаза. Ветка рябины помогала найти путь к дому из леса, а если положить ее возле себя ночью в лесу, то леший к такому человеку подступиться не сможет.

Девушки в красных сарафанах 25 мая (нового стиля) приходили к рябине и просили ее уберечь дома от пожаров, поскольку считалось, что если в этот день утро «в красном кафтане» (ясная заря), то летом будет много пожаров.

Для защиты поля от порчи рекомендовалось сделать из рябины посошок и обойти вокруг нивы. И «ржа того жита не съест».

Если воткнуть в дверь дома рябиновые ветки, то кол-

дуны и ведьмы войти в него не смогут. А если положить в карманы рябиновые листья да ягоды, то и порча никакая не страшна.

Иногда в роли амулетов выступали травы. Пучки трав развешивали в доме, над порогом, на стенах, для защиты не только от болезней, но и от огня, молнии, непогоды (зверобой, к примеру, отгонял тучи с градом), вешали в скотном сарае, клали в колыбель младенцу и себе под изголовье, носили на шее в ладанке.

Амулеты и «магические предметы», имеющие характер амулетов, известны всем архаическим культурам. Наделение некоторых материальных предметов, включая мощи святых и предметы религиозного культа, особыми свойствами, а именно способностью, как считают их почитатели, к самостоятельным действиям этнографы объясняют свойственной этим культурам принципиальной двойственностью вещей, функционирующих то как обычные вещи, то как знаки. Такими вещами — знаками с максимальным «семиотическим статусом», по определению А. К. Байбурина, — и являются амулеты, предназначение которых заключается в том, чтобы предохранять своих владельцев от болезней, вредоносного колдовства и оружия врагов, словом, от любых жизненных невзгод, а также обеспечивать им удачу во всех делах.

Амулеты носили не только на шее, но и привязанными к поясу, к руке, к ноге, к голове.

«Для амулета, как и всякого ритуального предмета с пространственным символическим значением, — пишет Ю. Е. Арнаутова, — важную роль играют не только его форма и нанесенные на нем знаки, но и материал, из которого его изготовили, символика цвета, числа. Три листика подорожника, перевязанные красной нитью, носили, например, на шее, чтобы предохранить себя от головной боли, а для избавления от нее надевали на голову магические (льняные) повязки или железные обручи (лат. *capitis ligaturae*), возможно, с какими-нибудь знаками на них; чтобы предохранить себя от наговоров, в мешочек зашивали три камешка из желудка ласточки и т. п. Число три, нить красного цвета, камешки, найденные в необычном месте, редкий

некогда металл — как видим, то, что в первую очередь отличает фетиш от других предметов и наделяет его особым значением, это его уникальность.

Когда-то, еще в эпоху неолита, редкому тогда железу, вероятно, приписывались магические апотропеические свойства, оно отгоняло всякую нечисть и беды, но кто помнил об этом по прошествии стольких веков?

Объяснение обряда было давно утеряно, но принцип выбора материала амулета сохранился: материал должен входить в ту часть универсальной классификации окружающих человека явлений, которая соотносится с парадигмой положительных значений. Последняя, в свою очередь, является результатом диалога человека с природой и продолжением исходной классификации, заданной мифом и ритуалом творения. Поэтому, например, в целительной магии используется живое дерево, молодые побеги, а во вредоносной — мертвое, сухое... Олений рог символизировал жизненную, вегетативную силу, медвежьи зубы — физическую силу у мужчин или плодородие у женщин.

Еще П. Г. Богатырев заметил, что в народной обрядовой практике существуют предметы, которые, по поверью, изначально обладают “независимой” магической силой, “исходящей” из их материала — вода, чеснок, хлеб, железо, или обусловленной их формой, цветом*

Как и в случае с травами, эта “независимая” магическая сила не всегда приписывается предмету потому, что он употребляется при мотивированном магическом действии, скорее наоборот, сначала предмет награждается этой силой, а затем уже пытаются ее объяснить. Обычно такие объяснения, как заметил еще К. Леви-Строс, почти всегда вторичны и представляют собой подведение рациональной основы под бессознательные коллективные представления** В современных исследованиях эта “независимая” магическая сила обычно трактуется как семантика или символика вещей, и в этом случае она утрачи-

* *Богатырев П. Г.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 201.

** *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 2001. С. 25—26.

вает свой мистический, сверхъестественный характер, а объясняется действием сложных семантических механизмов*

Логика символического значения такова, что действие или предмет имеют его сами по себе, иными словами, наделяются им “автоматически”, причем сами носители культуры — изготовители амулетов — об этом, разумеется, вряд ли задумываются.

С другой стороны, многие предметы, имеющие характер амулетов или снадобий, нуждаются в том, чтобы скрытая в них, по мнению носителей культуры, магическая сила была высвобождена или, если предметы таковой силой не обладают, необходимо вложить их в нее, что и происходит в процессе соответствующих ритуалов. Для этого, например, амулеты, травы, оружие и т. п. “наговаривают”, то есть читают над ними соответствующие заклинания».

Во многих местах большой славой от порчи, в особенности при повальных болезнях, когда порчу пускают по ветру, пользуются лук, соль, чеснок и редька. Русский народ верил, что соль и редька имеют способность выедавать все слова, написанные на бумаге, а запаха лука и чеснока будто бы не любит нечистая сила. Носили чеснок и лук в таких случаях обыкновенно на натальном кресте.

Противостоять чародеям и их чарам при помощи амулетов и заговоров могли знахари. Обереги знахари делали в виде наузов, узлов, навязок, а потому получили прозвище «наузников» и «узольников». Наузы представляли собой различные «привязки», надеваемые на шею.

Как мы уже знаем, колдуны и ведьмы из ненависти или злобы к заболевшему, по просьбе других, за деньги, а то и просто так могли причинять самые разнообразные болезни: вогнать в человека бесов, произвести сумасшествие и кликушество, нагнать «воплъ», отнять силу, иссушить до кости, вызвать икоту, тоску, параличи, родимчик, падучую болезнь и половое бессилие.

* *Байбурын А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 1981; *Топорков А. А.* Символы и ритуальные функции предметов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.

Они же иногда являлись виновниками эпидемий и лихорадки, вызывали пьянство у мужчин, производили «затворение кровей» у женщин, отнимали у них молоко и напускали «безвременное» (неправильная менструация).

Колдуны могли также наводить на человека глухоту, куриную слепоту и отнимать аппетит.

Иногда они производили совершенно непонятные болезни: напускали на мужчин «бабью муку», «надевали хомут»* и даже ухитрялись проделывать, преимущественно над бабами, такие непостижимые вещи, что у них, без всякой видимой причины, начинало пучить живот. Но чаще всего колдуны славились тем, что они могли присаживать килы**

Все это — различные виды порчи, которую насылают ведьмы и колдуны.

Порча, в виде той или другой из этих болезней, бывает, по мнению народа, двоякая: *временная*, на несколько лет, от которой можно и выздороветь, или же *навекы, до смерти* — такая порча неизлечима.

Но и в случаях излечимой порчи ничего не мог сделать ни земский врач, ни фельдшер: «порченных» мог вылечить только знахарь или колдун, но не тот, который испортил, а другой, часто более сильный. Только они, нашептывая и «пытая от кил», могли снять и килу, и всякий другой «насад».

Порча, по мнению русского народа, чаще всего пускается по ветру, по воде, примешивается к пище и питью, а иногда достигается и путем заклинаний. Таким образом, одна из них имеет случайный характер и является более общей, другая же — индивидуальной: пор-

* Так называли опоясывающие боли туловища. Крестьяне уверены, что если больного «хомутом» раздеть, то на животе и спине его окажется красная полоса.

** Различного происхождения опухоли, в том числе грыжи и абсцессы. Отличительная черта их та, что они бывают на «притошных местах»: на лице, горле, заднем проходе и половых органах. Вот как определяет килу один из земских врачей: «Где-нибудь на теле человека, всего чаще на руке, ноге, на лбу, появляется, без всякой причины, поверхностный нарыв с кровянистым или прозрачным содержимым, который сопровождается невыносимой болью и необъяснимой тоской».

ча в виде заклятия и данная в пищу и питье неизменно входит в того, кому «дано», а пущенная по ветру и по воде — на кого попадет. Вероятно, на основании такой случайности про порченных и говорили иногда, что они «вбрели».

«Идешь себе, — объясняли крестьяне такой случайный вид порчи, — и вдруг тебе лицо раздует, во какое».

«Колдун пойдет на ветер, — старались объяснить порчу другие, — так, чтобы ты стоял под ветром, и пустит на тебя ее с этим ветром».

«Увидит колдун проходящего мужика, дунет на него — и готово», — еще проще поясняли такую порчу третьи.

При посредстве одного из таких удивительных способов присаживается и кила.

«На вечерней заре выходит колдун на перекресток, делает из теплого навоза крест, обводит его кругом чертой и посыпает каким-то порошком, что-то нашептывая. Оставшуюся часть порошка кидает по ветру, и если хотя одна крупинка этого порошка попадает на человека, то у него через три дня непременно появится кила»*

Иногда порчу напускали по воде, но часто крестьяне были даже не в состоянии объяснить, как это делалось. «Заметит колдун, — говорил про такую порчу мужик, — что ты хочешь, примером, купаться, и пустит это свое колдовство по воде».

Несколько более «понятной» является индивидуальная порча. Здесь снадобья и напитки подмешивались к хлебу, кушаньям, квасу, пиву, водке, чаю.

Славой производить порчу пользовались в русском народе большие белые черви, которые заводятся в бочке из-под вина. Достав червей и подойдя к кабаку, пускали их ползти по земле. Тот червяк, который поползет к кабаку, и есть обладатель вредоносных свойств. Стоит его взять, высушить, перетереть в порошок, подсыпать кому-нибудь в кушанье или питье — и человек этот будет пить запоем. Подобными же свойствами обладает и земляной паук. Если его, поймав, высушить и, превра-

* Здесь и далее в главе примеры цитируются по книге: *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

тив в порошок, запечь в хлеб и дать кому-нибудь поесть, то тот в три года исчахнет.

Народная фантазия питалась многочисленными и самыми разнообразными рассказами, где такая порча и способы ее получения изображались во всевозможных видах. В одном случае рассказывали, как женщину испортили на лапше и как она, поев лапши, сейчас же «стала кричать на голоса», то есть стала кликушей, а другую, которой знахарка дала съесть вареное яйцо, «сейчас же стало свертывать в клубок, и какая-то невидимая сила начала поднимать ее так легко вверх, как мячик резиновый подпрыгивает».

«В квасу дали, родимый, — простодушно объясняла больная свою болезнь, — так и услышала, как по животу пошло, а перекреститься-то, как стала пить, и не перекрестилась: вот ён, супостат-то, и вошел в нутро».

«Прихожу к бабке, — рассказывала другая женщина, — она как поглядела в воду, так все и узнала, у тебя, говорит, несчастье случилось, ты сама больна, да и муж твой нездоров: вам “поддали” в еде. А перед этим у нас кто-то проткнул кашу в чугуне, должно, соседка по сердцам подделала. Мы всю эту кашу с хозяином и поели. На него напала тоска, хоть со двора долой иди, ничего не мило, а меня лихорадка затрепала совсем».

В случае невозможности испортить человека на пище и питье колдуны, по мнению крестьян, ухитрялись «наколдовать у одежды».

«Измучила меня лихоманка совсем, — жаловалась земскому врачу женщина, — с тех пор, как у меня вырезали крест на шубе. Трепет каждый день, да и все. Была и у фельдшера, и у доктора, никакой помочи нет».

«А рубахи у них с мужем разрезали и подушку, вот и заболела, — крайне просто объясняла баба источник происхождения болезни у другой больной. — Вырезано, значит, было с умыслом: она в те ж поры и заболела. А сделать то мог только недобрый человек — сноха девернина, злющая-презлющая баба... И бабка так рассказывала — над ими исделано, говорит: ему-то немного попало, ну а ей, значит, всюю».

Существуют и многие другие способы порчи. С этой целью бросаются на дороге различные заговоренные предметы: стоит поднять такой предмет — и человеку уже испорчен. Верили также, что колдуны кидают под ноги намеченного человека какие-то небольшие шарики, скатанные из овечьей шерсти, с примесью кошачьих и человеческих волос. Могли ведьмы навести порчу, и замазав в печную трубу волосы намеченной жертвы или зашив их с перьями птиц в подушки, а также подкидывая в печь, подкладывая под стену в хате или зарывая под ворота.

Излечить от порчи можно было заговорами, и в русском народе их бытовало великое множество, вот только произнести их правильно мог не всякий, а только знахарь. О знахарях-шептунах мы будем рассказывать в посвященной им главе, а здесь приведем лишь один из многих заговоров против порчи:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду перекрестясь из избы во двери, из двора в ворота, в чистое поле, в восточную сторону, под красное солнце, под млад месяц, под частья звезды, под утреннюю зарю; взойду я на святую Сионскую гору, на святой Сионской горе Латырь камень; на Латыре камне стоит соборная апостольская церковь, в церкве соборной злат престол, на золоте престоле Михаил архангел тути луки натягает, живущия стрелы направляет, вышибает, выбивает из раба Божия (имярек) все притчища и урочища, худобища и меречища, щепоты и ломоты, натужища из белого тела, из горячей крови, из осьми жил, из осьми суставов, из осьми недугов, родимыя, напущенныя от мужика, от волхуна, от кария, от чорныя, от черешныя, от бабы самокрутки, от девки простоволоски, от еретиков, от клеветников, от еретниц, от клеветниц, от чистых и от нечистых, от женатых и неженатых, от глухих, от слепых, от красных, от черных, от всякого роду Русских и не Русских, от семидесяти языков. Святыи Христов Михаиле вышибает, выбивает живучею стрелой из раба Божия (имярек), из мягких губ, из белых зуб, из белыя груди, из ретивого сердца, из черныя печени, из горячей крови грыжня жолуничища и отравища рассыпныя, напускныя, родимыя, от пития, от есты, от вихоря, от ветру, от своих дум нечистых. Как зоря Амтимария исходила и потухала, тако же в раба Божия (имярек) всякие недуги напущенные и роди-

мые исходили бы и потухали; как из булату, из синева укладу огонь камнем выбивает, так же бы из раба Божия (имярек) все недуги и порчи вышибало и выбивало бы; как щука-белуга с моря пену хватает и пожирает, тако же бы с раба Божия (имярек) все недужища, щепотища и ломотища, родимые и напускные, пожирало и поедало; как Латырю каменю из синева моря не выплавывать, тако же в раба Божия (имярек) всякой скорби не бывать, в осьми суставах не быватьи и не болети. Запру я этот заговор тридевяти-тремя замками, тридевяти-тремя ключами, во имя Отца и Сына и Святого Духа и ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

Одним из видом порчи считалась в русском народе *икота*. Ее именовали еще напускной болезнью. Причиной икоты был заговор колдуна или злого духа. Одной из разновидностей икоты была «*немуха*», лишаящая человека дара речи. От нее лечили знахари особым заговором:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, умоюсь медовой росой, солнышком зноем обсушусь, помолюсь Царю Небесному, Матери Пресвятой Богородице: Христа породила и во пелены пеленала, от Жидов сохраняла и соблюдала; так же меня, раба Божия (имярек), закрой и защити шелковыми пеленами, шелковыми поясами, своим Святым Духом от злого от колдуна, от колдуньи и от всякого зла лиха человека, от злыя крови, от злыя думы, от злого помышления. Еще покорюсь я, раб Божий (имярек), Илие пророку: свет ты, Илья пророк, огненна карета и огненна колесница, туго ты тянешь, метко стреляешь, врага и супостата убиваешь и огнем опаляешь, чтобы меня, раба Божия (имярек), не испорчивать, не исколдовывать ни колдунье, ни злому и лихому человеку, ни злой крови и думе злой, помышлению, встречному и постижному, и на питие и на еже в пиру, в беседе, во всякой смертной потехе. Еще покорюсь и помолюсь Спасу сохранителю: и ты соблюди, спаси, всемилостивый Никола Можайский, Изосим и Савватий Соловецкие чудотворцы, Тихон преподобный. Иоанн Креститель, Иоанн друг, Иоанн зачатие Христово, Иоанн Златоуст, Иоанн Постник и вся сила небесная, поставьге железный тын около меня, раба Божия (имярек), от земли и до небеси, от веку и до веку, чтобы меня, раба Божия (имярек), не испорчивать, не исколдовывать, не

взглядывать и не видеть, и не слышать при пиру, при беседе, во всякой потехе и во веки по веки, отныне и до веку, аминь, аминь, аминь, во веки аминь».

Кроме того, крестьяне считали, что если от икоты больной умрет, то болезнь не исчезнет вместе с ним, а перейдет на кого-то из родных или близких покойного, не в добрый час помянувшего черта в присутствии умирающего.

Если человек икнул, следует сказать: «Добром — так вспомни, а злом — так полно!» Чтобы прекратить икоту, надо трижды прочесть «Богородицу».

Согласно старинным лечебникам, еще одним видом порчи была *куриная слепота* — именуемая в медицине ночной слепотой (*Nemeralopium*). Эту болезнь колдуны напускали, как верили в деревнях, соскабливая грязь с ножа, которым зарезали старую курицу, и, заговорив ее на определенного человека, пускали по ветру. Для излечения куриной слепоты смотрели в дырочку доски, где выпал сучок, или сидели над паром вареной печени и ели ее.

Порча, наводимая ведьмаками, по мнению русского народа, — часто не что иное, как посланный ими бес. Очень часто встречаются в записях этнографов рассказы о вхождении такого «беса порчи» в человека и его пребывании в нем в виде тех или других животных.

«Как стала матушка кончаться, — рассказывала про один такой случай крестьянка Мещовского уезда Калужской губернии, — раздуло в животе у ней, незнамо как, глаза выкатились, стали большие, большие. Поднялась рвота — черная-пречерная, и выблевала она червяка черного, лохматого, с четверть длины и в палец толщиной. Не успели мы опомниться, а он уполз под печку, и матушка кончилась. Это бес-то, который сидел в ней и мучил, и вышел червяком. Оттого покойница при жизни не могла стоять в церкви, не подходила сама к священнику, и причащать ее подводили насильно: это бесу-то не любо было».

«Моего мужа, — рассказывала одна вдова земскому врачу, — испортила невестка. Когда он собрался ехать к венцу, она выхватила помело из-под печки, выскочила

на улицу, бросила его под поезд и крикнула: “Штоб вам ни пути, ни дороги, черт под ноги!”

С тех пор и заболел, и вскорости же помер. Перед смертью он стал кричать по-телячьи, все харкать и говорил, что что-то в глотку ему подступает, почес душит. Раз мы собирались завтракать, а он захотел приподняться и облегнулся об стол. Чтобы помягче было, я ему под руки завеску подложила и только что отошла в сторону, он как харкнет на всю избу и выхаркнул лягушку. Все видели, лягушка, как ошметок, большая, ускакнула под печку и пропала. После того он положил голову на стол, раз дохнул и помер».

«Меня с хозяйкой, — говорил больной из Орловской губернии, — в свадьбу испортили: бабка тогда узнала, что на вине нам сделано было. Сперва на меня тоска навалилась, бывало, до того проймет, что прошу мать резать меня, а пуще тоски боль в брюхе меня доймала, особливо на полном месяце. Известно, что нечистая сила ежели есть в человеке, то на исходе месяца и она исходит, а на молоду да на полном месяце и нечистая сила прибывает в человеке и пуще начинает мучить. У меня в брюхе жила нечистая сила мышью: как зачнет, бывало, она ползает там по кишкам, живот и станет дуться, того гляди, лопнет. Я уж и гашник, и пояс распушу, да без памяти по избе катаюсь. А тоска во какая бывала: чисто перед смертью. А как зачнет к глотке подползает, так и чую, как в шерсти ворочается, тут во, — показывал рассказчик на горло. — Кабы не один человек, давно бы меня эта нечисть доконала. Присоветовал он мне коренья пить, от порчи девять их, а самый главный Адамова голова прозывается, потому что он прям, как голова человечья, и образину имеет такую, даже борода есть. Этот корень надуть было напослед всего пить, и дюже тяжело мне сделалось: ни пить, ни есть, а гадина в брюхе еще злее лазить стала. Мать и жена так и думали, что я кончаюсь, и за попом послали, причастить меня. Тут с обеда зачал я блевать и как раз, как попу приехать, еще пуще натошновал и выблевал мышь, мышь как есть, в шерсти, и сразу мне легко стало».

Любопытны те виды порчи, которые вызываются

при посредстве так называемых *заломов* и *вынимания следа*.

Залом — это завязанный в узел и предварительно запутанный или закрученный пучок колосьев какого-либо еще несжатого хлеба, чаще всего ржи. Иногда он обвязывается лошадиными или женскими волосами, обсыпается углем, золой из печи, землей с кладбища.

Вот как, по рассказам одного крестьянина, производила заломы знахарка из села Ильинского Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии:

«На вечерней заре она приходит в поле, выбирает нужную ей полосу, становится лицом на запад, наклоняет, с заклинаниями, пучок колосьев к земле, закручивает, перевязывает суровой ниткой и посыпает его взятой с могилы самоубийцы землей. Чтобы молитвы и благочестие семьи, которой принадлежит полоса, не ослабили силы заклинаний, она становится ногами на образ, обращенный лицом вверх».

Русский народ верил, что всякий, кто срежет такой залом, скоро умрет или получит лихую и продолжительную болезнь: у него отнимаются ноги или сохнет рука. От залома же часто появляются особенные раны, в которых заводится тонкий узкий червяк в виде волоса. Этот червяк имеет способность постоянно разъедать рану, не давая ей поджить.

Порча с места залома сообщается всей заломной полосе. Вот почему хлеба с таких полос крестьяне не ели, а продавали его. Для нейтрализации силы заломов обыкновенно приглашался знахарь*, а иногда священник, служился молебен и «поднимались» иконы. Эта вера в существование заломов и их отдельных видов иногда была удивительно непоколебимой и сильной.

Другой таинственный и загадочный способ производить порчу заключается в *вынимании следа*.

«Идешь ты утром, разувши, а твои следы видны на земле. Колдун возьмет да и вынет этот след: вот и испорчен человек», — говорили в народе. Над землей, вынутой из очертаний следа, производились определенные опе-

* Знахарская процедура уничтожения залома (закрута) называется «раскрут».

рации, и испорченный таким способом человек обыкновенно сох или заболел водянкой.

Тот колдун, который причинил порчу, снять ее уже не в силах. Надо искать другого колдуна, хотя бы и «слабенького». И наоборот: если свой колдун успел обезопасить от всяких чар, то чужой уж ничего плохого не сделает.

Именно поэтому всегда старались пригласить колдуна на свадьбу, чтобы обезопасить всю семью и гостей от *свадебной порчи*.

Колдун на свадьбе

Особенно часто портили молодых. В виде предохранительной меры против такой порчи существовал обычай подпоясывать жениха сетями и обкалывать подол платья невесты иголками и булавками. В некоторых местах молодых провожал из церкви до дому священник с крестом в руке, причем молодые шли в венцах.

Но распорядителем на свадьбе по сути дела становился колдун.

Его необходимо было встретить со всеми возможными почестями еще в дверях* избы и непременно с чаркой водки. Вторую чарку чародей просил сам и только затем приступал к осмотру дома и двора. Он брал из рук хозяина хлеб и разламывал его на кусочки, посыпал их крупной солью и разбрасывал по всей усадьбе. Плюнув три раза на восток, он входил в избу, осматривал весь дом, дул и плевал в углы, а затем в одном из них сыпал рожь, в другом — траву, а в остальных двух — золу: рожь и золу — против порчи, а траву — на здоровье молодых. Обязательно осматривал чародей и печь — нет ли там опасного порошка на загнетке с углями, потому что, по

* В представлениях русского народа дверной проем представлялся границей между своим и чужим миром. Выходя из двери во двор, человек встречается лицом к лицу с враждебными силами, поэтому при выходе из дома необходимо было защитить себя молитвой. Считалось, что дверной проем мог быть использован для проникновения в дом нечистой силы, поэтому в русской деревне было много обрядов очищения и защиты дверей и порогов.

рассказам крестьян, бывали случаи, когда от смрада и зловония этих зелий у всех гостей и молодых кружилась голова, и поезжане даже покидали избу, а свадьбу приходилось откладывать.

Затем колдун вновь выходил во двор и смотрел, нет ли под хомутом у предназначенных в свадебный поезд лошадей репьев, а затем обводил их трижды вокруг двора.

Вернувшись в дом, чародей обсыпал молодых рожью и заставлял перейти через разостланный под ноги черный полушубок.

Колдун отправлялся в церковь вместе со всеми и на каждом перекрестке и под каждым воротами (которые считаются самым опасным местом по дороге к венчанию) произносил заговоры и заклинания.

Обратно из церкви домой, по приказу колдуна, возвращались другой дорогой.

С. Максимов приводит рассказы крестьян о том, как целые свадебные поезда лихие люди оборачивали в волков, о том, как один неприглашенный колдун высунул в окно своей избушки голову и крикнул ехавшей мимо свадьбе: «Дорога в лес!» — а колдун приглашенный успел ответить: «Дорога в поле!» — и у неприглашенного чародея выросли на голове такие рога, что он не мог высвободить головы из окна, и спас его на обратном пути из церкви соперник, сняв чары.

Когда молодые после венчания возвращались в дом жениха, знахарь-чародей забегал вперед и клал на пороге избы прикрыш-траву (горец). Зная об этом невеста перепрыгивала через ядовитую траву — и наговоренные беды обрушивались на того, кто насылал порчу. А вот если, паче чаяния, молодая наступала на горец, то беды и несчастья обрушивались на нее и ее семью.

Порча молодых производилась, большей частью, во время свадебного столования, на различных кушаньях и напитках, но существовали для этой цели и некоторые специальные приемы.

Можно было испортить молодого и сделать его неспособным к отправлению супружеских обязанностей, воткнув булавку в то место, где он, выйдя во двор,

в первую брачную ночь справит свою естественную надобность.

Павел Якушкин, известный фольклорист, писал о порче жениха следующее:

«Деревенские колдуны по злобе или по другим каким причинам делают у молодого *impotentiam verilis*. Я слышал, что недалеко от Сабурова в Малоархангельском уезде живет такой колдун. Я его призвал к себе и торговал у него этот секрет; он сперва не хотел мне его открыть, но, наконец, когда выпил водки и увидел деньги, открыл мне всю подноготную. Эту болезнь делают двояким образом.

1. Берут нитку из покрывала мертвеца, влагают ее в иглу, которую и вдевают в подол рубашки известной женщины: пока эта игла не вынута, то мужчине ничего нельзя с нею сделать; ежели же ее найдут, то не вынимают, а раздирают рубашку, а лоскутья жгут.

2. При восходе солнечном отрезают от церковного колокола конец веревки, берут часть этого конца, завязывают три узла при следующем заговоре: «Как висит колокол, так виси у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь» После этого заклинания кладут эту веревку под порог или на то место, где должен пройти тот человек, которому это делают.

Вместо веревки лучше брать часть мохра от церковного паникадила, на одной нитке которой завязывают три узла при следующем заговоре: «Как висит мохор, так виси у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь». Нитку эту кладут под порог.

Делать эту болезнь легко, а лечить и того легче. Надо на утренней заре сходить за водой на колодезь самому больному и на возвратном пути не оглядываться и не останавливаться, что бы ни почудилось. Потом эту воду выливают в складни, и больной переливает воду через тележную ось из одного складня в другой. Между тем колдун читает три раза: «Как стоит стержень, так стой у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь» После этого воду должно вылить на восточную сторону какого-нибудь строения, и болезнь должна непременно пройти».

Рассказывают, что в одном случае невеста едва не

была испорчена тем, что какой-то худой человек бросил на нее дубовый листок. Она спаслась только тем, что этот листок вовремя сняла ее сестра. Зато у последней заболела рука и через некоторое время она умерла.

В другом случае свекровь испортила молодую на сорочьем сердце. Изловив сороку, убив ее, вынув сердце и настояв его на водке, она дала выпить настой невестке, и та потеряла способность говорить и стала издавать лишь нечленораздельные звуки: «защекотала сорокой».

Результатом свадебной порчи, кроме полового бессилия, являлись бесплодие, кликушество, «припадки», а также физическое отвращение молодых друг к другу. «Отворожили друг от друга» — так определялся обыкновенно этот вид порчи. В противоположность половому бессилию бывала иногда и обратного рода порча — прианизм.

Но такая порча, разумеется, случалась редко, наиболее же часто она выражалась в форме «нестоихи», «невстаючки». Испробовав все деревенские, по преимуществу, знахарские средства, как к последней надежде, обращались в этих случаях к медицинской помощи.

«Сына по осени женила, — жаловалась крестьянка фельдшеру, — да над ним порчу сделали, и молодичато и по сю пору девкой ходит. Ну, вестимо, дело молодое, кровь-то ходит, охота берет, а ему не вмоготу. Да и соседки-молодицы разговоры поведут с ней на счет этого, а ей и ответ нельзя дать: еще ничего не было. Нет ли средствия? Говорят, капли какие-то бывают».

Сглаз, истуг, озык и дурное слово

Народное представление о различных видах и способах порчи было бы неполно, если бы мы не упомянули о том, что ее возникновение приписывается иногда прикосновению и взгляду.

В некоторых местах России считали, что худые люди портят главным образом через прикосновение или при ударе рукой. Даже дружеское прикосновение чародеев является в некоторых случаях источником порчи.

Подобное же значение приписывается часто и

взгляду. По мнению некоторых крестьян, есть такие колдуны, которые одним взглядом могут иссушить человека или свести его с ума. «Стоит только колдуну взглянуть на человека, и последний тотчас же почувствует себя дурно» — так думали крестьяне. В некоторых местах эта способность производить порчу и вред взглядом приписывается особенной разновидности колдунов, так называемым «виритникам».

Виритник имел такой ядовитый взгляд, что, если задумает кого-нибудь сглазить, может в одну минуту сглазить так, что несчастный «в один час отправится на тот свет», если только не примет энергичных мер к разрушению взгляда виритника, который поэтому внушал гораздо больше страха, чем самый сильный колдун или ведьма. Последних можно было в сердцах и побить, виритника же никогда: его взгляд пресекал подобные попытки. В таких случаях он, отойдя на три шага, устремлял такой ужасный взгляд на противников, что те тотчас же начинали кричать: «Прости нас! Не будем тебя бить, только вынь свой яд». В эту минуту они чувствовали ломоту во всем теле, у них начинала кружиться голова, появлялась боль в сердце, а руки каменели так, что не только бить злодея, но и кверху их поднять было нельзя.

По народному мнению, если виритник рассердится на целую деревню и пожелает ее извести, то может в течение одного месяца истребить всю, со всем скотом и всей живущей в ней тварью. Даже птицы, которые в это время будут пролетать через деревню, и те попадают на землю мертвыми: вот какова сила ядовитого взгляда виритника.

Весьма интересно, что такое же свойство во многих местах приписывали глазу святого Кассиана (29 февраля)* Если он взглянет на людей — начинается мор,

* В русском народе Кассиан (Касьян) честится именами неуважительными: Завистливый, Злопамятный, Немилостивый, Грозный, Скупой, Недоброжелательный. О нем говорят: «Касьян на народ — народу тяжело, Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скот дохнет», «Касьян на что ни взглянет, все вянет».

Касьян слыл в народе строгим и недобрым. Это произошло оттого, что память его совершается 29 февраля, в високосный год. А високосные годы на Руси исстари считаются несчастливými, ибо именно в них «прилучаются» всевозможные беды и несчастья: и скот падает,

на скотину — появляется падеж, на хлеба — они пропадают.

При *сглазе* порча происходит не по злой воле человека, а от врожденной способности известного лица причинять вред всему, на что бы он ни посмотрел, даже без какой-либо предвзятой мысли: таково печальное и непонятное свойство некоторых людей. Хотя в прямом смысле и это есть порча, но в таких случаях уже не говорят — «испортили», а говорят лишь — «сглазили» или «приключилось» с глазу.

То, что в русской традиции называется одним словом «сглаз», подразумевает наличие двух разных типов представлений — веру в силу взгляда, так называемый «черный», «карий», «дурной» глаз, «недобрый» взгляд, и веру в силу не к месту сказанного слова — «оговор».

Вера в «дурной» глаз, который мог стать причиной неудачи, болезни, смерти, — древнего происхождения и известна многим народам, она имеет ту же природу,

и дерево засыхает, и повальные болезни являются, и сельские раздоры заводятся. Говорили: «Худ приплод в високосный год», «Касьян все косою косит».

В народном календаре день Касьяна — самый страшный. Работы на Касьяна вообще часто прекращались, а крестьяне старались не выходить из избы, особенно до рассвета, многие же стремились не проспать до полудня.

Касьян в представлении народа считается «приставленным» на стражу ада, и Господь отпускает его на отдых на четвертый год, за отсутствием преподобного Касьяна стражники ада — 12 апостолов.

Касьяну, по мнению русского народа, подчинялись все ветры, которых он держал на двадцати цепях, за двадцатью замками, но мог и спустить смердящие вихри, дать им выйти на волю из впадин болотных и поглумиться на белом свете, наслать на людей и на скотину чуму да холеру.

Касьяна соотносят с Виєм, персонажем демонологии южных славян, народных и литературных сказок (прежде всего повести-сказки «Вий»). Н. В. Гоголь, обработав народную сказку, не изменил облика Вия — чудовища с громадными веками, которые само оно поднять не в силах, страшилища в черной земле, с железным лицом. Однако исследователи творчества писателя убедительно доказали, что в украинских сказках не встречается само слово «Вий». Скорее всего, оно создано Гоголем от украинского слова «вія» — «верхнее веко вместе с ресницами». Касьян русских народных сказок похож на Вия и своим внешним видом, и убийственной силой взгляда (*Назаревский А. А. Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. Вып. 2.*

что и вера в колдовство. За ней стоит характерная для устной культуры установка на предполагаемую реальность независимого воздействия таких нематериальных субстанций, как слово, мысль, взгляд, желание.

«Дурным» глазом, как верили, обладают люди, которые связаны с представителями «внешнего», враждебного, мира, открывают доступ нечистой силе в мир людей. Поэтому, помимо колдунов, сглазить могли бездетные женщины и женщины в период менструации, люди с врожденными уродствами, а также те, кто запятнал себя позорными поступками. Завистливый взгляд тоже считался опасным, ибо зависть всегда сопутствует дурным поступкам и делает человека опасным для всех, кто вступает с ним в контакт.

Иногда сглазу приписывалось лишь легкое недомогание — головная боль, соединенная с зевотой, а иногда все болезни внезапные, особенно сопровождающиеся тяжелым общим чувством и жаром.

Сглаз же был причиной параличей и других «непонятных» заболеваний. Особенной восприимчивостью к сглазу отличались дети, имеющие способность заболеть не только от порицания, но даже от похвалы, после того как ими любовались. Ввиду той опасности, которую представляет для детей сглаз, их даже и в наши дни часто избегают показывать посторонним, незнакомым людям. Недобрыми глазами чаще всего считались черные, большие, блестящие и глубоко посаженные.

Такое же значение, как и недоброму взгляду, придавалось действию *дурных или сказанных «не в час» слов и смеха*.

Действующая в этих случаях причина называлась в некоторых местах *«обурочением»*, или *«изурочением»*, а происходящие от этой причины болезни определялись словом *«уроки»*. Если сделается у кого-нибудь лихорадка, заболит голова или занает нога, крестьяне говорили, что это больного «взяли уроки», или его кто-нибудь «обурочил».

К урокам же относили крестьяне и тошноту и тяжесть в области желудка и говорили в этом случае: «Должно быть, изурочили».

Особенно неблагоприятные последствия имели

слова, сказанные в худой час. У каждого человека в течение суток есть свой худой час. Этот час всякий может подметить, если будет внимательно следить за своей жизнью: все несчастья и неприятности случаются с человеком в этот определенный час.

Болезни, происходящие от оговора, иногда носили специальное название — «озык». От озыка происходили многие внутренние и нервные болезни. По мнению народа, находящийся в озыке, собственно, ничем не болен, однако недомогает, но только потому, что его «озыкнули», то есть признали больным другие люди, а ему подумалось, что он и в самом деле болен: вот «от думы» ему и приключилось.

От сглаза и оговора может пропасть молоко у женщин после родов, приключиться всякая другая болезнь и кончиться даже смертью больного.

Одной из довольно частых причин заболеваний считался в деревне также испуг.

Словами «заболел с испугу, испужан, измешан» всего чаще определялось происхождение таких страданий, которые относятся к идиотизму, умопомешательству, истерии, эпилепсии и кликушеству.

Была еще загадочная деревенская болезнь «притка». К притке относили все то, что случалось с человеком внезапно. Если кто оступится и захромает — это притка, если сделается удар и отнимется рука, нога или язык — это тоже притка.

Помимо порчи, болезнь, по мнению русского народа, можно иногда получить через передачу ее кем-нибудь другим, через «подброс» и «относ». Таким образом передавались, например, бородавки, насморк, лихорадка. Эта передача совершается или через какие-нибудь наговоренные предметы, которые бросаются на дороге или меже, или через платье, снятое с больного и где-нибудь оставленное. Во всех этих случаях болезнь переходит на того, кто поднимет или возьмет эти предметы.

Под «относом» также понимали обряд отведения от семьи и скота какой-нибудь болезни или другой напасти. Этот обряд не является вредоносным по своему прямому назначению, так как исполняющие его стремятся отвести беду от своего скота или от человека. Однако «относ» имеет

свою опасную сторону — всякий, кому первому на пути попадется наговоренный предмет, будет «испорчен».

Вот почему поднять какую-нибудь вещь на меже или на перекрестке крестьяне всегда опасались. Поднявший должен был отнести вещь на прежнее место и там три раза плюнуть на сторону. За несоблюдение необходимой осторожности в таких случаях можно было жестоко поплатиться.

Наводили ведьмы и колдуны порчу на домашний скот и птицу. От этой напасти русский народ предохранялся при помощи особого оберега — «куриного, или куричьего, бога». Это был камень с естественным отверстием, который подвешивали в курятнике или в конюшне для охраны кур и лошадей. В XIX веке камень стали заменять горлышком разбитого кувшина или носком подоюника. Кроме того, в роли «куриного бога» выступал истоптанный лапоть, который перекидывали через намест с курами.

Защита от колдунов

Против чародейской силы колдунов народная практика выработала свои меры.

При свидании с колдуном, чтобы он не мог причинить вреда, нужно упереться безымянным пальцем о сучок, где бы он ни был, а при споре или ссоре с колдуном следует плюнуть ему в лицо и смотреть в глаза: тогда он на время лишается своей силы.

Теряет он эту силу и в том случае, если «вышибить» из него кровь. При этом необходимо пользоваться осиновой или вязовой палкой, а если нужно совсем убить колдуна, то этого ничем другим нельзя сделать, как только осью из летней повозки. Чтобы пустить колдуну кровь, крестьяне считали необходимым «бить его по носу, разбить ему губы или зубы», а в более легких случаях — ударить его наотмашь и сказать: «Чур меня».

Для обезвреживания колдуна в некоторых местностях поили его чистым дегтем, смешанным с лошадиными испражнениями, и прокалывали левое ухо, но иногда пользовались и более невинными средствами.

Хорошо, оказывается, пробить тень колдуна осиновым колом или пользоваться палкой с прижженным концом. Такой палкой, при встрече с колдуном, следует сделать круг на земле и встать на его середине: тогда колдун ничего не может сделать.

Если же колдун или ведьма встают из могилы, то им в спину или в сердце надо вбить осиновый кол или порезать пятки и подколенные жилы.

Собственно, о «мерах по борьбе с ведьмами» в народе существует много рассказов, сказок и быличек, одной из которых — «Солдат и ведьма» — мы и закончим эту главу:

«Жил-был солдат, служил Богу и великому государю пятнадцать годов, ни разу не видался со своими родителями. На ту пору вышел от царя приказ отпускать рядовых для свидания со своими сродственниками по двадцати пяти человек с роты; заодно с другими отпросился и наш солдат и отправился домой на побывку в Киевскую губернию.

Долго ли, коротко ли — пришел он в Киев, побывал в Лавре, Богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город. Шел-шел, вдруг попадаетея ему навстречу красная девица, из того же уездного города дочь купеческая, собой знатная красавица. Известное дело: коли завидит солдат пригожую девку, ни за что не пройдет просто, а чем-нибудь да зацепит.

Так и этот солдат: поравнялся с купеческой дочерью и говорит ей в шутку:

— Эх, хороша девушка, да не объезжена!

Отвечает красная девица:

— Бог знает, служивый, кто кого объездит: либо ты меня, либо я тебя! — Засмеялась и пошла своей дорогой.

Вот приходит солдат домой, поздоровался с родными и крепко обрадовался, что всех их застал в добром здоровье. Был у него старый дедушка, белый как лунь, лет сто с хвостиком прожил.

Стал ему солдат рассказывать:

— Шел я, дедушка, домой, и попалась мне навстречу знатная девица; я — грешный человек — так и так по-

смеялся над ней, а она мне сказала: “Бог знает, служивый: либо ты меня объездишь, либо я тебя!”

— Ах, батюшки! Что ж ты наделал! Ведь это дочь нашего купца — страшная ведьма! Не одного молодца свела она с белого свету!

— Ну, я и сам не робкого десятку! Меня не скоро напугаешь; еще поглядим, что Бог даст!

— Нет, внучек, — говорит дед, — если не станешь меня слушать, тебе завтра живому не быть.

— Вот еще беда!

— Да такая беда, что ты этакой страсти и на службе не видывал...

— Что ж мне делать, дедушка?

— А вот что. Приготовь узду да возьми толстое осиновое полено и сиди в избе — никуда не ходи; ночью она прибежит сюда и если успеет прежде тебя сказать: “Стой, мой конь!” — в ту ж минуту оборотишься ты жеребцом; она сядет на тебя верхом и до тех пор будет гонять, пока не заедит тебя до смерти. А если ты успеешь наперед сказать: “Тпруу! Стой, моя кляча!” — то она сама сделается кобылою, тогда зануздай ее и садись верхом. Она понесет тебя по горам, по долам, а ты знай свое — бей ее осиновым поленом в голову, и до тех пор бей, пока не убьешь до смерти!

Не чаял солдат такой службы, а нечего делать — послушался деда: приготовил узду и осиновое полено, сел в углу и дожидается, что-то будет.

В глухую полночь скрипнула дверь в сенях и слышались шаги — идет ведьма; только отворила дверь в избу, он тотчас и вымолвил: “Тпруу! Стой, моя кляча!” Ведьма оборотилась кобылою; солдат зануздал ее, вывел на двор и вскочил верхом. Понесла его кобыла по горам, по долам, по оврагам и все норовит, как бы сбить седока долой; да нет! Солдат твердо сидит да то и дело по голове ее осиновым поленом осаживает; до тех пор угощал ее поленом, покудова с ног сбил, а после накинудся на лежачую, хватил еще разов пять и убил ее до смерти.

Стало светать, он домой пришел.

— Ну, внук, как твое дело? — спрашивает старик.

— Слава Богу, дедушка, убил ее до смерти.

— Ладно! Теперь ложись спать.
Солдат лег и заснул крепким сном.

Вечером будит его старик:

— Вставай, внучек!

Он встал.

— Ну как же теперь-то? Ведь купеческая дочь померла, так отец ее за тобой приедет — станет звать тебя к себе Псалтырь читать над покойницей.

— Что ж, дедушка, идти али нет?

— Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди...

— А коли что случится, куда я денусь?

— Слушай, внучек! Когда пойдешь к купцу, будет он тебя вином потчевать — ты не пей много, выпей сколько надобно. После того поведет тебя купец в ту комнату, где дочь его во гробу лежит, и запрет тебя на замок; будешь ты Псалтырь читать с вечера до полуночи, а в самую полночь вдруг дунет сильный ветер, гробница заколыхается, крышка долой упадет... Вот как эта страсть начнется, ты скорей полезай на печь, забейся в угол и твори потихоньку молитвы; там она тебя не найдет!

Через полчаса приезжает купец и просит солдата:

— Ах, служивый! Ведь у меня дочка померла, почитай над нею Псалтырь.

Солдат взял Псалтырь и поехал в купеческий дом. Купец тому радехонек, сейчас его за стол посадил и давай вином поить. Солдат выпил, сколько ему надобно, а больше не пьет, отказывается.

Купец взял его за руку, повел в ту комнату, где мертвая лежала. “Ну,— говорит, — читай Псалтырь!” Сам вышел вон, а двери на замок запер.

Нечего делать, принялся солдат за Псалтырь, читал-читал, вдруг в самую полночь дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой слетела; солдат поскорей на печь, забился в угол, оградил себя крестом и давай шептать молитвы.

Ведьма выскочила из гроба и начала во все стороны кидаться — то туда, то сюда! Набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба!

— Что ты ищешь?

— Солдата: вот сейчас читал да пропал!

Черти бросились в розыски; искали, искали, все закоулки обшарили, стали на печь заглядывать... тут на солдатское счастье петухи закричали. В один миг все черти пропали, а ведьма зря на полу растянулась.

Солдат слез с печи, положил ее в гроб, накрыл как следует крышкой и опять за Псалтырь.

На рассвете приходит хозяин, отворил двери:

— Здравствуй, служивый!

— Здравия желаю, господин купец!

— Благополучно ли ночь провел?

— Слава Богу!

— Вот тебе пятьдесят рублей; приходи, друг, еще ночью почитай!

— Хорошо, приду!

Воротился солдат домой, лег на лавку и спал до вечера; проснулся и говорит:

— Дедушка! Купец велел приходить другую ночь Псалтырь почитать; идти али нет?

— Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — то же самое! Однако лучше иди: вина много не пей — выпей сколько надобно; а как ветер дунет, гробница заколыхается — тотчас в печь полезай! Там тебя никто не найдет!

Солдат собрался и пошел к купцу: тот его посадил за стол и давай вином поить; после повел к покойнице и запер дверь на замок.

Солдат читал-читал, читал-читал; наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала; он поскорей в печь... Ведьма вскочила и начала метаться; набежало к ней нечистых — полна изба!

— Что ты ищешь?

— Да вот сейчас читал да с глаз пропал! Найти не могу...

Черти бросились на печь.

— Вот, — говорят, — то место, где он вчера сидел!

— Место тут, да его нету!

Туда-сюда... вдруг петухи запели — нечистые сгинули, ведьма на пол повалилась.

Солдат отдохнул немного, вылез из печи, положил купеческую дочь в гроб и стал Псалтырь читать. Смотрит — уж светает, хозяин идет:

- Здравствуй, служивый!
- Здравия желаю, господин купец!
- Благополучно ли ночь прошла?
- Слава Богу!
- Ну пойдём!

Вывел его из той комнаты, дал сто рублей денег и говорит:

— Приходи, пожалуйста, почитай и третью ночь; я тебя не обижу.

— Хорошо, приду!

Воротился солдат домой.

— Ну, внучек, что Бог дал?

— Ничего, дедушка! Купец велел еще приходить. Идти али нет?

— Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди.

— А коли что случится, куда мне спрятаться?

— Вот что, внучек: купи-ка себе сковороду и схорони так, чтобы купец не видал; а как придешь к купцу, станет он тебя вином дюже неволить; ты смотри много не пей, выпей, сколько снести можешь. В полночь, как только зашумит ветер да гробница заколыхается, ты в ту ж минуту полезай на печной столб и накройся сковородою; там тебя никто не сыщет!

Солдат выспался, купил себе сковороду, спрятал ее под шинель и к вечеру пошел на купеческий двор. Купец посадил его за стол и давай вином поить; всячески его просит, улещает.

— Нет, — говорит солдат, — будет; я свое выпил, больше не стану.

— Ну, когда не хочешь пить, так ступай Псалтырь читать.

Привел его купец к мертвой дочери, оставил одного и запер двери. Солдат читал-читал, читал-читал — наступила полночь, дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала. Солдат влез на столб, накрылся сковородой, оградился крестом и ждет — что-то будет? Ведьма вскочила, начала всюду метаться; набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! Бросились искать солдата, заглянули в печь.

— Вот, — говорит, — место, где он вчера сидел!

— Место цело, да его нет!

Туда-сюда — нигде не видать! Вот лезет через порог самый старый черт:

— Что вы ищете?

— Солдата; сейчас читал да с глаз пропал!

— Эх вы, слепые! А это кто на столбе сидит?

У солдата так сердце и ёкнуло, чуть-чуть наземь не упал!

— И то он, — закричали черти, — только как с ним быть? Ведь его достать нельзя!

— Вот нельзя! Бегите-ка раздобудьте огарок, который не благословясь зажжен был.

Вмиг притащили черти огарок, разложили костер у самого столба и запалили. Высоко ударило пламя, жарко солдату стало — то ту, то другую ногу под себя поджимает. “Ну, — думает, — смерть моя пришла!”

Вдруг на его счастье петухи запели — черти сгинули, ведьма на пол повалилась, солдат соскочил с печного столба и давай огонь тушить. Погасил, убрал все как следует, купеческую дочь в гроб положил, крышкою накрыл и принялся Псалтырь читать.

На рассвете приходит купец, прислушивается — жив ли солдат али нет? Услыхал его голос, отворил дверь и говорит:

— Здравствуй, служивый!

— Здравия желаю, господин купец!

— Благополучно ли ночь провел?

— Слава Богу, ничего худого не видал!

Купец дал ему полтора ста рублей и говорит:

— Много ты потрудился, служивый! Потрудись еще, приходи сегодня ночью да свези мою дочку на кладбище.

— Хорошо, приду! — сказал солдат и бегом домой.

— Ну, внук, что Бог дал? — спрашивает его дед.

— Слава Богу, дедушка, уцелел! Купец просил прийти к нему ночью, отвезти его дочь на кладбище. Идти али нет?

— Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако надо идти; лучше будет.

— Что же мне делать? Научи.

— А вот что! Как придешь к купцу, у него всё будет

приготовлено. В десять часов станут с покойницей сродственники прощаться, а после набьют на гроб три железных обруча, поставят его на дроги, в одиннадцать часов велят тебе на кладбище везти. Ты гроб вези, а сам в оба гляди: лопнет один обруч — не бойся, смело сиди; лопнет другой — ты все сиди; а как третий лопнет — сейчас скачи через лошадь да скрозь дугу и беги задом. Сделаешь так, ничего тебе не будет!

Солдат лег спать, проспал до вечера и отправился к купцу. В десять часов стали с покойницей сродственники прощаться; потом начали железные обручи нагонять; нагнали обручи, поставили гроб на дроги: “Теперь поезжай, служивый, с Богом!”

Солдат сел на дроги и поехал; сначала вез тихо, а как с глаз уехал, припустил что есть духу. Скачет, а сам все на гроб поглядывает. Лопнул один обруч, за ним другой — ведьма зубами скрипит.

— Поймай, — кричит, — не уйдешь! Сейчас тебя съем!

— Нет, голубушка! Солдат — человек казенный, их есть не дозволено.

Вот лопнул и последний обруч — солдат через лошадь да скрозь дугу и побежал задом. Ведьма выскочила из гроба и кинулась догонять; напала на солдатский след и по тому следу повернула к лошади, обежала ее кругом, видит, что нет солдата, и опять в погоню. Бежала-бежала, на след напала и опять повернула к лошади... Совсем с толку сбилась, разов десять назад ворочалась.

Вдруг петухи запели, ведьма так и растянулась на дороге!

Солдат поднял ее, положил в гроб, заколотил крышку и повез на кладбище; привез, свалил гроб в могилу, закидал землею и воротился к купцу.

— Все, — говорит, — сделал, бери свою лошадь.

Купец увидел солдата и глаза выпучил:

— Ну, служивый, я много знаю. Об дочери моей и говорить нечего — больно хитра была. А ты, верно, и больше нашего знаешь!

— Что ж, господин купец, заплати за работу.

Купец вынул ему двести рублей.

Солдат взял, поблагодарил его и пошел угощать свою родню».

Круг жизни ведьм и колдунов

Пространство жизни человека отмечено тремя основными вехами — рождением, созданием семьи и смертью.

Помимо этого, в древности жизнь крестьянина была буквально расписана по дням — ибо только в строго регламентированном обществе индивид мог выжить в те суровые времена.

Не избежали подобного «программирования» и колдуны с ведьмами.

Рождение

Природный колдун, по воззрениям народа, имеет свою генеалогию: девка родит девку, эта вторая приносит третью, а родившейся от третьей мальчик непременно становится колдуном, а девочка — ведьмой. Также считалось, что десятая дочь у матери будет ведьмой*.

Впрочем, как известно, колдовству можно научиться, и тогда колдун рождается не в момент появления на свет, а в момент посвящения в чародеи. Обряд этот сопровождается действиями, которые во всем мире сводятся к одному — отречению от Бога и Царства Небесного, а затем к продаже своей души дьяволу. По мнению народа, лучшее место для такого обряда — перекрестки дорог, а время — полночь. Довольно часто встречаются в русском фольклоре рассказы о том, что обряд происходит в бане.

При произнесении клятв черт часто требует у колдуна подтвердить договор распиской, написанной кровью, а если человек неграмотен, велит ему кувыркаться через воткнутые в землю ножи** определенное количество раз.

* Однако стоит оговорить, что в различных губерниях «генеалогия» у ведьм и колдунов была разной.

** Меч и другое холодное оружие из железа и стали издавна считаются сильными оберегами. Именно мечом, а позднее ножом, проводится при обрядах круг, который является защитным для человека, стоящего внутри него.

Когда все обряды выполнены, к колдуну приставляются для услуг бойкие чертенята, которые уж более не дают чародею покоя и требуют от него постоянно задать им «злую» работу. Если колдун не творит зло раз в день (а по другим поверьям — раз в неделю или месяц), то вскоре сам заболевает или умирает, поскольку дьявол не прощает ему неповиновения.

У колдунов была и специальная «черная» книга, в которой они находили свои «черные» рецепты. Но обычный человек, даже найдя этот том, весивший 16 пудов, прочитать его, по мнению народа, не сможет: либо сойдет с ума, либо его замучат черти.

Русский человек научился распознавать колдунов. Для этого существуют три верных способа: вербная свеча, осиновые дрова и рябиновый кнут.

Если зажечь умело приготовленную свечу, то увидишь колдунов и ведьм стоящими вверх ногами.

Точно так же, если истопить в Великий четверг осиновыми дровами печь, так тотчас все деревенские ведьмы и колдуны придут просить золы, которая особенно ценится в приготовлении их тайных зелий.

Если же прийти в церковь к Светлой заутрене с рябиновой палочкой, то все ведуны покажутся стоящими спиной к иконостасу.

В некоторых местностях (например, в Новгородской губернии) считали, что лучше всего взять в руки первое яйцо молодой курицы, и тогда во время опять же Светлой заутрени увидишь всех чародеев с рогами на голове.

Вообще, Страстная и Светлая седмицы, по мнению русского народа, — самое лучшее время для «выявления» колдунов и борьбы с ними.

По мнению крестьян, в пасхальную ночь все черти бывают необычайно злы, так что с заходом солнца мужики и бабы боялись выходить на двор и на улицу: в каждой кошке, в каждой собаке и свинье они видели оборотня, черта, прикинувшегося животным.

В то же время находились смелые люди и озорники, которым было всё нипочем. Они утверждали, что, если поцеловать замок у церкви на Пасху, обязательно увидишь ведьму; а если выйти с пасхальным яйцом на перекресток дорог и покатить яйцо вдоль по дороге —

тогда черти непременно должны будут выскочить и проплясать трепака.

В Светлое воскресенье можно взять заговоренный творог, встать с ним у церковных дверей и держаться за дверную скобу — ведьмы будут проходить, и по хвостам их можно сосчитать всех до единой.

В пасхальное воскресенье все колдуны приходят в чужую избу просить огня. И тут важно не растеряться и не дать маху — отказать пришедшему в просьбе.

Но есть средства, которые действены и в другие времена года. Так, если дать чародею выпить с водой или пивом порошок «сорокаобеденного» ладана (пролежавшего на престоле во время сорокоуста), то колдун начнет метаться по избе и не найдет себе ни места, ни выхода из дома. Если же в это время дать ему напиться поганой (нечистой) воды из какой-нибудь лоханки, то он охотно ее выпьет и потеряет свою силу.

Можно было прочесть над установленным вверх острием ножом воскресную молитву («Да воскреснет Бог») с конца: тогда колдун либо заревет, либо начнет скверно ругаться.

Но были дни, в которые сила колдунов и ведьм возрастала. Русский народ отметил их в своем календаре и старался вести себя в эти дни по строго определенным правилам.

Круг жизни

Самый разгул нечисти приходился на зиму, которую крестьяне, несмотря на многочисленные зимние развлечения, не любили и «поносили» всячески, называя «злюкой», «приберихой» да «подберихой». К концу зимы продукты уже заканчивались, и крестьянин начинал думать о возможном голоде, а потому с давних пор на Руси говорили: «Зимой любую еду за милую душу съешь». Пока тьма господствовала на земле, а зима, как известно, самое темное время года, нечисть получала особую силу.

В темноте да холоде ведьмы-колдуны и устраивали свои посиделки. Происходило это *26 декабря* (по

новому стилю), в день, который так и назывался — «Ведьмины посиделки». На своих сборищах ведьмы решали, как схватить солнце да сжить его с белого света. Нельзя было в этот день сквернословить — не то ведьмы с неба упадут прямо на голову хулигана. Нельзя было и веник на крыльце оставлять — не то ведьмы утащат.

На следующий день, *27 декабря*, на Филимона, нечистая сила продолжала бесноваться, к домам поближе подбиралась, ухала, в двери скреблась. Только хорошего хозяина боялась, у которого в доме все было «справно», да у которого работа была вся сделана.

Но если какого-нибудь крестьянина беспокоили ведьмы да бесы, он мог избавиться от них на следующий день, *28 декабря*, на Трифона, когда светлое время начинает уже прибавляться, а Солнце посылает на Землю своих «деток» — солнечные лучи, которые пронзают нечистую силу, отваживают ее от домов. В этот день надо было рано утром вынести на огород горячие угли и высыпать их там. Только так можно было испугать нежить.

Как известно, особенно неистовствовали черти да колдуны на Святки. В январе трещат лютые морозы, народ по домам прячется, а ведьмам — самое раздолье.

И если первые шесть святочных вечеров (с 7 по 13 января) называли «святыми», то последующие шесть были «страшными», потому что нечистая сила пускалась в разгул и могла встретиться в любом месте.

Защитить от нее дом можно было *9 января*, в день, который называли «Степановы труды». Об этом дне говорили: «Степан колья тешет». Хозяин вытесывал колья и ставил по углам двора и в курином закуте, чтобы ведьмы не смогли к избе подойти.

13 января, в Васильев вечер, ведьмы, по поверьям, крали месяц, чтобы он не освещал их ночных прогулок с нечистыми духами.

Ведьмы обязательно должны были участвовать в этот вечер в шабаше, который происходил на Лысой горе в Киеве, куда они летали на метле или кочерге, «вырываясь» из дома непременно через дымовую трубу.

Вот один украинский рассказ позапрошлого века:

«Одна женщина пришла к своей соседке, старухе, слывшей ведьмой, в Васильев вечер, когда ведьмы обык-

новенно летают на шабаш. Начали звонить в церквях, старуха стала одеваться. Соседка спрашивает ее: “До церкви одягаетесь, бабуся?” — “Ни, моя дочко, не до церкви, а треба лититы” — “Куда, бабуся?” — “Луче и не пытой, треба; хочь ни хочь, а треба” — “А вы б, бабуся, пошли до церкви, Богу помолились, так вам ничего и не вдиют” — “Ни, мое сердце; не можно: не полечу, сами являтьця, озьмуть мене и горе буде мини! Треба лититы” — “А можно мини поглядить, яко вы, бабуся, политите?” — “Чо ни можно, можно” Вышли в сени; старуха стала под бовдур и вдруг, как дым, вылетела из трубы».

Лысая гора — в славянской мифологии обозначение хрустального купола безоблачного неба, куда, как тучи, слетаются мифические девы. А в поздней традиции Лысыми стали называть безлесые горы, на которых, как считали, собираются ведьмы. У русских не встречается мифологических сюжетов непосредственно о Лысой горе, но мотив о летающих ведьмах был распространенным.

Лысая гора в Киеве на левой стороне Днепра была в древности большим капищем, поэтому нет ничего удивительного, что русский народ, памятуя о языческих временах, определил для сборищ ведьмам «нечистое» место.

Полеты ведьм на Лысую гору совершались не только в Васильев вечер, но и на Ивану Купалу, при встрече весны и в темные грозовые ночи.

В народе верили, что если ухватиться за ведьму в ту минуту, когда она отправляется на шабаш, то можно полететь с ней туда вместе.

Нагулявшись, ведьмы возвращались домой голодными и первым делом набрасывались на чужих коров, выдаивая их. Поэтому *16 января*, который так и назывался день Оберега коровы, крестьяне, во избежание зла, привязывали над воротами сальную свечу — сильный оберег против колдуний. В народе бытовали рассказы, что на следующий день, *17 января*, в домах, защищенных свечой, бревна ворот были обкусаны ведьмами, которые бились в ярости и не могли войти во двор.

Чтобы с коровой не случилось беды, обращались к домовому с заговором:

«Дедушка домовой, пои мою скотинушку, пои да корми, гладко води. Бежи, молочко, по жилочкам, да в вымячко, из вымячка да в титечки, из титечек да в подойничек да по крыночкам на толсту сметаночку».

17 января, в день Зосимы Пчельника, крестьяне всей деревней гоняли чертей и ведьм, потому что именно в этот день как ни в какой другой они старались напакостить людям.

Мужики и бабы ввечеру надевали тулупы наизнанку и выходили на улицу, прихватив с собой кочерги да ожиги, а за лыковые пояса затыкали сковороды. Возглавляли процессию огненоши — мужики с зажженной ветошью.

От двора к двору они ходили да кричали:

«Выходи, нечистая сила! Гоним нечистого, снегом скрытого, вольного в этот день не только на своем болоте страх на все живое наводит, но и среди людей добро со злом мешать, скатывать любовь с белой горы, в сердце человеческое вселить тяготу».

И когда в очередной раз раздавался крик: «Выходи, нечистая сила!» — вперед выходил один из мужиков в вывернутом наизнанку тулупе. Тут все кидались на него с ожигами, с поленьями, с кочергами. Забивали черта (конечно, понарошку), коли не успевал он обернуться в тварь неведомую, а на том месте, где черта били, зажигали костер и начинали праздновать над ним победу. Чтобы сберечь здоровье да счастье в жизни получить, молодые парни и девушки прыгали через огонь.

В этот день славили чертополох, который был лучшим средством против ведьм да колдунов. Считается, что он и врачует болезни, и утоляет девичьи зазнобы, и отгоняет бесов, и сохраняет в целостности домашний скот. Его везде берегли.

В народе верили, что чертополох, принесенный на Русь с киевских полей, обладал великой силой. Несли его женщины-переходницы. Говорили: «Если кто хочет быть цел в дороге, тот запасайся для этого вощанками, в которых сварен был чертополох». В великорусских губерниях промышляли вощанками старушки, исходившие все пути и дорожки от Москвы-реки до Иордана.

Для совершения обряда чертополох предваритель-

но кладется на семь дней и ночей под подушку. Его не должен никто ни видеть, ни трогать. На восьмую ночь, последнюю на Святках, приносили чертополох к старушке-переходнице. Она варила его с особенными обрядами, с воском и ладаном. Вываренная вощанка зашивалась в ладанку.

Чертополох назывался в народе *татаринном* (татарником) или *мордвинном* (мордвинником) и обладал силой «оберега». Русский человек верил, что при помощи чертополоха можно перенести силы животного на человека.

Растением выгоняли червей из ран, произнося особый заговор. Траву для этого пригибали к земле: ежели скотина рыжая или белая — на полдень, ежели черная — на запад, и говорили: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь. Выведи, татарин (татарник, мордвинник, репей), червей у такого-то цвета скотины; если выведешь, я тебя отпущу; а если не выведешь, из корня подерну». Говорить надо трижды, не переводя духа; когда через три дня черви пропадут, траву отгибают.

30 января, в день Антона Перезимника, или Антонины Половины, наступало перезимье — половина зимы по народному календарю. Говорили: «Антонина — зиме половина». В этот день пекли толокняные колобки — символы Солнца — или простые колобки.

А поскольку солнце набирало силу да землю теплом пригревало, то в этот день отваживали от дворов порчу, наведенную колдунами. Поперек тропинки, ведущей во двор, проводили черту острым серпом, отсекая порчу, и произносили специальный заговор, текст которого приведен выше (С. 53—54).

Русский народ верил, что *31 января*, в Афанасьевские морозы, ведьмы летают на шабаш и там теряют голову от излишнего веселья. Поэтому в этот день «выгоняли ведьм».

Знахарь или колдун являлся ночью. Одни только старшие в доме знали о его прибытии. Ровно в полночь он начинал заговаривать трубы — обыкновенный путь ведьм, — забивал клинья под князек, сыпал семипечную золу по загнетке и, наконец, отправлялся на край селения, где снова, у изгороди, повторял обряды.

Известно, что ведьма, желая нанести кому-нибудь

вред, влетает в трубу, но если будет труба заговорена, то весь дом и двор уже свободны от ее проказ.

Ведьмы, отлетая вдаль, всегда летят на юг, по направлению к Лысой горе, а возвращаются на запад. Вот западную изгородь и заговаривали знахари. Ведьма, подлетая к «защищенной» изгороди, с досады или убивала себя, или отлетала в другое место.

Были среди знахарей такие доки, которые умели пересадить ведьму за тридевять земель; но такие знахари были редки, и труды их оценивались большими «гонорарами» — коровой или лошадью.

Только знахарь мог произнести следующий заговор против колдунов и ведьм:

«Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в чистое поле, под восточную сторону, под восточной стороной есть Окиян сине море, на том на Окияне на синем море лежит бело-латырь камень, на том бело-латырь камне стоит святая золотая церковь, в той золотой церкви стоит золот престол, на том злат престоле сидит сам Иисус Христос, Михаил-архангел, Гавриил-архангел, Иван Богослов, Иван Предтеча, Георгий Храбрый, Николай Святитель, Христов угодник: обставьте круг меня, раба Божия, тын железный, вереи булатные, на сто двадцать верст, оком не окинуть, глазом не увидеть, пропускайте огненную реку! Отговариваюсь я, раб Божий, от колдуна, от ведьмы, от чернова, от черемнова, от двоежонова, от троежонова, от двоезубова, от троезубова, от трубинова, от окошненова, от сеннова, от девки простоволосой, от бабы от самокрутки, от всякого от злого находа человека. Может ли злой, лихой человек заговорить громче громову стрелу и огненную молнию может ли испортить, мертвого изурочить? Может ли злой, лихой человек колдун, колдуница, еретик, еретица, не может гром, громову стрелу и огненную молнию не может испортить, изурочить мертвого человека. Брал бы злой, лихой человек колдун, колдуница, еретик, еретица своими белыми руками свой булатный нож, резал бы он свое белое тело своими белыми руками, грыз бы он свое белое тело своими белыми зубами. Уста мои — зубы, язык — замок, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Однако мужики и сами гоняли ведьм. Брали кнуты, оглобли да ходили по деревне. Сначала свою избу обойдут, потом к другим пойдут. Лупили у погребов, у хлевов кнутами, колотили со всей силы по стенам амбаров.

В день, который называли Битье морозное, *11 февраля*, ведьмы устраивали заломы травы сухой, снегом занесенной. Русский народ верил, что такие «закрутки», или «заломы», «закручиваются» с целью причинить смерть хозяину поля или чтобы заполнить чужое хлебное зерно летом.

Но к чертополоху ведьмы на полях никогда не прикаснутся, боятся его силы. Потому, чтобы не вытоптали защищающий посевы снег на поле ведьмы, надо чертополох по углам поля воткнуть.

18 февраля, в день Агафьи Скотницы, по деревням да селам пробегала «заморенная коровья смерть». Коровья смерть является людям в виде старой, отвратительной женщины, часто местной ведьмы.

Это не простая ведьма с хвостом; у коровьей смерти есть своя примета: «руки с граблями». Она сама никогда в село не заходит, а всегда мужики завозят ее с собой. Зато уж как заберется куда эта дорогая гостья, то досыта натешится: переморит всех коров, изведет все племя до конца.

Коровья смерть появляется впервые в конце или в начале осени. Одно только опахиванье изгоняет коровью смерть. От этого обряда она скрывается по лесам и болотам до тех пор, пока скотина выйдет в феврале на солнце обогреть бока. Тогда она, чахлая и заморенная, бежит по селам и с горя скрывается в степи, если не успеет пробраться в хлев. Надо запирать хлевы, убирать их лаптями, обмоченными в деготь, ибо такие лапти отгоняют от скота заморенную коровью смерть.

Народный обряд опахивания — это остатки древнего языческого верования наших отцов. Крестьяне совершали его для прекращения коровьей смерти. Мужья, изъявив свое согласие, предоставляли свершение этого обряда своим женам.

Повещалка, женщина старая, опытная, часто знахарка-ведунья, с раннего утра сзывала к себе женщин. В знак согласия участия в опахивании женщины обмывали руки водой и утирали их ручником, который приносила с собой повещалка. После этого она строго приказывала всему мужскому полу, от мала до велика: «Не выходить из избы ради беды великия».

Ровно в полночь повещалка в одной рубахе выхо-

дила к околице и с диким воплем: «Ай! ай!» — была в сковороду. На этот вызов выходили все женщины с ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами и дубинами. Мужчины запирали ворота, загоняли скот в хлев и привязывали собак. Повещалка, сбросив с себя рубаху, со всевозможным неистовством произносила заговоры на коровью смерть. В это время другие женщины подвозили соху, цепляли к оглоблям хомут и впрягались в сошеньку. С зажженными лучинами начиналось троекратное шествие вокруг всего селения.

Впереди всех шла с сохой совершенно голая повещалка* и проводила борозду межеводную, за ней следовало несколько женщин на помелах, в одних рубашках, с распущенными волосами. Позади них шла толпа, размахивая кочергами, косами, серпами, ухватами и дубинами, с полной уверенностью, что можно уничтожить теми действиями носящуюся над селениями коровью смерть.

Во время шествия они пели следующую песню:

От Океан-моря глубокого,
От лукоморья ли зеленого
Выходили двенадцать дев.
Шли путем, дорогой немалой,
Ко крутым горам, высокими,
Ко трем старцам, старим.
Молились, печаловались,
Просили в упрод
Двенадцать дев:
Ой вы, старцы старые!
Ставьте столы белодубовые,
Стелите скатерти браные,
Точите ножи булатные,
Зажигайте котлы кипучие,
Колите, рубите намертво

Всяк живот поднебесной.
И клали велик обет
Двенадцать дев:
Про живот, про смерть,
Про весь род человекь.
Во ту пору старцы старые
Ставят столы белодубовые,
Стелют скатерти браные,
Колют, рубят намертво
Всяк живот поднебесной.
На крутой горе, высокоей,
Кипят котлы кипучие.
Во тех котлах кипучиих
Горит огнем негасимым
Всяк живот поднебесной.

* Ритуальное обнажение тела, восходящее, вероятно, к культовым жертвоприношениям, долго сохраняло важное значение в магической практике, будучи средством обеспечения безопасности исполнителя обряда. Так, обнаженная девочка действует в обряде вызывания дождя, описанном в XI веке Бурхардом Вормским. По народным поверьям, призраки бессильны против голых людей. Обнажив срамные места, можно спугнуть колдуна, ведьму или черта. Людям, которых по ночам мучают кошмары, народная мудрость рекомендовала, ложась спать, раздеться догола посреди комнаты.

Вокруг котлов кипучиих
Стоят старцы старые,
Поют старцы старые
Про живот, про смерть,
Про весь род человекь.
Кладут старцы старые
На живот обет велик,

Сулят старцы старые
Всему миру животы долги;
Как на ту ли злую смерть
Кладут старцы старые
Проклятьице великое.
Сулят старцы старые
Вековечну жизнь
На весь род человекь.

С окончанием обряда женщины расходились по домам с уверенностью, что за обведенную черту вокруг селения не может пробраться коровья смерть. Горе тому животному, которое попадалось в это время навстречу неистовым женщинам: его убивали без пощады, предполагая, что в образе его скрывалась коровья смерть.

В великорусских и украинских селениях бытовали предания, в которых рассказывалось, что для истребления коровьей смерти обрекали на смерть ведьму, заподозренную целым миром в злых умыслах*

Сожжение, потопление или зарытие ведьмы в землю исторгало из нее, по мнению народа, злого демона (беса) и удаляло его из здешнего мира (с земли) в мир загробный (в ад).

В Северо-Западной Руси, где незнаком обычай опахивания, прицепляли в этот день коровам на рога хлеб

* Старинное народное верование, что для прекращения какой-либо эпидемии необходимо отыскать виновницу ее распространения и сжечь или закопать живую в землю, со временем перешло в другое верование, по которому для уничтожения мора самовернейшее средство — похоронить живую вообще какую-либо старуху.

В 1855 году оно даже было осуществлено жителями деревни Окопович Новоградского уезда, во время свирепствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьян упомянутой деревни везли хоронить своих только что умерших детей, то к печальной процессии по дороге присоединилось еще несколько крестьян, и между прочими сотский и старуха крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотский и некоторые из крестьян. Они задались целью вместе с умершими детьми похоронить и ее, так как были уверены, что самый верный способ прогнать холеру состоит в том, чтобы закопать в землю живую старуху и что это средство уже испытанное. Манькову действительно похоронили вместе с детьми. Но холера не прекратилась и похитила всех участников преступления, за исключением одного крестьянина Козакевича, на которого и обрушилось наказание. Козакевич по решению Минской уголовной палаты был признан виновным в убийстве с обдуманном заранее намерением и приговорен к наказанию плетьюми и ссылке в каторжные работы на 12 лет.

святой Агафии (освященный в ее честь) как предохранительное от мора средство.

В зажиточных селениях, где печи были построены с трубами, происходили в этот же день, 18 февраля, «большие хлопоты». С вечера закрывали трубы крепко-накрепко, замазывали глиной, на загнетках окуривали чертополохом; никто не спал ночью, от малого до большого. В этот день вылетают из ада нечистые духи в виде птиц и заглядывают в трубы. Где оплошают, не примут предосторожностей, там уж наверно поселятся нечистые. Если уж куда заберется нечистый, так весь дом поднимет вверх дном. Все перебьет и переколотит; ничего не останется на месте. Хозяева беги вон, если хотят быть живыми. Достается и соседям, и прохожим.

Когда повеет весной, то, по существовавшему на Руси поверью, черти проветривают колдунов и с этой целью поднимают их на воздух и держат головой вниз. Происходит эта странная процедура на Благовещение, 7 апреля. Этот день — *третья встреча весны*. (Первая встреча весны бывает на Сретение (15 февраля), вторая встреча — на Сороки (22 марта).)

Очень часто колдун или ведьма, которых «проветривают», могут быть увлечены вихрем. Если увидеть несущийся по дороге столб пыли, то можно бросить в него нож или топор — любой предмет, сделанный из стали и железа. И тогда нож воткнется в ведьмака.

Именно на Благовещение колдунов можно увидеть. Делает это знахарь, который, договорившись за большую цену, после утрени приходит на двор человека, который хочет узнать ведьмаков в деревне, садится на лошадь, «какую не жаль», лицом к хвосту и ездит по селению, не оборачиваясь. Когда выедет за околицу, он должен посмотреть на трубы, над некоторыми из которых висят колдуны. Если испугаться и обернуться, то нечистая сила разорвет на куски лошадь и сведет с ума знахаря. Но если знахарь был не из пугливых и узнавал колдуна, то тогда славе его не было границ.

После наступления теплых деньков и прихода весны нечисть утихала, но в мае вновь принималась за старое.

5 мая в «ляльное время» — время хороводов и игр — не только девушки хотели повеселиться, но и нечис-

тая сила. Это был день ведьминых хороводов. Стлали ведьмы на росную траву белый холст и начинали на нем хороводы водить.

К 5 маю ведьмы, как считал русский народ, уже тяжелели, то есть были на сносях. Поэтому, когда баба не могла забеременеть, она шла к лесной поляне, над которой поднимался теплый вешний пар. Выглядывала она ведьм, раздевалась и вставала незаметно в хоровод на холсте. А потом отрывала от утоптанного полотна лоскут, приходила домой, утиралась и вскорости беременела. Однако многие верили, что если баба попадет в этот хоровод, то ведьмы подкинут ей в чрево своего ведьменка, и навек та баба останется в подчинении у нечистой силы.

Особую силу ведьмы и колдуны набирали в дни Аграфены Купальницы (6 июля) и Ивана Купалы (7 июля).

Для предохранения от ведьм, которые на Аграфену имеют особую силу, на подоконники клали жгучую крапиву, а на пороге — небольшую осинку, непременно вырванную с корнем.

Травы в эти дни были в самом соку, а потому сбор лечебных корней и зелий накануне Ивана Купалы особенно важен. С ночи Аграфены Купальницы на утро Ивана Купалы, как говорят легенды, цветут волшебные травы: сон-трава, тирлич, колюка, папоротник, разрыв-трава, одолень-трава.

Многие растения в эту ночь приобретают магические свойства. Так, славяне верили, что если взять девясил, сорванный в ночь на Ивана Купалу, высушить и истолочь в порошок, смешать с серой амброй, потом носить его какое-то время в ладанке, а затем растворить в воде и дать выпить (или подмешать в еду) любимой девушке или женщине, то ответная любовь будет обеспечена.

7 июля, в день Ивана Купалы, или Ивана Травника, было принято соблюдать многие обряды и собирать травы, о чем мы расскажем в главе, посвященной знахарям-травникам.

В этот же день купались в озерах и реках, а после купания людей купали там и лошадей хворых. В день Ивана Купалы от купания проходили решительно все болезни, только купаться надо между утреней и обед-

ней. В некоторых местах существовало даже убеждение: кто в Купалу не станет купаться, тот колдун.

Еще в этот день жгли костры, и народ был уверен, что ведьмы собирали пепел от «купальских огней». У них в доме постоянно хранилась вода, вскипяченная вместе с этим пеплом. Когда ведьма хотела отправиться в полет, она опрыскивала себя этой водой и улетала на шабаш.

Народ был твердо уверен, что ведьмы в Ивановскую ночь летают на Лысую гору на помелах. Это их ночь, ведунов, колдунов, домовых, водяных, русалок, леших. Белорусы из предосторожности запирали в ту пору лошадей, боясь, чтобы на них не поскакали ведьмы на Лысую гору. Малороссы для защиты от ведьм вешали на окнах и порогах дверей жгучую крапиву.

Эти оргии ведьм, помимо Ивановой ночи, обыкновенно совпадали с христианскими праздниками — Пасхой, Троицей, Ивановым днем, Рождеством. В малом размере шабаш справлялся также и в будни, один раз в неделю. Местом для этих сходок ведьм выбирались горы или равнины, перекрестки, кладбища, развалины.

На эти сходки, как мы уже говорили, ведьмы едут верхом на метлах и кочергах, предварительно намазавшись волшебной мазью. Путь идет обыкновенно через дымовую трубу по воздуху, высоко над землей, иногда же ведьмы бегут туда пешком в образе собаки, кошки или зайца.

Посещение шабаша было обязательно для ведьмы, потому что на шабаше происходило поклонение Сатане и совершались акты преданности ему и отступления от Бога и Церкви.

Оргии продолжались до зари и пения петухов. Тогда всё исчезало и все разлетались в разные стороны. На пути ведьмы разбрасывали свои мази и яды на поля, скот и людей и сеяли повсюду порчу и пагубу. Чтобы вернуться незамеченной домой, ведьма часто принимала образ какого-либо домашнего животного — собаки или кошки.

8 июля, в день Февронии Русальницы, колдуны и ведьмы выжимали сок из собранной накануне тирлич-травы, которая наводит злые чары и дает молодость. Трава тирлич, по преданиям, должна была собираться на Лысой горе близ Днепра под Киевом. Тирлич входил

в состав мази, которой натирались ведьмы для полета на шабаш, поэтому в народе траву называли «колдуновой» и «ведьминным зельем».

Зельем, сваренным в горшке, ведьмы мазали себе под мышками и под коленками, а затем вылетали в трубу.

Но любой нечистой силе приходит когда-нибудь конец. По мнению русского народа, случается это *12 августа*, в Силин день, когда «обмирают ведьмы». Происходит это будто бы оттого, что они опиваются молоком. Ведьмы сначала задаивают коров до смерти, в потом «обмирают». Уж если «обомрет» ведьма, то ее ничем не пробудишь. Жги скорее пяты соломой; дело пойдет на лад: вся ведьминская сила в землю уйдет, и можно уже не опасаться ее козней.

Страшно смотреть на ведьму, когда она обомрет: под ней и земля трясется, и в поле звери воют, и от ворон на дворе отбоя нет, и скот не идет на двор, и в избе все стоит не на месте. Если жечь пяты, то проснется она — очнется. Говорят старухи, что ведьмы после такого пробуждения никогда уже не дотрагиваются до коров и не смотрят на молоко.

У знахарей можно было купить разные снадобья, спасающие коров от нападения ведьм: те просто не могли к ним подойти. Тем не менее крестьяне знали, что такие зелья не всегда помогали. Хитрые ведьмы умели преодолевать силу знахаря: они подходили к коровам задом, как будто не приближались к ним, а наоборот, уходили.

Но если обсыпать дом и дворовые постройки собранным в день Макковья, *14 августа*, маком (но это должен быть непременно дикий мак-самосейка и освященный в церкви) — то ведьмы ничего не смогут сделать с живущей там семьей. Надо сказать, что мак в русской традиции — мифопоэтический образ сна и смерти, а цветущий мак — небывалой красоты. Мак широко применялся колдунами и знахарями.

Смерть колдунов и ведьм

Умирили и ведьмы, и колдуны страшно, так как считалось, что им черт не дает умирать. Потому ведьма и колдун перед смертью старались передать свои зна-

ния другому, так как оставить их при себе — грех. В случае трудной смерти поднимали «кочет», передние стропила крыши, вбивая под него клин или «конь снимали» («конек» — украшение на передних стропилах крыши). Считалось, что, если заглянуть сквозь это отверстие внутрь избы, можно было увидеть, как черти терзают душу колдуна.

Ни в коем случае нельзя было встретиться с умирающим ведьмаком взглядом. Если считалось, что встретиться с остановившимся взглядом любого покойника — очень опасно, поскольку мертвый мог «увести за собой» (и именно поэтому практически у всех народов погребальный обряд требовал, чтобы покойникам закрывали глаза или вообще лицо), то посмотреть в глаза умирающего колдуна — просто смертельно. Во взгляде чародея сосредоточена сила, способная навредить не только людям, но и действующая не хуже любого природного катаклизма, от которого может произойти какое-нибудь стихийное бедствие.

Так, С. Максимов приводит рассказ о некоем колдуне из Орловской губернии Брянского уезда, дочь которого, повинувшись взгляду умершего, положила в его гроб свежей сжатой ржи. Тотчас же после похорон грянул гром, откуда ни возьмись явилась черная грозовая туча с градом — и выбила все посевы. С тех пор каждый год в день похорон этого колдуна стало постигать «Божье наказание» (самое удивительное, как пишет фольклорист, что действительно в 1883, 1884 и 1885 годах град при грозе побивал хлеб лишь в одной этой деревне), так что крестьяне наконец решили миром разрыть могилу и вынуть гнилой сноп. И только тогда, как утверждали в деревне, всё успокоилось.

После смерти колдуна от его трупа распространялся страшный смрад, и тело в тот же день разлагалось.

Еще в народе считали, что если над колдуном или ведьмой три ночи подряд читать Псалтырь, то каждую ночь умерший чародей будет подыматься из гроба и стараться схватить отчитывающего его. Если не испугаться, стоять в кругу, обведенном стальным ножом, и продолжать чтение молитв, то на третью ночь ведьмак умрет по-настоящему и никогда уж больше не будет

пугать живых. Этот сюжет хорошо нам известен из повести «Вий» Н. В. Гоголя*.

Погребали колдунов и ведьм по христианскому обряду, как и прочих умерших естественной смертью крестьян, но иногда хоронили их поздно вечером. Это бывало тогда, когда родственники умершей, боясь «посещения ее из могилы», просили священника прочитать над нею «закрытые молитвы», а потому желали,

* Цикл повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», в который входит «Вий», вышел двумя частями. В 1831 году была опубликована первая книга, в которую вошли повести «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница» и «Пропавшая грамота», а в 1832 году вышла вторая книга, в составе которой были «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Заколдованное место» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».

Повести этого цикла целиком и полностью построены на поверьях и преданиях Малороссии. Даже само название — «Вечера на хуторе близ Диканьки» — настраивает на сказочный лад, ибо былички и легенды рассказывались в крестьянской среде на отдыхе — по вечерам. Несмотря на этнографическую точность описаний быта малороссов, их обычаев и поверий (известны письма Гоголя родным с просьбой прислать описание свадьбы, народные рассказы о русалках, описания праздника Ивана Купалы и т. д.), привлекает писателя прежде всего все-таки мир сказочный, мир волшебный.

Все детали и все сюжеты, использованные Гоголем в цикле «Вечеров», находят свои точные параллели в малороссийском фольклоре.

Так, общеизвестен факт, что наиболее характерными и самыми распространенными среди сказок украинцев являются сказки о живых мертвецах, встающих из гроба, и сказки о кладах. Мотив поиска кладов становится основной сюжетной линией повестей «Заколдованное место» и «Вечер накануне Ивана Купалы».

В основу «Ночи перед Рождеством» легла малороссийская сказка, в которой черт жестоко мстит кузнецу за нанесенное ему оскорбление. Однако в повести Гоголя черт не столько страшен, сколько смешон.

Значительно менее комичным получается у писателя образ ведьмы — будь то Солоха или панночка из «Вия». Последняя упомянутая нами повесть Гоголя написана им на «классический» сказочный сюжет восточных славян — «Девушка, встающая из гроба». Народным является и сам образ Вия.

Наиболее привлекательна, пожалуй, ведьмочка-утопленница из «Майской ночи». Невозможно не обратить внимание и на то, что русалочки Гоголя — типичные нежные, веселые русалки украинского фольклора, а не злобные фурии русских сказок (*Еремина В. И.* Русская литература и фольклор первой половины XIX века. М., 1982; *Луцанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959; *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. М., 1978).

чтобы было поменьше народа при исполнении этого обряда.

Часто ведьма после смерти приходила по ночам к своим домашним и занималась хозяйством, как при жизни. Чтобы избавиться от этих ужасных посещений ведьмы, ее прибивали к гробу колом или по крайней мере осиновыми кольями прибивали крышку к гробу. Так же поступали и с начавшими «гулять» по ночам колдунами.

А главу эту нам бы хотелось закончить украинской сказкой «Остап купеческий сын отчитывает панночку», в которой рассказывается, как именно умирали ведьмы и как именно их отчитывали.

«В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Остап. Выучился Остап грамоте и нанялся к одному богачу в работники. Хорошо он работал на него три года, получил за все это время жалованье и собрался домой.

Идет он дорогою, а навстречу ему нищий плетется — и хром, и слеп, и просит святой милостыньки Христа ради. Купеческий сын отдал убогому все заработанные деньги и пришел домой ни с чем; а тут несчастье — отец помер, надо хоронить да долги платить. С ног парубок сбился, но управился с делами и даже отцово дело продолжать стал: за торг принял.

Вскоре прослышал он, что двое его дядьёв нагружают корабли товарами и хотят за море ехать. “Дай, — думает, — и я поеду! Авось дядья возьмут меня с собою” Пошел к ним проситься.

Дядья обещали. “Приходи, — говорят, — завтра!” — а назавтра чуть свет распустили паруса и уехали одни, без племянника.

Остап запечалился, но мать его была умная женщина и говорит ему:

— Не кручинься, сыночка! Ступай на рынок, найми себе приказчика — только постарей выбирай; старые люди — бывалые, на все догадливые. Как наймешь приказчика, изготовь корабль и поезжайте вдвоем за море. Бог не без милости!

Остап купеческий сын послушался, побежал на рынок, а навстречу ему седой старичок:

— Куда спешишь, добрый молодец?

- Иду, дедушка, на рынок, хочу нанять приказчика.
- Найми меня!
- А что возьмешь?
- Половину барыша.

Купеческий сын согласился и принял старика в приказчики.

Изготовили они корабль, нагрузили товарами и отвалили от берега. Ветер был попутный, корабль ходкий, и прибыл Остап в чужестранное государство в то самое время, как дядьёвы корабли в пристань входили.

В том государстве обмерла у царя дочь, а была она страшной ведьмой. Вынесли ее в церковь и каждую ночь посылали к ней по одному человеку на съедение. Много народу погибло, царь-отец с дочкой-ведьмой сделать ничего не может: сила ее чар была больно страшная.

“Что же делать? — думает царь. — Этак, пожалуй, и царство мое не устоит”. Думал-думал и выдумал: вместо своих людей посылать к дочери приезжих из иных земель. По его указу какой бы купец ни явился у пристани — должен наперед перебыть ночь в церкви, а потом, коли уцелеет, — может и покупать, и продавать, и назад ехать.

Вот новоприезжие купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде в церковь идти. Кинули жребий, и доставалось на первую ночь идти старшему дяде, на вторую ночь — младшему дяде, а на третью ночь — Остапу купеческому сыну.

Дядья испугались и давай просить своего племянника:

— Голубчик Остапушка! Переночуй за нас в церкви; что хочешь — то и возьми за послугу, спорить не будем.

— Постойте, я спрошусь у дедушки.

Пошел к старику.

— Так и так, — говорит, — дядья пристают, просят за них потрудиться. Как ты, дедушка, присоветуешь?

— Ну что ж — потрудись; только пусть они за то по три корабля тебе дадут.

Остап купеческий сын передал эти слова своим дядюшкам, они согласились:

— Ладно, Остап! Шесть кораблей — твои.

Когда наступил вечер, старичок взял Остапа за руки, привел в церковь, поставил возле гроба и начертил круг:

— Стой крепко, из-за черты не выходи, читай Псалтырь и ничего не бойся!

Сказал и ушел, а Остап купеческий сын остался один в церкви, развернул книгу и начал псалмы читать. Как только пробило двенадцать часов — подымается крышка с гроба, встает царевна и подходит прямо к черте. “Я тебя съем!” — грозит, рвется вперед, кричит на разные голоса, и по-собачьи, и по-кошачьи, а переступить черты не может. Остап читает, на нее не смотрит. Вдруг петухи запели, и царевна бросилась в гроб как попало, только платье ее через край повисло.

Поутру посылает царь своих прислужников: “Ступайте в церковь, приберите кости” Прислужники отперли двери, заглянули в церковь — а купеческий сын стоит живой перед гробом да все Псалтырь читает.

На другую ночь было то же самое; а на третий день вечером взял старик Остапа за руку, привел в церковь и говорит: “Как только ударит двенадцать часов, ты, не мешкая, полезай на хоры. Там стоит большой образ Петра-апостола, стань позади него — ничего не бойся!”

Купеческий сын принялся за Псалтырь и читать стал, как и в прежние ночи. Ровно в двенадцать часов видит — крышка с гроба подымается. Он тогда поскорей на хоры и стал позади большого образа Петра-апостола. Царевна выскочила да за ним. Прибежала на хоры, искала-искала, все углы обошла — не могла найти. Подходит к образу, глянула на лик святого апостола и задрожала; вдруг от иконы глас раздался: “Изыди, окаянный!”

В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она перед иконою на колени и начала со слезами молиться.

Остап купеческий сын вышел из-за образа, стал с нею рядом, крестится да поклоны кладет.

Поутру приходят в церковь царские прислужники, смотрят — Остап купеческий сын и царевна стоят на

коленях и Богу молятся. Побежали они к царю и доложили о чуде произошедшем.

Царь обрадовался, поехал сам в церковь, привез царевну во дворец и говорит купеческому сыну: “Ты мою дочь и все царство избавил; возьми ее за себя замуж, а в приданое жалую тебе шесть кораблей с дорогими товарами”

На другой день их перевенчали; весь народ пировал на свадьбе — и бояре, и купцы, и простые крестьяне.

Через неделю после того собрался Остап купеческий сын домой ехать; распростился с царем, взял молодую жену, сел на корабль и велел выходить в море. Бежит его корабль по морю, а вслед за ним двенадцать других плывут; шесть кораблей, что царь подарил, да шесть кораблей, что у дядьев выслужил.

На половине пути говорит старичок Остапу купеческому сыну:

— Когда ж станем барыши делить?

— Хоть сейчас, дедушка! Выбирай себе шесть кораблей, какие полюбятся.

— Это не все; надо и царевну поделить.

— Что ты, дедушка, как ее делить?

— Да вот разрублю надвое: тебе половина да мне половина.

— Бог с тобой! Этак она никому не достанется; лучше бросим жребий.

— Не хочу, — отвечает старик, — сказано — барыши пополам, так тому и быть!

Выхватил меч и рассек царевну надвое — поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гадов и змей, сложил царевнино тело, сбрызнул раз святою водою — тело срослось, сбрызнул в другой — царевна ожила и сделалась краше прежнего.

Говорит тогда старик Остапу купеческому сыну:

— Бери себе и царевну, и все двенадцать кораблей, а мне ничего не надо: живи праведно, никого не обижай, нищую братию одевай да молись святому апостолу Петру. — Сказал и исчез.

Купеческий сын воротился домой и жил со своею царевною долго и счастливо, никого не обижал и бедным завсегда помогал».

ЗНАХАРСТВО

*Гой, земля еси сырая,
Земля матерая.
Матерь нам еси родная,
Всех еси нас породила
И угодем наделила;
Ради нас, своих детей,
Зелый еси народила
И злак всякой напоила,
Польгой* беса отгоняти,
И в болезнях отгоняти!
Повели с себя урвати
Разных снадобьев, угодье
Ради польги на живот!*

Великорусская песня

Глава четвертая

Представления русского народа о болезнях и их причинах

Народная медицина представляет один из наиболее интересных отделов «народоведения», поскольку ее практическое значение остается важным и для современного человека.

Размышляя о причинах жизни и смерти, здоровья и болезни, сна и сновидений, все первобытные народы выработали для объяснения их одну основную теорию, названную известным английским ученым Э. Тейлором «анимизмом», то есть верованием в духов или души явлений. По этой теории, человек состоит из видимой оболочки — тела — и невидимого, бесплотного существа, обитающего в нем и управляющего всеми его действиями, — души или духа. Душами у разных народов признавались различные органы и ткани тела — сердце, кровь, легкие, мозг. Во время сна душа временно покидает тело и странствует по свету, посещает различ-

* Польга — польза, льгота, облегчение (обл.).

ные неведомые страны, друзей, родных, даже умерших, вступает с ними в сношения. Когда душа возвращается в тело — человек просыпается.

Если часть тела, служащая обителью души, разрушается, то душа покидает тело навсегда — с вытекающей кровью, с последним вздохом, — и человек умирает. Души умерших продолжают свое существование в загробном мире и нуждаются во всем том же, что и живые люди, — в пище, одежде, украшениях, различных орудиях и оружии. Они не прерывают сношений с живыми: являются им во сне и видениях, присутствуют невидимо на различных торжествах, для них устраиваемых. Отсюда — всемирно распространенные обычаи: помещать в могилу с покойником так называемые «загробные дары», учреждать поминки и тризны. Если живые не заботятся о своих мертвых, забывают о их нуждах и потребностях, то души умерших мстят, насылая различные несчастья и болезни. Для избавления от таких бед вполне естественными способами милосердия оскорбленных душ представляются молитвы, обеты и жертвы.

Воззрение на душу, как причину всех проявлений человеческой жизни, было затем распространено и на всю природу. Первобытный человек населил духами и душами не только животных и растения, но и неодушевленные предметы. Духи слышались ему в грохоте бури и вое ветра, наводили дождь и вызывали засуху, закрывали солнце и луну во время затмений.

Все явления природы рассматривались первобытным человеком исключительно с личной, эгоистической, точки зрения как выгодные, полезные для него, или как невыгодные, вредные. Поэтому и духи, управляющие этими явлениями, делятся на две категории — добрых и злых.

Злые духи болезней и Божественное провидение

Естественно, что различные страдания, болезни, внезапная смерть, причины которых были непонятны человеку, приписывались злым духам, «демонам болез-

ней». Проникая в тело, они пили кровь, грызли и рвали внутренности, повергали больных в мучениях и судорогах на землю, сводили с ума или сразу убивали их.

Религиозность русского крестьянина и его глубокая вера в Бога, с одной стороны, и сильная вера в лешего и черта — с другой, создали особое отношение народа к причинам болезней, в котором демоническому началу отводится гораздо больше места.

Без сомнения, это обстоятельство тесно связано с представлением народа о Боге как о существе кротком, милующем и прощающем, а не мстительном и карающем, способном посылать страдания людям лишь в исключительных случаях.

Воле Провидения приписывается, большей частью, появление эпидемических болезней как Божие наказание и как кара за общий грех и неправду людей. Иногда, впрочем, Бог посылает эти болезни и «любя». Уйти от них никто не может, и от такого «мора» не избавит никакой доктор. Лишь в редких случаях, как Божие попущение, случаются отдельные заболевания, например, травматические повреждения, происходящие случайно — от неосторожности.

По представлениям русского народа, болезни живут между небом и землей, в доме из железа и стали, с медными дверями, двенадцатью замками, наложенными на них от Бога печатями и с ключами у дьявола. Когда Господь прогневается на человека, то посылает ангела выпустить одну из болезней. Ангел прилетает к дому болезней и снимает печати, а дьявол отпирает дверь и выпускает одну из болезней. По указанию ангела она является, поражает человека, которому назначено заболеть ею, и идет с ответом к Богу. После ответа ангел снова отводит ее в дом болезней, запирает двери и накладывает на них печати.

Гораздо обширнее и разнообразнее участие в происхождении болезней нечистой силы, которая выступает на сцену, как только Бог отступает от грешников. В некоторых местах России верили, что болезни находятся в непосредственном распоряжении дьявола и проживают у него в аду. Иногда русский человек признавал дьявола даже неким отцом всех болезней, обя-

занных ему безусловным повиновением, и потому-то такие болезни, происходящие от чертей, являются самыми трудными и неизлечимыми. Иногда нечистая сила в состоянии навести всякую болезнь, иногда только повальные болезни, иногда же роль ее ограничивается почти исключительно сферой психических и нервных заболеваний.

С такими представлениями совершенно согласовалось и лечение. Для излечения болезни нужно было так или иначе удалить, вывести из больного мучающего его духа. Эта цель и достигалась то молитвами и жертвами, которыми старались умилоустивить духа, умолить, чтобы он покинул больного, то различными заговорами и заклинаниями, которыми надеялись устрасить духа, заставить его выйти из больного. Тем же целям служили различные амулеты (наузы, обереги, ладанки), которые люди носили при себе. Амулеты состоят из предметов, которых не любят или боятся духи, и, таким образом, служат предохранительными средствами от вселения их в человека.

Но умолить, а тем более устрасить духа может не всякий, нужно уметь это сделать, а для этого нужно быть знакомым со свойствами духов, иметь «связь» с ними, знать различные обряды, молитвы, заговоры, заклинания; отсюда понятно, почему первыми врачами являлись жрецы и знахари.

Народные целительные ритуалы, многие из которых сохранились с языческих времен, несмотря на многовековые преследования со стороны Церкви, были весьма разнообразны. Магическая техника воздействия на человека, его телесное и душевное здоровье поставила себе на службу все мыслимые предметы окружающего мира, их «естественные» и «магические» свойства. Большая часть таких обрядов восходит к древним природным культам и строится по законам подобия и контакта.

Целительные процедуры, даже довольно «рациональные» на первый взгляд, сопровождались множеством дополнительных ритуальных действий. Весьма актуальным во время лечения считался, например, обет молчания: больному запрещалось говорить кому-либо

о ходе лечения или предписывалось молча свершать определенные действия, направленные на исцеление. Молчание могло быть и своего рода «профилактикой»: нельзя, например, болтать по дороге на кладбище — можно потом заболеть.

«Вера же в целительную силу земли, воды, огня связана с хтоническим культом, — пишет Е. Ю. Арнаутова. — Так, костры в Иванову ночь, приходящуюся на канун летнего солнцестояния, имеют отношение к культу очищающего священного огня. Для народной обрядности характерно, что некоторые действия, свершаемые во вполне определенный момент (мифологизация времени!), приобретают магические свойства: одним из таких дней и является день летнего солнцестояния. По закону подобия, то здоровье, которое обеспечивается стоянием в дыму священного костра или прыжками над огнем, равно как и купанием в воде в этот день (очищающие свойства воды!), должно сохраняться весь год. Интересно отметить, что в данном случае совпадение с христианским праздником (днем поминовения Иоанна Крестителя 24 июня) сообщает еще большую весомость совершаемым одновременно народным обрядам, по происхождению не имеющим ничего общего с христианством».

Особой целительной силой обладают кровь, пот и другие выделения человеческого тела, кровь и внутренности животных. Кровь — основная носительница жизненной силы. Вытекающая из раны кровь уносит с собой и жизнь, а падая на землю, делает тело нечистым. С кровью можно было перенять чужую жизненную силу, поэтому она наиболее активно использовалась в целительной магии и вообще в колдовстве.

В то время как запас эмпирических лечебных средств увеличивается в народе, по мере опыта, и распространяется в массах, мистические способы лечения ревниво оберегаются в известных семействах, передаваясь под величайшим секретом, и нередко только перед смертью, от учителя его любимому ученику, от отца — любимому сыну.

С течением времени истинное значение различных обрядов и символов, сопровождающих это лечение,

забывается, остается лишь ряд обесмысленных, непонятных, но поражающих воображение своей таинственностью приемов, вроде нашептываний, сплевываний, sprыскиваний, дуновений и т. п.

Знахари часто не ограничивались таким чисто психическим лечением и соединяли его с назначением больным различных, нередко сильнодействующих и даже ядовитых средств.

Разнообразные символические действия, травы, амулеты и заклинания, а также внутренности жертвенных животных, мыши, жабы лапки, змеи и дождевые черви, волосы, ногти, осколки зеркал — все это в контексте магических ритуалов приобретало целительное значение. Исследователи указывали на то, что всякое снадобье, которым пользовались для исцеления или нанесения вреда, даже самое простое на вид, являлось тщательно разработанным символом. Далеко не всегда мы можем разгадать значения этих символов, далеко не всегда догадывались или вообще задумывались о них и сами исполнители обрядов или изготовители снадобий. Для знахарей ритуал был исполнен глубочайшего внутреннего смысла, подчиненного одной цели — целительству.

Однако смысл этот ритуал получает только в контексте определенной культуры, ибо разумность народных обрядов, действенность которых мотивируется тем, что «так делали всегда», определяется отнюдь не отраженным в них рациональным опытом, даже если таковой и имеется. Эти обряды «разумны, как разумна модель мира, обеспечивающая благополучие ее носителей», и эта разумность держится на иных, не приземленно-прагматических основаниях*.

Не подлежит сомнению, что в сокровищнице народных средств и способов врачевания находится немало очень действенных и полезных рецептов, но мало или вовсе не известных научной медицине. Как бы ни открепщивались от народной медицины ярые поборники так называемого строго научного направления в терапии, последняя всегда пользовалась, пользуется и еще долго будет пользоваться материалами из этой сокровищницы.

* Цивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. М., 1985. С. 173.

Чтобы не ходить далеко за доказательствами, достаточно будет припомнить, что один из лучших русских терапевтов, профессор С. П. Боткин, не стеснялся ввести в научную практику настойку из ландышей и порошок из сухих тараканов, взятые из народной медицины. Вошедшая в научную терапию настойка подсолнечника, в качестве противохородачного средства, издавна употреблялась крестьянами в Саратовской губернии, а отвар черники, который охотно назначают врачи против поносов, особенно у детей, с незапамятных времен применялся как домашнее средство в Нижегородской и Казанской губерниях.

Мало того, даже такой модный нынче массаж тоже заимствован из народной медицины.

Народные названия различных частей тела и болезней

Приступая к изучению народной медицины, необходимо ознакомиться с ее терминологией, во многом отличающейся не только от терминологии научной, но и от той, которая обычно употребляется в разговорном языке образованных классов.

Здесь мы приведем пока ряд народных названий различных частей тела, его органов и тканей, а также названия различных болезней.

Большая часть последних взята из народных говоров русского населения Поволжья, меньшая — из других местностей. Некоторые названия заимствованы из старинных травников и лечебников.

Народные названия частей тела

Очи — глаз. Например: «Очи помутились, разболелись, преют».

Подочи (под-очи) — нижние веки (в старинных лечебниках).

Дыхало — гортань.

Скула — верхняя челюсть.

Салазки — нижняя челюсть. Например: «Ему свернули салазки».

Чушка — подбородок.

Жабры или *зебры* — подчелюстная область.

Пазуха — область груди; под пазухой — в подмышечной ямке.

Титьки, сиськи — женские груди.

Зашей, загривок, выя — заднешейная область.

Вздохи — боковые области груди; под вздохами — подреберные области.

Под сердцем, усердца — подложечная область. Например, часто в русских деревнях жаловались доктору: «Под сердце подкатило».

Крыльца — лопатки.

Становая жила, кость, хребет — позвоночник.

Брюхо, чрево, утроба — брюшная полость со включением желудка и кишок. «Брюхо болит», «Утробу смыло» — понос; «Надмение чрева» — вздутие живота (по старинным лечебникам).

Стегно — пах.

Плючи — легкие (в старинных лечебниках).

Ляшки, ляжки — внутренние, мягкие части бедра (от ст. «лядвей»).

Голяшки — голени.

Зев — рот.

Хвостик — копчик.

Персты — пальцы.

Козонки — пястные, плюсневые кости и фаланги, по сходству с кознами (бабками) животных.

Хода — стопа.

Вертлюг — сустав.

Мослы — кости.

Водяной проход — мочевые пути (в старинных лечебниках).

Лихарь, мехирь, фирс — мужской половой член (по старинным лечебникам).

Плешь, плюшка — головка полового члена.

Шулята, ядра — семенные железы.

Золотник, матица, дна, нутро — матка (в старинных травниках и заговорах).

Мясные ворота — влагалище.

Луна или *луно* — наружные половые органы женщины (в старинных лечебниках и заговорах).

Затвора — половые губы (там же).

Гузно, гузнышко — задница.

Гузенная кишка — прямая кишка.

Жилами называются как кровеносные сосуды («жилы кровавые»), так и сухожилия («жилы светло»).

Руда — кровь, «метать или отворять руду» — пускать кровь.

Поджилки — подколенные ямки.

Брюховица — желудок (редко).

Плот — мужское семя.

Крови, временное, цвет — месячные.

Родимичье место — послед (в старинных лечебниках).

Селезень — селезенка.

Народные названия болезней

Болезнь вообще в народных говорах называется «недугом, немощью, скорбью, болезтью, хворью, хворобой».

Барин — чирей (см. «князь»).

Банная нечисть, банный прилеп — сыпь на теле, происходящая от заражения в банях.

Болячки — небольшие язвы, особенно покрытые струпьями.

Болячки гниющие — язвы на ногах.

Болячки от лежания — пролежень.

Болячка моровая — чумной бубон.

Бышиха, башиха — рожа.

Весеница — цинга.

Волос, волосатик — язвы, сопровождающиеся омертвлением клетчатки, выходящей в виде волокон, шнурков и т. п.

Вздымание, или надмение, чрева — вздутие живота (в старинных лечебниках).

Вихлец — понос.

Витряной перелом — острый суставной ревматизм.

Ворогуша — лихорадка, от слова «ворог» — враг.

Воспа — оспа.

Восца — зуд.

Врек — болезнь или несчастье, приключившееся

человеку или скотине от чужих слов, от недоброй похвалы.

Выхождение пупа — пупочная грыжа.

Гнетеница, гнетуха — лихорадка.

Гнилицы — омертвелые язвы.

Головник — головные боли, соединенные с гноетечением из ушей.

Гостья — лихорадка.

Горлянка, горнуха — горловые болезни вообще.

Грыз — боли, имеющие рвущий, грызущий характер.

Грудница — болезни женских грудей вообще.

Гуньба — молочница во рту детей.

Давушка — дифтерит.

Добрая, добруха — лихорадка.

Дрянь — гноетечение, «дрянь идет» — течет гной.

Душу мутит, с души тянет или воротит — тошнит.

Жажжа, изгага — изжога.

Жаба — болезни сердца.

Жабка — ангина.

Желуница или желтуница, желтетка, желтая немочь — желтуха.

Жемчужная болезнь — подагра.

Живот опустился — опущение матки.

Жижка — прыщ на губах и языке.

Закожник — чирей.

Заметуха — понос.

Заноготница, ногтовидица — ногтоеда.

Захват рук — острое воспаление кожи, развивающееся на кистях рук во время жатвы, в сильную жару.

Запорище — продолжительный запор.

Запор водяной — задержание мочи.

Запор нутряной или чревной — запор собственно.

Злая корча — судорожная форма отравления спорыньей.

Злые волосы — неправильный рост ресниц.

Змеиный пострел — сибирская язва.

Знобуха — лихорадка.

Зуда, зудиха — чесотка.

Игрец — истерия, кликушество.

Икота — истерия, *икотница* — страдающая истерией.

Кила — грыжа, а также и другие опухолевидные болезни.

Кликуша, кликушество — истеричка, истерия.

Князь — чирей. Например: «У него князь на затылке сел».

Колотье — колющие боли различного происхождения.

Короста — струп.

Корчи — судороги.

Корюха — корь.

Крикливцы, кфиксы — различные детские болезни, сопровождаемые криками, особенно по ночам.

Крови — маточные кровотечения.

Кума, кумоха — лихорадка.

Лентовик — глисты.

Летячий огонь — рожа.

Летячка — ветреная оспа.

Личная нечистота — различные сыпи и пятна на лице.

Лихой — нарыв на пальце.

Ломотная немочь — подагра.

Моровая язва — чума.

Мыт — понос. При сильных поносах у людей говорят: «Его совсем смыло».

Мясо дикое — избыточные, грибовидные грануляции.

Нажим — твердая мозоль.

Навья, или могильная, косточка — небольшие круглые опухоли на сухожилиях рук.

Надсадиться, надорваться, надсада — сильно растянуть, надорвать мышцы, при поднятии тяжести.

Намока — насморк.

Невстаниха, нестоиха — мужское бессилие.

Норицы — глубокие язвы на голени.

Ночница — бессонница, с глазу или переговору (Орловская губерния).

Нутрец — кашель с одышкой.

Нырок — опускной, натечный нарыв.

Обаяние — галлюцинации.

Обкладки — дифтерит.

Облив — сплошная сыпь на лице.

Обнос — головокружение, «голову обносить».

Огневица, огневая, огнева, огневка — горячка.

Оговор — болезнь, напущенная словами, недобрыми или не в пору сказанными.

Огонь, огники — красные пятна, преимущественно на лице.

Озева — порча, *озывать* — испортить (от слова «зев» — рот).

Озноблины — обморожения.

Озык, озычить — сглаз, сглазить.

Ожорм — отравление каким-либо ядом, боль под ложечкой.

Отпор — поясничные боли.

Отышка — одышка.

Осуда — сглаз, *осудить* — сглазить.

Оток — отек, опухоль какой-либо части тела.

Отер — ссадины на ногах.

Палячка — горячка.

Пежины на теле, лягушки, матежи — темные пятна на коже.

Переполох — испуг и болезни, от него происходящие.

Перелог — задержание мочи (в старинных лечебниках).

Перхать — кашлять.

Перхуй — кашель.

Подрожье — лихорадка (от глагола «дрожать»).

Полежка — различные горячечные болезни.

Порча — болезнь, насланная злым человеком, колдуном.

Преют очи — воспаление век, сопровождающееся краснотой, припухлостью и слезотечением.

Призор, прикос — болезни от сглаза.

Притка — болезнь, передаваемая прикосновением (от слова «приткнуть»).

Почесуха, почесульки — зудящая сыпь.

Пуп опустился — боли в животе из-за поднятия больших тяжестей, надрыв пучков брюшных мускулов.

Пыхота — удушье.

Развязался сустав — растяжение сустава.

Расслабленная немочь — паралич (в старинных лечебниках).

Расселины — трещины на коже.

Расперица или *расперстица* — различные воспалительные процессы между пальцами рук и ног.

Рватва — рвущая боль.

Родимец, чик — судорожные припадки у детей.

Садно — ссадина.

Свербеж, свербота, свербячка, свороба — зуд, чесотка.

Сглаз — болезни, происходящие от действия дурного, злого глаза.

Сибирка — сибирская язва.

Собачья немочь или *собачья старость* — сильное изнурение у детей, при котором лицо их принимает старческий вид.

Спящая немочь — летаргия.

Стрелы — стреляющие боли.

Студеница, студенка — лихорадка.

Сухие крылья — упорные боли в груди. Объясняют в народе тем, что на спине, в «нутро», в «мясо» растут такие крылья, которые причиняют боли. Их обламывают, для чего больного кладут на брюхо и лекарка начинает двумя пальцами щупать кожу пониже лопаток и по всей спине, стараясь каждый раз зацепить. Операция повторяется несколько дней с промежутками, вследствие чего вся кожа покрывается кровоподтеками. Многие крестьяне, испытавшие этот способ лечения, уверяли этнографов, что он излечивает всякую боль в груди.

Сучье вымя — множественные чирьи в подмышке.

Татарская оспа — сифилис.

Титун — болезненные нарывы на языке.

Туск — помутнение роговицы.

Удушье — различные болезни легких, сопровождающиеся затрудненным дыханием.

Уроки, сжурочить — с завистью похвалить что-либо, пожелать чего-либо.

Усов, усовье, усовья — колотье в спине.

Утин — боль в пояснице.

Холодячка — чахотка.

Худая боль, дурная, французская болезнь — сифилис.

Худоба, сухотка — истощение.

Цимер головной — мигрень.

Черсленицы — различные боли в животе.

Черная немочь, падучая болезнь, падучка — эпилепсия.

Черная смерть, моровая язва — чума.

Чижи — кондиломы. Например: «У него чижи, — петь не поют, а спать не дают».

Шат — обморок, головокружение (от глагола «шатать»).

Щемота — щемящие боли.

Щетинки — волосы на спине новорожденных, которые своим присутствием вызывают зуд, отчего сон детей становится беспокойным.

Щипица — бородавка.

Щипота — щиплющие боли.

При изучении этого списка во многих случаях становятся понятными основания, руководясь которыми, наш народ давал свои, весьма меткие, названия той или другой болезни. Так, названия болезням давались:

1) по причинам их происхождения — например, *озноблины, оговор, от-яго* — от злого духа;

2) по частям тела, пораженным болезнью, — например, *горлянка, головник, грудница*;

3) по симптомам болезни — например, *трясовица, знобуха*;

4) по времени появления болезни — например, *весеница, ночник*;

5) по сходству болезни или припадков ее с какими-либо предметами — например, *волос, щетинки*;

6) по названиям духов, производящих болезни, — например, *ворогуша*.

Причины болезней по верованиям народа

Причины болезней, по народным воззрениям, можно разделить на две категории:

1) причины естественные, то есть видимые, осязаемые и потому понятные народу;

2) причины невидимые, непонятные, а потому — таинственные сверхъестественные.

Остановимся сначала на первой категории болезнетворных причин. Между ними чуть ли не главную роль играют животные паразиты. Но список паразитов, которые могут обитать в человеческом теле, по народному мнению, гораздо обширнее того, который принимается наукой. Так, русский народ не сомневается в возможности паразитирования в организме: «волосатиков», так называемых «зубных червяков», различных насекомых и мелких животных — например тараканов, сверчков, мокриц, уховерток и даже жаб и змей.

Волосатику «приписывались» все язвы, особенно на нижних конечностях. Поверье о волосатиках, или волоснях, проникающих в человеческое тело и вызывающих нарывы и язвы, было широко распространено по всей России.

Наиболее часто встречаемый способ лечения застарелых язв состоит в «вылипании волосатиков» щелоком, или местных щелочных ваннах, причем иногда перевязывали ноги или руки выше язвы ржаными колосьями, с целью помешать паразиту проникнуть далее в тело.

Само «выливание волосатика» производится знахарем следующим образом. Берут пригоршни печной золы чистой или с примесью различных вяжущих средств, например черемуховой коры, кладут ее в небольшую кадочку или ведро, заливают кипятком и оставляют стоять до тех пор, пока полученный таким образом «щелок» не остынет настолько, что «тело может его терпеть». Тогда этим щелоком медленно обливают язву или погружают в раствор (настой) большую часть тела и держат там, пока настой совершенно не остывает. Волосни при этом «выпадают» из язвы и погибают в щелоке. Во время этой процедуры в помещении, где она производится, должна быть полная тишина, вероятно, чтобы шумом не испугать выползающих волосатиков.

Науке известен этот «таинственный» волосатик. Это *Hordeus aquaticus* — один из видов круглых глистов, обитающих в воде, водится во всей средней России, живет в ручьях и маленьких речках, достигает до 15 сантиметров в длину, толщина его в два-три раза превышает лошадиный волос. Он серого цвета и никаких

органов, которыми он мог бы пробуравливать покровы человеческого тела и проникать в толщу тканей, не имеет.

Однако, по народному убеждению, наглядные и неопровержимые доказательства присутствия волосатиков в телах больных дает зола, остающаяся на дне ванны или корыта, в которой заметны различные волоски, под микроскопом оказывающиеся шерстинками или ниточками.

Не менее «страшным зверем» русскому народу представляется и «зубной червяк», который «заводится в зубах и ест их». На самом деле зубные червяки, «беленькие с черными головками, которые беспокоят зубную кость», — это известный и страстно нелюбимый всеми нами кариес.

Целый ряд болезней приписывается проникновению в тело различных мелких животных, преимущественно земноводных и насекомых, через естественные его отверстия — рот, нос, уши. Так, различные желудочные страдания объясняются проникновением в тело человека змей, ужей и ящериц. Животные эти, по мнению народа, могут заползать в рот спящим в поле или в лесу, причем несчастные обыкновенно видят во сне, что глотают что-нибудь холодное. Попадая «в нутро», животное поселяется там, движется, «ходит, сосет, гложет» внутренности и даже производит потомство.

Вопрос об «одержимости гадами» был в начале XX века предметом обстоятельных научных исследований русских психиатров — академика В. М. Бехтерева и профессора Казанского университета В. П. Осипова.

По мнению Бехтерева, одержимость есть своеобразное психическое расстройство, развивающееся большей частью на истерической почве, характеризующееся бредом определенного характера, в данном случае — о присутствии в теле различных гадов — змей, жаб, лягушек.

«Состояния одержимости, — писал профессор Осипов, — существовали и существуют у всех народов и, будучи тождественными, как болезненные состояния, отличаются между собою лишь внешним образом, в зависимости от содержания суеверий и поверий, гос-

подствующих у различных народов. Так, встречаясь у себя, в России, с кликушами, бесноватыми, одержимыми гадами, мы не встречаемся с одержимостью лисицами, что составляет особенность одержимости восточно-азиатских народов, и в частности японцев».

Ближайшие причины развития бреда при одержимости гадами заключаются в различных ненормальных ощущениях, локализирующихся в желудке и подложечной области. Не зная истинных причин этих, всегда неприятных, а нередко и очень болезненных ощущений, народ объяснял их действием гадов, проникших в тело.

Больные, испытывая ряд таких ощущений со стороны внутренних органов, в форме шевеления, жжения, тошноты, жажды, гложущих, сосущих болей, были глубоко убеждены в правильности своего толкования.

Лягушки и жабы, как считали в народе, могут проникать в тело или через рот, при проглатывании их или их икры, вместе с водой, или через нос. Злые люди, желавшие наслать на кого-либо указанных животных, обращались к колдуну, который и снабжал их нюхательным табаком, смешанным с высушенной и истертой в порошок лягушачьей или жабьей икрой. Достаточно было понюхать человеку такого табаку, чтобы в нем завелись соответствующие гады. Смешанная с табаком икра проникала в череп, и из нее развивались там жабы или лягушки.

Теперь перейдем к описанию «сверхъестественных» причин болезней русского человека.

«Представления об источнике болезни формируются в соответствии с основополагающей для пространственной модели мифологической картины мира оппозицией внутренний—внешний, означающей деление мира на “свой” — человеческий, освоенный, близкий и понятный и “чужой” — внешний, неосвоенный мир, в котором сосредоточены силы, в обычных условиях неподвластные человеку, — боги, умершие предки, существа низшей мифологии, природные силы и т. п., — пишет Ю. Е. Арнаутова. — Это противопоставление “своего” и “чужого”, “культуры” и “природы”, словом, противопоставление мира людей и внеположенной

ему реальности осуществляется в рамках космоса, который, в свою очередь, противопоставлен хаосу как упорядоченное начало неупорядоченному.

Космос — вместилище человеческого бытия и оценивается человеком в категориях его непосредственного опыта, поэтому членение мира на космос социальный — “микрокосм” и природный — “макрокосм” — в достаточной мере условно: космос антропоморфен, а человек в аграрном обществе, в свою очередь, не отделен окончательно от мира природы, так что в модели мира категории пространственные переплетаются с категориями социальными.

И мир людей, и весь космос подчинены действию единожды установленного мифом и ритуалом творения порядка, действию одного закона — закона “меры и справедливости”, реализуемого на разных уровнях бытия от смены природных циклов до отношений внутри человеческих коллективов и их отношений с окружающей средой. Этот извечный порядок вещей поддерживается и контролируется ритуалами и обычаями, воспроизводящими привычные формы жизни и отношений и выравнивающими всякое нарушение космической структуры. Таковым нарушением привычного и “справедливого” порядка вещей и является приходящая “извне” болезнь. Подобно природным катаклизмам и необычным явлениям, влекущим за собой всякие беды, прежде всего голод, она выпадает из стройной системы космоса, кажется чужеродной и принадлежит, следовательно, хаосу. Таким образом, всякий раз, когда хрупкий естественный баланс “микро-” и “макрокосма” (“договор со средой”) нарушается, возникает необходимость в магическом ритуале, предназначенном восстановить его.

...В этом смысле можно говорить о знаковом характере болезни. А любое лечение — в основе своей ритуал, нацеленный на восстановление привычного и справедливого порядка вещей. Таким образом, все этиологические конструкции — объясняющую мифологию — можно рассматривать как моделирующую систему, ибо она программирует определенные виды практики — целительные ритуалы, которые, в свою

очередь, являются практическим воплощением этой мифологии.

Угроза дестабилизации существующего порядка вещей постоянна: в архаических культурах внешний мир и его обитатели мыслятся потенциально враждебными человеку, а нарушение хрупкого равновесия “своего” и “чужого” миров расценивается чаще всего как действие деструктивных сил из мира “чужого”

С другой стороны, человек и сам может спровоцировать эту агрессию умышленным или неосторожным проступком. В обществе, где все поведение людей строго кодифицировано, где вопрос: “Почему нужно делать так?” — предполагает один-единственный ответ — “Потому что так делали всегда”, любое нарушение принятых норм и образцов поведения, особенно если речь идет о пренебрежении в исполнении обрядов (например, погребального) или о моральной порче (клятвопреступлении, разрыве родственных связей), чревато тяжелыми последствиями для всего коллектива, ибо открывает “границу” между “своим” и “чужим” мирами, вносит хаос в их отношения и соответственно делает мир людей уязвимым для враждебных сил. Отсюда — тесная ассоциативная связь между понятиями “больной” и “нечистый”, объясняющая ряд конкретных особенностей целительных ритуалов и процедур.

Болезнь — дисгармония в организме, и свидетельство дисгармонии в отношениях с внешним миром предполагает “нечистоту” тела и души — “нечистоту” как “непорядок” в противоположность “чистоте” — понятию, которое входит в парадигму смыслов сакрального. Категория сакрального применима не только к религии, но и к этике, это оценочная и объясняющая категория. Каждая культура вырабатывает свою концепцию сакрального, но в целом сакральность связана с идеей космоса как упорядоченного, гармонического начала и противопоставленности космоса хаосу.

Все, связанное с космосом, соотносится с сакральным. Элементы быта, человеческое тело, профанические по своей природе, могут быть объяснены космическим порядком, выведены из него. Вся сфера профанического насыщена символиккой, истинное зна-

чение которой лежит в сфере сакрального, и как только эта связь с космосом прерывается, происходит нарушение “договора со средой” — возникает необходимость в ритуалах или магических действиях (в нашем случае целительных), восстанавливающих исходное “благополучное” состояние вещей».

Люди, нарушившие законы своего общества, становятся угрозой, причем жизненно опасной, для его членов. По верованиям русского народа, мертвецы, бывшие при жизни своей колдунами и вообще людьми, отверженными Церковью, превращаются в «упырей»-вампиров.

Мы уже говорили, что, по мнению русского народа, упыри рождаются от блудной связи волкулака, то есть колдуна, способного оборачиваться в волка, или черта с ведьмой. В глухую полночь, выходя из могил, упыри принимают различные образы, летают по воздуху, рыщут по окрестностям, пугают путников, проникают в избы через всякую щель, а потому никакие запоры от них не помогают. В домах они нападают на спящих людей, давят их, высасывают из них кровь и таким образом умерщвляют. Особенно любят они сосать кровь из младенцев. На груди человека, умерщвленного упырем, всегда находится едва заметная ранка на левой стороне, прямо против сердца.

Если разрыть могилу вампира, хотя бы через год, то легко убедиться, что заключенный в ней мертвец не подвергается тлению — щеки его румяны, зубы оскалены, губы покрыты запекшейся кровью. Единственное средство избавиться от посещений упыря заключается в том, чтобы разрыть его могилу и пробить труп против сердца острым осиновым колом, загнав его глубоко в землю.

Ученые предполагают, что в основе этих рассказов о вампирах, лежат, по-видимому, смутные представления о живых вампирах или упырях, как называются некоторые виды летучих мышей, водящихся в жарких странах и действительно высасывающих по ночам кровь из различных животных и людей. Люди, испытавшие на себе укусы упырей, рассказывают, что укусы эти настолько безболезненны, что не пробуждают спящих. Кусают

упыри в те части тела, которые оказываются открытыми во время сна, чаще всего в ноги. Проснувшись поутру, укушенный находит соответственный участок кожи покрытым кровью, а на месте укуса — маленькую поверхностную ранку с опухшими краями. При частых и повторных укусах кровопотери могут быть значительны.

Вполне естественно, что народная фантазия отождествила этих отвратительных животных, бесшумно носящихся в ночной тьме, с злыми духами — кровопийцами.

Кроме душ умерших людей, различные тяжкие недуги и смерть могут быть причиняемы особыми духами, или демонами болезней. Зачатки этого верования относятся тоже к глубокой древности.

Среди русского народа живут поверья о духах болезней — лихорадок, чумы, холеры, оспы.

Духи лихорадок представляются демоническими существами женского рода — «дочерями или послушницами Ирода Царя». Их насчитывают от 7 до 12. Каждая лихорадка носит особое «говорящее» имя, указывающее на тот или другой припадок болезни или последовательное изменение в организме, ею вызываемое.

Чума, или моровая язва, олицетворяется в женщине огромного роста, с распущенными косами (простоволосая) и в белой одежде (саване). Она разезжает по свету в повозке или заставляет какого-нибудь человека носить себя по городам и селам. Своей костяной рукой она веет на все четыре стороны красным (кровавым) или огненным платком, вслед за взмахом которого всё кругом вымирает.

По одному преданию, ведьма, действовавшая так же губительно, как и моровая язва, в глухую полночь являлась вся в белом, отворяла окна избы, просовывала руку с кропилом и начинала кропить в разные стороны, а к утру вся семья умирала.

Чума может оборачиваться различными животными — кошкой, лошадью, коровой, птицей, даже куском пряжи. Где она покажется — там начинают выть собаки, туда прилетают вороны или филин и, садясь на кровлю, криком своим предвещают беду. Во время чумы петухи хрипнут и замолкают, а собаки теряют способность

лаять и только ворчат и с визгом бросаются на ужасную гостью.

По народному убеждению, собака одарена чрезвычайно тонким чутьем и острым зрением: она узнает присутствие нечистых духов, чует приближение чумы и смерти, кидается на них, как верный страж дома. Когда собака воеет — это считается знаком, что она видит смерть. Отсюда возникли поверья, что чума боится собак, что у петухов она отнимает голос и вырывает хвосты и что там, где властвует нечистая сила, зараза, уже не раздаются ни пение петухов, ни собачий лай.

В русской легенде о сотворении мира и о потопе сказано, что собака первоначально была создана голой и что дьявол соблазнил ее, угрожая зимними морозами и обещая теплую шубу (то есть шерсть). Собака подпустила дьявола к первозданному человеческому телу, а тот оплевал и охаркал его. Вот почему «шерсть у собаки поганая и ее нельзя пускать в церковь», между тем как кошку — можно.

Холеру на Руси представляли старухой со злобным, искаженным лицом. В Малороссии утверждали, что она носит красные сапоги, может ходить по воде, беспрестанно вздыхает и по ночам бежит по селу с возгласом: «Була беда, будет лихо!» Где она остановится переночевать, в том доме не уцелеет в живых ни один человек. В некоторых областях Украины считали, что холера является из-за моря и что холера не одна, а их три сестры или брат и две сестры, одетые в белые саваны.

Таким простым приемом, как увеличение числа духов одной и той же болезни, является возможность вполне удовлетворительно объяснить ее одновременное появление в нескольких местностях, значительно отдаленных друг от друга.

Сибирская язва в Томской губернии представлялась в виде высокого мохнатого человека с копытами на ногах. Он живет в горах и выходит оттуда, заслышав клятвы «Язви те!», «Пятнай те!».

Оспу в Сибири считали нечистым духом, который бродит по свету и питается мертвыми телами. В средней части России народ был убежден, что оспа ходит с клювом и пятнает человека «щедринками». В Олонце-

кой губернии заболевшего оспой приносили к другому, хворающему той же болезнью, он отвешивал ему три поклона и произносил: «Прости меня, Оспица, прости, Афанасьевна, чем я пред тобою сгрубил, чем провинился». «Прощать» употреблялось здесь в значении «выздореветь».

Староверы же смотрели на оспу как на «наслание Божие», а смерть от оспы почитали за особое счастье: кто умрет от оспы, будет ходит на том свете в золотых ризах, каждая оспинка на его теле превратится в блестящую жемчужинку. Поэтому многие русские крестьяне считали великим грехом прививку оспы, которую называли «антихристовой печатью».

Грыжу на Руси также мыслили сверхъестественным существом — духом болезни, как это видно из послания царя Алексея Михайловича патриарху Никону в связи с кончиной патриарха Иосифа. «Вечеру, — пишет царь, — пошел я в соборную церковь проститься с покойником, а над ним один священник говорит Псалтырь, и тот... во всю голову кричит, а двери все отворил; и я почал ему говорить: “Для чего ты не по подобию говоришь?” — “Прости де, государь, страх нашел великой, а во утробе де, государь, у него святителя безмерно шумело... Вдруг взнесло живот у него государя (усопшего патриарха) и лицо в ту ж пору почало пухнуть: то де меня и страх взял и я де чаял — ожил, для того де я и двери отворил, хотел бежать” И меня прости, владыко святыи! — продолжает царь, — от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился; а се и при мне грыжа то ходит прытко добре в животе, как есть у живого, да и мне прииде помышление такое от врага: побегу де ты вон, тотчас де тебя вскоча удавит... да поотстоялся, так мне полегчало от страху».

Даже сам Алексей Михайлович, как известно, один из просвещеннейших людей своего времени, был убежден, что «грыжа» есть одушевленное существо — враг, то есть демон, который не только может «ходить в утробе», но и удавить человека, «вскоча на него сзади».

О чуме рогатого скота русские крестьяне говорили, что это безобразная старуха, у которой руки с граблями. Она называется «коровья, или товаряча (товар —

рогатый скот), смерть». Сама она редко заходит в села, а большей частью ее завозят. Показывается она преимущественно осенью и ранней весной, когда скотина начинает страдать от бескормицы. В феврале, по мнению крестьян, «коровья смерть» пробегает по селам чахлая и заморенная. Чтобы прогнать ее в леса и болота, совершают торжественный обряд «опахивания». Обряд этот употребляется и против холеры.

Роль нечистой силы в этиологии болезней далеко не исчерпывается участием ее в происхождении лихорадок и эпидемий. Действие ее гораздо шире и проявляется иногда более непосредственным образом.

Вологжане Грязовецкого уезда происхождение многих болезней приписывали тому, что больной перешел след нечистой силы, последняя повстречалась с ним и «опахнула» его своим духом. Костромичи уверяли, что болезни, происходящие от перехода через след Большого (лешего), одни из самых серьезных болезней. Особенно опасными считались в этом отношении перекрестки дорог, любимое местопребывание «прострела», одного из видов нечистого духа.

По мнению орловцев, такое влияние нечистой силы простирается и на околицы. Вот почему в этих местах надо креститься: иначе заболят спина, ноги или голова.

От таких дьявольских проделок нельзя быть гарантированным иногда даже у себя дома. Так, неизбежно случается кашель у того, кто пройдет ночью босиком по полу, по следам домового, имеющего привычку всю ночь бегать по хате и играть со своими детьми.

В состоянии нечистая сила причинять болезни и другими способами. Иногда она принимает вид ветра и мчится в виде вихря. Поэтому многие боятся его, веря, что это несется Сатана. От вихря надо бежать, чтобы он не прошел через человека, иначе можно умереть, получить тяжелую болезнь или сойти с ума.

«Вот намеднись, — рассказывала про такой случай земскому врачу орловская знахарка Марфа, — наш мужик ехал из города, едет, это, с товарищами, глядь, вихрь находит. Мужик-то и скажи: “Ой, братцы, как бы этот вихрь с меня шапки не снял” Сказал так-то, вихрь

как налетит, шапку-то ему и сбил. Ну, приехал мужик домой, приехал да и “залежал”. Жена его бежит ко мне: “Бабушка Марфа, мужик мой залежал, как бы не от глазу?” Ну, я пришла, глянула: “Нет, говорю, это вихрь нашел, а не от глазу: от глазу — ‘коверкает’, а тут так, — лежит себе, да и все” Ну, я наговорила, и ничего — полегчало».

Действует нечистая сила иногда и более скрытно, и требуется известная опытность, чтобы уметь разобраться в подобного рода случаях.

Орловские, новгородские и вологодские крестьяне многие болезни относили к «подшуту», или «поглуму». Если заболевание произошло ночью, то это, несомненно, указывает, что в данном случае подшутил, поглумился дворовый хозяин, домовый.

Чих; насморк, а иногда и *водянка* бывают у тех, кто напьется ночью воды, не перекрестившись. Вода эта, если она была ничем не закрыта, приобретает вредные свойства оттого, что туда нахаркают и наплюют нечистые духи. Может случиться даже и так, что нечистый прямо нырнет в оставленную на ночь воду и вызовет заболевание кашлем или «произведет» какое-нибудь «бурное» желудочно-кишечное заболевание. «Это недобрник усожил, — объясняли деревенские бабы урчание в животе, — вот он и рычит, хочет выйти, да не может».

С нечистой силой нужно было соблюдать большую осторожность, и очень опасно, например, спать с разинутым ртом или зевать, стоя на молитве. Несоблюдение такого правила ведет подчас к очень неприятным последствиям.

«Начала я перед сном молиться Богу, — рассказывала этнографам о такой оплошности одна баба, — да три раза и зевнула. Только на четвертый раз рот открыла, слышу, зажужжало что-то с правой стороны, как все равно муха, да прямо в рот и улетело. Я проглотила, вскрикнула и с той-то минуты со мной что-то как будто подъялось».

Усиление многих болезненных явлений во время ночи и ночное начало некоторых заболеваний, например острого ревматизма суставов, ревматических и алко-

гольных параличей, почти всегда заставляло крестьян видеть в этих явлениях таинственные и сверхъестественные причины.

К разряду таких таинственных болезней относится и так называемый «ночной щипок» — сыпь, начавшаяся ночью.

Бывает также *особый кашель*, который напускает на человека, не перекрестившего свой рот перед отходом ко сну, полуночник, дух, вроде домового. Полуночник пользуется оплошностью позабывшего закрестить свой рот, захватит его в самую полночь, дунув ему в уста, и с этого момента человек закашляет. Отличительная черта кашля-полуночника та, что он с вечера бывает сильнее, нежели утром или днем.

Подобной же причиной объясняются и некоторые другие заболевания.

Чахотка, по воззрениям некоторых орловских крестьян, происходила оттого, что домовый *«надыхает больному в самый рот»*. Отсюда появляется сильный кашель при чахотке, и оттого же иногда заболевает горло.

Прибегает нечистый и к другим уловкам, чтобы вызывать заболевания: то под видом лошади отдавит в ночном ногу заспавшемуся парню, то опустит в бочку вина особую, запойную каплю, обладающую удивительным свойством: выпивший ее или «запьетса» до смерти, или начнет пить запоем, и только в исключительных случаях, по особой милости Божией, эта капля не приносит вреда и пропадает даром — бутылка с водкой лопается.

Действует нечистый иногда и «по-простому»: то толкнет кого-нибудь, и тот сломает руку или ногу или отхватит топором палец, то «попутает» нанести удар другому, а иногда причинить и смертельный вред.

В некоторых же случаях нечистый прямо селится в человеке: от этой причины, по мнению многих вологодских, новгородских, орловских мужиков, случались падучая болезнь, сумасшествие, кликушество и некоторые другие болезни. Считалось даже, что бес может входить и в отдельные части тела человека: «Войдет он

в губу — губа вздуется, в руку — рука отнимется, в ногу — отнимется нога».

Очень интересно, что народ для детских заболевающих придумал еще особенных духов, которые, не обладая всеми отталкивающими свойствами представителей настоящей чертовой породы, много деликатнее и легче последних. Таковы, например, *ревун*, *вотун* или *щекотун*.

Если ребенок сильно плачет и взвизгивает, значит, на него напал один из этих духов* Когда ребенок сильно и долго кричит, это в него вселилась *крикса*, а если он беспокоится и не спит по ночам, значит, к нему пристала *полуношница* или *полуношник*.

Для лечения полуношницы кладут в люльку мальчику игрушечный лук**, а девочке — маленькую прялку, с наговорами: «Вот тебе, полуношница-щebetунья, дело и работа, а ребенка не шевели ни во дни, ни в ночи, ни в какие часы».

Полуношника отгоняют в бане. Мать ребенка остается в предбаннике, а знахарка с ребенком входит в саму баню и начинает парить его, приговаривая: «Парю, парю».

— Кого ты паришь? — спрашивает из-за двери мать.

— Полуношника, — отвечает бабка.

— Парь его горазже, чтобы прочь отошел да век не пришел.

По своему происхождению с этими болезнями сходна другая детская болезнь — *родимчик*, который в некоторых местах Новгородской губернии, в противо-

* Для лечения этой болезни с ребенком идут к верее и говорят: «Верее, вереюшка, тебе стоять, не гнить, здоровой быть, а моему младенцу не вопить, не реветь. Возьми с него щекотун и ревун и дай ему соль и угомон». Выходить нужно шесть зорь, утром и вечером. Если это не подействует, то нужно двенадцать зорь носить младенца в овин и, наклонив ребенка к окну, говорить: «Батюшка овин, возьми с моего младенца щекотун и ревун, а ему дай сон и угомон». Еще берут веник и бьют его на пороге тупым косарем и говорят: «Парю вопун, припариваю щекотун, денной, полуденный, ночной и полуночный, минутный, полуминутный, часовой, получасовой. Поди, вопун-щекотун, на пень, на болото, ломай пенья да колоды, а моего младенца не трогай. Аминь». Это нужно проговорить три раза и веник выбросить за дверь.

** Снаряд, наподобие смычка от скрипки, которым бьют шерсть.

положность криксе, называли «тихонький». При этой болезни больше всего боялись «измешать» ребенка и говорили: пусть «ссыпает»*

Есть также особый младенческий дух — *тиренький*. Если только что родившийся ребенок начинает смеяться, то это означает, что в нем находится тиренький. С таким ребенком нужно обходиться очень осторожно, иначе из него вырастет урод. Чужому человеку такого ребенка нельзя показывать: тиренький этого не любит.

Кроме душ усопших и духов болезней, целый ряд недугов вызывается еще бесами, после вселения которых начинаются тяжелые и длительные нервно-психические страдания, известные под общим названием «порчи».

Исходя из преобладающего характера болезненных явлений, отличают не менее трех видов порчи: кликушество, беснование, икоту.

Кликушество и беснование

Всего чаще наблюдалось кликушество, которое поражало почти всегда только женщин. Особенно много кликуш было в Московской, Смоленской, Тульской, Новгородской, Вологодской и Курской губерниях. В юго-западном и северо-западном краях России кликушество в чистой форме почти не встречалось. Зато по всему Русскому Северу и по всей Сибири оно было обычным явлением народной жизни, причем там была распространена особая форма кликушества — в виде «томительной икоты». Чем объясняется такое географическое распространение болезни, совершенно непонятно.

Кликушеству были подвержены все возрасты — от 12 лет и до глубокой старости, как девочки, так замужние и вдовы. В некоторых местностях население было уверено, что кликушество может передаваться по наследству.

* Иногда называют «тихоньким» также поясничную ломоту у взрослых и избегают какого бы то ни было лечения потому, что боятся «раздразнить». Эта ломота, по своему происхождению, тождественна тому виду поясничной ломоты, которая производится «прострелом».

«Бесноватость» собственно встречалась, по-видимому, гораздо реже кликушества и икоты. Кликушество проявляется приступами, «припадками» с более или менее продолжительными, свободными от них перерывами.

Первому приступу обыкновенно предшествует «период предвестников». Он начинается расстройством у будущей кликуши ее характера: она делается печальной, раздражительной, беспокойной, легко поддается влиянию ничем не объяснимого страха, тоскует, испытывает беспричинную ненависть и отвращение к людям, которых прежде могла даже любить. Будущая кликуша часто страдает головокружениями, тяжестью в голове, бессонницей, слабостью, потемнением в глазах, сердцебиением, стеснением в груди, болью в желудке. К этим расстройствам вскоре присоединяются другие явления: часто наступающие вздутия живота, бурчания и странные ощущения в нем, трепетание под ложечкой и наконец чувство — как будто что-то «подкатывается под сердце и ложится тут, как пирог».

Последние ощущения имеют страшное влияние на рассудок больной, и без того уже расстроенный. Под воздействием общераспространенных и твердо держащихся в народе поверий у больной возникает подозрение, что она «испорчена», что на нее «напущено» злым человеком. Начинаются догадки о том: кто испортил? Происходят совещания с родными, соседками, приятельницами. Припоминают и перебирают все ссоры, недоразумения, неприятности, которые имела больная с кем-либо. В конце концов «бабье совещание» открывает, что больная испорчена таким-то или такой-то. Для этого достаточно «злого, косога взгляда», брошенного во время ссоры, злого пожелания, вроде «Игрец тебя подыграй! Пусто те будь!».

Раз данное лицо заподозрено, за ним устанавливается неусыпный надзор: сотни глаз наблюдают за каждым его движением, подслушивают его речи. Предубежденные наблюдатели перетолковывают каждое слово в дурную сторону, каждый совершенно безразличный и даже вполне благонамеренный поступок объясняется злостными целями. Но вот у испорченной наступает первый приступ болезни, во время которого она

«выкликает» имя испортившей ее. После этого уже все сомнения исчезают и приговор, что порча сделана Феклой, Марьей или Дарьей, устанавливается окончательно и безапелляционно.

Первый кликушный приступ вызывается каким-нибудь случайным душевным волнением: испугом, гневом, но всего чаще наступает в церкви. Убедившись в присутствии в себе злого духа, больная начинает испытывать страх ко всему религиозному и потому избегает церковных служб. Случается, однако, что под влиянием увещаний родных, знакомых она решается пересилить себя и идет в церковь. Здесь, мучимая неодолимым страхом, ждет несчастная той роковой минуты, когда запоют «Иже херувимы»* Когда настанет она — напряженные душевные силы не выдерживают и болезнь проявляется в бурном приступе.

Прежде всего больная чувствует: то, что у нее прежде подкатывалось под сердце и что она принимала за беса, начинает волноваться, опускаться вниз, подниматься вверх, давит грудь, горло, у кликуши захватывает дух, мутится в глазах, голова кружится, и она с воплями падает на землю. Вопли эти дики, продолжительны, состоят из ряда криков, прерываемых ускоренным дыханием; в них слышатся рев, мычание, вой, собачий лай, рыдания. Вместе с этим больная судорожно бьется руками и ногами, колотит себя и окружающих, иногда кусает, скрежещет зубами, закидывает голову назад, беспрестанно приподнимает и опускает туловище или кидается из стороны в сторону, и все это иногда с такой силой, что ее не в состоянии удержать даже самые сильные мужчины. Суставы больной трещат, живот то раздувается, то опадает, дыхание прерывается, крики чередуются со всхлипываниями, иногда хохотом или икотой. Глаза закрыты, лицо то бледнеет, то краснеет, часто больная приходит в бешенство, изрыгает проклятия, повторяет одно какое-нибудь слово, фразу, выкрикивает имя испортившего ее лица. Благодаря этим крикам больные и названы «кликушами».

Через некоторое время приступ проходит, судороги

* Этот момент литургии невыносим, по мнению русских людей, для бесов.

прекращаются, больная вытягивается неподвижно, как бы деревенеет, при этом зубы стиснуты с необыкновенной силой; иногда судороги сменяются дрожью всего тела. Приступ кончается слезами, отрыжкой, страшным бурчанием в животе, иногда обмороком или глубоким сном, чаще слабостью, которая быстро проходит. Вскоре кликуша приходит в себя, причем обыкновенно не помнит ничего, что с ней было во время припадка.

Подобные приступы повторяются в неопределенные промежутки времени. Сначала они вызываются теми же причинами, какие вызвали первый приступ: впоследствии у больных все более и более укореняется «боязнь святостей» и приступы вызываются попытками принятия Святых Тайн, святой воды, запахом ладана, помазанием освященным маслом, поклонением мощам или чудотворным иконам.

Затем у большинства кликуш поводом к развитию припадков служит все то, что относится к истории их воображаемой порчи. Они не могут не только видеть человека, их испортившего, но даже слышать его имя. При всякой даже непреднамеренной встрече с ними случается припадок.

Продолжительность припадков различна: от 10—15 минут до нескольких часов. В промежутки между ними у кликуши все больше и больше развиваются беспокойство, раздражительность, бессонница, апатия, потеря воли, равнодушие к прежним привычкам, склонность к лени, отвращение к движению, сонливость. Кликуша ищет к себе участия и для возбуждения его часто преувеличивает свои страдания, перестает заботиться о себе, становится неряшливой и неопрятной.

Редко болезнь бывала непродолжительной и проходила бесследно. Выздоровление наблюдалось лишь в 20—30 процентах случаев, в остальных же — болезнь длилась много лет и даже целую жизнь.

Угнетаемые своей тяжелой «скорбью», занятые постоянно мыслями о способах излечения ее, кликуши забывали все остальное. Они забрасывали семью, дом, хозяйство, странствовали по различным знахарям, святым местам — монастырям, чудотворным иконам, травили на это последние средства и становились тяжелой обузой для своих родных.

Картина тяжелого кликушного приступа невольно вселяла какой-то суеверный страх даже и в интеллигентного человека, знающего, что она является лишь вполне естественным выражением известного болезненного состояния. Нетрудно представить себе, какое ужасающее впечатление должны были производить эти припадки на народ и легко понять, почему крестьянство объясняло их действиями бесов.

Кликушество проявлялось и в виде отдельных случаев, и в виде эпидемий. В отдельных случаях кликушества часто встречается притворство.

Какая болезнь «лежит» в основе кликушества, в точности неизвестно. Профессор Бехтерев считал «основой» кликушества истерию, а известный русский психиатр Краинский — сомнамбулизм. Несомненно только, что все истинные кликуши отличаются ярко выраженной склонностью к гипнозу, внушению и подражанию.

Бесноватые отличаются от кликуш главным образом тем, что во время припадков ни на кого не «выкликают», не обвиняют в порче, а кричат от имени третьего лица — сидящего в них беса. Припадки случаются чаще всего во время церковных служб, причем бесноватые богохульствуют, произносят самые отвратительные ругательства, плюют на священные изображения и предметы. Большинство бесноватых, по-видимому, — истерички, убежденные в том, что они одержимы дьяволом. По существу русская бесноватость (как явление) — аналог эпидемий демономании, которые почти в течение трех веков (XV, XVI и XVII) господствовали в большей части Западной Европы.

Но наши бесы — это грубые, глупые черти, умеющие только корчить и мучить больных, кричать разными голосами и изрыгать площадные ругательства. Они даже не знают ничего о себе самих. Иными представляются европейские демоны. Устами одержимых, во время припадков, они сообщали массу сведений о своей природе, занятиях, развлечениях, отношениях друг к другу и к одержимым. Сведения эти были настолько подробны и обстоятельны, что на основании их написаны целые демонологии различными учеными докторами, судьями и духовными лицами.

Таков, например, знаменитый «Молот ведьм», изданный в 1484 году монахами Генрихом Инститорисом и Яковом Шпренгером. Эпидемии демономании были особенно часты в XVII веке. Развивались они главным образом в женских католических монастырях Франции, Испании, Германии и Швейцарии, которые затем нередко являлись центрами распространения болезни в окружающем населении.

Эпидемии кликушества у нас наблюдались не часто: ограничивались обыкновенно небольшим районом — селом, деревней и никогда не имели повального распространения. Число заболевавших, по отношению к числу населения пораженных местностей, было незначительно. Доктор Краинский, имевший возможность наблюдать две эпидемии кликушества в 1899 и 1900 годах, одну в деревне Ащепкове Смоленской губернии, другую — в деревне Большой Двор Новгородской губернии, нашел в первой 13 кликуш на 400 душ населения, а во второй девять кликуш на 150 душ.

Соответственно этому казни колдунов и бесноватых на Руси были единичными, исключительными явлениями. Едва ли не чаще наблюдались случаи самосуда, при котором люди, заподозренные в колдовстве и порче, избивались самим населением.

В журнале «Неделя» (1879. № 7—8) рассказывалось о случае наведения порчи, случившемся в 1824 году.

Тогда общество крестьян деревни Аксеновки через своего выборного донесло управляющему местной удельной конторой, что крестьянин Андрей Копалин, мельник, по народным слухам, «имея за собою колдовство», портит людей, «садит икоты под названием кликуш и впускает другие болезни, как то: грыжи, вздутые живота, боль в пояснице и прочее». Управляющий конторой, «принимая в уважение рапорт крестьян», просил суд произвести законное расследование возводимого на Копалина подозрения.

Копалин в колдовстве не признался. На повальном обыске крестьяне показали, что Копалин «имеет за собою колдовство и чародеяние» и впускает порчи под названием кликушества и грыжи, отчего в волости

будто бы многие крестьяне уже померли и что поэтому держать в селении Копалина они не согласны.

В числе обвинителей Копалина явился, между прочим, родной его племянник Евдоким, «одержимый болезнью и не в полном разуме». Когда с ним «случалось», он кидался при людях на своего дядю мельника, называл его отцом и «выговаривал», что тот впустил ему в утробу воробья с золотыми перышками.

Крестьянин Иван Мысов уверял, что мельник напустил ему на правую ногу болезнь с большой опухолью, под названием «грыжа».

Крестьянин Рычков удостоверил, что жена его от порчи Копалина «подвержена такой икоте, что почасту и вовсе ума лишалась». Во время припадков она бьется об землю, не щадя жизни своей. При встречах с мельником порченная кидается ему в ноги и вопит, обнимая его колена: «Не троньте моего батюшку!»

Таких больных, кликуш, испорченных Копалиным, оказалось в волости не менее семнадцати. Каждая из них заявляла, что Копалин испортил ее по злобе на мужа, брата или отца.

Молодой крестьянин Уронтов показал, что вскоре после свадьбы его 17-летняя жена Марья сделалась больна икотой и со временем эта болезнь стала так тяжела, что она уже более не встает с постели. Порчу эту Копалин напустил на нее единственно за то, что на свадьбе молодая не подала ему вина.

Старуха Ларионова жаловалась, что ее 23-летний сын «с глазу» Копалина «начал скучать и болеть сердцем и расходится оная болезнь по всей его утробе». У других также «с глазу» оказывается ломота во всех членах, в руках и в ногах.

Вологодский советный суд первоначально порешил, «передав дело воле Божией, наказать Копалина в селении прутьями, дав ему 70 ударов».

Но спустя восемь лет дело это опять было возбуждено по следующему поводу. Крестьяне нескольких смежных волостей, как видно, неудовлетворенные взглядом суда на дело, составили приговоры об удалении из общества, со ссылкой на поселение в Сибирь, Андрея Копалина, его свояченицу, жену Прасковью Копалину и еще

Святочное гадание. Н. К. Пимоненко. 1888 г.

Перед языческим
алтарем.

И. Я. Билибин.

1934 г.

Луня
Деревня.

И. И. Левитан.

1897 г.

Ведьма и колдун.
Книжная
иллюстрация.
Начало XX в.

Ночное.
В. Е. Маковский.
1879 г.

Дебри.
И. И. Шишкин.
1881 г.

За приворотным зельем.
М. В. Нестеров.
1888 г.

Водяной.
И. Я. Билибин.
1934 г.

Забытая мельница.
А. А. Киселев.
1891 г.

Русалка.
И. Я. Билибин.
1934 г.

Днепр утром.
А. И. Куинджи.
1881 г.

Полевик. *И. Я. Билибин. 1934 г.*

Залом ржи. *В. М. Максимов. 1903 г.*

Пасека в лесу. *И. И. Шишкин. 1876 г.*

Ведьма.
И. Я. Билибин.
1906 г.

Кузница.
Л. К. Плахов.
1845 г.

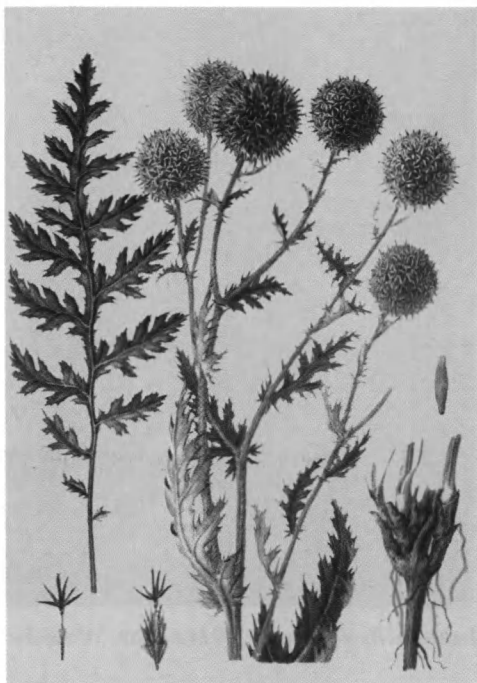

Дурман
обыкновенный

Колдунья.
М. П. Клодт.
1891 г.

Мордовник
обыкновенный

Кто там?
В. М. Максимов.
1879 г.

Банник. *И. Я. Билибин. 1934 г.*

Девичник. *А. И. Корзухин. 1889 г.*

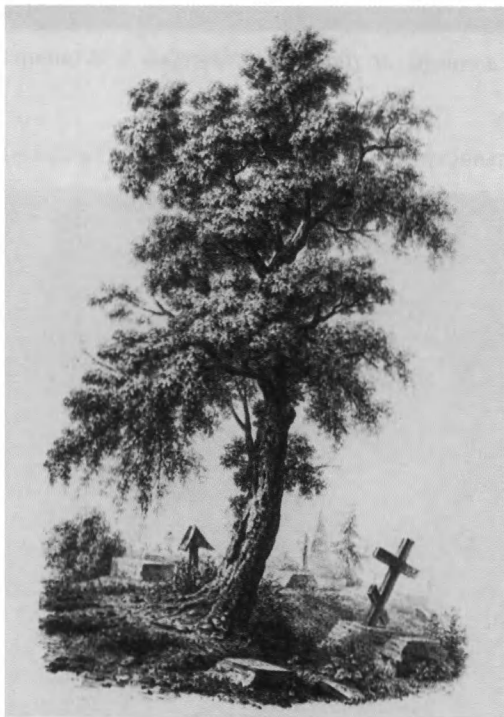

Празднество свадебного договора. *М. Шибанов. 1777 г.*

Приход колдуна на крестьянскую свадьбу. *В. М. Максимов. 1875 г.*

Возвращение
с похорон.
В. Г. Перов.
1880 г.

Кладбище. (Береза.)
С. Ф. Галактионов.
1823 г.

Утопленник
в деревне.
*Н. Д. Дмитриев-
Оренбургский.*
1867 г.

Упырь.
*Книжная
иллюстрация.*
XIX в.

Крестьянин в пути. (На заработки.)
С. А. Коровин. Вторая половина 1890-х гг.

троих крестьян, водившихся с ними, «за зловердные действия их порчею людей, напусканнем кликуши или икоты, от которой порчи страждут люди». Департамент уделов, не утвердив эти приговоры, передал дело для нового судебного расследования.

Прасковья Копалина, по свидетельству крестьян, кроме порчи девок и жонок, изобличалась еще в том, что «для привлечения в дом свой кого-либо из мужчин для сожития с нею источала из разных частей тела своего кровь и клала оную в муку, дабы таковою лепешкою приворожить к себе молодого мужчину».

Следователь при вторичном расследовании дела пригласил местного штаб-лекаря «для исследования в истине болезни одержимых». Врач после тщательного осмотра дал следующий отзыв: «Таковые люди одержимы истерическими припадками, а не порчею или напусканнем на них посредством чародейства икоты или кликуш».

Иногда колдунов, наводящих порчу, не только били или предавали суду, но даже убивали.

Так, 13 октября 1879 года временное присутствие Новгородского окружного суда в городе Тихвине, с участием присяжных заседателей, разбирало дело о сожжении солдатки Игнатъевой, считавшейся колдуньей.

Обстоятельства этого дела заключались в следующем: 4 февраля 1879 года в деревне Врачеве Деревской волости Тихвинского уезда была сожжена в своей избе солдатская вдова Аграфена Игнатъева, 50 лет, слышшая среди местного населения еще со времени своей молодости за колдунью, обладавшую способностью «портить» людей. Выйдя замуж, Игнатъева жила в Петербурге, но года за два до своей смерти возвратилась на родину. Когда крестьяне слышали, что Игнатъева переселяется в деревню Врачево, то стали говорить, что среди местного населения снова пойдет «порча». Многие утверждали, что лучше всего взять Аграфену, заколотить в сруб и сжечь.

Как колдунью Игнатъеву боялись все в деревне и старались всячески ей угождать. Так как она по своему болезненному состоянию не могла работать, то все

крестьянки из страха пред ее колдовской силой старались снискать себе ее расположение и оказывали ей всякие услуги, как то: работали за нее, отдавали ей лучшие куски, мыли ее в бане, стирали ей белье, мыли пол в ее избе и т. д.

Со своей стороны Игнатьева, не уверяя, что она колдунья, тем не менее не старалась разубеждать в этом крестьян, пользуясь внушаемым ею страхом для того, чтобы жить за чужой счет.

Вера в то, что Аграфена колдунья, стала еще сильнее, когда с некоторыми крестьянками той деревни случились нервные болезни вскоре после возвращения Игнатьевой. Происхождение всякой такой болезни народ связывал с каким-нибудь случаем мелкого разлада или ссоры между заболевшей крестьянкой и Игнатьевой.

Так, однажды Аграфена приходила в дом Ивана Кузьмина и просила творогу, но в этом ей отказали, и вскоре после того заболела его дочь Настасья, стала кликушей и в припадках выкликивала, что испорчена Игнатьевой. Кузьмин ходил к Игнатьевой и кланялся ей в ноги, прося поправить его дочь. Но Аграфена ответила, что Настасья не портила и помочь не может.

Такой же болезнью «кликушества с припадками» страдала и крестьянка Мария Иванова.

Наконец, в конце января 1879 года заболела дочь крестьянина Ивана Иванова, Екатерина, у которой раньше умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликивавшая перед смертью, что она испорчена Игнатьевой. Екатерина Иванова была убеждена, что ее испортила Аграфена за то, что она однажды не позволила своему маленькому сыну идти к Игнатьевой наколоть дров.

Так как Екатерина выкликала, что испорчена Игнатьевой, то ее муж отставной рядовой Зайцев подал жалобу уряднику, который и приехал во Врачево для производства дознания за несколько дней до сожжения Игнатьевой.

В воскресенье 4 февраля в деревне Врачеве происходил в доме крестьян Гараниных семейный раздел и к Гараниным после обеда собралось много гостей. Крестьянин Никифоров обратился к собравшимся с просьбой

защитить его жену от Игнатъевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об этом выкликала больная Екатерина Иванова. Тогда Иван Коншин вызвал Ивана Никифорова в сени и о чем-то советовался с ним, а затем, возвратившись в избу, стал убеждать крестьян в необходимости, до разрешения жалобы, поданной уряднику на Игнатъеву, обыскать ее, заколотить в избе и караулить, чтобы она никуда не выходила и не бродила в народе.

Все бывшие у Гараниных крестьяне, убежденные, что Игнатъева колдунья, согласились на предложение Коншина, и для исполнения этого решения Иван Никифоров отправился домой и принес гвозди и, кроме того, несколько лучин. Затем все крестьяне в числе четырнадцати человек отправились к избе Игнатъевой.

Войдя в избу, они объявили Аграфене, что она «не ладно живет», что они пришли обыскать ее и запечатать, и потребовали от женщины ключи от клетки. Когда пришли в клетку, то Игнатъева отворила сундук и стала подавать Коншину разные пузырьки и баночки с лекарствами. Эти лекарственные снадобья, найденные в сундуке Игнатъевой, окончательно убедили крестьян, что она действительно колдунья.

Ей велели идти в избу, и когда она туда направилась, то все крестьяне в один голос заговорили: «Надо покончить с нею, чтобы не шлялась по белу свету, а то выпустим — и она всех нас перепортит». Решили ее сжечь вместе с избой, заколов окна и двери.

Никифоров взял доску и накрепко заколотил большое окно, выходившее к деревне. После этого Коншин захлопнул дверь и зажженной лучиной зажег солому, стоявшую у стены клетки, другие крестьяне зажгли висевшие тут веники, и огонь сразу вспыхнул. Услышав треск загоревшейся соломы, Игнатъева стала ломиться в дверь, но ее (дверь) сначала придерживали, а потом подперли жердями и заколотили.

Дым от горевшей избы был замечен в окрестных деревнях, и на пожар стало стекаться много народу, которого собралось человек триста. Крестьяне не только не старались потушить огонь, но, напротив, говорили: «Пусть горит, долго мы промаялись с Грушкой!»

Иван Иванов, который в тот день приходил во Врачево к своей больной дочери Екатерине, узнав, что Игнатьева заколочена в горевшей избе, стал креститься и бегать около избы, говоря: «Слава богу, пусть горит; она у меня двух дочек справила».

Вскоре прибежал брат Игнатьевой, Осип. Он бросился к дверям, но сени были в огне и туда нельзя было попасть. Он кинулся к окну, желая оторвать прибитое полено, но крестьяне закричали на него, чтобы он не смел отрывать полена, потому что «миром заколочено и пусть горит».

Аграфена, видя неминуемую смерть, пробовала было спастись, вылезая в незаколоченное окно, выходящее на огород, но окно оказалось слишком узким, и крестьяне на всякий случай поспешили заколотить и его.

Так как дым и огонь ветром относил на реку, в сторону от избы, на крыше которой лежал толстый слой снега, то крестьяне решили спихнуть крышу. Несколько крестьян принялись за это, и один из них разворотил жердью бревна на потолке, чтобы жар скорее проник в избу. После этого огонь охватил всю избу, потолок провалился и исчезла всякая возможность спасти Игнатьеву.

Пожар продолжался всю ночь, и на следующий день на пожарище были уже только развалившаяся печь и яма с испепелившимися остатками костей Игнатьевой.

К ответственности были привлечены 17 человек. На суде подтвердились все обстоятельства дела; подсудимые и свидетели чистосердечно рассказали все подробности дела: что Аграфену все считали колдуньей, что она многих испортила и что решили ее сжечь.

Во время судебного следствия со свидетельницей Екатериной Ивановой (вышеупомянутой больной) случился ужасный припадок. Она вдруг грохнулась об пол, и в течение четверти часа ее страшно ломало и поднимало от пола по крайней мере четверти на полторы. Судорожные движения были настолько сильны, что трудно было понять, как она не повредила себе руки и ноги и в особенности как осталась целой голова, которой Иванова колотилась об пол. Выражение лица у нее было страшное. Глаза то открывались, блистая каким-то

адским огнем, то снова закрывались, и в это время лицо искажалось до невероятности. Крик Ивановой похож был на какой-то дикий вопль отчаяния. Эта сцена произвела весьма тяжелое впечатление как на присяжных заседателей, в ногах у которых валялась Иванова, так и на публику — крестьян.

Присяжные отнеслись весьма снисходительно к подсудимым, в которых они видели не обыкновенных преступников, а несчастных, ставших жертвой глубоко вкоренившегося в их среде предрассудка. Суд приговорил только троих к церковному покаянию, а остальных оправдал.

15 декабря 1895 года Кашинский окружной суд, с участием присяжных заседателей, разобрал в городе Мышкине Ярославской губернии дело о колдунье, подробности которого заключались в следующем.

В конце ноября 1893 года крестьянка Ольга Брюханова внезапно заболела нервным расстройством, причем стала подвергаться припадкам сильной тоски, конвульсивным судорогам и то отрывисто выкрикивала, то смеялась, то плакала. Не умея объяснить себе этих явлений, бывших последствием развитого в сильной степени состояния «большой истерии», муж Брюхановой, Петр, и мать ее, Капитолина, а равно и сама она относили причину болезни к колдовству, «порче», как они выражались, и за исцелением стали обращаться к ворожеям и бабкам.

Когда же те никакой пользы не принесли, больную стали как можно чаще водить в церковь, но от этого припадки только усиливались, больная кричала, билась, так что приходилось ее держать.

Вполне уверенная в том, что она «испорчена», Брюханова, находясь в нехороших отношениях со своей свекровью Марьей Марковой, неоднократно высказывала мужу и другим родственникам свое предположение о том, что ее «испортила» свекровь.

Чтобы с достоверностью узнать, кто «испортил» его жену, Петр Брюханов, по совету знахарок, в первый день Пасхи, 17 апреля 1894 года, облил святой водой церковный колокол и, собрав воду в пузырек, дал в тот же день из него выпить жене во время бывшего с ней

припадка и решительно спросил, кто ее «испортил». Та ответила: «Твоя мать».

Тогда Брюханов отправился за соседями и пригласил к себе в дом Андрея Виноградова, Владимира и Федора Грязновых и их семейства, чтобы все убедились, кого «выкликают» его жена.

Когда все собрались, он вторично дал жене выпить воды из пузырька и, окропив всех присутствовавших святой водой, опять предложил жене тот же вопрос о «порче». Та твердо и подробно ответила, что на Введениев день (21 ноября) 1893 года свекровь дала ей в рюмке водки «порчу», которую сама она взяла от сестры своего мужа Марьи Артемьевой вместе со 100 рублями, каковые зарыла затем у себя дома в погребе. После этого решено было потребовать в избу Марью Маркову.

Она пришла вместе с мужем своим, дряхлым стариком, Никитой Артемьевым. Петр Брюханов в третий раз дал жене «святой воды» и снова предложил вопрос о том, кто ее «испортил», на что получил такой же, как и прежде, ответ, после чего Ольга Брюханова при виде стоявшей перед ней свекрови сильно переменялась в лице, вскочила, «точно ее вихрем подняло», запела что-то и в конвульсивных судорогах бросилась на семидесятилетнюю старуху, повалила ее на землю, стала ее таскать за волосы и сильно бить, требуя, чтобы она «отделала порчу». К ней присоединился Петр Брюханов и вместе с женой стал бить свою мать ногами куда попало.

Все присутствовавшие молча смотрели на это, когда же Никита Артемьев порывался защитить свою жену, Виноградов сел к нему на колени и не позволил встать с места, а Владимир Грязнов в это время придерживал дверь.

Затем Виноградов предложил затащить Маркову в погреб, чтобы она откопала 100 рублей, в которых была «порча», и с этой целью принес веревку, надел старухе на шею и потащил ее к погребу, куда вместе с Грязновыми и втолкнул ее, после чего дали ей в руки косарь, требуя, чтобы она откопала «порчу».

Наконец, когда Маркова совершенно ослабела, ее оставили в покое.

К этому времени стал собираться народ из соседней деревни Петрушино, где уже от мальчишек узнали, что в Синицах «бьют колдунью». Из вновь пришедших кто-то посоветовал Петру Брюханову накалить железный засов, чтобы прижечь ведьме пятки. Петр разложил на дворе костер, но в это время Марья Маркова упала с завалинки, на которой сидела, и скончалась.

Ольга Брюханова, находясь все время в сильном истерическом припадке, плясала, хлопала в ладоши и кричала: «Сейчас разделают, разделают!» (снимут порчу).

Привлеченные в качестве обвиняемых все упомянутые лица, не отрицая самого факта совершения преступления, утверждали, что сами они, кроме Ольги, никаких побоев старухе не наносили, не имея намерения лишить ее жизни, а хотели лишь, чтобы она «отделала порчу», которую, по их мнению, действительно причинила Марья Маркова. Все они, по их словам, были «словно околдованные», так что совсем потеряли рассудок.

Ольга Брюханова была подвергнута судебномедицинскому испытанию в Ярославской земской больнице и признана совершившей преступление в состоянии умоисступления, вследствие чего уголовное преследование ее по настоящему делу было дальнейшим производством прекращено.

На судебном следствии все свидетели единогласно показали, что побои наносила только Ольга Брюханова, остальные не помогали, но и не мешали.

Далее было установлено, что слух о «порче» Ольги Брюхановой ее свекровью держался в деревне всю зиму; что и в соседней деревне Горохове появилась «порченная» и молва приписывала порчу той же Марье Марковой; что порчи вообще случаются нередко, и, по народному верованию, кого больная выкликает, тот и «испортил».

Далее выяснилось, что Ольга Брюханова была всегда женщина здоровая, родила троих детей и сама их выкормила, но что действительно с Введениева дня она внезапно заболела.

Покойная Марья Маркова была женщина хорошая, но и Петр был хороший сын, и никто из подсудимых не был во вражде со старухой.

Эксперт, уездный врач Ковалев, признал побои тяжкими, угрожающими опасностью жизни, а смерть Марковой, по мнению эксперта, последовала от кровоизлияния в мозг, бывшего в свою очередь результатом ударов твердым предметом по голове покойной. Далее, на вопросы защиты, эксперт высказал мнение, что сильный припадок большой истерии действует заразительно на окружающих, что обвиняемые, будучи сами нормальными и здоровыми людьми, по всей вероятности, однако, находились в состоянии психического оцепенения и едва ли сознавали, что они делали.

Суд приговорил Петра Брюханова к шести годам каторжных работ, Виноградова — к четырехлетней каторге, а Грязновых — к ссылке на поселение в места не столь отдаленные — с лишением осужденных всех прав состояния.

Приговор произвел огромное впечатление. Подсудимые, бывшие на свободе, были немедленно взяты под стражу. Огромная толпа мужиков, баб и детей с рыданиями и воплями провожала их через весь город до стен тюрьмы.

«Икотная болезнь»

Как мы упоминали выше, на севере России и в Сибири была распространена особая разновидность кликушества — «икота».

Первые указания на «икотную болезнь», по словам доктора Краинского, относятся к 1606 году, когда в Перми поданы были две челобитные жалобы. Челобитчики сделали извет: один на крестьянина Тренку Талева, что он напустил икоту на его жену, а другой — на посадского Семейку Ведерника, который напустил икоту на его товарища по торговле.

У этих кликуш-«икотчиц» приступ начинается икотой, а оканчивается истерическим плачем или смехом. В некоторых случаях, однако, за этим следует обморок. Припадки продолжаются от часа до семи часов.

Икота главным образом была распространена среди женщин по правую сторону Северной Двины, где ею

страдало в начале XX века не менее четверти всего женского населения. Дальше, к западу от Двины болезнь эта «пропадала».

Разумеется, русский народ и икоту объяснял влиянием злого духа.

Огненный змей

Огненный змей, по народным воззрениям, есть олицетворение дьявола. Дьявол принимает этот вид, когда намеревается вступить в половые сношения с женщинами. Сказания о таких связях существуют у всех славянских народов, занесены они и в наши летописи.

Согласно легенде о Петре и Февронии, дьявол вступил в связь с княгиней (супругой Павла, брата Петра) при жизни ее мужа, но в большинстве случаев он выбирает своими жертвами одиноких вдов или девиц, без меры грустящих и убивающихся по своим умершим мужьям или возлюбленным, и заступает место последних. Такие несчастные, всецело поглощенные своей скорбью, нередко забывают свои обязанности по отношению к Богу и ближним. Они перестают молиться, посещать церковь, ропщут на Господа, сомневаются в Его милосердии, богохульствуют.

Вот этими-то обстоятельствами и пользуется дьявол. Наметив такую женщину, он в глухую ночь пролетает по небу в виде огненного змея, останавливается над ее избой, рассыпается искрами и является тоскующей под видом ее мужа или любовника. Конечно, такое явление приводит женщину в ужас, но обаяние дьявола так велико, что она скоро свыкается с мыслью, что любимый ею человек жив, а не умер.

В страстных ласках проводит дьявол с нею ночь и при первом пении петухов исчезает. Затем посещения им новой любовницы происходят уже каждую ночь.

Любовь огненного змея сушит и изводит женщин. Они бледнеют, худеют, истощаются. Дни проводят в тяжелой тоске, с нетерпением ожидая ночи, а с нею и возлюбленного.

Случается, что обольщенная дьяволом разговари-

вайт с ним в присутствии посторонних, но последние не видят и не слышат духа. Иногда от таких связей рождаются дети, но не обыкновенные, а богатыри, кудесники или кикиморы.

О происхождении и жизни кикимор в русском народе существует следующая легенда:

«Полюбит красну девицу-душу нечистый, загорит он, окаянный, змеем огненным, осветит он дубровы дремучие. По поднебесью летит он, злодей, шаром огненным; по земле рассыпается горячим огнем, во тереме красной девицы становится молодым молодцем несказанной красоты. Сушит, знобит он красну девицу до истомы.

От той ли силы нечистые зарождается у девицы детище некошное. С тоски, со кручины надрывается сердце у отца с матерью, что зародилось у красной девицы детище некошное. Клянут, бранят они детище некошное клятвой великой: не жить ему на белом свете, не быть ему в урост человекь; гореть бы ему век в смоле кипучей, в огне негасимом.

Со той ли клятвы то детище заклятое, без поры, без времени, пропадает из утробы матери. А и его-то, окаянного, уносят нечистые за тридевять земель в тридесятое царство. А и там-то детище заклятое ровно чрез семь недель нарекается Кикиморой.

Живет, растет Кикимора у кудесника в каменных горах; поит-холит он Кикимору медяной росой, парит в бане шелковым веником, чешет голову золотым гребнем. От утра до вечера тешит Кикимору кот-баюн, говорит ей сказки заморские про весь род человеческий. Со вечера до полуночи заводит кудесник игры молодецкие, веселит Кикимору то слепым козлом, то жмурками. Со полуночи до бела света качают Кикимору во хрустальчатой колыбельке.

Ровно через семь лет вырастает Кикимора. Тонешенька, чернешенька та Кикимора; а голова-то у ней малым-малешенька со наперсточек, а туловище не спознать с соломиной. Далеко видит Кикимора по поднебесью, скорей того бегаёт по сырой земле. Не старается Кикимора целый век; без одежды, без обуви бродит она лето и зиму. Никто-то не видит Кикимору ни середь

дня белого, ни середь темной ночи. Знает-то она, Кикимора, все города с пригородками, все деревни с приселочками; ведает-то она, Кикимора, про весь род человеческий, про все грехи тяжкие. Дружит дружбу Кикимора со кудесниками да с ведьмами.

Зло на уме она держит на люд честной. Как минут годы уреченные, как придет пора законная, выбегает Кикимора из-за каменных гор на белый свет ко злым кудесникам во науку. А и те-то кудесники люди хитрые, злогадливые; опосылают они Кикимору ко добрым людям на пагубы. Входит Кикимора во избу никем не знаячи, поселяется она за печку никем не ведаючи. Стучит, гремит Кикимора от утра до вечера; со вечера до полуночи свистит, шипит Кикимора по всем углам и полавочной; со полуночи до бела света прядет кудель конопельную, сучит пряжу пеньковую, снует основу шелковую. На заре-то утренней она, Кикимора, собирает столы дубовые, ставит скамьи кленовые, стелит ручники кумачные для пира неряженого, для гостей незваных. Ничто-то ей, Кикиморе, не по сердцу: а и та печь не на месте, а и тот стол не во том углу, а и та скамья не по стене. Строит Кикимора печь по-своему, ставит стол по-нарядному, убирает скамью запонами шидянными. Выживает она, Кикимора, самого хозяина, изводит она, окаянная, всяк род человеческий. А и после того, она, лукавая, мутит миром крещеным: идет ли прохожий по улице, а и тут она ему камень под ноги; едет ли посадский на торг торговать, а и тут она ему камень в голову. Со той беды великие пустеют дома посадские, зарастают дворы травой-муравой».

Если связь со змеем продолжается долгое время, то женщина сходит с ума и нередко кончает жизнь самоубийством.

Единственным средством избавиться от дьявола-змея является надевание на него шейного креста. Но очарованную женщину трудно уговорить прибегнуть к такой мере. Если однако она послушается, то хотя бы и не успела надеть креста на шею нечистому, однако после нескольких повторов этой попытки дьявол ее оставляет и больная поправляется.

Вот одна из быличек, которые часто рассказывали в деревнях:

«Вот в Ветлуге был случай. Молодая женщина, пожив всего один год замужем, неожиданно лишилась своего супруга: его где-то на стороне убили. Много слез пролила Анна, сильно горевала и не знала, что делать от тоски. Наступила осень, и горожане увидели летуна: появится, осветит и рассыпается над домом, где жила молодая вдова. Многие предостерегали Анну и говорили, что сами видели, как летал к ней огненный змей, и советовали обратиться с молитвами к Богу, но вдова и слышать не хотела, отвергала советы добрых людей. Она, не стесняясь, говорила домашним и знакомым, что муж ее не убит, а только скрывается от людей, потому несчастье его постигло, и он не смеет никому показаться на глаза, кроме своей жены, которую посещает часто. Она рассказывала, что муж, когда ночует у нее, вместе с ней спит, как спал и раньше живой, и уходит около полуночи до пения петухов. Недолго, однако, летал огненный змей к вдове. Начала она быстро таять, ничего по дням не ела, тосковала и лишилась рассудка, а вскоре ее и паралич разбил, так она в совершенном изнеможении и безумии скоро и умерла».

Кроме креста, спасти от огненного змея тоскующую по нему женщину мог заговор, произнесенный знахарем.

Обряд начинался с втыкания в порог и во все щели избы мордвинника, а затем уже произносился сам заговор:

«Как во граде Лукорье летел змей по поморию, града царица им прельщалася, от тоски по царе убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ея умалялася, сердце тосковалось, одному утешению предавалася — как змей прилетит, так ее и обольстит. Тебя, змей, не боюсь. Господу Богу поклонюся, преподобной Марии Египетской уподоблюся, во узилища заключуся. Как мертвому из земли не вставать, так и тебе ко мне не летать, утробы моей не распаляти, а сердцу моему не тосковати. Заговором я заговариваюся, железным замком запираюся, каменным тыном огораживаюся, водой ключевой прохлаждаюся, пеленой Божией Матери покрываюся; аминь».

Домовые — это духи, хранители домов, олицетворение душ умерших предков, родоначальников, почему им и присвоен эпитет дедушки — «дедушка домовой». Домовой имеется в каждом доме, живет всего чаще под или за печкой, иногда в бане или овине.

По народным верованиям, домовой весь оброс густой шерстью и мягким пухом, даже ладони и подошвы у него в волосах, только лицо около глаз и носа «голое». Его мохнатые подошвы зимой обозначаются на снегу, а ладонью домовой гладит по ночам сонных, и те чувствуют, как шерстит его рука. Если она мягкая и теплая, то предвещает счастье и богатство, если холодная и жесткая, то быть худу.

В Вятской губернии рассказывали, что домовой является людям стариком, ростом с пятилетнего ребенка, в красной рубахе, подпоясанный синим кушаком, лицо у него сморщенное, борода белая, волосы на голове желто-седые, а глаза словно огонь горят.

В Сибири домового представляют в виде маленького, косматого старика с длинной бородой и думают, что он проживает в печурке.

В других областях России домового знают плотным, малорослым стариком, в коротко смуром зипуне или синем кафтане, с алым поясом или в красной рубахе: у него седая всклокоченная борода, волосы косматы и застилают лицо, голос суровый и глухой; он любит ворчать, браниться и употребляет при этом выражения чисто народные, крепкие.

У домовых бывают жены и дети, дочери его очень красивы, но любовные связи с ними губельны для смертных.

Домовой представлялся крестьянам идеальным хозяином: он смотрит за всем домом и двором пуще самого хозяина, блюдет семейные интересы, заботится об имуществе, охраняет всю скотину, надзирает за овином, огородом, конюшней, хлевом, амбарами, за домашней птицей, особенно за курами.

Петушиного пения домовой, в противоположность всей остальной нечистой силе, не боится, напротив, его боятся различные лешие, ведьмы и оборотни, от вредных замыслов которых он охраняет дом.

Домовой сочувствует и семейной радости, и семейному горю. Он предвещает смерть хозяина дома тяжелыми вздохами и плачем. Когда умирает кто-либо из домочадцев, домовый воет ночью, выражая этим свою печаль.

Перед каким-нибудь общим бедствием — чумой, войной, пожаром — домовые уходят из села и воют на выгонах.

Если идет нежданная беда — домовый возвещает о ее приближении стуками, ночными поездками, истомляющими лошадей, приказом сторожевым собакам рыть ямы среди двора и выть на всю деревню.

Желая предупредить хозяина о каком-нибудь несчастье, например о начале пожара или о забравшемся воре, домовый толкает и будит хозяина.

Несмотря на свое доброжелательство, домовый вообще любит проказить. Бывают случаи, когда он становится злым даже к семье своего хозяина. Тогда он щиплет домашних животных и птиц, отнимает у них корм, спутывает гривы лошадям и замучивает их ездой, сбрасывает хозяина с саней или телеги, раздевает его во время ночи, стаскивает с постели, наваливается на сонных домочадцев, душит их, щиплет до синяков.

Так объясняет народ причины кошмаров и появление подкожных кровоизлияний на различных частях тела после сна в виде синеватых и багровых пятен различной формы и величины.

10 февраля (нового стиля) праздновали в русском народе именины домового.

Крестьяне были уверены, что болезни и несчастья, появляющиеся с этого дня, происходят от лихого домового. Колдуны и знахари уверяли, что домового можно унять кудесами; а чтобы его всегда держать в смирении, то нужно оставить на ночь гостинцы. Кудесы, унимающие лихого домового, заключаются в следующем: колдун, призванный во двор, ровно в полночь резал петуха, выпускал кровь его на голик (веник). Этим голиком выметал все углы в избе и во дворе, вместе с причитанием разных заговоров. Все это совершалось до пения последних петухов.

Для задабривания домового после ужина оставляли на загнетке горшок каши. Верили, что ровно в полночь домовый выходит из-под печи и ужинает. С той поры он целый год бывает смирен и услужлив.

Существовали особые заговоры на умилоствление домового. Для этого нужно было достать травы плакуна (*Orchis maculata*), но не с черным корнем (какой у нее бывает обыкновенно), а с белым, и привесить его себе на шелковый пояс, потом взять озими, добытой с трех полей, завязать ее в узелок и привязать узелок к змеиной головке, которая должна висеть на гайтане* вместо креста; вложить в одно ухо клочок козьей шерсти (которую особенно уважает домовый), а в другое — последний, в порядке домашней пряжи, клочок шерсти летнины, который крестьянка бросает, когда допрядет кудель, и который следует подобрать скрытно ото всех домашних; потом переодеть сорочку на ночь, то есть на левую сторону, взять горшовик** и отправиться ночью в хлев, где, завязав глаза этим горшовиком, сложенным вчетверо, и затворив за собой дверь, сказать: «Суседушко, домоседушко, раб к тебе идет, низко голову несет; не томи его напрасно, а заведи с ним приятство, покажись ему в своем облике, заведи с ним дружбу да сослужи ему легку службу».

Слова эти повторять до тех пор, пока не запоют петухи или пока не услышишь легкого шороха в хлеву. В первом случае вызывание должно отложить до другой ночи, во втором — схватиться одной рукой за корень плакуна, а другой — за змеиную головку и крепко держаться за них, что бы ни делал домовый: тогда последний покажется. Если же вызывающий не успеет ухватить за гайтан и корень или выпустит их из рук, то домовый, схватив гайтан, порвет его и змеиной головой застегает вызывающего до полусмерти.

При переходе в новое жилище домохозяин (или приглашенный знахарь) должен был положить для домового в подполье нового дома целый небольшой хлеб

* Гайтан — шнурок, на котором носят нательный крест.

** Горшовик, горизевник — отымалка, тряпица, которой берут горячий горшок с шестка.

и на него соли да чашку молока. Приготовив это, хозяин ночью в одной сорочке идет в старый дом и говорит: «Кланяюсь тебе, хозяин батюшко, и прошу тебя пожаловать к нам в новыя хоромы: там для тебя и местечко тепленькое, и угощеньицо маленькое сделано».

Без приглашения домовой не пойдет на новое место и будет плакать каждую ночь.

По переезде в новый дом первый ломоть хлеба, отрезанный за первым обедом, зарывают в земле на вышке, в правом углу под избой, приговаривая: «Кормильчик, кормильчик, приходи в новый дом хлеба здесь кушать и молодых хозяев слушать».

Наши предки перебирались в новые дома на Сёмин день, 1/14 сентября.

Для этого сзывали родных и почетных гостей. На такое новоселье хаживал приглашать гостей сам хозяин. Первыми гостями считались тесть с тещей, сваты, дяди и кумовья. Гости наперед присылали на новоселье хлеб-соль по усердию и состоянию.

Тесть присылал коня любимому зятю, а теща — корову для внучат. Коня встречал зять у ворот с поклонами и почетами, у крыльца кормил ячменем и пшеницей из рукавицы, а в конюшне поил сытой медовой чрез серебро, из ковша. Корову провожала сама теща до зятин двора. Хозяин с хозяйкой встречали корову на дворе с поклонами и ласковым словом, у крыльца кормили хлебом и с радостью провожали все свою буренушку до сарая.

Кум с кумой приносили на новоселье мыло и полотенце. Встреча им была в сенях, где угощали чаркою вина.

Сваты приносили домашнюю птицу, и новых переселенцев кормили на дворе овсом и гречихою.

Все званные сходились праздновать новоселье к обеду, и пиршество оканчивалось вечером, с большими проводами гостей.

Расскажем теперь о поверьях наших предков о новом доме. Дом готов, все отделано, все припасено, все убрано; но не сделано важного, не исполнено нужного. Это важное, это нужное не продается, не покупается. О нем все старшие в доме со страхом вспоминают. А

без этого нужного как перейти в новый дом? Как жить? Давно ли были примеры у соседей, что в новом доме пропадало и счастье, и богатство, и веселье?

Если вы знаете заветные тайны наших отцов, вы уже догадались, что в новый дом нельзя перейти без домового дедушки. Он в старом доме берег все хозяйское добро, холил домашний скот, радел и заботился о дворе пуще хозяйского глаза. И его ли оставить, бросить на старом пепелище? Может быть, на новом дворе заведется лихой и грозный домовый? И вот хозяйева решаются перевести с собою и домового дедушку, без которого в доме непременно будут болезни и беды.

Свекровь, или бабка, или старшая нянька, или знахарка отправляет со старого пепелища молодую хозяйку, а сама топит печь в последний раз. Весь жар выгребает она из печи в печурку и дожидается полдня. У ней уже заранее приготовлен горшок со скатертью. Ровно в полдень, по солнцу, свекровь кладет в горшок горячие уголья и накрывает его скатертью. Потом растворяет двери и, обращаясь к заднему куту, говорит: «Милости просим, дедушка, к нам на новое усилье».

Затем отправляется на новый двор. Здесь хозяин с хозяйкой, у растворенных ворот, ожидают уже дедушку с хлебом-солью. Подходя к воротам, свекровь стучится в верею* и спрашивает: «Рады ли хозяйева гостям?» Ей отвечают молодые хозяйева с низкими поклонами: «Милости просим, дедушка, к нам на новое место».

Свекровь идет в новые покои; впереди несет хозяин хлеб-соль; сзади провожает хозяйка. Входя в избу, свекровь ставит горшок на загнетку, берет скатерть и трясет ее по всем углам, как будто выпуская домового; потом высыпает все уголья в печурку. С восторгом и радостью садятся всей семьей за стол и едят хлеб-соль.

Горшок разбивают и зарывают ночью под передний угол дома.

Для предосторожности, чтобы злые люди не напустили на двор лихого домового, вешают в конюшню медвежью голову. Все это делается будто для того, чтобы

* Верея — опорный столб, на который навешивается полотенце ворот.

лихой не вступал в борьбу с добрым за жилое и не обессилил бы его.

По переводе в новый дом коров старший хозяин (или знахарь) говорит «дворовым» (духам): «Кормилец батюшко, кормилица матушка, как я люблю этих коровушек, чернухонек, сивухонек (и т. д.) — так и вы их любите».

Когда приведут купленную скотину в хлев, следует произнести: «Дедушко отаманушко, полюби моего чернеюшка (пестреюшка и пр., смотря по шерсти), пой, корми сытно, гладь гладко, сам не шути и жены не спущай, и детей укликай, унимай».

Кто хочет видеть дворового, должен первый получить от священника, по окончании заутрени на Пасху, красное яйцо и взять из церкви свечу, с которой стоял у заутрени. Затем должен ночью, до петухов, взяв в одну руку зажженную свечу, а в другую красное яйцо, стать перед отворенной дверью хлева и сказать: «Дядя дворовой, приходи ко мне, не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал; приходи таким, каков я; я тебе христовское яичко дам».

Дворовой выйдет, по виду совершенно подобный произносившему заклятие.

Глава пятая

Знахари и знахарские приемы

«Контингент» профессиональных знахарей состоял преимущественно из бобылей и бобылок, которые занимались этим ремеслом либо из нужды, поскольку «заработок» лекаря был очень хорошим, либо по призванию. Это были почти всегда люди почтенного возраста, ибо старость своей опытностью всегда внушает больше доверия.

Так сложилось исторически, что знахарь на Руси в рассматриваемое нами время был единственным врачом народа.

Часто, когда в селе не было своего «собственного» знахаря, крестьяне ехали за помощью в соседнюю деревню к «специалисту», о котором шла хорошая молва. Но иногда ждали прихода в деревню паломников, ко-

торые считались сведущими в лекарстве, или бродячих знахарок.

Последних на Руси очень любили, считали Божиими людьми, слагали о них легенды. Они приносили в деревни не только лекарства и снадобья, но и новые знания, а часто и новые семена. Так, по русской легенде, греча попала на Русь благодаря такой знахарке:

«За синими морями, за крутыми горами жил-был царь с царицей. На старость послал им Господь на утеху единое детище, дочь, красоты несказанной. Вот они, царь с царицей, и думают думу крепкую. Думали, думали и придумали: пошлем, де, посла встречного спросать по имени и по изотчеству, и во то имя наречем новорожденное детище. И ту свою думу крепкую оповедили князьям и боярам. И князья и бояре приговорили: быть делу так! Снарядили посла.

По слову царскому, по приговору боярскому идет посол искать встречного, спросать его по имени и по изотчеству, каким именем назвать новорожденную дочь у царя с царицей. Сидит посол на перекресице день, сидит и другой. На третий день ко вечеру идет навстречу старая ведунья во Киев-град Богу молиться. Вот и молвит ей посол думу царскую: “Бог на помочь, стар человек! Скажи всю правду, не утай: как тебя звать по имени, да и как величать по изотчеству?” И молвит в отповедь ему старая старуха: “Осударь, ты мой боярин милостивой! Как народилась я волею Божьею на белый свет, и туто, де, отец с матерью нарекли меня: Крупеничкою”, — а как звали батюшку родимого, то она во своем сиротстве не помнит. И начал посол пытать старую старуху: “Али ты, старая, из ума выжила, али на те, старую, дурь нашла — что невесть что говоришь? Да такого имя слухом не слышать, видом не видать, как белый свет стоит. Буде ты, старая, на правду не идешь, ино не ходит тебе на сырой земле. Молви без утайки”. И взмолилась старая старуха: “Осударь, ты мой боярин милостивой! Не вели казнить, вели слово вымолвить. Оповедала я тебе, боярину, всю правду со истиной, молвила все дело без утайки. А во всем во том кладу порукою всех святых и угодников. Умилосердись, осударь, ты мой боярин милостивой! Пусту душу на покаяние, не дай во грехах умереть”.

И думает боярин: “А и что? Никак, старая правду молвила? А и что старую до пытки доводить? Быть делу так, как молвила старая” Отпустил боярин старую старуху во Киев-град Богу молиться, а на отпуске наделял золотой казною, да и крепко наказывал: молиться за царя с царицей, да и за их нарощенное детище. Диву дивовалася старая, что с нею содеялось, а со того дива еле душа во теле осталася.

Идет посол ко князьям и боярам рассказать содеянное. Входит он, посол, во палату боярскую, посередь пола становится, на все стороны поклоняется, а сам и молвит им, боярам, речь посольскую:

“По слову царскому, по приговору боярскому, правил я посольство на перекресице на встречного, а на том посольстве было дело так: сидел я на перекресице три дня с места не сходяючи, ни едину ночь не всыпаяючи, а на третий день идет встречная старая старуха, а ей-то молвил: скажи всю правду, не утай: как звать тебя по имени, да и как величать по изотчеству?”

И на ту речь посольскую молвит в отповедь старая ведунья: как народилася она волею Божьею на белый свет, отец с матерью нарекли ее Крупеничкой, а как звали ее батюшку родимого, про то она, старая, во своем сиротстве не помнит. И он, де, посол, выслушавши такие речи небывалые, пытал старую ведунью крепко-накрепко, да и с угрозою. И она, де, старая, крепко стояла на своем слове: оповедала, де, всю правду со истиной, молвила, де, все дело без утайки. И он, де, посол, принял те речи за правдивые, отпустил старую старуху во Киев-град Богу помолиться, а на отпуске наделял золотой казною, да и крепко наказывал: молиться за царя с царицей, да за их нарощенное детище”

А опосле того он, посол, клал на стол статьи писанные, что деялось во посольстве. От тоя речи посольские все князья и бояре с диву дивовалися, что содеялось. И приговорили бояре: оповедать царю все дело посольское, а на челобитье поднести статьи писанные всему делу посольскому.

Идут князья и бояре во терем княженицкой со словом посольским, со статьями писанными. Как взошли они, князья и бояре, во терем ко своему осударю царю, били

целом, о сыру землю кланялись, а на челобитьице молвили всю речь и подносили статьи писанные всему делу посольскому. Слушает осударь царь речь посольскую, читает статьи писанные всему делу посольскому, да и возговорит опослей того: быть делу тому так, как содеялось.

И нарекали царь с царицей свое нарощенное детище, во имя встречного, Крупеничкой. Вырастает та царская дочь Крупеничка не по дням, а по часам, узнавает всякую мудрость книжную более старых стариков. Вот и задумали царь с царицей: как свое детище замуж отдать? И посылают послов во все царства и государства, да и по всем королевствам искать себе зятя, а своему детищу — мужа.

Не думано, не гадано подымалась Золота орда бесерменская на его, осударя царя, войной воевать, его царство полоном полонить, его слуг верных сгубить. Выходил осударь царь на Золоту орду бесерменскую войной воевать со всеми князьями и боярами, со всем своим царством, опричь баб и ребят и старых стариков. На той войне ему, осударю царю, не посчастливилось: положил он, осударь царь, свою голову со всеми князьями и боярами, со всем своим воинством. А и та Золота орда бесерменская полонила полоном всех баб и ребят, всех старых стариков. А и того царства кабы не бывало.

Доставалась та царская дочь Крупеничка злому татарину во полон. И он ли, злой татарин, нудил Крупеничку во свою веру бесерменскую.

“Я, де, тебя, Крупеничка, — молвит он, собака, — за то наряжу во наряд оксамитной, во монисто с ожерельицем. Будешь ты, Крупеничка, ходить в чистом золоте, будешь спать на хрустальчатой кроватишке, будешь есть яства лебединые, будешь пить питья медвяные” Его-то речам бесерменским она, Крупеничка, веры неймет; его-то словам окаянным она, Крупеничка, и отповеди не дает. А и думает он, злой татарин: “Ай, постой ты, Крупеничка, ай, погоди ты, упрямая! А я те во работу отдам, а я те во неволю пошлю”

И мучил он, окаянной, Крупеничку работою великою, неволею тяжкою ровно три года; а на четвертый год нудить стал во свою веру бесерменскую. И стояла она, Крупеничка, крепко на своей православной вере.

Во те поры проходила старая старуха-ведунья из Киева через Золоту орду бесерменскую. Вот и видит она, вещая, Крупеничку в работе великой, во неволе тяжкой. И стало жаль ей, старой, Крупеничку. И обращивает она, старая, Крупеничку во гречневое зернышко и кладет то гречневое зернышко во свою калиту. Идет она, старая, путем, дорогой немалою на святую Русь. И в те поры возговорит ей Крупеничка: «Сослужила ты для меня службу немалую, спасла меня от работы великие и тяжкие; сослужи еще службу последнюю: как придешь на святую Русь, на широки поля, привольные, схорони меня в землю»

Ведунья по сказанному, как по писаному, все сделала, что заповедала ей Крупеничка. Как схоронила она, старуха, гречневое зернышко на святой земле русской, на широком поле, привольном, и учало то зернышко в рост идти, и выросла из того зернышка греча о семидесяти семи зернах. Повевали ветры со всех со четырех сторон, разнесли те семьдесят семь зерен на семьдесят семь полей. С той поры на святой Руси расплодилось греча. А то старина, а то и деянье добрым людям во услышанье».

На самом же деле родина гречихи — Гималаи. Там ее начали разводить четыре тысячи лет тому назад. Оттуда она попала в Китай и Среднюю Азию, а затем — в Средиземноморье. На Русь ее впервые привезли греки, почему наши предки и стали называть ее «греческим злаком» — гречкой.

Знахарь и земский врач

Обращение к знахарю, а не к земскому врачу, с точки зрения простолюдина, было во многих случаях совершенно логично и последовательно. Раз известное заболевание произошло не по той или иной физической причине, а случилось от вмешательства нечистой силы, порчи, «напуска по сердцам», «глаза», слова, то и средства лечения должны соответствовать причинам заболевания и должны быть им равносильны: эта вера народа в существование каких-то таинствен-

ных сил, прекращающих болезни, есть лишь следствие его веры в такие же силы, от которых происходят болезни.

Кроме того, даже если во время лечения знахари и не могли помочь больному, то они разными «механическими» действиями, употребляемыми при заговорах — поглаживаниями, постукиваниями и нашептываниями, значительно успокаивали нервы больного. Известная обстановка и таинственность, запах каких-то трав, окуривание — все это, так или иначе, действовало на психику крестьянина, верующего и в силу черта, и в могущество ведуна. Больные верили в знахаря — и в этом был залог успеха его дела. Даже если улучшение наступало не из-за лечения, а по естественным причинам, крестьяне все равно свято верили, что на ноги их поставили чары местного лекаря. Как одно и то же лекарство, но прописанное различными докторами, способно оказать большую пользу в том случае, когда оно назначено доктором, внушающим к себе больше доверия, так и простая вода способна творить чудеса, если больной верит в силу лекаря.

Успех знахарей и бабок исследователи народной медицины объясняют и тем, что крестьяне очень любили поговорить про свою болезнь, «отвести душу». Между тем земские врачи, которым на своих громадных «участках», как правило, не хватало времени на больных, просто обрывали пришедших на прием на полуслове, не дав высказаться. По многочисленным этнографическим зарисовкам, уходя от врача с лекарством, но в скверном настроении духа, крестьяне ворчали: «Вот, путем и не расспросил меня, а лекарство дал. Надо думать, чтобы побыстрее отвязался». Часто, если лекарство было без цвета, вкуса и запаха, крестьяне и вовсе решали, что вместо медицинского препарата им дали простой воды.

Совсем иначе вели себя знахари. Они принимали больного, начинали говорить с ним «за жизнь», расхваливали свои травы и настойки, уверяли в чудодейственной силе припарок и порошков. Крестьянин уже с самого начала верил знахарю — тем более что вера в местного лекаря была у русского человека «в крови».

Не пропала она, надо сказать, и сегодня. Автор этой книги в детстве на даче вместе с бабушкой ходила в соседнюю деревню за молоком и с замиранием сердца слушала рассказы молочницы о местной ведьме и «заломках», ею устраиваемых. Предрассудки, связанные прежде всего с людским невежеством, удивительно живучи.

От знахаря крестьянин уходил с легкой душой, да и лекарство нес «правильное» — с горьким вкусом, резким запахом и темного цвета. Чем больше выпьешь такого лекарства — тем лучше. А доктор-то ведь прописывает пить свою «воду» по ложке.

Крестьяне верили, что есть чудодейственный эликсир, который непременно поможет, и поможет быстро, надо только уметь его найти. Врачи, столкнувшись с серьезной болезнью, как правило, настаивали на ее длительном лечении. Крестьянин же хотел вылечиться как можно быстрее и не терять времени, которое было ему просто необходимо для работы по хозяйству и в поле.

В книге Г. Попова приводится типичный случай, о котором ему сообщила его корреспондент госпожа С-ва. Речь в ее рассказе шла о лечении больной, получившей тяжелые ожоги, за которой ухаживали врач и госпожа С., делавшая больной перевязки. Больная стала уже поправляться, успех лечения признавался и самой больной, и ее родными, но все они были недовольны сроками лечения и стали поговаривать, что если все тем же пользоваться больную, так она, пожалуй, и через месяц не выздоровеет.

«— Есть другие средства, что скорее помогают, — заявляют они.

— Какие же это средства?

— Да мы того не знаем, а бают, что ожог скорее проходит, коли его другим чем полечить. Вон, в Салтыках есть женщина: она хошь и не очень старая, а знает всякие средства, от всяких болестей, а от ожогов человек пятнадцать уж пользовала.

— Ну хоть она и знает всякие средства, а все не больше доктора.

— Ни, матушка! Доктора-то больше над больными валандаются. Коли их слушать, так и сама-то замо-

ришься, за больными ходючи, да и снадобья-то их не больно способно потреблять.

Приехав на другой день, продолжает рассказчица, я нашла в хате больной нестарую еще бабу с хитрым лицом; она что-то старательно терла и месила в грязной, сальной черепушке.

— Ну что, Матрена, как себя чувствуешь?

— Слава Тебе, Создателю, матушка, много легче стало.

— Теперь, сударыня, — вмешалась дочь больной, Дунька, — мы скоро и совсем вылечим мать. Вот, салтыковская бабочка пришла, берется за семь дней все раны заживить.

На все доводы, что менять лекарство, которое, очевидно, помогает, на неизвестное не следует, мне отвечали уверенно, что бабка вылечит гораздо скорее.

— Ну а если мать помрет? — спрашиваю я.

— Как можно, матушка, да разве она, бабка-то, неведомо чем лечит? Ведь мы же видим, какое она снадобье делает: вот, взяла семь яиц да сварила их круто-прекруто, вынула из них желтки да поставила их топить, а кады вытопится из них масло, всыплет в него порошок и будет этою мазью ожоги мазать.

— А порошок-то какой?

— Вестимо, целебный.

— Да из чего он сделан-то?

— Известно, из трав.

— Да из каких трав-то?

— И чего вы сумлевайтесь? — вмешивается сама лекарка. — Разя я какая неизвестная? Меня все тут знают: уж не одного, этга, я вылечила, а уж коли где обгорят, то завсегда за мной посылают. Вот, за прошлый год у нас мальчонка обгорел, так даже до кости где пригорело, и то я его лечила, и много ему получшало.

Я снова пыталась уговорить Дуньку не слушаться советов бабки, убеждала также Матрену, но она качала только головой и приговаривала:

— Ох, матушка, их воля. Что хотят, то пусть и делают, а мне, калеке, что же гуторить?

За нее стала возражать старая бабка, тетка больной, пользующаяся не только в семье, но и во всей

деревне большим авторитетом. Ее маленькие глаза злобно смотрели на меня из-под надвинутого на лоб черного платка, скрюченные корявые руки чуть не касались моего лица, когда она жестикулировала, беззубый, шамкающий рот, с брызгами слюны, издавал хриплые, прерывающиеся звуки.

— Чего это ты, сударыня, так на нашу лекарку-то напустилась? — заговорила она. — Кажись, не зла она нам желает. Мы ведь не хулим ваших докторов, говорим только, что они над больным долго валандаются. Оно, конечно, господам-то хорошо по пуховикам нежиться, а нам работать надо: вот и выходит, что наша лекарка нам скорее пострафит, коли в семь дён бабу подымет».

Настоять на своем не было возможности, и госпожа С-ва предпочла удалиться.

Через пять дней Дунька принесла забытые у них ножницы.

«— Ну, что Матрена?

— Померла, сударыня, вчерась схоронили.

— Ну, вот, видишь, не говорила ли я, что бабка ее уморит?

— Ни, сударыня, да разве же бабка тут при чем?

— Как же ни при чем, когда мать поправляться стала да и умерла от лекарских снадобий?

— Как усеж от снадобий? От них-то у матери раны затянуло, а потом изнутри что-то стало краснеть да утечь, да потом точно гнить, дух от всей пошел такой нехороший.

— Да это у ней от вашего лечения Антонов огонь делался.

— Огонь, огонь, матушка, это точно, только он изнутри шел, бабка говорит — перед кончиной всегда так-то бывает. Ну, вестимо, против всяких лихих болестей она снадобья знает, а противу часа смертного она не вольна, потому он от Господа».

Самое удивительное, что в результате семейство умершей вовсе и не обиделось на знахарку, а если бы подобное случилось с врачом, его непременно обвинили бы в смерти больной.

Некоторые лекари применяли при лечении не только заговоры, но и «механические приемы» лечения, а также лекарственные травы. В этой роли народных врачей нередко выступали коновалы, кузнецы, пастухи, мельники, бывшие больничные служители из солдат, а также странники и странницы, которые, придя на ночевку в деревню, раздавали врачебные советы направо и налево.

Среди знахарей был особый «клан» *костоправов*, между которыми встречались, и довольно часто, женщины, так называемые «баушки». Они, по мнению русского народа, умели вправлять вывихи и помогали при переломах костей, накладывая повязки. Под вывихами они понимали не только собственно вывихи, но и растяжения связок, простые ушибы суставов или переломы. Они устраняли смещение и накладывали повязку или «лангету» из бересты.

При этом рекомендовалось ушибленное место смазывать особым «спиртом», которое знахари готовили по следующему рецепту:

«Взять три золотника камфары, три золотника нашатыря, полштофа спирта или пенного вина, два стручка перца и настоять в теплом месте. Когда надобно употреблять, то отлить в склянку, положить на стакан настоящего спирта ложку деревянного масла и кусок мыла величиной с грецкий орех, сначала мелко настругав, и потом хорошенько взболтать, чтобы мыло разошлось, и натирать больное место три раза в день».

При вывихах обыкновенно знахари встряхивали вывихнутую конечность, стараясь придать ей естественное положение, и растирали ушибленное место, «мыли ее», как говорят.

В большинстве же случаев костоправы, имея дело с вывихом, определяли его выражением «хребеток расшибен» и лечили, как ушиб: примочками, припарками из трав и даже заговорами. В некоторых случаях знахарь просто обещал, что кость срастется без всякой помощи, по одному его наговору.

Были также особые *правильщики* и *правильщицы*, которые «направляли пуп», сорванный от тяжелой ра-

боты или резкого движения. Пуп правился при помощи обычного горшка. При этой операции знахарка клала больного на спину, намазывала ему живот растительным маслом, брала горшок, зажигала немного льна, бросала в горшок, который опрокидывала на живот больному. Горшок играл роль большой сухой банки.

Операция эта была очень болезненная, больной кричал от боли и требовал прекращения мучений, но горшoku удавалось удалить далеко не сразу, потому что часто живот так сильно втягивался в горшок, что последний приходилось иногда разбивать. Знахарка проделывала подобную операцию несколько раз, всегда натошак, а когда лечение было окончено, давала больному выпить вина с солью или сажей.

«Накидывание» горшков делалось также для того, чтобы разогнать дурную кровь, для производства выкидыша, а у маленьких детей — от грыжи, причем горшок в последнем случае заменялся стаканом.

Так же существовали и другие способы лечения знахарями «пупных болезней». При одном из таких способов «рвут пуп пальцами»: большим и указательным пальцами захватывают складку кожи и поднимают ее, стараясь перекрутить.

Иногда щипание кожи пальцами производилось по всему животу и было не чем иным, как лечебным массажем. Употреблялось также «завертывание пупа» палкой: для этого брали коротенькую палку, середину ее клали на пупок и начинали производить круговые движения палки по животу, с целью «закрепить» сорванный пуп.

В тех случаях, когда «катает пупом»*, производилась операция «сдергивания пупа». Больной с обнаженной спиной ложился вниз животом на лавку, а приглашенный знахарь, согнув у себя на руках по три пальца и оставив свободными остальные два, указательные клал поперек спины больного, а большими захватывал кожу на спине и сильно тянул до тех пор, пока в спине «что-то не щелкнет»: это пуп сдернулся с того места, на котором ему быть не следует, и попал опять на свое.

Когда болела шея и нельзя было повернуть голову, бабка говорила, что она (шея) «развилась». Для лечения

* Сильные боли в животе.

недуга больного брали за голову обеими руками, поворачивали ее в разные стороны, приказывая расслабить шею, и вдруг производили такое резкое «повертывание», что, по словам больных, у них «трещала шея».

При болях в спине «баушки» также говорили, что она «развилась», и велели больному сложить руки, как мертвому, лечь вверх спиной и надавливали на спину ногами.

Еще одной «разновидностью» знахарей были *рудометы* и *рудометки*. Из них одни открывали кровь «жилльную», другие «кидали, метали и бросали» кровь «баночную или роговую»^{*} Рудометы учились своему искусству в семье, они были потомственными лекарями и секреты передавали от отца к сыну. Метали кровь и женщины, но преимущественно пожилые.

Когда больному необходимо было пустить кровь, он призывал такого знахаря или ворожею и говорил: «Выпусти ты мне, кормилец, Бога ради, дурную кровь, много ее накопилось, тяжело стало!» — «Верно, верно, — отвечал знахарь, — много у тебя дурной крови, давно надо выпустить. Беда, когда накопится много крови: тяжело человеку».

Это убеждение, что может быть тяжело человеку от крови, заставляло некоторых «кидание крови» повторять ежегодно, обыкновенно весной, а то и несколько раз в год. «Как худую кровь выпущу, — объяснял крестьянин, — опять человеком сделаюсь, сколько хошь работай. Да ты посмотри-ка, какая она черная, как деготь, худая. Вон ее надоть пускать, потому она только тяжелит человека».

При «кидании крови» знахарь перочинным ножом или старой бритвой делал на спине, возле лопатки, продольный разрез, настолько глубокий, чтобы кровь шла струей, и выпускал ее — приблизительно с чайную чашку. Когда, по мнению знахаря, дурная кровь вся вышла, он прикладывал к ране тряпку, намоченную в холодной воде. Если кровь не шла струей, а только едва сочилась, знахарь ее высасывал и сплевывал. В некоторых местах пускали кровь из «соколка»^{**}

^{*} Кровь, извлекаемая банками или рожками.

^{**} Вена у большого пальца. Название «соколок» имеет связь с соколиной охотой в старой Руси: у ловчих, которые держали соколов, при вытянутом положении большого пальца, у его основания, она выступала всего резче.

Чаще всего кровь пускали «рожками». Для этого брался коровий рог, широкий конец которого ровно обрезан, чтобы плотно прилегал к спине, а на узком конце сделана небольшая дырочка, закрывающаяся снаружи клапаном. Знахарь, сделав на спине небольшой разрез, накрывал его широким концом рожка, а через узкий вытягивал воздух: рожок закрывался клапаном и наполнялся кровью.

Особые специалисты лечили глухоту и вытягивали серу из ушей.

Промыв уши водой, они клали в них маленькие кусочки камфары, завернутые в вату или тоненькую тряпочку, с листиками душистой герани. Потом, свернув из кусочка бумаги, пропитанной воском, трубочку, вставляли один конец в ухо, а другой зажигали. Операция эта считалась самой действенной против глухоты: вся сера, которая закладывает уши, даже если она копилась годами, «выгорит» или ее вытянет огнем на бумагу.

Особые *специалистки-трихи*, которых мы бы сейчас назвали массажистками, или *парильщицы*, занимались исключительно растиранием больных в пару, то есть в печах и банях. Натирали они больных редькой, деревянным маслом, керосином, вином, красным медом, а затем парили продолжительное время. Свои манипуляции они нередко сопровождали произнесением молитв и заговоров, а некоторые из них усиленно при этом втягивали в себя воздух: вдыхая и уничтожая тем самым болезнь.

Некоторые из трих при поносе у детей правили «пердячью» (копчиковую) косточку. В соответствии с представлением, что некоторые виды детских поносов развиваются от свертывания копчиковой кости наружу, такие трихи, намылив палец и введя в задний проход ребенка, производили поглаживающие движения, надавливая и выгибая изнутри эту косточку.

Подобные же специалистки «ломали глаз» при «переломе» (язвах роговицы), то есть растирали через закрытые веки глазное яблоко. Особого рода треск, который слышали больные при этой манипуляции в глазу, очевидно, и дал повод назвать это применение глазного массажа «ломанием глаза».

Такие же специалистки, при попадании инородных тел в глаза, часто случавшемся во время молотьбы и веянии хлеба, доставали соринку руками или вылизывали ее языком. Лизание языком пускалось ими в ход и при других глазных болезнях, а иногда и при нарывах.

Вместе с тем практически все знахари могли дать полезный совет при обращении к ним «пациентов» с вопросами о легких болезнях — например головной боли или бессоннице.

От таких болячек существовали следующие рецепты.

«Средство от бессонницы. Иногда после продолжительной болезни, при выздоровлении, даже у здоровых людей бывает бессонница, в таком случае, ложась спать, должно съесть ложку или две столовых сотового меда, то есть свежего, еще не перетопленного; есть его можно с белым хлебом и запивать чаем.

Лекарства от головной боли. Если чувствуешь головную боль с сильным жаром, накроши ржаного хлеба, смочи его уксусом; искроши кудрявой мяты помельче, положи в хлеб, сотри хорошенько ложкой, намажь на платок толщиной в палец, привяжи к голове, когда хлеб высохнет, снова намочи его уксусом. От этого простого средства скоро проходит сильная головная боль.

Очень полезно также пить через час по столовой ложке мятную воду и мочить ею лоб, виски и темя. Мятную воду приготавливают посредством перегонки.

В обмороках должно тереть виски и лоб одеколоном и уксусом; давать нюхать спирт, простой уксус или тертый хрен.

Средство предотвращать простуду. Невзирая на осторожность, иногда случается промочить ноги, или сам промокнешь, в таком случае необходимо взять надлежащие меры против простуды, чтобы впоследствии не сделаться больным горячкой или лихорадкой.

Должно мокрое платье снять, ноги вытереть фланелью или шерстяным чулком, а потом теплым вином; напиться чего-нибудь теплого, липового цвета, бузины или малины и, ложась спать, опять вытереться фланелью и теплым вином.

Иногда промочишь ноги и последствий никаких не бывает, а часто также платят за неосторожность жизнью».

«Экзотические» методы лечения

Практически все знахари пользовались при лечении пациентов такими средствами, которые современный человек смело может назвать «экзотическими».

Так, при переломах употреблялась присыпка из сушеных толченых раков или так называемое «*кирпичное масло*». Последнее при переломах считалось «дороже золота». Приготавливалось оно так: знахарь брал хорошо высушенный кирпич, толоч его в мелкий порошок и прокаливал на сковородке. Дав остынуть, клал порошок в котелок, заливал конопляным или маковым маслом и кипятил на огне, потом процеживал сквозь тряпку — и снадобье было готово.

Иногда в кажущихся нам «странными» рецептах есть определенная доля здравого смысла. В одном знахарском «рецептурнике» читаем:

«Если сделается понос, возьмите ржаного хлеба, посадите в жаркую печь, чтобы он высох и несколько подгорел, залейте отварной водой и пейте эту воду. Хорошо также, отварив в воде ячневые крупы, пить этот отвар или сварить салепу и пить салепную воду.

Но вот многократно испытанное средство: возьми две полные чайные ложки чая, сотри в мелкий порошок, раздели на четыре приема, и после первого приема второй прими через час, а потом часа через четыре третий и, если понос еще не прекратится, прими и четвертый. Сим средством излечивались даже от кровавого поноса, ибо в чае очень много вяжущего вещества».

Даже ржаная мука и солома могли использоваться в качестве лекарства. В книге для «рачительных хозяек» начала XIX века есть такой совет:

«Иногда у взрослых бывает продолжительный кашель, и никакие лекарства не помогают. Простолюдины лечатся от такого кашля следующим простым

средством: просеив ржаную муку сквозь частое сито, поджарить, беспрестанно мешая, чтобы мука ровнее изжарилась и получила темно-оранжевый цвет; потом брать две или три ложки этой поджаренной муки, заваривать кипятком, густо, как кисель, прибавляя столовую ложку прованского масла, и есть поутру натошак, и вечером ложась спать.

Простонародное также лекарство следующее: возьми свежей ржаной соломы, наруби длиной в вершок, наложи половину горшка, налей кипятком, поставь в печь, дай упреть, а потом пей теплое по несколько раз в день».

Хлеб, а особенно белый «мякиш», был очень популярным лекарством. Из него делали различные припарки:

«Припарка смягчительная. Возьми мякиша белого хлеба, размочи в молоке, прибавь четвертую часть против мякиша несоленого коровьего масла; вари, пока сделается мягко, как тесто. Можно также прибавлять в сию припарку немного цветов ромашки.

Припарка для холодных опухолей. Размочи в молоке мякиш белого хлеба, прибавь на него на две чайные чашки мякиша, столовую ложку грецкого мыла, стерттого в порошок, свари вместе с мякишем, прикладывая теплую».

При «обварении» и ожогах рекомендовалось следующее:

«Обожженную или обваренную часть тела должно тотчас обернуть хлопчатой бумагой и завязать. Если это успели сделать скоро, то от ожога пузырей не будет и он сам собой пройдет.

Если же по обожженному месту уже пошли пузыри, то приготовь яичного масла следующим образом: испеки два или три яйца, вынь из них желтки, возьми сухую березовую лучину, желток воткни на вилку и держи над огнем лучины так, чтобы он не горел. Тогда из желтка начнет капать маслянистая жидкость. Каждый желток даст около чайной ложки этого *масла*, и им надобно обожженное место мазать раза три в сутки, прикладывая сверху хлопчатую бумагу».

Совершенно «особенные» средства рекомендовались при огнестрельных ранах и при укусах. К огне-

стрельным ранам, оказывается, хорошо прикладывать тертую коноплю, так как она «выгоняет» пули.

При укусе бешеной собаки или волка следует положить к ране теплое голубиное мясо или, превратив в порошок высушенную пчелиную матку, одну половину принять внутрь, а другой присыпать укушенное место и прочесть заговор:

Царь-огонь разгорается,
Царю-огню железный серп поклоняется,
Арепей прилипчивата,
Арепей-трава отлипчивата,
Отлипает от бурого мяса,
От лихого зуба,
От дурного духа, от бешеной собаки.
Будь мое слово крепким крепко,
Твердым твердо,
Тверже горячего белого камня.

При ужалении змеи необходимо смазать рану серой из уха и всего человека вымазать чистым дегтем, а затем три раза прочесть заговор:

«Мать Пресвятая Богородица, Дево Пречистая. Пошла Мать, Пресвятая Богородица, Дева Пречистая, в чистое поле. В чистом поле стоит дуб-кряк, под тем дубом-кряком лежит перина, на той перине Катерина. Змее, змее-Катерина, много ль детей народила, в поле, под межами, в лесу, под курчами, в воде, под песками? Вынь свое жало с (имя), а не вынешь свое жало, пойду я к Иисусу Христу, Господу Богу, к Илье святому, попрошу я Иисусе Христа, Господа Бога, Илью святого — нашьлет на тебя тучи грозные, мечи острые, весь твой род и племя выжжет и выпалит и корень выведет. Во имя Отца и Сына».

В других случаях лучшим средством считалось натирание укушенного места селедкой или прикладывание к нему живых лягушек, которые должны сменяться новыми, как только лягушка издохнет.

В некоторых случаях употреблялись и вовсе «дикие» внутренние средства: давали, например, пить измельченный хрусталь с водой.

При хронических язвах знахарь иногда ограничивался, хотя и редко, «нейтральными» средствами, при-

кладывая к язве свежие листья березы, ольхи, капусты, бобов, сирени, подорожника, мать-мачехи и т. п., а иногда применял и такие средства, как овсяный блин, мазь из сажи с салом, свежие березовые листья, растертые с мылом, взвар из конопляного масла, дегтя и водки, и даже такие, как смазывание язв свиной желчью или присыпка из порошка пережженного собачьего ребра.

Особенно удивляет современного человека лечение разного рода нарывов.

Для ускорения их «созревания» к заболевшему месту привязывали такие средства, как табачный лист, квасная гуща, ржаной хлеб с солью, соленые огурцы, пшеничная мука или жеванные баранки с медом и даже гусиный навоз и колесная мазь.

Печеный лук, общеизвестное и общепринятое народное средство при нарывах, иногда заменялся жеванным хлебом с солью или сахаром, жеваной крупой, соленым свиным салом или мясом, всего лучше «старых годов», соленой сырой капустой или полынью, растертой со свиным салом.

В некоторых местах России в подобных случаях в качестве лекарства использовались даже такие удивительные вещи, как прелая шерсть со сметаной, говяжье или свиное сало, посыпанное нюхательным табаком, кожа от соленой рыбы и даже истертый на терке корень белены.

Иногда, при известного сорта нарывах, употреблялись специальные средства. Так, если образуется «сучье вымя», всего лучше прикладывать лепешку из пшеничной муки, а при груднице — вату с копотью от горящего сахара или тряпку, пропитанную салом от растопленной сальной свечки и посыпанную сахарным песком.

При чирьях, кроме таких общепотребительных средств, как печеный лук, хлебное тесто, жеванный хлеб и т. п., нередко использовались и другие: жеванный горох, бобы и гречневая крупа, смешанная с яичным белком, жеванные орехи с сахаром, творог с кислым молоком, намыленная кудель, медвежье сало, вар и деготь.

Применялись и мази, нередко довольно сложные по своему составу: растиралось четверговое сало с полы-

нюю, затем варилась смесь из лука, сала и мыла, а как внутреннее средство употреблялся хлеб, посыпанный вместо соли толченой серой.

При ожогах, требующих быстрой помощи, как и при кровотечениях, знахарь смазывал пострадавшее место такими средствами, которые для современного человека находятся «за гранью» понимания: соплями, чернилами, сахаром со слюной, медом, луковым соком. Справедливости ради надо отметить, что некоторые «экзотические» средства — такие как, например, кислая гуща, то есть, по сути, дрожжи — применяются как хорошее средство от ожогов и в гомеопатии.

В некоторых случаях придавалось целебное значение скорлупе речных измельченных в порошок раковин, в других же — высушенные и истолченные в порошок слизняки и улитки целиком.

Иногда при ожогах использовались присыпка из травяных кобылок и даже зола, полученная при сжигании детской соломенной подстилки.

Чтобы не гноились глаза, знахарь мазал их луковым соком, смешанным с сахаром, пускал в глаза дистиллированную воду, полученную из пара горячего хлеба, при держании над ним стеклянной посуды, мазал их жиром жареной змеи, щучьей или свиной желчью, присыпал жареным бараньим мясом или пеплом от сжигания суровой холстины, пускал в глаза сок, полученный от соленых дождевых червей.

При звоне в ушах и глухоте считалось полезным прикладывать к ушам горячей испеченный с можжевеловыми ягодами хлеб или мед с солью, закапывать в уши свекольный, луковый сок или сок хрена, льняное масло, а при попадании таракана в ухо, с целью умертвить насекомое, капали в уши деготь, конскую мочу, скипидар, квас, керосин или, впустив в ухо конопляного масла, прикладывали к нему печеное яблоко и обмазывали кислым тестом.

Русский народ додумался даже до такого необыкновенного лечебного метода, как способ «вытравлять» болезни. Для этого знахарь давал пить больному «разные гадости» и добивался того, что у больного открывалась рвота, и, таким образом, «гнездо болезни выбрасыва-

лось». Особенно хорошо, если больной во время рвоты и испражнялся: считалось, что таким образом появляются шансы для выхода «болезненного гнезда» и низом.

Был еще и способ «выкуривания» болезней. Таким манером выкуривалась, например, лихорадка. Для этого надо срезать «копытца» у лошади*, положить на горячие уголья и, закрыв голову больного, заставить его дышать этим дымом. «Насилу ссидела, — рассказывала земскому врачу одна крестьянка про такой метод лечения, — почти без памяти свалилась, а лихорадка-то, со зла, наплевала на меня так, что у меня рожу во как вздуло и губы все потрескались, даже есть было нельзя».

Но есть и еще более «противоестественные» средства врачевания, которые и вовсе невозможно назвать лекарствами. Это — экскременты человека, домашних животных и птиц, которые во врачебной практике знахаря часто использовались для лечения самых разнообразных болезней и применялись во всевозможных видах.

Известен прием обливания ран, особенно свежих, своей собственной мочой и растирания, при ломоте, мочой маленьких мальчиков.

В Орловском уезде при ушибах прикладывали нагретый навоз, который брали в сенах, около порога, а в Болховском и Карачевском уездах использовали в тех же случаях теплые человеческие испражнения.

В Скопинском уезде их прикладывали к пораженным участкам тела при гангрене и к нарывам, в расчете, что нарыв скорее прорвется, а в Череповецком уезде теплыми испражнениями коровы лечили так называемые «волосяные раны». При укусе змеи к ране прикладывались человеческий кал, смешанный с коровьим маслом, и теплые лошадиные испражнения.

Подобным же образом лечились иногда и ожоги. Тотчас после ожога, не теряя времени, обливали обожженное место мочой человека или обертывали тряпкой, смоченной ею же. В других случаях ожоги присыпали сухим толченым овечьим калом, а иногда применяли его в виде мази, соединяя с постным или деревенским маслом.

* Роговые наросты у колен.

В некоторых местах припарками из свиных испражнений лечили рожу, лошадиным калом и куриным пометом — чирьи, свиным — золотушные сыпи, а воробьиным, разведенным слюной, — бородавки.

В Сарапульском уезде против бородавок более действенной, чем воробьиный помет, считалась жидкость, скапливающаяся на поверхности коровьей лепешки.

В Пошехонском уезде из сухого куриного помета, льняного масла и дегтя делали мазь против чесотки, а в Орловском уезде подобная же мазь из воробьиного помета применялась при сыпях на голове.

Находили себе применение экскременты в виде мазей и припарок и при различных заболеваниях горла.

Иногда в таких случаях прикладывали к шее просто нагретый коровий навоз, иногда голубиный помет, смешанный с медом, а иногда — свиные испражнения, перетопленные с коровьим маслом.

Такое же применение находил кал в виде припарок на щеку при флюсе или зубной боли. В этих случаях прикладывали или нагретый навоз — тот, что отлетает из-под копыт, когда бежит лошадь, или теплые лошадиные испражнения.

Некоторые знахари и вовсе клали собачий или коровий кал на больной зуб и смазывали им десны.

При ломоте в навоз зарывали только ноги, а вот при лихорадке и холере навозом обкладывался весь больной.

Заслуживают внимания также «навозные ванны». Вот как описывал способ приготовления таких ванн при простуде один из орловских земских врачей:

«На пол, в избе, ставят большую кадушку, сыпят туда овсяной мякины, лошадиного помета, соли, иногда еще и коновал дает какого-нибудь снадобья. Потом кипятят воду, льют ее в кадушку и накрывают веретьем, чтобы все это распарилось. Когда вода мало-мальски остынет, больного сажают в кадушку, накрывают веретьем, свитами, оставляя незакрытой одну голову, и держат так часа 3—4. Вынув из кадушки, больного кладут на печку и накрывают дерюгой, чтобы не остыл, и дают выпить стакан водки, настоенной на стручках».

Подобным же образом приготовлялась в Орловской губернии и навозная ванна для детей:

«Навоз кладут в кадущку и заливают кипятком. Когда вода несколько остынет, сажают ребенка и накрывают его свитой с головой. Часто от этого дети задыхаются, и их вынимают из кадки мертвыми, но причину, по замечанию сотрудирика, сваливают на нечистую силу».

Надо сказать, что подобное использование «нечистот» в народной медицине отнюдь не «привилегия» только русского народа. Практически все народы мира использовали экскременты при лечении больных. И тому есть объяснение.

Последователи Зигмунда Фрейда связывали существование таких «лекарств» с ассоциативным смещением эротического интереса на выделения, а эрогенные зоны представлялись человеку наделенными магической силой, гениталии же и экскременты превращались в магические инструменты.

Гениталиям придавалось магическое охранительное значение уже в древних сельскохозяйственных культах, известны, например, доисторические фаллические амулеты. К фаллическому культу имеет отношение и шаманский жезл.

Из наружных способов применения экскрементов, с лечебными целями, заслуживает особенного внимания способ промывать при куриной слепоте глаза мочой новорожденного ребенка и пылить в них, при бельмах, сушеным человеческим калом, просеянным через сито. Интересно также наружное применение экскрементов при некоторых внутренних болезнях: при водянке, когда распухают ноги, мужики мажут их своей мочой, а при падучей у младенца мать должна его, как говорили в народе, «обосрать».

Но употребление мочи и кала не ограничивается только наружным их применением, а в некоторых случаях они, вопреки естественному чувству брезгливости, употреблялись внутрь. При ушибах пили детскую мочу, а при пьянстве и неразлучном с ним буйстве пьяниц поили куриным пометом и женской мочой, опьяневшим же до бесчувствия выжимали в рот сок из лошадиного навоза.

Исследователи народной медицины писали, что применение мочи находит некоторое оправдание, тем что в ней присутствует свободный аммиак. Напомним, что сейчас довольно широко известна уринотерапия.

Но не только экскременты использовались знахарями. В их арсенале были и такие лекарства, как обмылки после покойника, так называемое «мертвячье мыло», которое намазывалось на тряпочку и прикладывалось к больному месту. Оно использовалось и при лихорадке.

«В деревне Пухове, в двух верстах от Святых Гор, — писала из Пскова сотрудница этнографического общества, — долго хворал крестьянин чахоткою. Хотя он и мало верил в докторов, однако не раз обращался к их помощи и, видя, что ничего не помогает, решился, наконец, испробовать последнее средство. По совету ворожеи достали сырую кожу от только что павшей коровы и накрыли ею больного с головой, шерстью вверх и так плотно, что дышать он мог только с трудом. Под кожей больной пролежал, по крайней мере, с полчаса, пока ворожея читала над ним свой заговор».

В другом случае мужика, долго страдавшего лихорадкой и перепробовавшего всевозможные средства лечения, жена уложила на печь и накрыла только что содранной шкурой от подошедшей овцы. Такая небрежность возмутила даже лихорадку.

«— Пришла она ко мне, — рассказывает больной, — и начинает браниться: вот, чертов сын, лег на голые кирпичи да еще падалью накрылся, ну, как теперь с тобой ляжешь? Оставайся, коли так, леший с тобой! Ругалась, ругалась, плюнула три раза да и ушла: выздоровел ведь после этого, — с восторгом восклицает мужик.

— Но чем же тут помогла овчина? — спрашивают его.

— Как чем? Да ведь комуха-то больно не любит нехорошего духу».

В Череповце земский врач наблюдал и вовсе удивительный случай лечения.

Одного мужика сильно мучила лихорадка, а у соседей в это время пала лошадь, и он отвез ее за деревню, к перелеску. Больной, как наступила ночь, отправился

туда, ноги запрягал во внутренность лошади, а сам укрылся шубою и лежит, не шевельнется.

Результат такого лечения, как и в предыдущем случае, был поразительный: лихорадка «бросила» мужика и с тех пор к нему «не возвращалась».

Сравнительно более невинным средством против лихорадки являлось подкладывание под подушку больного, тайком от него, дохлой курицы.

Основанием для лечения такими «отвратительными» лекарствами служило твердое убеждение народа в том, что они омерзительны не только больному и лекарю, но и болезни.

Однако лихорадку лечили и совсем «гуманным» средством — уксусным медом:

«Взяв два стакана хорошего меда и два стакана винного уксуса, размешать хорошенько, поставить в чистом глиняном горшке в печь, в вольный дух, мешать почаще и снимать сверху пену; потом, вынувши, процедить сквозь салфетку, слить в стеклянную банку, сохраняя для употребления.

Уксусный мед полезен в лихорадке, употреблять его должно вместо питья с отварной водой. Можно также прибавлять в него морса из красной и черной смородины или вишневого морса или сиропа».

Совсем иначе лечились *бородавки*.

Общераспространенный (надо сказать, весьма популярный и в наши дни) прием их лечения заключается в том, что на нитке завязывают, по числу бородавок, узлы и зарывают ее в землю, навоз или кладут под пятку двери, под порог дома или под калитку: бородавки пропадут, как только нитка сгниет.

При этом сначала надо три раза прочесть молитву «Отче наш». А затем также три раза произнести следующий заговор:

«От крещеного, пораженного, молитвенного (имярек), выйди рак, выступи из жил, из пожил раба Божьего молящего (имярек). Шел Господь с трех небес, нес Евангелие и крест. Всех исцелял, и раба Божьего (имярек) исцелил. Ныне и при-сно, и во веки веков. Аминь».

Заговор читается на ущербе месяца ночью.

Иногда хлестали березовым веником бородавки и читали заговор: «Как засохнет веник, так засохнут и мои бородавки». Веник выбрасывали. Считалось, как следует из текста заговора, что как только засохнет веник, так и отвалятся бородавки.

Также считалось, что бородавки пропадают, если потерять их чистыми яблоками, без крапинок, и зарыть яблоки в землю. Иногда для этой цели брали солому, столько соломинок, сколько бородавок; больной перерубал солому и тоже зарывал ее в землю.

Можно было свести их и так: взять горсть конопли, потерять ею бородавки и бросить коноплю в огонь или птицам.

Хорошо также будто бы сходят бородавки, если мочить их водой, которой обмывается стол в доме, или дождевой водой, собранной с «забора»*

Не менее действенным считалось и следующее средство: берется нитка, чернится сажей, навязывается на рога корове и потом обвязывается вокруг бородавки: она исчезает через неделю.

В Сарапульском уезде Вятской губернии в сене искали травинку, скошенную вместе с землей и корнем, и этим корешком терли бородавки: как трава с корнем скошена, так и бородавка с корнем выпадет.

Прибегали иногда и к помощи месяца. Увидев в первый раз народившийся месяц, терли бородавки землей, взятой из-под пятки правой ноги, и, обращаясь к месяцу, говорили: «Месяц, месяц, как ты чист, так, дай Бог, и мне чистым быть».

Баня и русская печка

Баня всегда была неотъемлемой частью крестьянского двора и в народной культуре считалась и считается средством от множества болезней: «Баня парит, баня правит».

Одновременно баня была нечистым, «поганым» местом, как, впрочем, и вода в ней. Поэтому и полагалось обмыться после бани чистой водой.

* Ворота, которыми запираются поля, засеянные хлебом.

Мотивацией «поганости» места были: отсутствие икон и окон, удаленность от жилья, но одновременно встречается и обратная связь — в бане не вешают икон, потому что место не богоугодное. Если случался пожар и баня сгорала, то на этом месте никогда не ставили избы: либо одолеют в новом жилище клопы, либо заведутся мыши.

Поскольку место было «поганое», то ходили в него с определенными ритуалами и по «правилам», а в Святки гадали.

Существовал даже специальный способ гадания у бани. Отворив немного дверь бани или овина, девушки обнажали «филейные» части тела, подходили к двери поочередно и говорили под прикрытием сумрака ночи довольно несвойственную для девушек, и тем более девственниц, фразу с предложением баннику или овиннику прикоснуться рукой к обнаженной части тела. Если девушка чувствовала руку мохнатую — то предполагался богатый жених в этом году, холодную руку — бедный, шершавую — характерный.

Только часто такие развлечения оканчивались печально для гадающих. Вот что рассказывали об этом сами крестьяне:

«Охотники большие овинные вышучивать девок. Иной раз и предсказывают им будущую судьбу. На Святках бегают в овины “завораживаться” Соберутся где на задах у поленниц или где на улице в потаенном местечке ночью, чтобы ничей глаз их не увидел. Перед тем как идти завораживаться, они от места дорожку к овину протопчут. Вот когда на селенье все затихнет, они и примутся за свою ворожбу. Сперва одна пойдет в овин, сведает про свою судьбу и воротится к подругам, потом другая, за нею третья и так все перебывают. Подойдет гадальщица к овину, крест с себя снимет, юркнет под навес, повернется спиной к прорубленному окошку, в которое подают снопы сушить, заворотит сарафан или платье и сядет, посвесится в овин-то и говорит: “Хани меня, мани меня по голому гузницу, мохнатой ручищей” Тут девка уж и чувствуй, какой рукой он погладит: ежели мохнатой, — за богатого выйдет замуж, голой — за бедного, колючею, словно елкой, — за пьяницу. Такая

уж судьба и выйдет девке, какую ей в овине покажет овинный. Самые смелые над подлазом завораживаются: свесятся и тоже заклатье скажут. Не всегда, однако, благополучно обходится: ладно еще, если овинный облапит только девку, поиграть с нею захочет, а то лопатой может треснуть. Мало того что перепугает неразумну, да еще проболит то место, по которому он хватит, долго, так невозможно девке понять, какую это он судьбу ей предсказывает: счастье или несчастье. Пытают по овинам судьбу и молодые бабы, у коих мужья в солдатах или где на стороне живут. Одна такая баба в Угорах живет Кологривского уезда, Матреной ее зовут, с большого разума удумала в овине заворожиться, увязалась с девками, покатила и над самым подлазом, то есть ямой-то, села. Так ее из ямы-то как чем-то тяжелым двинет, так она уж и не помнит, какой силой ее вышибло из овина и опять к девкам принесло. Долго не в своем разуме солдатка находилась. Должно быть, замужней женщине не подобает судьбу пытаться».

По традиции все желающие помыться делились на три «очереди» — группы, так как париться в бане можно было только до третьего пара и не позже семи вечера. Иначе мог разозлиться банный дух — банник: разломать каменку и вылить всю воду, а иногда и придушить ослушника. Четвертая «очередь» мыться считалась в народе принадлежащей баннику. Чтобы не сердить духа, старались в бане громко не разговаривать, шайками не стучать, а при входе и выходе из бани непременно поздороваться и попрощаться с банником.

Нарушающего этот порядок человека «хозяин бани» мог испугать, бросая камни с печи, и даже содрать с него живьем кожу.

Если банник начинал сердиться, то выходить из бани следовало задом наперед. Уходя из бани, непременно оставляли духу кусок мыла и воду в лохани, чтобы он мог помыться.

«В баню-то ходить надо вовремя, — читаем в одной быличке, — а ежели безо время-то, так с опасочкой и благословясь. В особенности страшно ходить после третьего пара. Неподалеку от нас в деревне Степановке одна старушка пошла после всех ночью в баню одна,

как там случилось, неизвестно, только ее нашли утром в бане мертвой — видно, ее банный задавил. После приезжал становой — дал похоронную “запарилась, должно быть, бабка”, а не от пару эдак садится, а от нечистого духа, который живет в бане за каменкой».

А вот как крестьянин, побывавший в руках у банного, рассказывал о его «объятиях»:

«Приехал я раз вечером с путины выпивши. В баню пришлось идти после всех ночью одному. Пришел в баню, разделся и только начал мыться, вдруг кто-то меня сзади облапил и говорит: “Теперь ты наш”. Я оробел и едва проговорил: “Нет, еще не ваш”, — взялся рукой за шейный крест и пролепетал: “Да воскреснет Бог”, — как державшие меня ослабили хватку, я вырвался и опрометью бросился вон из бани. Так голый и прибежал домой; сердце у меня зашло, и я не один час лежал без языка; сроду такой страсти не видал».

Банник представлялся русскому народу в облике черного, мохнатого, злого мужика, часто старика или маленького голого человека. Представляли его и в виде кота со сверкающими глазами, собаки или лягушки. Когда впервые топили баню, бросали на каменку соль в виде жертвоприношений ее «хозяину».

Однако в бане обитал не только злой дух, но и добрая банная бабушка, или банная матушка — мифическая дряхлая старушка, которая лечила от всех болезней и приглядывала за роженицей и новорожденным ребенком. Она всегда была добра к слабым и больным.

Несмотря на все «ужасы», русский народ баню любил, смывал в ней с себя все напасти и болезни, порчу и наваждение вредоносных сил.

Топили баню обычно с утра, затем давали ей один — два часа «выстояться», а потом уже только мылись и лечились до наступления темноты.

Так, против порчи хорошим профилактическим средством считалась вода, если ее трижды «перенять» с каменки в бане. Для этой цели взятая в ковш вода выливалась на каменку и снизу снова подхватывалась в ковш. Этой водой окачивались и пили ее. При этом говорили: «Как на каменке, на матушке, подсыхает и

подгорает, так на рабе Божьем (таком-то) подсыхай и подгорай».

Баня испокон веков считалась хорошим средством и до настоящего времени применяется во многих областях России в начальном периоде очень многих заболеваний.

Пожарче натопить баню, взобраться на полок, попариться и хорошенько «пропреть» — прием настолько установившийся, что он иногда предпочитался всяким другим лекарствам, а при болезнях детей нередко считался единственным.

Если больной был не в состоянии добраться до бани сам, его тащили знахарь и домашние, держали на полке до часа и более и, дожидаясь во всех случаях благотельной испарины, парили, особенно горячечных больных, часто до потери сознания. Иногда даже случалось, что в бане запаривали больных до смерти.

В большинстве же случаев баня применялась при легких заболеваниях. Обычно к «услугам» бани прибегали при простуде, застое крови, горячке, ломоте, чесотке и даже при ушибах и запойном пьянстве.

В бедных домах и селениях баня заменялась русской печью*. К вечеру, когда печь горяча настолько, что в ней можно высидеть без вреда для здоровья, настилали в печи солому, залезали туда и, закрывшись заслонкой и согнувшись в три погибели, старательно «прели».

Парение в печи применялось и к детям, причем с ребенком залезал в печь кто-либо из взрослых.

Лежание на теплой или горячей печи, под шубами и полушубками, считается очень полезным, даже для больного горячкой. Особенное значение такое лежание приобретало при болях живота: тогда на голой печи лежали продолжительное время животом вниз — «жарили живот».

Чтобы заставить больного пропотеть, его натирали

* Печь в русском народе и печной угол, как и баня, считались нечистым местом, поскольку там был выход в подполье, который на мифологическом уровне воспринимался как место, где может произойти встреча людей с представителями иного мира. Кроме того, через печную трубу ведьмы летали на шабаш, а к тоскующей женщине мог прилететь огненный змей.

тертой редькой, с солью или водкой, тертым хреном, керосином, скипидаром, перцовкой, маслом и иногда горчицей.

Для этой же цели, особенно при ломоте, нередко употреблялась молодая крапива, которой, обварив ее кипятком, иногда и хлестались в бане вместо веника.

Для растирания же служили настой крапивы, смесь ее с редечным соком, иногда же сухая крапива, истертая в порошок. Реже пользовались медом с солью.

Керосин же смешивали с водкой и скипидаром, добавляли соль, свиное сало, деревянное масло и редечный сок.

Очень часто использовали для растираний настойки, муравьиный или мухоморный спирт.

Для приготовления муравьиного спирта в мае знахари набирали муравьев, наполняли ими бутылку, вливали туда водку и, плотно закрыв тряпкой и замазав края тестом, ставили в теплое место. Настаивали от нескольких дней до нескольких недель. Подобным же образом из измельченных мухоморов получали мухоморный спирт.

Иногда, вместо водочного, употреблялся водный настой, для чего мухоморы или муравьи с муравьиными яйцами заваривали кипятком, иногда же «спирты» эти готовили несколько иначе.

В муравейник ставилась до уровня отверстия пустая бутылка, края которой были смазаны маслом. Когда она наполнялась муравьями, ее закупоривали и «парили» в печи или, как говорили, «топили» муравьев. Получившуюся массу толкли и процеживали через тряпицу или сито.

Для получения по этому последнему способу мухоморного спирта зрелые экземпляры гриба разламывали на кусочки, иногда пересыпали солью, наполняли ими бутылку, закупоривали и ставили на несколько дней в теплое место, а бывало, зарывали в землю или навоз.

Иногда брали только шляпки мухоморов, которые в плотно закрытом горшке парили с водой и солью. В результате на поверхности образовывалась маслянистая жидкость, которую называли мухоморным маслом.

Такое же «масло» получали, распаривая мухоморы в печке с коровьим маслом.

Довольно часто растирали в бане медом — как, впрочем, делают многие люди в деревнях и в наши дни.

А против следующего знахарского рецепта начала XIX века и сегодня нечего возразить представителям традиционной медицины:

«От ломоты с большой пользой можно употреблять парные русские бани, и натирать в бане те места, где чувствуешь лом, тертым хреном, редькой, также медом с поваренной солью.

Мед готовится таким образом: возьми две столовые ложки меда, одну ложку мелко истолченной поваренной соли, смешай хорошенько вместе с медом, дай постоять часа два в теплом месте.

Когда придешь в баню, должно голову намочить водой, потом натереться медом, посидеть в легком жару с полчаса и наконец вымыться; если время года холодное или сырое, хорошо одеться, чтоб, вышедши из бани, не простудиться.

Редькой и хреном тереться таким же образом, как и медом. Придя в баню вымыться, натереть те места, где чувствуешь боль, хреном или редькой и побыть в бане еще с полчаса, чтоб прошиб пот, потом вымыться. В губернских и уездных городах почти при каждом доме есть своя баня, а потому употребление вышеприведенных средств гораздо удобнее в домашних банях, нежели в торговых.

Вышедши из бани, не мешает выпить чашки две липового цвета или малины, можно также напиток чай; в таком случае гораздо лучше пить зеленый чай. После бани и теплого питья должно беречься простуды.

Также полезно от ревматизма и ломоты делать ванны из муравейника, наблюдая, однако, чтобы они были не слишком горячи, и сидеть в них должно недолго, особливо сначала».

Для растираний в бане употреблялись свиное сало и деревянное (богово), земляное (*Phallus impudicus* L.), «глистяное» и «костяное» масла.

Для приготовления «глистяного» масла знахари собирали дождевых червей, клали их в бутылку и, плотно

закупорив, ставили в горячую печь, после того как вынут хлебы, а образовавшуюся жидкость процеживали сквозь редкую тряпочку.

Для получения «костяного» масла кости животных, остающиеся после варки пищи, дробили на мелкие кусочки, клали их в горшок, закрывали крышкой и обмазывали глиной, просверлив на дне маленькое отверстие и вставив его в другой горшок, большей величины. Этот последний подвешивали над огнем костра и «парили» его так целый день. В конце перегонки получали некоторое количество масла, которое особенно считалось полезным для растирания при ломоте в костях.

Довольно редко, но все-таки делали в бане своего рода «грязевую ванну». Топили баню и на полок накладывали конский навоз. После растирания мазью из скипидара с деревянным маслом больного клали на полок и обмазывали его всего целиком, кроме головы, теплым навозом. Больной должен лежать таким образом в бане до тех пор, пока в ней держится жар. Такая навозная ванна проделывалась знахарем до трех раз.

Парились не только в бане, но и в кадке, в которую клали раскаленные кирпичи. Это называлось «*сесть на пары*».

Делали и сенные, труховые и соломенные ванны.

Для сенной ванны брали свежескошенное сено, а для соломенной — яровую солому, иногда предпочитали овсяную или гречневую. Употребляли для приготовления такой ванны и сенную труху, разные целебные травы, калину и дубовую кору.

При ревматизме делали ванны из молодых березовых листьев, при рахите у детей — ванны с отваром «мажеток» (*Alchemilla vulgaris* L.), при золотухе — ванны с листьями ясеня (*Fraxinus Ornus* L.), а при «младенческом» — ванны с «собачками» (череда, *Bidens tripartitus* L.) и васильками.

При простуде, больном горле, насморке и кашле вдыхали горячий пар. При этом больной садился на кадку или возле кадки с горячей водой и погруженными в нее накаленными кирпичами и старался как можно глубже вдохнуть в себя пар. Иногда в воду опускали целебные травы.

Ни одна русская баня не обходилась без мяты. Издавна этой травой устилали полки в бане да поддавали с ней пару. Делали так потому, что мята обладает антисептическим эффектом. Баню с мятой и березовым веником любил Петр Великий.

Во все времена не только на Руси, но и практически во всех странах, где растет мята, очень высоко ценили ее целительный эффект: она успокаивает человека, снимает спазмы сосудов и гладких мышц внутренних органов. Во многих деревнях на Руси мяту считали спутницей хорошего сна и вешали ее пучки в горницах да добавляли в сено, которым набивали подушки.

Потогонные средства

Большую роль в народной медицине играют потогонные средства.

К ним относятся не только средства, обладающие специфическим потогонным действием (малина, липовый цвет, бузина, ромашка), но и некоторые другие: зверобой (*Hypericum perforatum L.*), мята, или духмянка (*Mentha sylvestris L.*), подорожник (*Plantago major L.*), чернобыльник (*Artemisia vulgaris L.*), брусничник, земляничник, морошечник (листья, стебли и корни), стародубка (*Gentiana Amarella L.*), медуница (*Spiraea Ulmaria L.*), шалфей (*Salvia officinalis L.*), полынь (*Artemisia Absynthium L.*), чабер (богородская трава, *Thymus Serpyllum L.*), череда (*Bidens tripartitus L.*), дикая мята (*Glechoma hederacea L.* — сороконедужная трава), горлянка (*Pranella vulgaris L.*), васильки, крапива, клюква, калина, сбитень, приобретающие такие действия в связи с употреблением значительного количества теплой жидкости.

Настои этих трав пьют горячими и, большей частью, без сахара, «сурово», то есть быстро, чтобы поскорее пропотеть.

Перед питьем этих трав часто давали больному есть селедку, чтобы его «погнало на питье».

Водка

Не менее универсальным как внутренним, так и наружным средством при всевозможных заболеваниях считалась водка.

Особенно действенным считали ее применение при простудных заболеваниях и при болезнях желудка.

В некоторых регионах России ее давали даже детям, например, при кори или оспе, чтобы скорее выступала сыпь.

При болезнях желудка и при поносах водку нередко смешивали с перцем и солью, а при простуде и лихорадке — с горчицей и редечным соком.

Водку настаивали на «дорогой» траве (сассапариль, сарсапариль, *Sarsaparilla s. Smilax L.*), получая так называемый «декок», или «декопий», и давали пить при лихорадке, простуде и ломоте.

Водка, настоянная на стручковом перце, считалась средством, предупреждающим заболевание холерой, очень действенным при многих болезнях, в том числе при кашле и цинге.

Не меньшей славой, чем перцовка, при простуде, лихорадке, желудочно-кишечных заболеваниях пользовалась «березовка», водка, настоянная на почках или молодых листьях березы.

Водку настаивали и на почках тополя. В этом случае настойкой промывали свежие раны и делали из нее примочки.

В качестве универсального средства широко была распространена водка, настоянная на калгане (*Alpinia Galanga Sw.*) и трифоли (*Menyanthes tripholiata L.*).

«Огородные» овощи

Привычные русскому человеку овощи с огорода использовались знахарями и для лечения болезней. В частности, многие из них могли «вытягивать» жар. Этой способностью обладали листья квашеной или свежей капусты, свеклы, хрена.

Столь же часто использовался в виде примочек к голове, как охлаждающее средство, огуречный рассол.

В руководстве для домашних хозяек начала XIX века читаем:

«Иногда, по неосторожности и по каким-нибудь другим причинам, случается, что человека изжалият пчелы; уязвленные ими места распухают и бывает нестерпимая боль.

В одном пансионе воспитанницы во время отдыха гуляли в саду, где стояло несколько ульев с пчелами. Из любопытства или из шалости они потрогали один улей, из которого вылетело множество пчел. Видя, что дело плохо, девушки бросились бежать, но одна из них, вероятно испугавшись, не успела уйти от раздраженных преследователей. Пчелы тучей налетели на нее, больно изжалили, и ее почти замертво принесли в комнату. Сделалась сильная опухоль, и больная жестоко страдала.

Доктора близко не было, за ним надобно было посылать в город. К счастью, помещица села, где помещался пансион, узнала о случившемся, пришла к больной, осмотрела ее, приказала согреть огуречного рассола и велела примачивать теплым, переменяя компрессы через сутки; вскоре опухоль пропала и девушка была здорова без всяких последствий.

Часто случается видеть летом, что на какой-либо части лица вдруг делается опухоль. Утверждают, что она происходит от укушения ядовитых мух; укушенное место распухает с приметным воспалением, и хотя во время воспаления вспухшую часть лица и не мочат водой, а мажут деревянным маслом, но за всем тем, если опухоль случается на щеке, то заволакивает глаз, что продолжается несколько дней. В подобных случаях можно с пользой употреблять теплый огуречный рассол».

Относительно редко применялись примочки из ромашки и мятые ягоды калины на лоб как отвлекающие — тертый хрен на затылок, селедка к подошвам и смазывание их редечным соком.

Калину давали и при сильном кашле. Один из советов русских знахарей гласит: «Возьми спелой калины,

перебери, выполощи, положи в чистый горшок, прибавь две или три ложки меда; горшок закрой и замажь, поставь в печь и оставь в ней до вечера, чтобы ягоды хорошенько упарились; вынув из печи, протри сквозь решето и давай по столовой ложке несколько раз в день».

Сок редьки, свеклы и капусты давали пить при чахотке, а сырую морковь ели при глистах и пили морковный сок при цинге.

При коклюше готовили особый состав. Вот как он описан в старинном травнике:

«Возьми репы и луку по равной части (например, по глубокой тарелке), очисти и нарежь кружками; приготовь сахару леденцу, мелко истолченного, чайное блюдце и желтого имбиря, истолченного и просеянного, чайную ложку, смешай имбирь с сахаром, а потом укладывай все рядами в чистый глиняный горшок таким образом: ряд репы и посыпать его сахаром, ряд луку и опять посыпать его сахаром, пока все уложишь. Тогда влей в горшок три столовые ложки воды, закрой горшок крышкой, замажь ржаным тестом, и когда печь вытопится и трубу закроют, поставь в печь, но не близко к жару, чтобы не пригорело.

Вечером надобно вынуть, дать остыть и потом выжать сок сквозь чистую салфетку. Приготовленный таким образом сок слей в склянку и держи в холодном месте, ибо в тепле он окиснет и испортится.

Смотря по возрасту больного, давать по чайной или десертной ложке пять или шесть раз в сутки, наблюдая, чтобы сироп не был холоден».

Соком моркови мазали бородавки, тертую же морковь и репу прикладывали к ранам, нарывам, золотушным и раковым язвам и при воспалениях ран.

Морковный сок пользовался у знахарей большим уважением. Его применяли в самых разных случаях:

«Морковный сок полезно употреблять от худосочия, принимать его должно по крайней мере несколько недель, начиная с того времени, когда можно будет иметь свежую морковь. Взяв сколько угодно морковных кореньев, изотри на терке, выжми сок сквозь чистую холстину; принимай раза три в день по столовой

ложке, и впоследствии можно удвоить пропорцию приемов, то есть вместо одной пить по две ложки за один раз.

Снаружи морковный корень употребляют в виде холодных припарок, для размягчения нарывов и даже в болезнях рака; натерши на терке, прикладывают к нарывам или к больному месту, пораженному раком.

Из свежей и сухой морковной ботвы делают ванны детям слабым и склонным к английской болезни; напарив большой горшок ботвы, приготовить ванну немного теплее парного молока, и делать такие ванны раза два в неделю».

Речечный сок употребляли от сердцебиения и одышки, при колотье в боках, при желудочных «страданиях» и глистах, а также от «кроводушия» у женщин.

Сок свеклы пили при лихорадке, а сок хрена — при водянке и задержании мочи.

Свеклу же употребляли и от ревматизма:

«Возьми свежей свеклы, натри сколько нужно, смешай с простым мылом, перемни хорошенько в руках; эту смесь должно прикладывать к больному месту, перемня раза три в сутки. Сначала на больном месте покажется краснота, потом высыплет сыпь, тогда боль утихнет и наконец совсем проходит».

«Свекольным же соком, — по мнению одного травника XIX века, — можно заменить ревенный сироп, который обыкновенно дают грудным детям. Выбрав свежую и сочную свеклу, очисти, изотри на терке, выжми сок сквозь холстину; давать его по одной чайной ложке на прием, если с одного раза не подействует, часа через два можно повторить».

При зубной боли тертую редьку и хрен прикладывали к щеке и клали их на десны или в дупло зуба. На десны клали тертую редьку и при цинге.

Кроме того, тертой редькой обкладывали больные места при болях простудного характера в боку, пояснице, руках, ногах.

Печеная редька, как «болеутоляющее снаружи», использовалась при ревматических болях, а печеная черная редька и жженный хрен прикладывались к язвам.

Тертый хрен, смоченный в картофельном соке, при-

кладывали на больное место при болях в боку, а примочки из настоя хрена делались при болях в спине. Отвар же хрена давали как полоскание при цинге.

Растертые свекольные листья прикладывали к геморроидальным шишкам, а соком их смазывали.

Тертый картофель прикладывали к нарывам и воспаленным ранам, особенно при ожогах.

Из картофельной ботвы делали особый «катаплазм»:

«Когда нужно сделать припарку, или катаплазм, в таком случае, где надобно употребить смягчительное и вместе с тем успокаивающее средство, то картофельная ботва для этого очень полезна. Приготавливают ее таким образом: нарезав листья и стебли картофельные, упарь до мягка, потом разомни и употребляй для припарок».

Печеный или сваренный на коровьем или конопляном масле лук был очень «популярен» при нарывах и чирьях, а кашицей из свежего лука с солью мазали бородавки. В травнике читаем:

«*О пользе лука.* Сырой лук, употребляемый в пищу, помогает пищеварению; печеный полезно употреблять как лекарство от кашля; печеный и стертый по ровной части с мылом и салом полезно прикладывать к нарывам и ногтеодам».

Лечение водой, огнем и землей

Как это ни покажется нам сейчас странным, в народной медицине широкое применение имел *огонь*, которому еще в языческие времена поклонялись наши предки.

Огонь был одной из «чистых» стихий мироздания, наряду с водой. Вода считалась не только сестрой или женой Огня, но и его соперницей.

Огонь уважали и боялись одновременно, а потому старались не разгневать и не оскорбить его. Запрещалось плевать в него, бросать в пламя нечистоты, затаптывать ногами. Нарушающий эти запреты мог подвергнуться наказанию от Огня пожаром или болезнью, которую называли «летучий огонь» (это была красная сыпь на лице).

Славяне верили в целебные и очищающие свойства огня, и отголоски этих верований сохранились в народной медицине.

Так, при заболевании горячкой в доме, прямо на полу, на заслонке, зажигали из лучинок костерок, через который проходили все здоровые.

В случае эпидемии в селении все жители выходили на улицу и, как первобытные люди, трением палочек «вытирали» святой огонь и через разведенный небольшой костер проходили все здоровые, а затем через огонь проносили больных.

Вера в целебные силы живого огня была свойственна многим первобытным народам. При этом как вода для лечения должна быть «не початая», только что «почерпнутая из родника», так и огонь требуется новый, еще не служивший для нужд человека.

В научной литературе осталось описание обряда *вытирания «святого огня»*, который в некоторых местах России назывался *«заповедание»*.

Процедура получения огня проходила в торжественной обстановке. В назначенный день крестьяне собирались на улицу или на деревенскую площадь, приносили два сухих бревна, одно клали на землю, а к другому приделывали по концам ручки, как у пилы, и терли по первому, как пилят дрова. Когда одни уставали, их сменяли другие.

Бабы сидели по домам и терпеливо ожидали святого огня, чтобы «затопить печи», так как получать его каким-либо другим способом — спичками или выдуванием горячих углей, сохранявшихся в загнетке, строго было запрещено, и ослушникам грозило суровое наказание. После долгих стараний, иногда спустя восемь—десять часов, огонь появлялся. Из добытого огня раскладывался «нажог», и через него шагали и прыгали, а больных и младенцев переносили на руках. По ритуалу в этом процессе вытирания «святого огня» в некоторых местах вдовцы участвовать не могли.

Огонь этот назывался также *древесным, деревянным или живым* и для лечения какой-нибудь болезни добывался трением двух поленьев. Различался еще *дубовый и осиновый огонь*. Первого сорта огонь употреблялся зна-

харями при лечении людей, а второй — при лечении скота. Таким деревянным огнем выгоняли иногда из дома горячку, разводя его перед окнами, и через этот же огонь проводили выздоровевшего от горячки, чтобы окончательно очистить его от болезни.

Таковыми свойствами обладал не только сам живой огонь, но и *пар от воды*, которая кипятилась на огне. Таким паром лечили от порчи, лихорадки, горячки и некоторых других болезней.

Подобие живого огня имел и *огонь, высекаемый из кремня*. Огнем этим лечилась «летучка», или «летучий огонь», о котором мы говорили выше, — герпесные сыпи на лице. При этом знахарь должен был так высекать огонь, чтобы высекаемая искра попадала непременно в центр каждого островка сыпи.

Иногда при лечении «летучего огня» вместо живого пламени достаточно применять лишь *помело, которым разметывают в печи жар перед сажанием хлебов*. Горячее помело прикладывали к больному месту и три раза произносили: «*Огонь, огонь, возьми свой огник*».

В некоторых случаях при помощи огня лечилась и рожа: она «выжигалась».

Были места, где существовал обычай сжигать одежду больного и бросать в топящуюся печь лепные изображения из глины той части тела, к которой относится заболевание.

Вода, в самых разнообразных ее видах, находила обширное применение главным образом как лечебное средство при многих, уже развившихся заболеваниях.

Славяне верили, что вода — одна из основополагающих стихий мироздания, исходное состояние всего сущего. Очистительные омовения сопровождают человека при рождении, на свадьбе и после смерти.

Наиболее животворящей считалась *дождевая вода*, которая, по мнению русского народа, оказывала хорошее действие при головной боли, при глазных болезнях и при бородавках, причем особенно полезными считались капельки первого дождя, оставшиеся на листьях растений в огороде.

По убеждению некоторых знахарок-повитух, соб-

ранная дождевая вода, употребляемая в виде обмываний, в состоянии *предотвратить даже беременность*.

Умывание во время первой весенней грозы оказывает прекрасное действие: умывшийся в течение года, как утверждали крестьяне, не будет хворать никакой болезнью.

В Городищенском уезде Пензенской губернии страдающие куриной слепотой ходили на утренней заре умываться весенними дождями и затем, нагнувшись над дегтярной кадкой, произносили заговор: «Деготь, деготь, возьми от меня куриную слепоту, а мне дай светлые глазушки».

Столь же целебной при глазных болезнях считалась и *роса*. «Больной глазами», по совету знахаря, шел утром на луг, собирал с травы росу и этой росой промывал глаза, причем лучше всего действовала роса, собранная до восхода солнца или при восходе на Иванов день.

В Варнавинском уезде Костромской губернии в ночь на Ивана Купалу смачивали росой скатерть, воду выжимали в бутылку и мазали этой водой глаза.

В Пошехонском уезде Ярославской губернии больной «ломотой» должен был шесть раз сходить на луг, в утренние зори, и каждый раз кататься на спине, три раза переворачиваясь и приговаривая: «Зорька, зорька, росистая, возьми, унеси от меня ломоту и корчу, унеси в поднебесье, от века и до века».

В Череповецком уезде Новгородской губернии при хронических сыпях умывались и обтирались утренней росой на улице, приговаривая: «Если с ветру пришла, иди на ветер, а с людей пристала — иди на людей». Маленьких детей при этом, как бы пугая болезнь, секли прутом по ягодицам.

Таковыми же целебными свойствами, как дождевая вода и роса, обладал *град, а иногда и снег*.

Град считался хорошим средством от зубной боли. Его можно было есть или, оттаяв, употреблять в виде полоскания.

Воду, полученную от таяния града, применяли и при глазных болезнях.

На Крещение «пололи» снег, ссыпали его в бутылки, где он таял, и полученную таким образом воду пили от всяких болезней.

В Череповецком уезде Новгородской губернии очень полезной при куриной слепоте считалась *вода, взятая с того места, где река берет свое начало*.

В Елатомском уезде Тамбовской губернии целительной была вода из тех мест, где она не мерзнет по зимам, а в Сольвычегодске при испуге и головной боли лечили эти болезни водой, взятой из трех колодцев или трех прорубей зимой, которая зачерпывалась в полдень или полночь. Принимать несколько ложек воды прямо из реки, натошак, начиная в первый раз с одной ложки, признавалось хорошим средством при многих болезнях.

Особенно целебное значение приобретала вода *при укушении змеи*. Змея, укусив человека, ползет сейчас же к воде. Если укушенный успеет напиться воды раньше, чем змея, то это «охранит» его от последствий укуса.

Но особенно целебными свойствами наделялась *ключевая и родниковая вода*, так как происхождением своим ключи и родники обязаны ударам молнии в землю или камень. В некоторых местах она пользуется таким почетом, что считается святой и иногда почитается наравне с крещенской.

«Святые ключи» существуют и поныне во многих городах и деревнях. По преданию, некоторые из них «открылись» во время перехода через эти места святых, которые тут отдыхали и пожелали напиться или сами выкопали их.

Так, в Боровске под Москвой есть Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев Боровский мужской монастырь (ул. Дмитрова, 1), на территории которого находится целебный источник.

По преданию, колодец с целебной водой выкопал на монастырском лугу сам Пафнутий. Над колодцем построена деревянная часовня. Целебная вода очень холодная — ее температура в жаркие дни не превышает 10 градусов. Вода это серноокислая, поэтому даже традиционная медицина рекомендует использовать ее для лечения ревматизма, кожных и нервных заболеваний.

Обыкновенно такие ключи находились где-нибудь в лесу, были окружены елями и соснами, а иногда обсажены кустиками вербы. На ветвях деревьев, вблизи них, нередко были навешаны тряпочки и ленточки, пояски и крестики, а на дне ключа набросаны мелкие серебряные монеты: это — дань больных ключу за его целительную силу. Некоторые из этих ключей обладают удивительными свойствами.

«Когда идешь на ключ за водой, — советовала этнографам одна старуха-крестьянка, — не надо ни с кем говорить. Кто навстречу попадет, ничего не надо спрашивать и не сказывать. Сойдешь на ключ, помолишься на все четыре стороны и задумаешь: на живое или на мертвое*? Как на живое — водица стоит, как стеклышко, светлая; как на мертвое — ключи забьют, завыскакивают оттуда с песком. Когда черпают воду, говорят: “Чарь водяной, чарь земляной, чарица водяная, чарица земляная, дай мне водычи на доброе здоровье” и зачерпывают воды в вечероко».

Иногда вода приобретает целебные свойства только в некоторые известные дни.

Таков день Ивана Купалы: от купания в этот день проходит, как считали в народе, решительно всякая болезнь, только купаться надо между утреней и обедней.

Обычай крещенского купания ради «здоровья», в проруби, после освящения воды, общераспространен и общеизвестен.

Более редко целебные свойства воды связывались с Великим, или Чистым четвергом. Некоторые орловцы в этот день, чтобы избавиться от чесотки, три раза окунались в реке до свету, без свидетелей, и приговаривали: «Чистый четверг, очисти мое тело от болезни, а ты, быстрая речка, носи мою болезнь в синее море».

У вологжан, «чтобы не взяла какая-нибудь болезнь», был обычай умываться в этот день водой, в которую опускали серебряную монету, а некоторые костромичи, при той или другой болезни, умывались в лечебных целях прямо из лужи.

Интересен обычай, который существовал в Твер-

* К выздоровлению или к смерти?

ской и Ярославской губерниях, *испрашивать «прощение» у воды.*

Больной или, вместо него, знахарь приходили на место, где, по мнению больного, была оскорблена вода, пускал в нее кусок хлеба и с первым поклоном говорил: «На море, на океане, на острове, на Буяне, гулял добрый молодец да соскучился, пришел он к тебе, матушка вода, с повислою головой да с повинною (при этом делается второй поклон). Прости меня, матушка вода, простите меня и вы, водяные деды и прадеды, отцы и матери и ваши малые детушки, чем я кого прогневил».

Потом дважды, отступая по одному шагу назад, повторял тот же поклон и с тем же разговором. Необходимым условием при этом было, чтобы испрашивающий прощение, подходя к воде и возвращаясь обратно, не говорил ни с кем ни слова, не оборачивался назад и отправлялся в путь, не крестясь.

Иногда целебные свойства сообщались воде тем, что этой водой обмывали косяки у дверей и окон, давая ее потом пить и спрыскивая больных «испугом» и простудой.

Иногда более действенным считалось спустить воду не с косяка, а с дверного прибора, «клямки». Такой водой мать умывала ребенка, больного от «глаза», утирала правым краем ворота своей рубахи, при этом облизывала его лоб три раза и плевала.

В других случаях приобретала значение вода, спущенная с девяти веретен, двенадцати перекаленных в печи камешков, известного числа колосьев и т. п.

Необыкновенные свойства были и у воды, взятой из семи различных колодцев. Если же ею обмыть заслонку у печи, собрать ее, а потом облить больного цингой, то он непременно выздоровеет.

И конечно, особой силой обладала вода от святых икон.

Такой силой славилась вода с Ахтырской иконы Пресвятой Богородицы, чей чтимый список хранится ныне в Москве, в храме Воскресения Словоущего (апостола Филиппа) на Арбате (пер. Аксакова, 22).

Ахтырская икона Богородицы была найдена в 1739 году в городе Ахтырке Харьковской епархии священником во время кошения им травы в огороде и прославилась многими чудесами. Когда священник Даниил Васильев взмахнул косой, вдруг вспыхнул яркий свет, и священник зажмурился, а когда открыл глаза, увидел стоящую на земле икону, от которой исходило яркое сияние. Священник, помолившись, принес икону домой и омыл ее водой. Когда же хотел он ту воду вылить, то раздался глас: «Не выливай воды, будут той водой исцеляться больные лихорадкой».

На месте явления иконы императрица Елизавета воздвигла храм. От воды, которой омывали икону, происходило много исцелений.

Узнав о чудотворной иконе, в храм приехала вдова генерала Вейделя и просила Божию Матерь исцелить ее от лихорадки. Вдруг от иконы послышался глас: «Не нужно тебе исцеление! Через пять дней ты умрешь! Раздай все, что имеешь, ради спасения своей души». Вдова заплакала: «Матерь Божия, как могу я раздать все свое имение, когда на руках у меня малые дети!» Богородица ей ответствовала: «Не печалься о своих дочерях, я их устрою. Раздай имущество». Богомольная женщина так и поступила, а через пять дней скончалась. Узнав об этом случае, императрица Екатерина Великая сказала: «Как мне не призреть сирот!» — и удачно выдала обеих дочерей генерала Вейделя за графа Палена и графа Чернышева.

По одному из преданий, эта икона была с Петром Первым в Полтавском походе в 1709 году, то есть еще до своего вторичного чудесного явления.

Подобно воде, в некоторых случаях целебным действием обладает и *земля*. Вера в таковые ее свойства, по видимому, также является остатком когда-то существовавшего культа почитания земли.

Земля у славян считалась одной из основных стихий мироздания, наряду с водой, огнем и воздухом.

Земля наделялась антропоморфными чертами: волосы Земли — трава и цветы, кустарники и деревья; кости — скалы и камни; кровь — вода; жилы — древесные корни. Увлажненная и оплодотворенная дождем

земля, способная рожать, называлась «мать сыра земля». Пока рожь не заколосится, детям и молодежи не разрешалось качаться на качелях, потому что земля в это время бывает «тяжела».

Именины Земли в разных местах праздновали в разное время.

23 мая (нового стиля), день памяти святого Симона Зилота, был одним из таких дней. Наши предки с большим благоговением смотрели на землю как на общую мать и кормилицу человечества. Предкам нашим она представлялась не бездушным предметом, а «живой тварью», которая, подобно человеку, могла иметь свои чувства. По старой русской пословице, «всяка душа празднику рада», и потому крестьяне, желая достойно почтить именинницу, не брались в этот день ни за какую земляную работу, не пахали, не боронили, не копали и особенно избегали вбивать в землю колья, чтобы не нарушить ее покоя.

Во многих местах считали, что Земля — именинница в июне, вся «красота ее расцветает», как сказано в одной древней летописи.

В других местах именины Земли были в день Успения Пресвятой Богородицы, когда, по мнению народа, по земле грех ходить босиком. В Яранском уезде Вятской губернии Земля именинницей бывает в Духов день.

Землю-кормилицу русский народ всегда очень почитал. Отправляясь в дальний путь, всегда брали с собой горсть родной земли. Родная земля считалась и считается не только целительной, но она служит и как талисман, охраняющий на чужой стороне от разных несчастий. Если возьмешь с собою родную землю и высыплешь там, где будешь жить, тебе поздоровится, не будешь болеть и скучать по родине. Взятую с собой землю, по приезде в дальний город, нужно сейчас же высыпать и, ступая по ней, приговаривать: «Я по своей земле хожу».

В некоторых местах Череповецкого уезда больного, страдающего колотьем в боках, заставляли вспомнить, где на него «сели усовьи», и считали полезным сходить на то место «проститься и поклониться».

В Васильурском уезде Нижегородской губернии

проститься ходили с тем местом, где кто-либо надорвался или с кем-то случился паралич, известный под названием «притки». На это место ходили подряд три зари, три раза кланялись в землю и каждый раз приговаривали: «Свято место, прости меня, Христа ради». Обратно шли домой, не оглядываясь назад.

Сохранилось описание этого обряда, сделанное в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии в конце XIX века. Обряд этот называли «*прошением притки*»:

«В полночь больной или больная (если больные сами не могут идти, то вместо сына должен идти отец, а вместо дочери — мать) идут со старухой, знающей способ совершения этого обряда, на то место, где, по их мнению, приключилась болезнь.

Помолившись дома Богу, выходят за ворота и кладут на все четыре стороны по три земных поклона. Продолжая путь, на всех перекрестках делают то же.

Приблизившись к известному месту, творят такие же поклоны и, падая на землю, целуют ее, приговаривая: «Мать сыра земля, прости ты меня, раба Божия (такого-то), окаянного, что ступил я на тебя нечистою ногою и тем оскорбил тебя. Прости, прости меня, мать сыра земля, аминь, аминь, аминь»

Затем опять кладут три поклона в землю и трижды целуют ее. Такое прошение должно повторяться три ночи кряду. После каждого прошения возвращаются домой с поклонами, с какими шли вперед».

При «испуге» у ребенка знахарка 12 зорь, шесть утренних и шесть вечерних, ходила с ним в погреб. Держа ребенка на руках и обращаясь утром на восход, а вечером на закат, она там молилась, трижды читая молитву «Богородице Дево» и каждый раз прикладывая ребенка к земле лбом.

Взяв земли с этого места, знахарка говорила: «Прости, место святое, прости, мать сыра земля, прости, час святой, раба Божия (имя)». Посыпав младенца крестообразно землей, она продолжала: «Где подумал, там забыл, где нашел, там потерял. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Иногда земля использовалась знахарями при лечении от укуса змеи. К ране в таких случаях прикладыва-

лась сырая земля, но при этом считалось необходимым условием, чтобы она была одного цвета с укусившей змеей: если змея черная, то и прикладывать к ране нужно землю черную; если земля серая, и землю надо привязывать серую; если же змея укусит пятку, то всякое лечение бесполезно: человек все равно умрет.

В других случаях лечили землей оспу. Земля при этом бралась со свиного логова, ею натиралась рубашка и надевалась на больного.

Но наиболее часто использовали *могильную землю*, в особенности при «могильной косточке» и, отчасти, при зубной боли, лихорадке и горячке. Говорили: «Земля с семи могил добродетельных людей спасает живых».

При лечении «могильной косточки» земля непременно берется с могилы тезки и втирается в больное место, а при зубной боли кладется на больной зуб.

При лихорадке земля бралась с могилы так, чтобы никто не видел, зашивалась в ладанку и вешалась на шею больному.

При горячке земля, взятая из-под могильной плиты или камня, опускалась в воду и ее давали пить больному со словами: «Мать сыра земля, родимая, от тебя берем и тебе отдаем: отними болезнь от раба такого-то».

Лечение драгоценными камнями

Драгоценные камни всегда пользовались на Руси большим «уважением» — не только как атрибуты роскоши, но и как лекарства для излечения болезней.

Сведения о полезных, «медицинских», свойствах камней дошли до нас в старинных русских лечебниках.

Итак, *агат* издревле считался лечебным камнем и широко использовался в медицине. В старинных русских лапидариях говорится, что, если сжечь агат, его пепел излечит падучую болезнь, отгонит «духи нечистые, желудковым болезням поможет и к сладости естественной приведет».

Считалось, что если «агат положить в воду и дать мочнуть три дня, а затем дать той водицы испить родильни-

цам во время родов их, то у ребенка будет «легкое рождение». Если агатовой воды дать испить девице для обличения нечистоты ее, то, как выпьет ее, то не у чистой девицы не удержится, тотчас на низ изойдет та вода, а если девица непорочна, то укрепится и не изойдет вода».

Древние верили, что агатовый амулет защищает от грозы, утоляет жажду и «сообщает мужчине ораторский дар».

Слоистые агаты считаются талисманами, дающими мужчине силу обольщения, но их также дают держать в руке больному или кладут ему в рот, когда его во время болезни мучает неутолимая жажда.

Агат, по верованиям народов практически всего мира, считался прекрасным противоядием от укусов змей и скорпионов, и именно для защиты от змей и ужей орлы, как говорится в лапидариях, клали агатовые камушки в свои гнезда.

Серый агат некрасивого серого или красноватого цвета, по понятию древних народов, будто бы находящийся в гнездах ласточек, в древности играл немаловажную роль у знахарей при лечении различных болезней.

На Руси считали, что «ластовичный» камень находят в животе молодых ласточек. И бывает он двух цветов — черный и красный. Первый помогает от «лунного страдания» и того, кто его носит, «чинит речистым, и любят его люди». Черный камень, кто при себе носит, «речи, начатые им, к доброму концу приводят, гнев умирят. Тот же камень, в желтом сукне на шею привязанный, ворогушу (лихорадку) отгонит».

Агат же, находимый в гнездах орлов, соответственно назывался «орлиным». В русских лечебниках указывается, что «цветом этот камень бел и звук из себя издает, кабы в нем иной камень колеблется; а егда его разобьет, тогда в нем другой камень, величеством он в орех лесной. Находят этот камень в гнездах орлов, орлы полагают его под самками, тогда дети вылупляются без болезни, и родильницам его привязывают к левой стороне, легостно тогда рождение творит. Тот же камень кто при себе носит, богатство множит и падучую

болезнь отгоняет. Он любовь укрепляет. Тот же камень, аще положишь в смертные яства, тогда те яства человек не может проглотить; а когда камень вынешь, тогда яства по обычаю станет человек есть».

Аквамарин, истертый в порошок, впускался в глаз от бельма и также служил присыпкой при проказе, хотя прикладывали его в порошке и на старые раны и им же снимали с зубов ржавчину (винный камень).

Алмаз имеет, в соответствии со старинными лечебниками, особую силу врачевания. Древние полагали, что, если привязать к руке женщины алмаз, при тяжелых родах она легко разрешается от бремени. Этот камень помогает и от болей в желудке, и прекрасно снижает температуру, и лечит желтуху и даже увеличенные печени.

Алмаз на Руси называли адамасом.

В старинных лечебниках находим, что «если камень алмаз воин носит на левой стороне во оружиях, тогда бывает спасен от всех супостатов своих и сохранен бывает ото всякие свары и от нахождение духов нечистых. Тот же алмаз, кто его при себе носит, грежеше (грезы) и сны лихие отгоняет. Тот же алмаз окорм смертный объявит, аще к тому камени приблизится, то потети начнет. Алмаз пристойит при себе держати тем людям, кои страждут лунным страданием и на которых нощию стен находит... Алмазом камнем аще беснующагося человека осяжет, тогда та болезнь пременится».

Русские лечебники, кроме того, утверждают, что *аметист* «пьянство отгоняет, мысли лихия удаляет, добрый разум делает и во всяких делах помоч дает. Аще кто этого камени изопьет, то неплодного плодным делает, и окорм гасит, воинских людей от их недругов оберегает и ко одолению приводит и к ловлению зверей диких и птиц добре есть помощен. Амефис ускромляет мощность и не допускает того, кто его носит, в памяти отходити».

На Руси аметист называли вареником, аматистом и амефисом. Им гладили морщины, чтобы они не углублялись, и сводили веснушки.

В старинных рукописных лечебниках находим про

бирюзу: «Если кто носит при себе бирюзу, то никогда не будет тот человек убит, ибо никогда не видели этот камень на убитом человеке». Наши древние воины носили бирюзу как средство защиты в битвах, особенно высоко бирюза ценилась кавалеристами, которые считали, что она делает коней неутомимыми.

Бирюза помогает от глазных болезней.

Гиацинт, по понятиям древних, имел свойство останавливать кровотечение из носу или из другого места, лишь бы рана была произведена не камнем и не железом.

Гиацинт у нас на Руси носил название иоакинфа, ему приписывали, что он имел силу укреплять сердце, охранять от моровой язвы.

Мелкие куски гиацинта называли бечеты. В торговой книге говорится: «А бечеты за лал не купите; а бечета знати: к свету в нем как пузырьки». В лечебниках о бечете говорится: «Бечета есть камень — сердце обвеселит и кручину и неподобные мысли отгоняет, разум и честь умножает, от грому и неприятелей обороняет и от губительного поветрия морового сохраняет, беременным женам к скорому рождению детей приводит».

Жемчуг мелко тертый давали вовнутрь, чтобы укреплять животную силу, он унимал и биение сердечное. Давали бессильным людям тертый жемчуг с сахаром.

Изумруд пользовался у нас в старину большим «уважением». Про изумруд древние лекари думали, что толченый, принятый в питье, «уймет смертоносную ядость и укушение ядовитых змей заживит... Изумруд толчен и прият внутр в питье, весом против седми зерен ячменных, тогда от окорму смертного избавляет человека. Аще кто на изумруд часто зрит, тогда зрак человеческий укрепляет; и очи от прилучающихся недугов во здравии сохраняет и носящему его веселость наводит. Тот же камень толчен в питии прият, пользует прокаженных и печени и желудковым болезням помогает».

Кораллы, или *корольки*, помогали от болезни кишок и всякой «стомаховой» (желудочной) болезни, а также от боли в селезенке.

«Аще человек в дому своем корољки имеет или при себе носит граде падающий вредити его не может, а в прежние времена корољки толкли и в жито семяное их сыпали, и тем житом сеяли от биения градовнаго; а иные те же корољки на мезвах на пашенных ко древам привязывали от того же биения градовнаго».

Лазурик, или *лятис-лазурь*, славился в глазных болезнях, а также употреблялся против боли в пояснице.

Лал, или *шпинель*, в древности тоже славился как лечебный камень, из него приготавливали род лекарственной кашки, такой, принятый вовнутрь, «веселит человека, придает лицу румяный цвет и поддерживает желудок в порядке».

На Руси *рубин* называли *яхонтом* красным, или червчатым. Наши предки считали его сильным камнем. В старинных русских лечебниках читаем: «Кто яхонт при себе носит, снов страшных и лихих не увидит... Аще кто, в солнце смотрячи, очи затемнед, тогда ему поможет, егда тем камнем потрет... А коли тем камнем по голове потрешь, по волосам, тогда к себе плоть головную тянет, яко магнит железю... Аще кто тот яхонт носит в перстне при себе, тот и скрепит сердце свое и в людях честен будет».

Довольно долгое время рубин не отличали от шпинели. Оба эти камня называли лалами. Но с открытием в VII веке крупных месторождений красной шпинели в районе Бадахшана и с уточнением методов различения минералов были найдены, вероятно, уже в VIII веке физические различия (твердость, устойчивость полировки) между шпинелью и рубином, и название «лал» было закреплено за шпинелью, а за рубином сохранилось название «красный яхонт».

Природа лала «тепла и суха», и ношение его предохраняет от всех болезней, от боли в пояснице, ограждает человека от бесов и худых снов. «Носящий лал бывает приятен людям, но при детях его запрещают держать. Аще кто его носит при себе, — говорит один лечебник, — поветрие моровое отгоняет и похоти телесные лишние унимает, тело человеческое во здравии от всяких болезней устраняет, мысли злые отда-

ляет и промеж людьми приятельство чинит и всякое счастье размножает».

Лал утолял жажду, как только его клали в рот. Примешанный к мази и приложенный к глазам, лал укреплял зрение и делал человека дальновзорким.

Лал привозили на Русь из Китая. В торговой книге о нем говорится: «Камень лал цветом ал или побледневатее яхонта черленого. Купите лал доброго цвета в ползолотника весом в 2 и в 3 и 4 рубли. А лалы знать при варенике: коли треска не обеливает его, то лал. И берегитесь того, чтобы вам венисы за лал не продали; а вениса камень красен, а цвет жидок у него».

Нефрит, или почечный камень, служил предохранительным средством от удара молнии и от опасности при землетрясениях.

Сердолик имел свойства предохранять от козней врагов и способствовал при родах легкому разрешению от бремени. Он также предохранял от опасности быть раздавленным под развалинами дома или стены во время землетрясения*.

Сердолик в русском народе называли «камнем куричьим», который находят «в желудке валеного** петуха, коли петух трех лет вален бывает, а после валения только бы жил семь лет, а чем бывает стар, тем будет лучше, а знать потом, как уже в петухе тот камень будет, тогда уже петух ничего не станет пить. Камень этот — мужа с женою в любви содержит и разведенного мужа с женою в первую любовь совоку-

* Народы всего мира убедились на опыте, что сердолик действительно обладает лечебными свойствами, а в 1930-х годах к такому же заключению пришла и наука. Именно к этому времени относятся исследования врача Е. И. Бадигиной о положительном воздействии на человеческий организм радиоактивности сердолика. Она разработала специальный курс сердоликотерапии и с успехом апробировала его до войны в некоторых клиниках Москвы. Во время войны сердоликотерапия получила большое распространение в сибирских эвакогоспиталях, где катастрофически не хватало лекарств. Десятилетний опыт исследований Е. И. Бадигиной показал, что в результате лечения сердоликом улучшается состав крови, быстро снижается температура, восстанавливается нервная система, проходят отеки и зарубцовываются раны. К сожалению, после смерти ученого сердоликотерапия оказалась почти забытой...

** В а л и т ь — холостить.

пит и к любовному желанию добре помогает, и отнятое государство из неприятельских рук отвращает. Кто этот камень при себе носит, того никто не может одолети. Величиною этот камень бывает в бобовое зерно».

В русских лечебниках указывается, что *топаз* вылечивает болезнь печени и что «коли топаз в кипящую воду положишь, то вода кипеть перестанет и назад его можешь голой рукой вынуть». Там же читаем: «Топаз помогает тем, кто кровью блюет. Тот же камень на рану положен, тогда кровь уймет из раны и телесное зажженные угасит».

Хорошими лечебными качествами обладал также, если верить старинным лечебникам, камень, известный теперь под именем лунного, а в старину носивший название *целенитеса*, или *селенита*.

По описаниям того времени, его будто бы вынимают из великого желвя*.

Цвет он имеет «кабы жемчуг на себе имеючи скорлупу. Целенитес есть индейского желвя глаз; волхвы его под язык себе кладут и людям сказывают дела, что впредь будет, а в рот выполаскав да его кладут; и то могут делати от всходу солнечного до шестого часа дня, и на молодую месяца во весь день, сказывают, что тот камень ту силу имеет, а на ветху месяца то через день, и тот, сказывают, камень огня не боится и не горит».

В Средние века *янтарь* — особенно белая его разновидность — считался универсальным средством от всех болезней, начиная от истерии и кончая импотенцией.

В старинных лапидариях янтарь рекомендуют применять при расстройствах желудка и при всех заболеваниях горла. Считалось, что он хорошо помогает при отравлениях. Существовали даже такие экзотические советы, как:

«Если положить его на грудь жене, когда она спит, то она сознается во всех своих дурных поступках. Он укрепляет расшатавшиеся зубы, а его дымом отгоняют ядовитых насекомых».

* Желвь — черепаха.

Знахари-шептуны

Знахари прежде всего — специалисты по части заговоров. Хотя заговоры знали многие, но «репертуаром» заговоров на все случаи жизни и умением разобраться в применении их к более сложным заболеваниям владели и, надо честно признать, владеют по сей день только настоящие знахари и знахарки, бабы-угадки, лечейки, ведуньи, шептухи и ворожеи.

Заговоры в русском народе пользовались и пользуются большим «уважением». Произносятся они обычно с молитвой, ибо, по меткому выражению В. И. Даля, «народ наш страшится чернокнижия».

Магия слова

Заговор — это словесная формула, восходящая к вербальной магии, это особые краткие тексты, призванные вызвать желаемое действие невидимых сил. Во всех заговорах волшебство (колдовство) основывается на силе слова, то есть на непосредственном воздействии слова на окружающий мир.

Заговоры непременно надо было нашептывать на глазах больного, отчего и знахарей-«заговорщиков» звали «шептунами». Если заговор обнаружить гласно, то сам заговорщик лишается способности заговаривать. Заговор читается шепотом или про себя. При этом у заговорщика непременно должны быть целы все зубы, иначе силы в его словах не будет.

Передать «заговорную» силу знахари-шептуны могли другому человеку, но только «младшему летами».

Заговор, как правило, делится на несколько частей. Первая состоит из «таинственных слов», в ней упоминаются море-окиян, бел-горюч камень Алатырь. Таинственный камень Алатырь до сих пор остается не до конца «расшифрованным» этнографами* Одно из

* Алатырь «бел-горюч камень» — один из немногих камней наших русских легенд и сказаний. Кроме него упоминаются еще кое-где камни: антавент, тирон и яхонт. Это дает основание ученым

«народных» объяснений гласит, что на праздник Воздвижения змеи собираются в кучу, в ямы или на пустырях, и вот там-то и появляется из земли белый камень Алатырь, который гады лижут, питаются им, и излизывают весь.

После «вступления» следует иносказание или «зашифрованный» пример, и уж только после этого заговорщик обращается непосредственно к предмету своего лечения, к своей цели.

Заканчивается заговор чаще всего словами: «Слово мое крепко, быть по-моему, аминь».

Сопровождаются заговоры различными движениями рук и губ для того, чтобы удержать «силу слова», или, как говорится, «запечатать замок».

Практически во всех заговорах смешиваются мирские и духовные понятия, «святые» вещи и суеверия. В. И. Даль называл заговоры «смешением черного и белого, тьмы и света».

утверждать, что мифический камень Алатырь может означать янтарь. Приведем отрывок из белорусской редакции «Стиха о Голубиной книге», где поется:

А кое ж море всем морям отец
И которой камень всем камням отец?
Ах! Латырь-море всем морям отец,
и Латырь-камень камням отец.
Почему ж Латырь-море всем морям отец?
Почему Латырь-камень всем камням отец?
Потому Латырь-море всем морям отец,
Потому Латырь-камень всем камням отец:
Лежит он среди моря,
Среди моря, среди синего.
Идут по морю много корабельщиков,
У того камня останавливаются,
Они берут много с него снадобья,
Посылают по всему свету белому.
Потому Латырь-море морям отец,
Потому Латырь-камень камням отец...

Море, упоминаемое в стихе, несомненно, Балтийское, а Латырь-камень, к которому пристают корабельщики, как считают ученые, остров Эзель.

Алатырь-камень соотносится с мифическим «пупом земли», на нем стоит мировое древо, а под древом находится огнедышащий Змей.

Лучше всего заговоры «сбываются» в дни, обладающие особой «колдовской» силой.

«Русский» список таких дней включает следующие дни (по старому стилю):

в январе — 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19, 20;

в феврале — 11, 17, 28;

в марте — 1, 4, 14, 24;

в апреле — 3, 17, 18;

в мае — 7 и 8;

в июне — 17;

в июле — 17 и 21;

в августе — 20 и 21;

в сентябре — 10 и 18;

в октябре — 6;

в ноябре — 6 и 8;

в декабре — 6, 11 и 18.

Понедельник и пятница также считаются «хорошими» для произнесения заговоров. Дни равноденствия, а также первая и последняя четверть луны также «принадлежат» знахарям и чародеям.

Заговор произносили очень часто на заре — утренней или вечерней, а иногда и на той, и на другой вместе. Так, заговор от гангрены читали на утренней и вечерней заре над больным местом: «Матушка Соколия, многожалостливая, позови святых отцов Евангелистов — Ивана, Луку, Марка, священномученика Антипу, святого Игнатия, Ефрема, Ивана Репосева, Ивана Сираха, Ивана Купального, Ивана Великого.

Сними с раба Божьего (имярек) огонь смертельный, телу губительный, кровь святую на кровь грешную. Тут и огонь сгинет. Аминь».

К заговорам можно относиться по-разному — верить или не верить в них, придумывать разумные объяснения их действию. Но невозможно не признавать, что в некоторых случаях их действенность существует и не может быть объяснена с точки зрения науки.

Вот что писал о таком заговоре и его силе В. И. Даль:

«Кто в деревнях не знает заговора о червях?.. Заговорщик идет в поле, отыскивает траву или куст мордвинник, или будак, заходит к нему так, чтобы тень на него не пала, и говорит: “Ты, трава, Богом создана, имя

тебе мордвинник, выведи червей из пегой кобылы или коровы. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, с корнем изжену” Привязывают верхушку будака ниткой к колышку и втыкают его в землю так, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его... На другой или третий день знахарь идет справляться, вывалились ли черви у скотины. На утвердительный ответ непременно отыскивает опять свой мордвинник и отпускает его... Если этого не сделать, то трава в другой раз не послушается. А если средство не поможет, то и не должно отпускать мордвинника, в наказание за ослушание. Если червей мазали дегтем, скипидаром и проч., то их уже заговаривать нельзя...

Скажу, что я не мог открыть ни разу в подобных случаях, чтоб знахарь употреблял какое-то зелье или снадобье, а скотина нередко ночевала под замком. Объяснение, что знахари берутся за дело только тогда, когда так называемые черви — правильное, гусеницы — созрели, в поре, и потому сами выползают, вываливаются и ищут нужного им прибежища для принятия образа личинки, — объяснение это никак не может меня удовлетворить. Знахари не разбирают поры, не спрашивают, давно ли черви завелись, чего, впрочем, и сам хозяин обыкновенно в точности не знает; осматривают скотину издали или даже, спросив, какой она масти, делают дело за глаза».

Специализация знахарей-заговорщиков

Редко знахарь знал заговоры от всех болезней. Как правило, у каждого лекаря была своя «специализация», благодаря которой он становился известным в округе: один превосходно заговаривал зубы и головную боль, другие — кровь, третьи — от укуса змеи.

Точно так же, как и врач, знахарь, приходя к больному, сначала производил осмотр и ставил диагноз, но весьма своеобразный: он определял, какая у «пациента» болезнь — от испуга, от дурного ветра, от «глаза» или порчи. Для определения характера болезни знахарь гадал, смотрел в воду, в зеркало, топил воск, раскидывал

карты. Особое внимание обращалось на собственную «позевоту»: если, при произнесении заговора, знахарю сильно зеваётся, значит, у больного «большие уроки» — порча; если лекарь зевает пять раз, значит, «обурочила» баба, а если больше — мужчина.

В других случаях, при умывании больного с угольков или камешков, загадывали имя человека, на которого падало подозрение, что сглазил он. Если камни, падая в воду, зашипят, а угли упадут на дно, значит, сглазил человек, имя которого задумано. Делалось это так: знахарь брал ковш холодной воды, клал в него соли, горячих угольков и при этом приговаривал, кладя первый уголек — «с мужичья глаза», второй — «с бабья глаза». Если тонул первый уголек, значит, болезнь приключилась с мужичья глаза, а если второй — «с лиха бабья глаза». Лекарь возвещал о результате больной или больному, проклинал врага — супостата и вместе с родными и больным делал предположение на знакомых, кто сглазил. Затем уже следовало само умывание.

Некоторые знахарки брали не два, а три горячих угля и последний уголь нарекали «девичьим», воду же, в которую погружали угли, солили и мешали их ножом.

Узнать, кто сглазил, было делом относительно легким. Гораздо труднее знахарю разобраться и определить вид заболевания. И лечить многие из таких заболеваний было труднее, да и лечение их бывало разное.

«Хлопотливое это дело, — разъясняла важность такой правильной диагностики знахарка земскому врачу, — хорошо, если сглаз, а если от худого часу, а нет — порча: тогда ведь лечить много труднее. Сглаз всего три зари надо отчитывать, а от худого часу и от порчи целых двенадцать зорь. Ну, да мы сейчас узнаем, что ей, сглаз или другое что».

Начинает знахарка читать молитвы, почитает немного, а сама плюнет, начитается — и опять плюнет. Глянет в кувшин с водой и опять плюнет. Кончив, она говорит: «Когда принесешь эту воду, все ваши должны поглядеться в нее, может, не сглазил ли кто из своих? За чужих я гляделась в кувшин, не знаю, не подходит, чтобы был сглаз. Если бы сглаз, я бы зевала, а то ни разу не зевнула. Все-таки попробуй. Если не полегчает,

опять приходи ко мне: придется лечить от худого часу и от порчи».

При лечении лихорадки-варагуши совершалось целое священнодействие. Придя в дом больного, знахарка требовала три кувшина с водой, выгоняла всех вон из избы, ставила кувшины на вышку, под святыми, и начинала наговаривать воду: сначала читала «Отче», а потом специальный заговор от варагуши. Прочитав заговор раз, лекарка дула на один кувшин, затем вновь читала заговор и «Отче» и дула теперь уже на второй кувшин. Затем проделывала то же самое с третьим, брала из первого кувшина немного в рот водицы и брызгала на голову больного, водой из другого кувшина брызгала на грудь и руки, а из третьего — на ноги и живот. Потом, призвав семейных больного, приказывала, чтобы они три раза в день обрызгивали больного и столько же раз давали ему пить — из одного кувшина утром, из второго вечером, а из третьего перед обедом. Знахарка ходила к больному до девяти раз.

При этом читались разные заговоры от лихорадок, которые каждая лекарка знала не один и не два. Вот пример типичного заговора от лихорадки:

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв Пречистья Твоее Матери и всех святых, помилуй мя грешного, раба Божия (имя), аминь. В начале бе слово и слово бе в Бога. До скончания века Бог человекам бысть святя и тьма его. О, Господи, Боже, Великий Царю, сотворитель неба и земли, видима и невидима и нас грешных, раб Твоих. Пошли, Господи, Мать, Деву Марию, на помощь рабу Твоему (имя), святого Авксентия и грозного воеводу небесных сил, архистратига Михаила, ангелов Божиих, сильных и грозных, четырех евангелистов: Луку, Марка, Матфее и Иоанна Богослова, еже от нападающих на мя сил, дьявольских трясовиц, 12 сестер, которя явились на Черном море, в столбе каменном, с того моря взяли брата царя Ирода и пошли мучить род человеческий тяжелыми болезнями и нареклись именами: первая — Трясее, вторая — Ледее — придают холод; третья, Гнетее — слабит в нутре; четвертая, Глядее — когда человек спит и смотрит; пятая, Желтее — напускает желчь на человека; шестая, Глухее — закладывает уши; седьмая, Ломлее — ло-

мит голову и кости, как сильная буря ломает деревья; восьмая — Пухлее — утробу разносит; девятая — Хрипее — в грудях хрипит; десятая — Огнее — в жар приводит, одиннадцатая — Сведее — в руках и ногах жилы сводит; двенадцатая — всех злее сестер, Иоанну Предтече голову отсекла, когда она вселится, то человек жить не будет. Призываю Господа Иисуса Христа и Божию Матерь, ангелов и архангелов Божиих, и тогда услыша Господь молитву и послаша на помощь святого отца Авксентия и начаша он мучить жезлом железным и давать им по четыре тысячи ран в день. Волницы и трясовицы стали молиться: святой отец Авксентий, ангелы Божии и евангелисты, не мучьте нас, кто вас вспомянет и молиться вам будет, или спишет сие, и носить при себе станет, того человека не будем знать и станем от него бегать за триста сажень. Святой отец Авксентий заклиняет именем Господним и крестным знаменем Христовым: крест — красота церковная, ангелам от дьяволов и трясовиц на прогнание и избавление православных христиан и раба Божия (имя). Да сокрушится под знаменем честного и животворящего креста Господня, да отступится супротивная сила и скорбь, и трясовицы от раба Божия (имя), после дня и после слова, молитвами святого архистратига Михаила и архангела Гавриила, ангелов Божиих, сильных и грозных четырех евангелистов, Луки, Марка, Матфее и Иоанна Богослова, во веки веков, аминь. Царь Мануил имел у себя 70 трясовиц и недугов, и он их бил и проклинал. Не бей и не проклинай нас: кто твое имя вспомянет или при себе эту молитву носить станет, того человека сохранит Бог и помилует раба Божия (имя) от глазниц, трясовиц и водяниц во веки веков. Аминь».

Не менее сложным ритуалом сопровождалось лечение разных болезней знахарками в Коротоякском уезде Воронежской губернии. Бабка-повитуха брала в особый деревянный сосуд, из которого не пьют и не едят, чистой, свежей воды, клала в нее уголь, ладан и соль, читала над этим составом Троичную, а иногда Богородичную молитву, клала несколько поклонов перед святыми иконами и, помолившись, начинала вспрыскивать больного с приговором, после произнесения которого дула на больного трижды, со словами «аминь, аминь».

При всем разнообразии приведенных приемов и средств в них есть одно общее — стремление оказать воздействие на психику больного, которое должно быть тем сильнее и глубже, чем сложнее и таинствен-

нее эти приемы, чем содержательнее, с точки зрения крестьянина, произносимый при этом заговор и чем больше он может тронуть его душу. Таковы, в особенности, заговоры и приемы чисто религиозного свойства, носящие характер как бы домашнего богослужения.

Знахарь или колдун?

В некоторых случаях знахарь украшал ритуал таинственными и пугающими предметами — змеиными головами, костями лягушек, блестящей ступкой с пестиком, иногда травами и даже человеческими костями. Если дело происходило в избе знахаря, то неподалеку от стола, со снадобьями сидел черный кот, стояли кочерга, котел и специальная кадка с водой.

Такие знахари, по мнению этнографов, довольно часто были простыми мошенниками. Они «напускали туману» и приписывали себе силу, способную не только причинить и отогнать болезнь, но и поднять мертвого. «Захочу — и мертвого подниму этой (наговорной) водой, — бахвалился знахарь из ряда таких, — только у вас состояния не хватит со мной расплатиться».

Заговоры, которыми владели этого сорта знахари, по большей части, неизвестны: они обыкновенно уверяли своих пациентов, что если сказать кому-нибудь слова заговора, то он потеряет из-за этого силу. Заговоры эти передавались знахарями и знахарками, по убеждению крестьян, только на смертном одре, кому-либо из близких родственников, наедине, в строгой тайне, и те, в свою очередь, блюли тайну заговора до своей смерти.

Такие знахари могли «насылать» на людей бесов, то есть они переходили уже в «разряд» колдунов. Бесы редко когда нападают на человека по собственной воле, чаще их все-таки «науськивают». Если же бесы вдруг набросятся на человека «по собственному почину», то выбирают преимущественно пьяниц, людей, пренебрегающих своими религиозными обязанностями, — не верующих в Бога, великих грешников, или тех, которые

призывают их на помощь в минуты злобы, гнева, отчаяния.

Пьяницам бесы «представляются» нередко в своем «натуральном» виде целыми десятками, лишают их сна, поселяют отвращение к пище, наводят ужас, истощают тело и иногда доводят до самоубийства. Так русский народ объяснял припадки запойного бреда, или «белой горячки».

Напускание бесов колдуном и ведьмой может быть сделано словами (наговором), или бесы «пускаются по ветру», передаются с пищей, питьем, поцелуем, дыханием, прикосновением.

Последствием вселения бесов, как мы уже говорили, являются тяжелые и длительные нервно-психические страдания, известные под общим названием «порчи».

Таких знахарей-колдунов крестьяне побаивались и у себя дома принимали со страхом и трепетом и, чтобы задобрить, угощали водкой. Это в особенности относится к тем «знаткам, которые при заговорах не употребляют имени Божия и Святых, к порченикам* и ясно-видцам**».

Довольно часто в русских селах, где жили татары, именно знахарям-выходцам из их среды и приписывали особые «злые чары». Татарские ворожеи считались даже искуснее и сильнее русских. Такой славой, например, пользовались ворожеи татарской деревни Чудовки в Пензенской губернии, куда возили для лечения русских порченых. «Уж чем мы ее (порченую) не лечили, — нередко приходилось слышать этнографам от пензенских баб, — ко всем ворожеям возили, татарский наговор пила, ничего не помогло, видно, так Богу угодно».

Обращаясь в крайности к знахаркам-нехристям и к тем, которые при лечении, по мнению мужика, пользовались услугами нечистой силы, крестьянин все же прежде всего шел к тем из знахарей, которые врачуют именем Бога.

Определенные целительные или профилактические

* Знахари, способные, кроме лечения, причинять и порчу.

** Лица, способные видеть в воде, как в зеркале, того, кто испортил.

кие процедуры у таких «знаток» не только приурочивались к церковным праздникам, но они даже вводили в тексты обрядов или сопровождающих их заклинаний христианскую символику, особенно часто — знак креста.

Символика креста в обыденной жизни в течение веков существенно изменилась: из символа страдания он стал символом победы над злом и активно использовался в обрядах, предназначенных это зло предотвратить или уничтожить.

Крестообразно сделанные надрезы на хлебе или других предметах, «наговариваемых» для исцеления, церковные свечи, елей, святая вода, освященные в церкви травы становятся обычными элементами народных целительных обрядов.

Знахари этого сорта в большинстве случаев были простые, иногда благодушные и почти всегда действительно верующие люди. Заговаривали они с крестом и молитвой, призывая святых угодников, Спасителя, Божию Матерь и апостолов. Большинство самих заговоров неизменно начиналось словами: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа». И многие знахари, по видимому, действительно были убеждены, что шепчут и заговаривают они во имя Божие.

— Как же ты, бабушка, лечить начала? — спрашивали этнографы в конце XIX века орловскую знахарку М-фу, умную, бойкую и энергичную старуху.

— Да как начала? Осталась я от мужа вдовой с шестью детенками, так надо же было чем ни на есть пропитаться.

— Все же училась у кого-нибудь лечить-то?

— А это мне от Бога.

— Так сразу и лечить стала?

— Как можно сразу? Я помаленьку. Приводилось и самой лечиться, и других видела, как лечили, — ну, я и присматривалась, а там и сама зачала: от людей научилась.

— Чем же ты лечишь, травами?

— И травами, и наговором, и водой наговорной умываю.

— А можешь ты сказать кому-нибудь эти наговоры?

— Отчего же не сказать? Тут греха нету. Это мне от Бога. Я, вот, по богомольям-то ходила, так спрашивала, не грех ли, мол, лечить-то? Ну, старцы сказывали — ничего, не грех. Да, вот, и в Оптиной отец Амбросий тоже говорил. И сон мне такой был. Это, как зачали ко мне ходить лечиться-то, я и думаю: ой, не грех ли? А тут мне сон и приснись. Снится, это, мне комната, и входит в эту комнату девушка, в одной руке у ней книжечка, а в другой — кувшинчик махонький. Идет, это, она и спрашивает, быдто про себя: а не грех ли ходить к М-фе лечиться? Заглянет в кувшинчик, а потом в книжечку посмотрит: нет, скажет, не грех ходить к М-фе лечиться, да так до трех раз. Я отца Амбросия спрашивала про сон-то, а он и говорит: ничего, говорит, это тебе, значит, так от Бога дадено. Ну, и другие монахи, самые божественные, тоже, ничего, дозволяли.

— Что же ты многим помогаешь?

— А как же? Дам испить, умыться — и полегчает. Иные приказывают умываться-то сквозь скобку, а я так — и ничего, — помогает».

Не менее простодушно рассказывала про свое лечение другая орловская знахарка, Наталья.

«Ведь я тоже бабка, — сообщает она, — и помогаю, как могу: умываю я. С глазу приключится что, с недоброго слова, либо еще с чего, умою — и как рукой снимет. Матушка-покойница научила меня. Не колдовство это какое, дочка, говорила она мне, а Божеское дело, потому с молитвой творится. Дала она мне махонький образок Божия Матери, Сиропитательница называется, и велела спускать крещенскую воду и умывать той-то водой. Ну, вода-то у меня всегда есть, какая годов пять стоит, бережешь так-то и для себя, и для добрых людей. Умою так-то — и поможет. По осени нонча кум мой крышу крыл да и упал оттуда. Повредил руку, разнесло ему ее, как подушку. Пришел ко мне и говорит: помоги, кума, Христа ради. Будто и упал-то легко, так катом и скатился, ан вот что! Давай поворожу, смеюсь я ему. Спустила водицы, дала ему руку мочить, да велела на

другой день приходить. Приходит на другой день веселый такой: ну, кума, руке-то лучше, говорит. Лучше? И слава Богу, куманек, говорю я. Пришел так до трех раз — и прошла боль»*

Процесс лечения заговорами

Очень часто заговоры делались знахарем на воду. Будучи наговорена, она получала чудодейственную силу и способность снимать всякую болезнь.

Наговоренной водой больного сначала поили, а потом «умывали» особые знахарки, которых называли «умывальщицами». Лечебное значение такой воды еще более увеличивалось, если ее «спускали» с креста или иконы, иначе говоря, обливали их этой водой и собирали ее в подставленную чашку.

Целебную силу воде можно было придать и другими способами. Для этого следовало «пропустить» воду через дверную скобу, и, кстати, само умывание больного производилось в таком случае на пороге избы.

Необыкновенные свойства воде можно было сообщить также, опустив в нее комок глины, камешек или кремень, иногда самый обыкновенный, а иногда принесенный с Афона или Гроба Господня. Но всего лучше действовала та наговоренная вода, в которую опускали «громовую стрелу» — оплавленный ударом молнии песок, — одну из тех таинственных стрел, которыми стреляет с неба в чертей Бог во время грозы.

В некоторых губерниях России «громовыми стрелами» назывались простые лучинки с дерева, в которое ударила молния. Таких щепочек для умывания больного брали девять штук. Знахарка зажигала такие «стрелы» и, набрав в рот воды, брызгала через них на больного с такой силой, что лучинки гасли.

Но поскольку «громовые стрелы» было не так просто достать, то их часто заменяли угольками из печи. Стоило только уголек с наговором опустить в стакан с водой — и это уже была вода совсем с другими свой-

* Цит. по кн.: *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

ствами. При чтении же заговора надо было зажечь еще четверговую свечу*

Иногда для увеличения силы действия заговора к уголькам присоединялись хлеб, соль и другие предметы. При посредстве такого комбинированного способа производилось умывальщицами «смывание глаза».

Старуха-знахарка брала небольшую чашку, наполняла ее водой и сыпала в нее щепотку соли. Затем, перекрестившись, подходила к печке, брала из нее горячий уголь, опускала его в воду и начинала, смотря в печку, что-то нашептывать. При этом сама, подергивая плечами и раскачиваясь, сильно и часто зевала, отплеывалась в разные стороны и приговаривала: «ТЬфу, тьфу, пропасть, ишь ты, окаянный, ишь ты, негодный, ну и глаз! На-ко, кормилец, выпей, да перекрестись, перекрестись прежде», — наставляла она затем больного.

Затем, дав три глотка воды, умывальщица опрыскивала ему голову, лицо и шею, руки и ноги, спину и грудь. «Ну, теперь усни, голубчик, постой, я тебя одену, вот так, покрепче», — говорила старуха, укутывая больного с головой.

Довольно своеобразный прием применялся знахарями при лечении от «обурочения» (порчи). Секрет здесь заключается в следующем: воду надо черпать не против, а вниз по течению реки. Зачерпнув и придерживая края ковша руками, знахарь наклонялся над ним и читал заговор (см.: с. 54—55).

Наговоренной водой больного поили и умывали, спускали «капелек десяток за пазуху, на сердце», а затем велели ему «немного соснуть».

Другим общим приемом знахарской терапии являлось «прикалывание» больного. Оно применялось значительно реже, чем умывание, и совершалось при помощи каких-нибудь остроконечных предметов — иголки, гвоздя, лучинки, а иногда шейного креста. Подобно тому как при первом способе производилось «смывание» болезни, здесь, при посредстве уколов больного места, достигалось ее изгнание.

Помимо таких общих существовали и некоторые

* Свеча, с которой стоят в церкви на Страстной неделе во время чтения Евангелия.

специальные приемы. Один из них, при испуге, употреблялся некоторыми курскими знахарками для «выливания страха». «Как же это ему страх-то выливали?» — спрашивали про ребенка, подвергшегося такой знахарской манипуляции. При этой процедуре ребенку ставили на голову блюдо с водой, лили туда воск и читали специальный заговор:

«Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Как мать сыра земля не боится ни стуку, ни бряку, так бы и раб Божий (имя и отчество) не боялся ни испугу, ни переполоху, ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером. Как вода омывает, очищает и уносит пески и ржавчину, так бы и раб Божий (или раба) очищались, омывались от болезней, от испуггов, от переполохов и не боялись бы они ни испуггов, ни переполохов, ни дневных, ни ночных, ни утренних, ни вечерних. Аминь».

После прочтения заговора, опять же с приговорами, воду выливали.

Существовал и еще один способ лечения от испуга: над больными «сливали жир». Сажали больного на порог, давали ему чашку с непитой водой, брали сковороду с растопленным салом, выливали его в чашку и причитывали: «Прошу Матушку-кормилицу, Пречистую, Пресвятую Богородицу, со всеми Твоими ангелами и со святыми апостолами и мучениками, помоги и пособи рабу Божию (имя)».

Так «сливали жир» несколько раз, рассматривая будто бы вылившееся чудовище, которого испугался больной. Сало, которое сливалось в воду, сжигали в печке, а воду выливали «наотмашь».

Снимался «переполох» (испуг) и еще одним способом. Лекарка щипала лучину, зажигала лучинки* и опускала их в чашку с водой. Потом шла к тому месту, где, по

* Лучину заготавливали зимой — впрок. Делалось это в суровое время года потому, что в холодные месяцы деревья «засыпают» и в их стволах не так много сока, как весной или летом. На лучины рубили березы и распиливали их на чурки длиной не более 80 сантиметров. Раскальвали их пополам, снимали кору и сушили целый год. Если лучину плохо высушить, то она, сгорая, будет трещать и шипеть. Когда наступали темные вечера, поленья дополнительно просушивали в печах и специальным ножом-лучевником щипали лучину до 3 сантиметров в ширину и толщину.

предположениям, случился переполох, и там говорила: «Двенадцать недугов, двенадцать переполохов, денные, полуденные, ношные, полуношные, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь».

Воду давали больному выпить.

При «*криксе*» (при постоянном крике и бессоннице у новорожденного) знахарь брал блюдо с водой, шейный крест, два угля и, держа на руках ребенка, нашептывал воду и молился, ломая угли и опуская их на блюдо с водой. При этом читался заговор:

Заря-зарница, красная девица,
Утренняя заря Прасковья, Крикса, Фокса,
Уйми свой крик и дай младенцу сон.
Заря-зарница, молодая девица,
Вечерняя заря Соломонея, Крикса, Фокса,
Уйми свой крик и дай младенцу сон.

После этого знахарь погружал туда крестик и этой водой спрыскивал ребенка.

При лечении болезней при прорезывании зубов у младенцев знахари начинали с того, что убеждались в правильности диагноза. Для этого лекари пальцами лезли ребенку в рот и искали зубы. Нашупав, говорили: «Ох, девушка ты моя, смотри, какие зубищи большие выросли, а голова-то как горит: словно ты из котла его вытащила». Затем ребенка брали на руки, находили в стене сук и начинали вокруг него водить пальцем и приговаривать: «Сук, сучище, возьми свои зубищи, от младенца Ивана, крещеного, пораженного». Совершив эту манипуляцию трижды, знахари каждый раз вновь лезли пальцами ребенку в рот и надавливали на прорезающиеся зубки.

Иногда болезнь пускалась с больного как бы в пространство. При крике у детей, непременно на заре, приносили ребенка к ворожее. Та брала его на руки, делала крестное знамение и до трех раз говорила на зарю: «Заря Марья, заря Дарья, заря Марианна, возьми крик с младенца денной, полуденной, часовой, полчасовой, унеси ты в темные леса, в крутые горы»*

* Несомненно, многие из заговоров, заключающие в себе обращение к небу, светилам, заре, грому, ветрам и т. п., первоначально

При этом, держа ребенка на руках, знахарка кланялась на зарю, а иногда подкрепляла лечение обращением к печке, говоря: «Матушка-печурка, тебе на стоянье, а ангельской душеньке на здоровье. Во веки веков, аминь».

При ознобе ощущение холода изгонялось знахарями следующим заговором: «Мороз ты, мороз, не стой за спиной, гуляй ты по лугам и долам, по лесам и рощам, обсыпай морозом деревья, а не людей, выйди на простор, в чисто поле».

С болью поясницы поступали еще более просто, приказывая ей: «Боль, выйди вон, в лошадиные копыта, в бараньи рога, тут тебе не стоянье, тут не жилье тебе».

Детей, у которых от ползания по грязному и неровному полу появлялись на коленках ссадины и язвы, знахарь избавлял от страдания заговором: «Войдите вы, раны, в лесные охраны, нападите на хищных зверей и на их детей». При этом знахарь плюет на раны и размазывает слюну.

Также незамысловато лечились сыпи и коросты у детей. «Сойди, нечистота, — обращался знахарь к коростам, — отвались ты, скорлупа, в широкое море, сядь ты на дно морское, сядь, не подымайся и к детям не прививайся».

Освобождение от болезни и «пускание ее в пространство» не всегда носит такой неопределенный и общий характер, а иногда посылается на определенно обозначаемый объект. При этом, подобно происхождению болезни от действия какой-нибудь неодоухотворенной причины, и передать ее можно любому неодоушевленному предмету.

В Вологодской губернии знахари чрезвычайно просто передавали «скрыпун» притвору двери. Для этого защемляли больную кисть руки в притвор двери

были молитвами стихийным божествам. В эпоху христианства эти древнейшие воззвания были «подновлены» вставками имен Спасителя, Божией Матери, апостолов и разных угодников. Многие заговоры были до такой степени переделаны сообразно с новым вероучением, что вошли в состав требников XV—XVII столетий под именем молитв.

или ворот, произнося три раза: «Притвор, ты, притвор, возьми свой скрипун». После чего мыли больному руки мылом и говорили: «Как у мертвеца ничего не болит, не щемит, не слышно ни тоски, ни болезни, так бы и у раба Божия (такого-то) ничего не болело, не щемило, и не слышал бы он ни тоски, ни болезни».

Не менее просто передавались человеческие болезни птицам и животным. «Когда ребенок, — рассказывала одна знахарка, — выходит у кого-нибудь из козявки криком, мать бьется, бьется, приходит ко мне и просит полечить ребенка от криксы. Я беру его в полу, в правую, и иду под нашест, под куриную, прочту Вотчу и говорю я курам: “Куры рябья и куры черная, куры красная и куры белая, возьмите вы Иванову криксу и дайте покой рабу Ивану и денной, и ночной, и полунощный” И до трех раз так-то выговариваешь и три раза плюнешь».

«Крик» передавался курам и другим способом. Для этого брали кружку воды, вели больного в «курник» и начинали брызгать водой на сонного петуха, место которого, а именно, где он сел на ночь, примечали засветло. Когда петух, проснувшись, кричал, приговаривали: «Петух-хрип, возьми с младенца Ивана хрип, а ему дай сон».

Заговор на излечение младенца от крика и бессоницы вообще часто произносился под куриным нашестом. После его произнесения знахарка плевала на землю три раза и три же раза дула ребенку в лицо. Заговор звучал так:

«Добрый вечер, куры рябы, куры белы, куры серы. Мы к вам пришли, рабы Божии, младенца от криксы-плаксы принесли. Певны-петушечки, ранняя кочеточки, пойте, распевайте, раба Божия, младенца криксу-плаксу вынимайте. Денные, ночные, полуденные, полуночные, глазные, от белого глаза, от серого и от черного, и от худого часа, и от плохой минуты, выговариваю, выкликаю: выходите, выступайте от раба Божия, младенца (имя), из костей, из горячей крови, из плотного живота, из железного сердца, из буйной головушки. Мы вас выкликаем, мы вас вызываем, мы все высылаем на красные зори, на ясные звезды, на курины жердья».

Очень любопытен способ передачи «собачьей старости» (детской болезни) щенку, практиковавшийся в некоторых местах Пензенской губернии. Там топили баню и несли туда ребенка и маленького щенка. Знахарка мыла в корыте сначала щенка, а потом в той же воде ребенка и заканчивала лечение тем, что парила их вместе на полке, ударяя веником по ребенку раз, а по щенку — два раза.

Иногда для передачи «собачьей хили» от ребенка щенку применялся совершенно другой прием. Их привязывали вместе к хлебной лопате, всовывали в горячую печь и били прутом, попеременно, ребенка и щенка, чтобы «хиль» перешла с одного на другого.

Это сажание в печь ребенка при «собачьей хили» представляло в некоторых местах совершенно самостоятельный прием лечения и носило название «*перепекание младенца*». Основанием для этой операции служило то, что будто бы такой ребенок не «допекся» в утробе матери. Ритуал чаще всего совершался следующим образом.

Утром, когда начинали топить печку, призывали бабку-знахарку. Она брала ребенка, клала или сажала его на хлебную лепешку и до трех раз подносила лопату с ребенком к устью печки, а мать ребенка шла в сенцы, смотрела в дверь и говорила:

«— Бабка, бабка, что делаешь?

— Перпекаю младенца Алексея.

— На что?

— Выгоняю из него собачью старость.

— Перпекай же и выгоняй собачью старость, чтобы не было отрыжки».

Знахарка, еще не сняв ребенка с лопаты, приказывала поймать щенка и посадить его под корзинку позади себя. Когда это исполняли, тогда лекарка говорила: «Перпекла младенца Алексея, выпекла из него собачью старость. На собачью старость дую и плюю, а младенца Алексея целую».

Потом, обратясь задом к младенцу, бабка начинала плевать и дуть на щенка, а затем три раза целовала ребенка. После этого в корзинке, под которой лежал

щенок, ребенка купали в теплой воде, настоящей на соломе, поднятой с перекрестка дорог.

Выкупав ребенка, щенка выгоняли из избы, приговаривая: «Иди ты, собака, и разноси свою собачью старость от младенца Алексея по буграм, по лугам, по бугоркам, по пашням, по лесам, по садам, по кустам и прочим местам, чтобы твоя старость не сушила младенца Алексея и не крушила его отца с матерью».

На ребенка надевали свежее платье, а старое сжигали в печке и золу разведали по воздуху, воду же, которая осталась от купания, выливали под печку.

Потом бабка брала ребенка на руки, подносила его к печке, поднимала три раза вверх, приговаривая: «Будь теперь, мой внучек, со столб вышины, с печь толщины», — а затем передавала дитя матери, и лечение заканчивалось.

Обряд «допекания» недоношенных, ослабленных, страдающих лихорадкой или золотухой младенцев, когда их клали на печную заслонку или хлебную лопату и три раза засовывали в хлебную печь, произнося заговоры, имеет отношение не только к культу целительного огня, но и, как полагают ученые, к культу мертвых. Недоношенные или рахитичные дети, похожие на крохотных старичков, дети-уроды считались как бы «перепутанными», происходящими из мира мертвых, а печь (очаг) была тем священным местом, которое служило своеобразным мостиком между этими мирами, ведь под очагом в глубокой древности хоронили умерших. Кроме того, печь могла ассоциироваться с беременной женщиной, а извлечение хлеба — с родами, и тогда более уместно говорить о магическом законе подобия, на котором строится этот обряд.

Своеобразным видоизменением этого способа являлось так называемое *перерождение ребенка*, предпринимаемое в тех случаях, когда он рождался недоношенным и слабым. Для этой операции мать с ребенком шла к знахарке. Та брала ребенка, клала его на пол и накрывала корытом, в котором стирают белье. Затем она выбирала какой-нибудь хрупкий камень и изо всей силы ударяла им по дну корыта, так что камень весь рассыпался вдребезги. Сделав это, лекарка вынимала

ребенка из-под корыта и приказывала матери снять с себя верхнее платье и остаться в одной рубашке, а затем раздевала донага ребенка и пропускала его сверху вниз через ворот рубашки матери.

Иногда приемы знахарей и содержание заговоров так же необычайны, бессмысленны и фантастичны, как необычайны и не оправдываются никаким здравым смыслом воззрения народа на причины болезней.

В Череповецком уезде для снятия кил знахарь клал в какой-нибудь маленький сосуд дрожжи и, заставив больного наклониться над печным шестком, приказывал три раза проговорить: «От кил каменных, чугунных, железных, стеклянных и деревянных, от мертвых, сонных и живых», — и всякий раз плюнуть в сосуд.

В Саратовской губернии от кил одна знахарка наговаривала на вино. Взяв полбутылки вина и прочтя заговор, она обводила вокруг бутылки лошадиной костью и дула в сосуд. Вино это больному она приказывала пить по зорям.

Заговор звучал следующим образом:

«Прошу Божию Матерь, Пречистую Богородицу, помоги и пособи рабе Божией (имя). Не я хожу, не я лечу, ходит Матерь, Пречистая Богородица, лечит Своими устами, прикалывает Своими перстами. Ты, шишка, разомнись, ты, кровь, разойдись. Как ты, кость, пала, так чтобы все скорби-болезни пропали; как ты, кость, онемела, так чтобы все скорби-болезни онемели у рабы Божией (имя). Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, аминь (трижды)».

По словам крестьян, очень удачно лечил килы знахарь из деревни Заречье Череповецкого уезда. Система его лечения заключалась в том, что он брал кусочек глины из устья печки, обращенной на восток, опускал в деревянное масло или водку и произносил: «Во имя Отца... не от килы мозга, не от камня плода, не от петуха яйца, во веки веков, аминь», а затем читал молитву «Отче наш». Слова заговора и молитву лекарь произносил трижды и наговоренным маслом или вином смазывал килу, которая сейчас же будто бы прорывалась и проходила.

При хрипоте у ребенка, вследствие сильного бронхита или коклюша, а по соображениям некоторых

крестьян, оттого, что в нем «младенчик стоит», знахарки ставили мать этого ребенка против солнца, вертели на левой пятке, брали из-под нее землю и растирали ею ребенка.

Совершенно непонятные на первый взгляд процедуры проделывали знахарки при лечении от «стыя»^{*} Когда взрослый человек или дитя «сохнет», знахарки выбирали из него «степь».

Больного ставили к стене, измеряли его рост ниткой и завязывали узелок, мерили суставы ног и рук больного и опять делали на нитке узелки. Сделав такие измерения, ставили посреди избы скамейку, с дырой посредине, подкладывали под нее черепок с горящими углями и сажали на скамейку больного. После этого из каждого угла избы брали по щепотке мху, мели пол против «матицы» и собранный сор, вместе с вынутым мхом и ниткой, клали в черепок и сжигали. Если больной кашляет в это время — будет здоров, а если нет — останется больным или умрет.

В данном случае измерение — это уже и есть лечение. Как и всякий счет, оно наделено магическим значением: размеры человека символически заключают в себе его сущность, поэтому архаические культуры проявляют пристальное внимание к любым величинам.

Посчитав соседский скот и птицу, можно нанести соседу прямой ущерб, ибо такой счет вредоносен: он делает считающего «господином» считаемого, и после него следует ожидать падежа скотины, воровства или других неприятностей.

Впрочем, как и во многих других случаях магический целительный обряд измерения в позднее Средневековье также включается в культ святых и теряет свой «колдовской» характер: святым жертвуют свечи размером в рост, вес человека, обхват головы или тела.

Как ни просты были все эти лечебные способы, существовал еще более простой способ избавиться от болезни — это *напугать ее*. В Череповецком уезде существовало даже особое слово «запуги» для обозначения тех суеверных приемов, которые употребля-

^{*} Исхудание, сухота, то же что «собачья старость».

лись для этой цели. Такие запуги в некоторых случаях сопровождались выполнением довольно-таки грозной операции.

Вот как в Новгородской, Вологодской и Орловской губерниях лечилась «запугом» поясничная боль (утин). Больной ложился на пороге избы с обнаженной поясницей. Производящий операцию знахарь становился на одну сторону с топором в руках, свидетель по другую, первый замахивался топором и прикасался его острием к пояснице больного, второй спрашивал: «Что ты делаешь?» — «Утин рублю». От свидетеля поступало приказание: «Руби его больше, чтобы и близко не было» — и тот начинал махать топором над поясницей. В Юхновском уезде (Смоленская губерния) операция эта, для верности действия, совершалась непременно на трех порогах, а в Сарапульском уезде (Вятская губерния) ее могли производить только первенцы и последыши в семье.

Видоизменение этого способа в некоторых местах заключалось в том, что знахарка клала больного ничком на лавку и начинала кусать поясницу. «Грызи, грызи, — поощрял знахарку больной, — чтобы не было отрыжки».

В одном из таких приемов, где также видно стремление передать и вместе «запугать» болезнь, обнаруживаются замечательная дикость и бессердечие. Для лечения «грызи» у детей некоторые орловцы ловили полевую мышь и привязывали к задней ноге ее нитку. Раздев ребенка, сажали его на стол и дразнили пойманную мышь, чтобы она укусила ребенка за больное место. После того как укусит, мыши прокалывали иглой глаза, протаскивали чрез них суровую нитку и подпоясывали ею ребенка, а мышь пускали в поле, приговаривая:

«Неси ты, мышь, Андрееву грызь. За то тебе прокололи глаза, чтобы не воротилась с грызью назад».

Иногда болезнь выгонялась по принципу «подобия». Так, при лечении от загноения раны считалось необходимым взять горсть земли и, ходя при закате солнца вокруг больного, сыпать между пальцами землю и говорить: «Тридцать червей и три червяка. Один чер-

вяк из нашего (имя) выпади и все пропади. Поди вон, как между пальцами сыпались. Дай Бог холод, солнце за лес, черви вон».

Глава седьмая

Знахари-травники

«Народные лечебные средства заимствуются из всех царств природы — растительного, животного и минерального», — писал профессор Высоцкий, один из первых наших медиков, серьезно занимавшийся народной медициной.

Растительное царство «доставляет» наибольшее число народных лечебных средств. Из трав готовили отвары, их прикладывали к больному месту, ими окуривали больных и все помещение, подвешивали в доме над кроватью или над порогом, носили при себе как амулеты.

«От всякой болезни растет в лесу травка»

Народ убежден, что от «всякой болезни растет в лесу травка», а один старинный лечебник учит: «неотменно убо есть от былия земного врачеватися».

Старообрядцы-раскольники лечились исключительно растительными средствами; по их понятиям, травы и корни были указаны нам самим Богом, а лекарства аптечные — поганы; принимать их грешно, ибо они выдуманы людьми.

В русском народе бытовала легенда, что когда Бог пожелал сотворить человека, то начертил на песке его фигуру, а дьявол подошел и сделал на ней 77 ран-дырок. Тогда Бог сказал: «Ты сделал 77 ран, а Я создам 77 трав для излечения их». Точно так же верили, что всякий человек может иметь 77 недугов и от каждого из них есть целебная трава. В соответствии с народным убеждением, существуют и травы, помогающие от всех 77 недугов. В древности составляли специальные «Травники»,

которыми и в наши дни пользуются народные целители. Но для того чтобы травы имели надлежущую целебную силу, надо собирать их умеючи — в определенное время, с соблюдением известных условий и обрядов.

Секреты применения некоторых трав русский человек подсмотрел у природы. Так, по одной легенде, случилось с подорожником, который в деревне часто называли еще попутником, порезником, ранником и чирьевой травой. Как-то раз знахарь видел, как на солнце на дороге грелись две змеи. Появилась телега и переехала одну змею, которая совсем разомлела на теплом песке. Ее товарка добыла на обочине лист подорожника, вылечила свою подругу — и они уползли в лес. А знахари с тех пор стали прикладывать подорожник ко всяким ранам да нарывам.

По древним народным верованиям, силу врачевания имеет даже самая ничтожная травка. Полезная для мужчины, она не всегда, однако, бывает полезной и для женщины. Одни из них назначены природой в лекарство женатым, другие — вдовым мужчинам, одни — замужним женщинам, а другие — холостякам и девицам. Для самого сбора трав нужно знать некоторые слова и молитвы, а равно правила, как рвать травы. Одну траву нельзя срывать голый рукой, другую необходимо сорвать самому больному.

Принимая отвар из трав, больной должен поститься, и если будет чувствовать облегчение, то об этом никому не говорить, иначе пользы от лечения не будет.

Кто выжимал сок из травы для лекарства или пил траву, как чай, тот выжимки или выварки не должен был кидать в лохань или на двор, а должен непременно бросить в печь.

Приписывая травам силу врачевания, говорят, что красивые травы, с цветами, созданы более для красоты, чтобы пестрели ими луга и леса, а простые — для врачевания больных и на корм скоту.

Хотя в народе утвердилось мнение, что число лекарственных растений нужно считать многими сотнями и даже тысячами, число их, по исследованиям земских врачей, едва достигало 150. Очень часто название траве давалось по «имени» болезни, против которой

она употреблялась. Такова, например, нечисть-трава, в отваре которой мыли ребят от «чесу»; обжорная трава, настой которой употреблялся для аппетита; лиховая — от зубной боли; замайковая — при кори; колун, или усовая, трава — при колотье в боку; уразная — при ушибе; литячечная — при «литячках» на лице у детей.

Вера в чудесные и исцеляющие свойства растений и деревьев носила и носит смешанный христианско-языческий характер.

Священно Божие дерево, которое Сам Бог насадил в раю прежде всех деревьев, священна верба, которой нельзя топить печей, и священны те деревья, которые выросли на месте когда-то стоявшей тут церкви и которые могут идти на постройку только новой церкви или часовни.

Такого дерева никто и никогда не должен рубить. «Это все равно что залезть в церковь и там вырубить бревно, — говорили о такой порубке крестьяне. — Если же кто срубит, у того или из детей кто умрет, или его самого кто-нибудь убьет».

В некоторых деревнях считалось грехом срубить всякое старое дерево, и срубивший его, по мнению народа, или сходил с ума, или «сламывал себе руки или ноги», а нередко и умирал. Такой же неприкосновенностью пользовались деревья на кладбищах и в священных и заповедных рощах. Кто срубит хоть одно такое дерево или только осквернит его чем-нибудь, того неизбежно постигнет какое-нибудь несчастье: он ослепнет, захворает или умрет. В таких рощах нельзя было веселиться, играть и водить хороводы. Нередко при них устраивались часовни.

Одна из таких рощ, Белаевская, существовала в Марьяевском уезде Костромской губернии. Предание говорит, что в ней была раньше церковь и что роща эта святая. С Пасхи до Вознесения, ночью на каждый праздник, происходили в этой роще богомолья, на которые собирались преимущественно женщины, которые пели стихи и канон Пасхе.

Знахари, приписывая целебные свойства самой земле, на которой растет роща, клали за пазуху этой земли бесноватым и кликушам, и она выгоняла из них «вселившихся бесей».

В некоторых местах верили в существование так называемого «буйного дерева». Такие деревья попадались в сосновых и еловых лесах и обладали необыкновенной разрушительной силой. Найти их могли только знахари. Будучи срублено и вместе с другими деревьями попадая на постройку избы, оно могло сделать так, что дом, без всякой причины, рушился и давил обломками хозяев. Даже щепочка от такого дерева, положенная под мельницу или плотину, разрушала эти сооружения. Молния чаще всего ударяла в эти буйные деревья, и всякий знающий человек, то есть знахарь, никогда не садился во время грозы под сосну или ель, а всегда под березу.

Целебные свойства имели лишь отдельные деревья. Под такие деревья клали больных, поили их отваром цвета и листьев с этого дерева, окатывали с него водой детей, грызли кору и древесину при зубной боли.

Об одном таком дереве сохранилась этнографическая запись XIX века из города Троицка:

«Это три липы, растущие из одного корня, остатки еще не так давно бывшего здесь громадного липового леса. Дерево это в славе не у одних только троицких крестьян, но и у всех окружающих жителей, верст на 20—30. О происхождении его существует такое предание.

Давно, еще в ту пору, когда Троицк был острогом, а кругом стояли леса, жила в Троицке «проста-свята-девка», часто уходившая в соседний лес помолиться. Однажды, с целью изнасилования, напал на нее один парень и убил, в чем после чистосердечно признался. Похоронена она была в том самом месте, где найден был ее труп. И вот, спустя несколько времени, из колена убитой выросли три липы, обладающие чудодейственной силой и излечивающие от всяких недугов. Деревья эти так и называются — «исколено»

Существует убеждение, что если начать рубить их, то при первом ударе топором покажется кровь, и даже передают такой случай. Один поп со становым задумали срубить это дерево и согнали народ с топорами. Несмотря на все увещания и даже угрозы станового, никто из крестьян не решался исполнить этого требования. Тогда он и поп начали рубить его сами. Но

только что ударили, брызнула прямо в глаза им кровь и ослепила. Прозрели они только тогда, когда сознали свою вину и съездили к дереву попросить прощения.

Кроме силы исцелять болезни, этому дереву приписываются и другие необыкновенные свойства. Если к этому дереву хоть раз в год будет ходить на поклон девушка, то ее не коснется никакая порча, и хотя и будут любить парни, но они же будут охранять ее целомудрие. Поэтому каждая мать считает своей обязанностью ездить вместе с новорожденной дочкой на поклон к «исколелу».

Русский народ верил в силу ясеня, сосны и можжевельника оберегать человека от порчи.

Считалось, что ясень смиряет змей, повергая их в состояние транса. Змея становится послушной знахарю, если у того есть при себе ясенева палочка или платок, окунутый в отвар коры или настой золы ясеня.

Травники

Знахари, как мы уже говорили, в основном лечили русский народ молитвами, заговорами и травами. Так как одному человеку было трудно удовлетворить все запросы, касающиеся человеческих недугов, то почти каждым знахарем избиралась своего рода специализация. В предыдущей главе мы рассказали о знахарях-шептунах, которые лечили заговорами. В этой речь пойдет о травниках. Но необходимо отметить, что в «чистом виде» специализаций среди народных лекарей не существовало. Все они употребляли заговоры и травы — только одни больше, другие меньше, что и дает право условно разделить их на «специалистов».

Между такими специалистами были особые «знатки» по внутренним болезням, дающие для питья больным разные травы — сухой зверобой, мяту, ромашку, смородиновые или березовые почки, такие вещества, как деготь, скипидар, купорос, «бель» (сулему) или окуривающие больных киноварью и травами. Эти же «знатки» нередко останавливали кровотечение, засыпая раны сажей, золой, табаком, толченым сахаром, чертовым

пальцем, или лечили нарывы, прикладывая к ним собственного изделия пластыри из красного воска и серы, муки с медом, творога с тестом.

Надо сказать, что встречающиеся в старинных травниках рецепты настоев внушают доверие и сегодняшнему человеку:

«Смолистые березовые почки, собранные весной и настоянные в пенном вине, составляют отличный, ранозелительный бальзам, который с пользой употребляется для примачивания ран, происшедших от ушибов и порезов. Березовые почки, настоянные в деревянном масле, весьма полезны в ревматических болях; масло это готовится таким образом: на бутылку масла положи две горсти почек, поставь в теплое место, дай стоять две недели, потом процеди масло и хорошенько выжми почки. При употреблении должно масло подогреть, чтоб оно было теплое, и натирать больную часть тела, ложась в постель.

Сосновые шишки собираются, когда они еще в почках, снаружи бывают покрыты желтой шелухой, внутри зеленые, при осязании клейки, запах имеют ароматический; готовят их следующим образом: взяв сосновых шишек две горсти, воды шесть стаканов, поставь в печь в вольный дух, в глиняном горшке, вари, пока укипит четвертая часть, процеди сквозь салфетку, дай остыть, слей в бутылку, прибавь два стакана хорошего белого виноградного вина. Отвар сосновых шишек полезен в цинге, он чистит кровь и способствует всем телесным отделениям. Сухие сосновые шишки, смешанные пополам с можжевельновыми ягодами, составляют здоровое курение, им можно курить для очищения воздуха в кухнях, в хлевах и курятниках».

К одной старухе-лечейке в Сойгенском приходе крестьяне брели за 60—70 верст. Один из пошехонских знахарей пользовался славой как необыкновенный специалист по лечению запоя.

К числу таких «известностей» принадлежал и знахарь села Городища Орловской губернии. Все болезни он лечил травами, которые собирал раз в год в день Ивана Купалы. Еще до восхода солнца он отправлялся

на телеге в лес, брал с собой несколько человек рвать траву, которую указывал, набирал этой травы целый воз, привозил домой, высушивал, делал настои и раздавал их больным большими бутылками.

Таких известных знахарей, которые лечили по странным «цветникам» — сборникам рецептов трав, передававшимся из поколения в поколение, на Руси было довольно много. Многие из них лечили бесплатно.

Вот как рассказывал этнографам о своей практике один из травников:

«Я ни колдовством, ни заговором не займовался, а были у меня коренья разные, дюже пользительные, от всех болестей, а больше всего от порчи. Приезжало ко мне лечиться народу столько, что, бывало, подвод более десятка каждый день подле двора стояло. Про меня вся округа знала: из-под Малоархангельска, из-под Кром, из-под Орла, бываючи, едут, даже купцы и те не брезгали.

Раз привезли ко мне молодайку одну из Кошелева. Вся распухши она была: нутро болело у ей, и лицо, как железо, синее стало. Чего-чего с ней не было, три месяца она болела и на голоса тоже кричала. Четыре холста пролечили свекры на нее, и по докторам, и по бабкам ездили — ничем не изняли. Как привезли ко мне, сотворил я молитву, посмотрел по своей книге, што дать, взял, натопил кореньев — про такой случай у меня всегда вода горячая в печке держалась, и два чайника железных было у меня — дал ей пить и рассказал, сколько дней приймасть надоть.

После приезжали они ко мне, недель через пять, и благодарили, што я ее на ноги поставил. Тут-то я не признал эту молодайку — личность совсем изменилась: такая здоровая да румяная она стала.

За лечение я не брал много, а сколько кто даст. Конечно, ково выпользуешь, так тот и сам хорошо заплатит: сколько раз бумажек по пяти и больше давали.

Нашлись у меня завистники и донесли на меня попу и уряднику, што я чернокнижией занимаюсь. Я ничево не знаю, сижу дома. Глядь, ко мне в хату приходит поп с урядником, а избу понятые окружили. Наперво поп обратился ко мне и говорит:

— Ты, Михайло, сказывают, лечишь народ по книжкам от всяких болезней, так покажи нам свои книги.

Я ему наоборотно говорю:

— Лечу, батюшка, это правда, и у меня разные коренья и травы есть, да и книга тоже есть. По ей разбираю, каких кореньев от какой хвори дать, и с молитвою творю это, а вреда никакого не делал людям. Я, говорю, хоша при вас, какую угодно траву оттоплю и сам попробую, и больным даю.

Урядник как крикнет на меня:

— Ты не разговаривай с нами, а подавай свои книги и коренья, а мы их становому представим. Загонит он тебя в Сибирь за это лечение.

Я не спужался, открыл укладку, где книга моя лежала и коренья.

— Извольте, — говорю, — брать укладку, тут все лечение мое, только, прошу я вас, не растеряйте листиков из книги, да корешков не трусите, дюже трудно собирать их.

Урядник отвез укладочку мою к становому, ён и книгу, и коренья к доктору в Яковлево отправил, а доктор посмотрел на мою книгу и сказал: “Это безвредная книга, ‘Травник’ называется”

Так все и отдали мне назад. В тот же год случился пожар, и укладочка моя сгорела. Теперича, какая по памяти знаю травки, те и собираю каждый год, а лечить совсем мало стал».

Большинство знахарей, применяющих при лечении травы, обыкновенно знания свои тщательно скрывали от непосвященных, расспросы о способах лечения редко достигали своей цели и узнать от них что-либо положительное было очень трудно.

Между тем очень часто лечение их давало прекрасный результат. Так, Г. Попов с удивлением писал об известном ему случае исцеления знахарем из Васильсурского уезда Нижегородской губернии больного, искусанного бешеной собакой. Лекарь лечил его каким-то одному ему ведомым настоем. Факт, что собака была действительно бешеной, был установлен неопровержимо, у больного наблюдались неодолимая тоска, потеря аппетита, и его положение было признано безнадежным со стороны врача.

Говоря о народных лекарствах растительного происхождения, нельзя не сказать о том, что среди них имеется целый ряд средств, многими из которых пользовалась и пользуется научная медицина. Скажем лишь о некоторых из них. Это:

1) общие и местные жаропонижающие средства: соки кислых ягод — клюквы, смородины, с водой, для внутреннего употребления; свежие листья: капусты, подорожника, мать-и-мачехи* — для прикладывания на воспаленные части тела;

2) потогонные средства: горячие настои липового, бузиного цвета, малины, крапивного семени, для внутреннего употребления;

3) слабительные средства: кора крушины, огуречный и капустный рассолы, чернослив;

4) вяжущие и противопнозные средства: отвар дубовой коры, шалфея, розовых цветов, черемуховой коры; порошок из сухих толченых ягод черемухи, отвар сухой черники;

5) противогинготные средства: лук, чеснок, черемша, квашеная капуста, хрен, дрожжи;

6) мочегонные средства: отвар можжевельных ягод, листьев и почек березы, отвар семян и листьев петрушки;

7) ветрогонные и противоспазматические средства: отвары кудрявой и перечной мяты, семян тмина, укропа;

8) средства для остановки кровотечений и перевязки ран: порошок угля, гнилого дерева, сухого дождевика, трут;

* В народе живет очень красивая легенда о возникновении этого растения. У одной матери была бесконечно любимая дочь — и вдруг девушка умерла. Мать, потеряв самое дорогое, отдала умершей всю свою ласку и тепло. Из них-то — материнской ласки и любви — и родилась мать-и-мачеха. Войлочной стороной листа безутешная мать укрывала могилу дочери. Однако у женщины, потерявшей дочь, была еще и падчерица. Не любила ее мать умершей девочки и всегда смотрела на нее косо. Потому и сторона листа растения, обращенная к миру людей, — холодная да суровая: так смотрит уже не мать на дочь, а мачеха на свою падчерицу.

9) противолихорадочные средства: настойка подсолнечника, отвар лимона, ивовой коры;

10) противоглистные средства: полынь, пижма или дикая рябинка, семена тыквы.

В конце XIX века врачи и аптекари издали в России несколько книг, посвященных русским «цветникам», «исстари с испытанными народными способами и средствами из растительного царства природы, с приложением словаря местных названий (по губерниям) всех этих трав и цветов». Научная медицина признала многие народные методы лечения травами.

Вот как в одном из самых известных таких изданий («Русский народный лечебный травник и цветник», составленный аптекарями В. Горецким и Вильком, под редакцией доктора Вл. Второва) описывается полынь:

«Полынь есть многолетнее растение, прозябающее почти во всех странах России и Сибири, близ жилых мест, около дорог, иногда и на улицах, а часто и на каменистых местах. Цветет на исходе июня и в июле.

Все части полыни, как свежей, так и сухой, имеют запах сильный, благовонный, вкус весьма горький. Нижние листья полыни сильнее вкусом, чем верхние. Высушенная полынь теряет часть своего вкуса, а сваренная в воде и совсем его лишается. Полынь в аптеках употребляется со стеблем, листьями и цветочками. Листки имеют наибольшую силу в начале весны. Для лечебного употребления собирают растение в июне, и либо сушат в тени, либо делают из свежего разные лекарственные составы, например: воду, вытяжку, масло, кашку, сироп, эссенцию и проч.

Кипяток, налитый на свежую или сушеную полынь, получает приятный полынный запах и прегорький вкус.

Траву употребляют вместо чая в водяной болезни и в других припадках, происходящих от бездействия внутренних органов. Такое питье приятнее холодноватое, чем горячее.

Полынная перегнанная вода имеет полынный запах и не очень горький вкус. Полезна в несварении желудка и от глистов. Полынная водяная вытяжка весьма горька. Эта вытяжка, внутрь употребляемая, помогает в пере-

межающихся, тридневных и четырехдневных лихорадках, в завалах печени и селезенки, в подагре и для направления испорченной желчи.

Полынное масло, добытое перегонкой, бывает цветом темновато-зеленое, запахом слабее полыни, а вкусом хотя и не столько горькое, однако рождающее жар. Из 25 фунтов полыни добывают перегонкой от 6 до 10 золотников полынного масла. Один золотник этого масла, растворенный в самой крепкой водке, употребляется внутрь по несколько капель на сахаре или в чае, против бессонницы и для отвращения корчи, судорог и рвоты.

Полынная кашка делается из мелко изрубленной свежей полыни и достаточного количества сахара.

Полынный сироп готовится из свежего полынного сока. Оба эти состава употребляются внутрь в водяной болезни и перемежающихся лихорадках.

Полынная эссенция есть сок, выжатый из свежей полыни, к которому прибавляют хлебную водку или же наливают водкой сухие полынные верхушки и ставят в теплом месте; настаивают также французской водкой или виноградным вином. Некоторые утверждают, что полынная эссенция, употребляемая каждое утро по ложечке, полезна в каменной болезни.

Сверх того на полыни, свежей или сухой, перегоняют водку, которая считается крепительным для желудка лекарством. Иные посредством брожения с полынью делают разные вина, а некоторые кладут полынь в пиво, когда оно окиснет или когда еще только бродит, и такие напитки употребляют, как обыкновенное питье, словом: полынь употребляется в разном виде и в разных случаях, как внутрь, так и снаружи.

Внутреннее употребление полыни вредит старикам сухого телосложения; напротив того, полезна престарелым, многомокротным и худосочным. Вредит и тем, которые подвержены родимцу и склонны к прострелу.

Некоторые люди от природы вовсе не могут терпеть полыни, а иные от употребления ее страдают головной болью.

Снаружи полынь употребляется в разном виде и в разных случаях.

Полынь, сваренная в морской воде, предотвращает антонов огонь.

Горячие пары полынного отвара похваляются для отвращения припадочной глухоты.

Полынный лист, размоченный в водке и, в тряпочке, приложенный к пупку детей, страдающих глистами, убивает последних. Лист, растертый с виноградным вином, уксусом и ржаным хлебом и приложенный снаружи к предсердию или около желудка, унимает рвоту.

Свежая полынь, а в случае недостатка и сухая, размоченная и приложенная к подошвам или икрам, полезна при отеках ног; растертая с яичным белком и приложенная к так называемым синякам или опухольям от побоев или ушибов, уничтожает их.

Верхушки полынных цветков с листочками, сухие, мелко раздробленные, зашитые в мешочки и приложенные ко лбу или к вискам, производят сон, прогоняя бессонницу».

Из приведенной цитаты становится ясно, что знания знахарей-лекарей действительно были серьезными и основанными на многовековых наблюдениях русского народа. Недаром цитируемый «Русский народный лечебный травник и цветник» выдержал до революции 1917 года не одно издание. Нам же остается добавить, что полынь использовали в русском народе и как оберег от русалок и ведьм. А еще она служила приворотным средством. В зимние Святки дома и дворы окуривали полынью, чтобы преградить в усадьбы путь нечистой силе.

Лечебные растения употреблялись знахарями или в свежем, или, что чаще, в высушенном виде.

Свежие части растений — цветы, листья, корни — или прикладывались на больные части тела «цельными», или измятыми в кашицу, или съедались больными, или из них выжимались соки, которые давались больным сырыми или прокипяченными.

Высушенные растения назначались: растертыми в более или менее мелкий порошок, внутрь с водой, квасом или посыпанными на черный хлеб; гораздо чаще из сухих растений делались настойки на водке или водяные отвары.

Последние готовились различно. Некоторые травы заваривались кипятком и настаивались как чай, другие «утапливались в печи». Для этого растения клали в глиняный муравленный горшок (глиняная посуда была желательна), заливали их кипятком, закрывали крышкой и оставляли в теплом месте на несколько часов. Остывший отвар процеживался и давался больному.

Надо сказать, что знахари были часто более добросовестны, чем врачи и аптекари, которым в одном из медицинских изданий, посвященных травам, дается следующее наставление:

«Травы и листья сильно пахучих или душистых растений собирать должно молодые, сочные, довольно зеленые, пахучие, перед разворачиванием их цветных почек (*gemmae*). Однолетние растения собираются, когда листья совершенно распустятся и цвет начинает развиваться; двулетние — до прозябания стебля; многолетние — в начале их расцветания или когда уже цвести начинают.

Травы и листья зеленеющие собирать можно все лето; но весеннее время к сему предпочитается; притом избирается хорошая и сухая погода, когда растения не овлажняются ни утренней, ни вечерней росой, а потому ясный день и самое полуденное время для срывания трав расцветающих или отцветающих, или отцветших уже, признаны способнейшими.

Собравши, очистить листья от твердых стебельков и от гнилых поблекших или посторонних листочков.

Травы, собираемые со стебельками, связывают в пучки и вешают в тенистом, солнцем согреваемом и ветром свободно продуваемом месте. Листы же одни, в подобном сему месте, для скорейшего высушивания и предохранения от порчи или гнилости, расстилать можно тонкими слоями.

При высушивании многих, а особенно сочных листьев, не бесполезно употреблять искусственную теплоту — комнатную или умеренную печную; причем сила оных и естественный цвет весьма удобно сохраняются. Листья же Омега пестрого (*Conium maculatum*) и подобных ему растений, одаренных тонким летучим

веществом, по высушении истереть тотчас в порошок и хранить в стеклянном сосуде, хорошо закупоренном.

Примечание есть верное, что природные наши растения, в деревнях ежегодно заготавливаемые и собираемые в сухое лето, суть действительнее и лучше сохраняемых в аптеках иноземных средств. Ибо опытные травоведы все вообще целебные растения, собранные ими во время (около Иванова дня) и на своих природных местах, умеют хорошо сберечь от сырости, плесени, гнилой порчи и других повреждений, уничтожающих лучшие их силы. Они привешивают их в мешках или кульках в сухом месте; сырые же содержат в холодных покоех или погребах, куда бы мороз проникнуть не мог. Свежие корни, назначаемые для развода, хранят тоже в погребах, зарыв в песок, и весной высаживают.

При хранении трав и листьев должно остерегаться, дабы не смешивать оные с другими растениями, особенно сильно действующими или ядовитыми, которые всегда должны быть сохраняемы отдельно в различных местах. Равным образом, для избежания худых следствий, могущих произойти от испорченных или оставшихся растений, надлежит оные тотчас отделить и не употреблять в составлении лекарств. Но некоторые корыстолюбивые аптекари редко выполняют это правило, имеющее столь важное влияние на здоровье. Заметить должно, что нововысушенные корни, травы, цветы, семена, плоды и корни бывают сильнее годовалых, оставшихся».

Магическая сила трав

Несомненно, что травы и зелья, получаемые из них, обладали для «пациентов» знахаря особой магической силой. Эта целебная сила — метафорически понимаемая жизненная сила, которая пронизывает все живое на земле и обеспечивает жизнь, здоровье, плодородие для всего сущего.

В народной медицине, магической по своей природе и сути, лечение травами и по сей день основывается не только на их «естественных» целебных свойствах.

Многие растения из тех, что применяются в народной медицине и вообще в магии, на самом деле не имеют или почти не имеют целебного эффекта.

«Лечение — всегда ритуал, и всякое средство в нем, даже самый простой отвар из трав, является тщательно разработанным ритуальным символом, о первоначальном, глубинном значении которого теперь можно строить только догадки, — пишет Ю. Е. Арнаутова. — Роль растений в мифопоэтических представлениях и их использование в ритуальной практике в большей степени определяются наличием особого растительного (“вегетативного”) кода в культуре и принадлежностью к многочисленным системам классификации, нежели их “естественными” свойствами. К. Леви-Строс подчеркивал, что все растения и животные известны человеку не потому, что полезны, напротив, многие считаются полезными, так как уже известны, включены в единый глобальный классификационный комплекс, при помощи которого человек ориентируется в окружающем мире, а “причины, по которым общества выбирают для использования некоторые естественные продукты, что, в свою очередь, приводит к созданию особых обычаев, или же от них отказываются, зависят не только от присущих этим продуктам свойств, но также от придаваемого им символического значения”

Символическим значением или, иными словами, “магической силой” многие растения и другие предметы наделяются в культуре “автоматически”, на уровне бессознательных коллективных представлений, в основе этого процесса лежат сложные семантические механизмы. К примеру, столь популярный в любовной магии и как средство от бесплодия корень мандрагоры имеет вид человеческой фигурки без головы. Нить, которой производили измерения больного, чтобы исцелить его таким образом, или которой связывали в пучки целебные растения — красного цвета, а красный цвет, как известно, в магической практике является субститутом крови. Чеснок, отгоняющий всякую нечисть, обладает резким запахом, так же как и рута, подобно многим ароматическим растениям нашедшая применение в культе мертвых — ее сажали у могил, венки из нее воз-

лагали покойникам на голову. Перед нами — простейшие формы семантизации, когда предмет наделяется символическим значением на основе его отдельных характеристик по форме, цвету, материалу. Каждая из этих характеристик в свою очередь может иметь дополнительный символический смысл (символика круга, креста, цвета) и может коррелировать с более общими классификаторами, характерными для мифологической модели мира, например, с основными семиотическими оппозициями: внутренний—внешний, живой—мертвый, правый—левый, день—ночь и т. п.».

И далее: «Сбор трав и приготовление снадобий из них издревле сопровождалось определенным ритуалом, предназначенным или наделить их магической силой, или активизировать уже имеющуюся. Едва ли существовало в Средние века хотя бы одно дикорастущее целебное растение, которое не собирали бы в строго определенное время, например, при убывающей луне, или до восхода солнца, или “пока не высохла роса”, чистыми и пустыми руками, или, напротив, имея в руках что-нибудь железное, избегая прикасаться руками к земле, молча ли, с заклинанием или какой-нибудь иной церемонией. Мандрагору, например, чтобы лишить ее изначальной вредоносной силы, долго мыли в текущей воде, которая еще в дохристианской мифологии разных европейских народов считалась очищающей и вообще благотворной во всех отношениях. Число стеблей, собранных в пучок, также не было произвольным: 3, 7, 9, 12».

Собирание целебных и чародейных трав издавна приурочено нашим народом к определенным дням.

Так, лечебные травы с особыми заговорами да обрядами срывали *23 мая*, в день Симона Посева, Симона Гулимона, а иначе — в день памяти святого Симона Зилота, когда наши предки праздновали именины матушки сырой земли: копали коренья, собирали зелья у болота.

Но для того чтобы травы имели надлежащую целебную силу, надо собирать их умеючи — в определенное время, с соблюдением известных условий и обрядов. Очень важно и время сбора. Так, срывать белоцветку

одномесечную (*Anemone Altaica Fisc.*) и прострел (*Pulsatilla patens Mill.*) надо обязательно, пока их «не окуковала кукушка».

Копытник (*Asarum europaeum*) собирается лишь тот, у которого пуговки (плоды или цветы) смотрят на восток, а если на север, то его обходят.

Корень Христов (*Aconitum septentrionale*), слывающий за растение, укывшее под своими листьями Христа от воинов Ирода, берут только истыканный, гладкий же считается «смертельным».

Иные травы срываются так, чтобы на них не ложилась тень.

Синий зверобой (*Campanula cervicaria*), отвар которого женщины пьют, чтобы «золотник (матка) не маял», стараются отыскивать там, где не слышно петушиного пения, ибо целительная сила, по мнению повитух, есть только в экземплярах, выросших вдали от пения петуха.

Действие одного и того же средства может быть различно, смотря по способу его добывания. В Минской губернии вишневая кора употреблялась при расстройстве менструаций с такими объяснениями: кора, снятая сверху вниз, уменьшает и останавливает кровотечение, а содранная снизу вверх — усиливает и вызывает «крови». Крестьяне употребляли сок из коры бузины и как рвотное, и как слабительное, потому что если кора соскабливается утром (перед или вскоре после восхода солнца) и притом снизу вверх, по длине корня, то выжатый сок производит рвоту, а при соскабливании наоборот — сверху вниз — сок послабляет.

Собранные целебные травы связываются в пучки и высушиваются где-нибудь на подволоке, чердаке, «на вольном воздухе».

9 августа (по новому стилю), на Паляя Целителя, а Палием в народе называли святого целителя Пантелеймона, которому молились в разных болезнях, тоже собирали лечебные травы да коренья.

12 августа, в Силин день, многие травы «от земли брали силу». Но особенно важно было успеть собрать в этот день листья лопуха. Их в народе считали «оттягивающими жар»: при высокой температуре и голов-

ной боли их привязывали к затылку. Листья лопуха также прикладывали к кровоточащим ранам и обертывали ими больные суставы. Лопух применялся в русском народе даже для лечения сифилиса и при цинге. Кроме того, лопух использовали как оберег для защиты от вредоносных сил, особенно тот, который был собран в день Купалы.

О лопухе читаем в старинном травнике:

«Корень лапушника полезен в накожных сыпях, также в продолжительных ломотах, в виде декокта или отвара. Приготавливается он следующим образом: возьми десять золотников корня лапушника, вари его в трех фунтах воды до тех пор, пока половина жидкости испарится. Принимать отвар сей раза четыре в сутки, по стакану.

Со́к листьев лапушника, смешанный посредством растирания с миндальным, маковым или льняным маслом, составляет зеленую мазь, весьма полезную в заживлении ран и истреблении лишаев. При употреблении намазывают ее на корпию и прикладывают к больному месту, а сверх корпии кладут свежий лапушниковый лист.

Мазь из лапушника употребляют также в ожогах, но тогда прибавляют к ней немного меда. Сохранять ее должно в холодном месте, а чтоб лучше сберечь, то можно ее один раз вскипятить».

С 16 августа по 1 октября собирали прикрыш-траву (горец), которую называли также «матерью-королевой ядов». Ее чаще всего употребляли как «противоядие» от свадебной порчи.

Но самыми главными, конечно, для сбора трав были купальницкие дни.

Аграфена Купальница и Иван Купала

6 июля (по новому стилю) в русском народном календаре называется Аграфеной Купальницей и Аграфеной Лютые коренья.

Святая Агриппина известна в народе русском под именем Аграфены Купальницы. Причиной такого

названия послужило то обстоятельство, что предки наши еще в языческие времена с 23 июня (старого стиля), памяти святой Агриппины, начинали одно из важнейших языческих своих празднеств Купалы. В этот день красавица Купальница ехала с охапкой лесных и луговых цветов и с целебными травами да кореньями в гости к своему жениху — Ивану Купале.

Купальница, Купала и следующие за ними Петры-Павлы в представлении русского народа сливаются в один большой праздник — проводы весны.

В этот день особую силу приобретает купальница. Наши поселяне купальницей называли особенную траву, известную под именем кошачьей дремы (*trollius europaeus*). Другие это имя относили к лютику (*ranunculus*). Этой траве приписывают разные целебные действия. На Ваге и в Вологодской губернии собирали утром траву купальницу, когда она бывает еще в росе, и сохраняли в склянках для лечения. В селах из этой травы взрослые делали веники и парились ими в банях. Дети из нее плели венки, колпаки, шапки и надевали их на головы во время игр.

В этот же день, помимо купальницы, собирали колючие да жгучие растения: шиповник, крапиву, репейник и сжигали их, чтобы избавиться от несчастий и злой судьбы.

Веники, сломленные на Аграфену, весь год считаются чудодейственными. Для магической силы в них должны быть ветки березы, ольхи, черемухи, ивы, липы, смородины, калины, рябины и по цветку разных видов.

Для зимней бани важно было именно в этот день заготовить веники. Каждый веник имеет свой эффект, поскольку в парной, когда человек «охаживает» себя веником, эфирные масла, попадая в организм, улучшают в нем обмен веществ и способствуют омоложению и очищению организма. Недаром в народе говорили: «В который день паришься, в тот не состаришься».

Знахари знали, что березовый веник помогает при ломоте и болях в суставах и мышцах, ускоряет заживление ран и нарывов, а дубовый веник очищает кожу и делает ее матовой. Липовый же веник, по мнению русского народа, помогает избавиться от головной боли и

успокаивает. Именно липовым веником парили лекари больных при простудах, поскольку он понижал жар.

На Руси исстари велось париться в этот день утренней порой в банях, а днем купаться в реках или прудах. Поселяне Рязанской губернии день сей называли Лютые коренья. Старые люди, моясь в бане, парились лютыми кореньями в надежде помолодеть. В степных селениях вместо соломы набрасывали в печь жгучей крапивы и на ней парились. Все это делалось для исцеления болезней.

Больных старух и хворых людей выносили в баню на жгучей крапиве и парили целебными травами.

Купание в реках начиналось с полудня и продолжалось до вечера. Купались с песнями и играми. Пока одни купались, другие на берегу пели песни. В некоторых областях старушки-знахарки выходили с детьми умываться к студентам. Здесь они, умывая детей, бросали в студенцы медные деньги, старые сорочки или дарили их нищей братии, или сжигали в лесу.

Мы уже говорили в разделе, посвященном колдовству, что для предохранения от ведьм, которые в эту ночь имели особую силу, на подоконники клали жгучую крапиву, а на порог — осиновое деревце, непременно вырванное с корнем.

Крапива считалась очень сильным оберегом от вредоносных сил, колдунов и ведьм благодаря своим «жгучим» свойствам.

Осина же имела двойственное значение. Мифология ее была обусловлена особенностями ее «физиологии»: дрожанием листьев даже при тихой погоде и красноватым оттенком древесины, которые напоминали о том, что на ней повесился Иуда. Листья осиновые трепещут, как трепетал от страха Иуда, а красный цвет коры и листвы осенью напоминает о пролитой Иисусом Христом крови.

Осина — единственное дерево, не признавшее Христа во время бегства в Египет. Она не склонилась перед ним во время крестного пути. Прутья, которыми бичевали Иисуса, и крест, на котором его распяли, были осиновыми.

Осина — проклятое дерево, близкое вредоносным

силам, но вместе с тем оно использовалось для отгона упырей, против чар ведьм и колдунов.

Славяне считали: чтобы вылечиться от лихорадки, больной должен идти в лес, поклониться осине и сказать: «Осина, осина, возьми мою тряси́ну, дай мне леготу». После этого больной перевязывал ствол дерева своим поясом и выздоравливал.

На Купалу травы были в соку, и потому сбор лечебных корней и зелий накануне Ивана Купалы особенно важен. С ночи Аграфены Купальницы на утро Ивана Купалы, как говорят легенды, цветут волшебные травы: ревун-трава, сон-трава (она же прострел-трава), адамова голова, тирлич, колюка, папоротник, одолень-трава, архилин, разрыв-, прыгун-, скакун- и плакун-трава.

Ревун-трава, или ревенка, была заветной добычей в этот день зелейщиков. Только на Купалу на заре ревет и стонет корень этой травы. Его не так-то просто вырыть из земли, а длинные сочные черешки листьев скрипят. Эти поразительные звуки пугали человека, отчего и стали наделять растение русские люди волшебными свойствами. Ревенка же трава в наши дни называется ревенем.

Одолень-травой наши предки называли кувшинку. Название это, как считается, произошло от слова «одолевать». В народе верили, что водяные лилии могут одолевать нечистую силу и недуги. «Кто найдет одолень-траву, — говорится в одном травнике, — тот вельми талант себе обрящет».

Листья и цветы кувшинки считались помогающими от судорог и головокружения, а корневище — от отсутствия аппетита. Лечение производилось не столько приемами внутрь, сколько подвешиванием растения или его частей у кровати больного. При этом для приготовления всех этих лекарств рекомендовалось обходиться с растением с особенными предосторожностями: срывать его только к ночи, сушить в тени на северной стороне и непременно в висячем положении, так как иначе лекарство не поможет.

Да и вообще, собирая цветы кувшинки с лечебной целью, надо было поступать совсем иначе, чем с дру-

гими цветами: рвать лишь в известные часы, заткнув уши и обратившись к ним предварительно с ласковыми словами. Поговорив таким образом, следовало внезапно протянуть руку и сорвать цветок. Отрезать же серпом, ножом или вообще чем-то острым было строжайше запрещено, так как иначе стебель начнет истекать кровью, ведь в кувшинки превращались русалки*, и отрезавший будет преследоваться тяжелыми снами или даже будет втянут в воду возмущенными таким поступком другими водяными девами.

Цветы белых кувшинок также не следовало никогда приносить в дом, так как это грозило гибелью всего домашнего скота.

Отваром одоления предки наши лечили зубную боль

* О русалках известный собиратель украинских легенд и сказаний М. Маркевич говорит так: «Русалки — это водяные красавицы; они бледны, но черты их выразительны, стан волшебный, коса — ниже колен. Ночью при луне они выходят на берег озер, рек и ручьев, нагие, в венках из осоки и древесных ветвей.

Черны косы, рассыпая,
С обнаженных плеч бегут,
По волнам перегибаясь,
Вслед за девами плывут.
Грудь высокая колышется
Сладострастно между вод —
Перед ней волна утишится
И задумчиво пройдет...»

Выйдя на берег, русалки садятся на траву, расчесывают свои косы или ведут хороводы. Иногда они скрываются в кустах, в траве. На заре, когда крестьянские девушки идут на реку за водой, русалки их ждут.

Чтобы обезопасить себя от русалок, надо брать с собой в лес пучок полыни. Встретит русалка, засмеется и спросит: «Что у тебя — полынь или петрушка?» Надо тут же крикнуть: «Полынь!» — «Прячусь под тын!» — отвечает русалка и исчезает. Если же ответишь: «Петрушка» — спасения не будет. «Ах ты, моя душка!» — обрадуется водяная дева и защекочет до смерти.

Русалки живут в подводных хрустальных чертогах, построенных из раковин, где блещут жемчуга, яхонты, серебро и кораллы.

Русалки превращаются иногда в кувшинки. По одной из славянских легенд, русалки боялись влюбленного в них солнца и только ночью водили свои хороводы на берегах рек и озер, а днем превращались в дивной красоты кувшинки. Поэтому наши предки считали, что, сорвав кувшинку, человек обрывал хрупкую жизнь водяной девы и совершал великий грех.

и отравления. Кроме того, отвар кувшинки считался у них любовным напитком, способным пробуждать нежные чувства в сердце жестоких красавиц; а с корневищем пастухи обходили поле, чтобы ни одна скотина не пропала.

Корню славяне приписывали также важное предохранительное значение во время путешествий.

Всякий, кто отправлялся на чужбину (особенно торговый человек), должен был запастись этой травой и произнести следующий заговор:

«Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя девки просто-волосые, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили, отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды!.. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца во всем пути и во всей дороженьке».

Адамова голова, по словам И. П. Сахарова, «находится в большом уважении у поселян. Чародеи собирают ее в Иванов день и хранят скрытно до Великого четверга. По народному понятию, чародейская сила адамовой головы простирается только на уток. Охотники, получившие эту траву из рук записного чародея, окуривают все снаряды, употребляемые ими при ловле уток, в Великий четверг».

О *тирличе* мы уже рассказывали в третьей главе. Это — золототысячник, обладающий, по поверьям русского народа, необыкновенной силой. Он не только помогает ведьмам летать на Лысую гору, но еще и смягчает гнев властей. Эту траву, нося ее за пазухой, девушки применяли, чтобы очаровывать парней.

Архилин — фантастическая трава, которую собирать надо было около больших рек. Срывали траву знахари через золотую или серебряную гривну. Эта охранительная трава помогала от сглаза и порчи. Считалось, что носящий ее избегнет вредоносных чар колдунов да ведьм.

Сон-травой на Руси называли белладонну. Она также

была известна нашим предкам под именами прострела, сонного дурмана, сонного зелья, бешеной вишни и красавки.

Красавкой траву называли потому, что после натирания щек соком ягод на лице долгое время горел румянец. Кроме того, деревенские красавицы закапывали сок этого растения в глаза, отчего зрачок расширился, а глаза ярко блеснули.

Белладонна — действительно «колдовская» трава, входит в состав многих чародейных мазей и напитков. От такого зелья человек может погрузиться в дрему, а если положить траву под подушку, то ночью в сонных видениях человеку является его будущее. От съеденных плодов у человека появляется двигательная активность, безудержный смех, зрительные, слуховые и обонятельные галлюцинации и ощущение полета.

В русской народной медицине красавку всегда применяли с большой осторожностью и редко, обычно в качестве болеутоляющего и снимающего спазмы лекарства.

Сон-траву называют еще и прострелом, потому что существовала в народе легенда о том, как давным-давно стала прятаться за эту траву нечистая сила. Один из архангелов, чтобы разделаться с нечистью, метнул громовую стрелу и прострелил траву сверху донизу. С тех пор нечистый обходит прострел стороной и к носящим его не приближается ближе чем на 12 верст.

В старинном травнике говорится о простреле: «Кто носит траву при себе, от того человека дьявол бежит. В доме его — добро держать, а хоромы строить — под угол класть, жить стройно будешь».

Не менее чудесной была и *разрыв-травка*, при помощи которой было легко преодолеть все запертые двери и снять с человека оковы и узы. Какая именно это трава, этнографам достоверно выяснить не удалось, поскольку ее иногда путали с плакун-травой и прыгун-травой. Но какая бы трава это ни была, русский крестьянин был уверен: если разрыв-травы в кузницу бросить, то кузнец не сможет работать.

Разрыв-травка цветет в полночь, и в старинных травниках сказано: «Держи цвет не долее, сколько нужно,

чтоб прочитать “Отче наш”, “Богородицу” и “Верую”
Затем начинай косить. На которой траве коса переломится в Иванову ночь, та и разрыв-травя». Чтобы определить, которая из скошенного на месте перелома косы разнотравья — разрыв-травя, надо бросить всю охапку в реку. Обычная травя поплывет по течению, а разрыв-травя — против.

Легенды о разрыв-траве очень похожи на рассказы о цветке папоротника. Чтобы обрести травя, надо отыскать гнездо черепахи и выждать, когда она оставит его. Тогда гнездо надо огородить железными прутьями, чтобы несчастная, вернувшись домой, не смогла в него войти. Тогда черепаха сползает куда надо и принесет разрыв-травя и с ее помощью освободит себе проход к гнезду.

В историческом романе И. Лажечникова «Басурман» приводится еще один способ обнаружения этого удивительного растения:

«Духи ночи произвели на свет чудодейную разрыв-травя. Сила ее разрушает крепчайшее железо. Прикосновение ею к мечу изломает его в куски. Она скрывается от ока человеческого во глубине непроходимых лесов: стерегут ее вечно по два змия, которые на день и на ночь сменяются. Орел, царь птиц, один имеет дар и силу достать ее из-под этой стражи. Вели слугам своим сыскать в окружных лесах орлиное гнездо с птенцами. Теперь самая пора, когда они оперяются. Изготовь сеть, сплетенную из прутьев толщиной с клинок меча, прикажи подстеречь, когда орел и орлица полетят на добычу для своих детенышей. Остается орлица, спугни ее. Тогда должно прикрепить сеть над гнездом так, чтобы птицам-старикам нельзя было ни пролезть к детям, ни давать им пищу... Между двух зорей орел достанет разрыв-травя, разобьет ею сеть и спрячет травя в гнездо на другой подобный случай. Теперь наступит пора твоих подвигов... Помни, когда будешь совершать свой подвиг, духа человеческого, кроме твоего, не должно быть ближе ста сажень, ни один человек не должен видеть, как ты будешь брать чудодейственную травя».

Добывший травя человек обретет власть и способность предсказывать будущее.

Травя *калюка*, которую собирали не только на Купа-

ду, но и на Петровки, как пишет И. П. Сахаров, «сбирается во время вечерней росы, засушивается, хранится в коровьих пузырях и раздается по особенному распоряжению птичьим охотникам. Поселяне думают, что ружье, окуренное этой травой, метко стреляет и ни одна птица не ускользнет от его выстрела и что такое ружье нельзя уж заговорить кудеснику никакими заговорами».

Многие растения в эту ночь приобретают магические свойства. Так, славяне верили, что если взять девясил, сорванный в ночь на Ивана Купалу, высушить и истолочь в порошок, смешать с серой амброй, а потом носить его в ладанке на себе девять дней, а потом растворить в воде и дать выпить (или подмешать в еду) любимой особе, то любовь предмета страсти будет обеспечена.

В этот день (в ночь на Купалу) гадают. Собирают 12 разных трав по паре (то есть всего в букете должно быть 24 «корешка») и кладут их под подушку. Во сне явится суженый. Также просят, чтобы приснилось то, что будет в этом году.

Но основной сбор целебных трав приходился на 7 июля, день, который в русском календаре называли Иван Купала или Иван Травник.

Дохристианский русский праздник Купала совершался в самое время летнего солнцестояния, когда солнце достигает самого высокого и крайне сильного влияния на землю, после чего оно начинает свой поворот на зиму. На этом основании предки наши считали даже церковный праздник Рождества Иоанна Предтечи собственно началом лета.

В Северо-Западной Руси 24 июня (старого стиля) поселяне имели обычай приносить в церковь к обедне для освящения огромные венки и пуки зелени, и все это потом употреблялось против наваждения нечистой силы, против переполоху и т. п.

В Малороссии праздник Рождества Иоанна Предтечи называется в народе попросту Иваном Гулящим, как видно оттого, что день этот исстари проводился с разного рода народными удовольствиями, забавами и развлечениями.

Народное празднество, справляемое на Руси в Ивановскую ночь, известно во всем славянском мире. Отличительные обряды этого празднества: зажженные костры, песни, игры, перепрыгивание через огонь и крапивные кусты, купание ночью в росе, а днем в реках, пляски вокруг дерева майского и погружение его в воду, сбор трав, поверье о полете ведьм на Лысую гору.

Купала и купальские огни известны более в Великой России, Малороссии и Белоруссии. Купальский огонь часто добывали при трении из дерева и называли его: *живым, лесным, царем огней, лекарственным.*

В этот же день купались в озерах и реках, а после купания людей купали там и лошадей хворых. В день Ивана Купалы от купания проходили решительно все болезни, только купаться надо было между утреней и обедней.

Знахари знали, что в Ивановскую ночь деревья переходят с места на место и разговаривают друг с другом, а шелест их листьев и есть беседа. Разговаривают друг с другом и животные, и травы.

Символом праздника Купалы стал цветок иван-дамарья. Сочетая в себе желтое и голубое, цветок как бы отражал купальское значение огня и воды, столь широко используемых во время праздника. Недаром даже в веники для парной на Купалу втыкали иван-дамарью для большей «действенности» бани.

В купальских обрядах переплетались мифологические представления и о дающем жизнь мужском начале и о вынашивающем жизнь женском начале. Праздник «макушки лета», наивысшего расцвета природных сил, стал и апофеозом человеческой любви, а иван-дамарья — воплощением сильной любовной страсти. Даря его, признавались в любви.

Но легенды о возникновении цветка говорят о другой любви — преступной. По одной из них, брат и сестра не ведали о своем родстве и вступили в брак. За грех кровосмешения они были превращены богами в цветок, но не расстались и после смерти. По другой легенде, брат и сестра сами превратились в цветок, только чтобы не терять друг друга. По третьей — брат убил

сестру, соблазнившую его, а она перед смертью попросила посадить на ее могиле цветок — это и был иван-да-марья.

В народной медицине употребляли иван-да-марью наружно — от сыпей, зуда, ревматизма, подагры, а внутрь — при атеросклерозе, кашле и бронхите, как мочегонное и от болезни живота.

В ночь на Ивана Купалу лекари смачивали росой ска-терть, воду выжимали в бутылку и мазали этой водой глаза. Так лечили все глазные болезни. «Умоешься купальской росой — будешь здоров и счастлив весь год», — утверждали в народе. Под ивановскую же росу клали собранные травы — чтобы они стали еще целебнее.

Из муравейников лекари добывали в этот день целебное масло. В садах, под корнем чернойбыльника, отыскивали земляной уголь, исцеляющий черную немочь и падучую болезнь.

В Малороссии собирали голубые сокирки, васильки*, пунцовый мак, желтый зверобой, ноготки, разноцвет, мяту, канупер, колокольчики, полынь. Из этих трав свивали купальский венок, а полынь носили под мышками, в предохранение от обаяния нечистой силы.

Зверобой называли «здоровой травой» и «ивановской травой», ибо считали, что он зацветает на Ивана Купалу. Зверобой отгонял вредоносную силу, лихорадку, предохранял человека от нападения диких зверей. Стебель зверобоя, положенный в обувку, охранял от злых духов.

По зверобою в ночь на Ивана Купалу гадали: скручивая его, смотрели, какой сок появится: если красный — то человек, на которого гадали, любит; бесцветный — не любит.

Научная же медицина признала зверобой только в 1950-е годы. Химический состав зверобоя таков, что он

* Василек русский народ считал цветком русалок. О нем сложена красивая легенда, в которой рассказывается, как в глубокую старину русалка увидела красивого юношу Василия. Когда он подошел к реке, чтобы умыться, она явилась ему во всей красе. Полюбил ее Василий, но никак не соглашался на уговоры русалки отправиться с ней жить под воду. И тогда превратила водная дева юношу в красивый цветок, который и назвала его именем.

обладает мочегонным, противовоспалительным, кровоостанавливающим, желчегонным, вяжущим, тонизирующим и антимикробным свойствами, укрепляет нервную систему.

Великороссы думали, что с этой ночи появляются светлячки — ивановские червячки. Дети, кладя их на ладонь, говорили: «Иванушка, Иванушка! Полетай за Волгу, там тепленько, а здесь холодненько».

А еще в день Ивана Купалы, считал русский народ, следует быть особенно осторожным, ибо только раз в году слепая змея-медянка получает зрение на целые сутки, а потому делается очень опасной: бросаясь, как стрела, на человека, она может пробить его насквозь. Против змей есть несколько верных средств. Одно из них — трава вероника, которую крестьяне звали «змеиной травой». Считалось, что Бог создал ее для уничтожения ядовитых гадов. Идя по ягоды, в лапоть всегда клали цветок вероники, чтобы змея не укусила.

В эту ночь можно искать клады. По русскому поверью, в ночь на Купалу земля разверзается, чтобы клады могли либо «прослушиваться», либо на свет являться.

Клады на Руси, как правило, закапывали в землю и хоронили их как можно лучше и «потайней».

Заклинали клад, чтоб чужому человеку в руки не давался, а иногда при помощи заговора завещали клад на определенного человека и оставляли ему указания, как найти спрятанное. Частенько зарывали клад на «столько-то голов». Это означало, что клад достанется тому, кто «будет из числа пытавшихся взять клад, сверх означенного числа лиц». Например, если клад заговорен на тридцать голов, то он дастся в руки тридцать первому его искателю.

Клады обычно охранялись — колдунами, духом умершего владельца и даже Огненным змеем.

На глаза человеку клад может показаться в разных обличьях — золотой веткой, барашком с золотой или серебряной шерстью, петухом, телятком, конем, волком или блуждающим огоньком. Но показывается клад только тогда, когда приходит его время. Клад может показаться и исчезнуть.

Чтобы заполучить клад, надо ударить по нему наотмашь чем попало, и тогда на месте призрака окажутся деньги. При добыче клада надо «очертить себя кругом», желательно круг провести железным или стальным ножом. И ни в коем случае нельзя оглядываться.

При этом при отрывании клада надо произнести заговор, который, как правило, в старые времена знали только ведуны:

«Трисвятый Владыко, страшный, и страшно имя Твое, Элои, Тфеос, Саваоф, Господь сотворивый человека по образу и по подобию Своему, давший ему власть жизни вечная и отпадша велиим грехом, незрелый, но устроивый, воплощением Христа твоего спасение миру, и паки придет судити живых и мертвых; от гласа Его все громаы загремели, восколебалась земля, разрушились горы, и обнажились основания вселенной, и явятся сокровища земная. Да будет ныне втуне стража приставников. За сопротивление твое обыдут тя болезни ада и сети смертныя. Да не наведеша трепет и ужас приближающимся и призирающим и сретающим мя к поклаже сей на девять сажень, на тридевять и на девять девятой, ничтоже в глазах затмит и помрачит; яко приведет выну быти с нами Заступнице Пресвятой Богородице. Господи, да будет молитва наша, яко кадило пред Тобой, приму жертву не вечернюю и услыши нас молящихся Тебе и отверзи нам двери, их же никто же может затворити; Ты сам изрек устами Своими, аще веруете и речете горе сей верзися в море и будет вам; и мы веруем и рцем: да будет приставник с поклажею пред нами; и положит пред ногами нашими без страха и да не наведет ужаса, и да не коснется здравия нашего и не повредит семейства нашего. Сего ради беру с поклажи земли показати приставнику путь; сего дела полагаю трехместное обиталище. Первое мучить языки непознавших Господа нашего Иисуса Христа, — дондеже познают и обратятся. Второе мучить ругающихся над святыней Господней и третье в непроходимыя места, из трех еже хочещи. Аще же будещи непокорлив и не послушен, за сим последует на тя от Триипостасного Господа Бога нашего велие проклятие. Отлучаю тя, приставниче, именем страшных и многоочитых и шестокрылых херувимов и серафимов, двема крылома лице свое покрывающих во еже не опалитися от неизреченныя славы Божества; и гласом своим небо исполняющих Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф исполни землю и небо славы Твоя, аминь».

Прочитав означенную молитву, мастер (знахарь) брал чашку с водой и, чтобы видеть в ней, где именно нужно рыть клад уже отчитанный, и читал над водой следующие слова: «Матушка красное солнце, как ты освещаешь своим светом видение зрака, такожде покажи рабу Божию (имярек) поклажу сию; а ты, матушка свежая вода, покажи в себе от небеси и земли сквозь камня и песка и красной глины во славу всех святых».

Известный в Симбирской губернии кладоискатель, мещанин Андрей Михайлов, умерший в 1854 году, оставил записку следующего содержания:

«В книге “Измарагд новый”, сиречь “Путеводитель”, которая та книга у Михея Петровича Мингалья в саду была, на странице третьей сказано о поклажах:

“Зри, яко во Священном писании глаголется, о великой поклаже царя Соломона; она, поклажа та (неисчетны сокровища, два тьму таланта злата), с кораблем у Тира и Сидона потонула, и к тому ж не обрящется до скончания века, и дана бысть оттоле, по попущению Божию, власть приставникам сторожити поклажи на земли: овы ничисты духи, яко же и поклажу царя Соломона, до дня Страшного суда стерегут, овы же простыя поклажи молитвами отчитываются, положены на срок. У тех поклаж через три года приставники ино место — опившие люди, ино место — проклятые, а коли — и сами князи бесовские. Одначе есть травы, коим сила от Бога дана; те травы огня, царь-трава, Петров крест да плакун. Возьми плакуна на Ивана Богослова да загни верхушку; так и оставь до Троицы, а как Троица придет, возьми с корнем ту траву и принеси к обедни в церковь. Как молитву поп травам даст, и та трава годна для кладов, печати приставника отпирает; неспроста, а чти с умилением:

‘Приступаю я, раб Божий, к поклаже сей, окружаю в ширину и глубину, утверждаю Божьим словом; пошли мне, Господи, помощника, архангела Уриила, отогнать демонскую силу, от сей черты окруженной, от еретика и от волшебника. Пошли, Господи, грозного Илию пророка с огненной колесницей, с громовым ударом истребить нечистыя силы от поклажи сей. Утверждаю поклажу сию на камне Алатыре, за-

мок отмыкаю в небе, ключ в море; как морю огненну не бы-
вать, из моря ключей, кроме меня, не вынимать, а замка не
отпирать; аминь’.

Положи ту траву, да смотри, неразумный, не доткнись
руками, а отпирай коромыслом, а деньги бери из сере-
дины (наверху, говорено, нечистая печать), а если под-
вох сделает, — ослепнешь, промой глаза богоявленной
водой и чти с умилением: ‘Матушка, богоявленная вода,
покажи в себе от небеси и земли, сквозь камня и песка и
красной глины, поклажу; во славу всех святых; аминь’ »).

Вспомогательными средствами при добывании
клада служили папоротник, разрыв-, прыгун-, скакун-
и плакун-трава.

В полночь накануне этого дня расцветал магический
«папоротников цвет», охранявшийся нечистой силой,
который поэтому достать чрезвычайно трудно. Зато
человек, сумевший овладеть этим цветком, становился
всемогущим, — он делался прозорливым, повелевал
духами и отыскивал клады.

Цветок папоротника называли «перуновым цветом»,
поскольку растение было посвящено Перуну.

Вот как о таком цветке рассказывается в одной
быличке:

«Жил в одном городе богатый трактирщик, у кото-
рого было много служащих, или как их звали на Руси
раньше — половых. Однажды половые разговорились
между собой о том, как можно сделаться богатым и
знатным. Один и говорит:

— Я знаю средство сделаться богатым.

— Что же ты не испытываешь его, коли знаешь? — спра-
шивают его товарищи.

— Боюсь, опасно.

— Тогда расскажи нам, как же это можно разбога-
теть.

— Нужно достать Иванов цвет, цветок папоротника,
который расцветает только в ночь на Иванов день. Кто
этот цветок добудет, от того никакой клад не укроется
и он может все сделать, что захочет.

— Ладно, попробуем! — сказал один из половых по
имени Сидорка.

И вот, когда настал канун Иванова дня, поздно вечером Сидорка отправился в лес к зарослям папоротника. В полночь он увидел, что на одном кусте папоротника расцвел цветок. Сидорка сорвал его и побежал домой. И вдруг видит он большой огненный шар, и катится тот шар ему прямо под ноги. Сидорка понял, что это дьявольское наваждение, и закричал: “Чур меня!” Шар тотчас же пропал.

Пошел Сидорка дальше! Долго шел, наконец увидел вдали огонек. Пошел на огонек и подошел к избушке. Заглянул в нее и видит: на печи лежит старый-престарый старик. И говорит ему старик:

— Тебе одному не справиться с Ивановым цветком, я тебе помогу в этом.

Слез старик с печки, взял ножик и разрезал у Сидорки на ладони кожу, всунул под нее цветок и в ту же минуту зарастил рану. Потом взял со стены суму, подал ему и сказал:

— Твой родной город, как тебе известно, окружили войска врага. Ты можешь освободить его. Стоит только сказать: “Ранец, ранец, задай врагам танец!” — как появятся у тебя помощники. Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: “Ребята, в суму!”

Только что вымолвил это старик, как Сидорка очутился у города. Город действительно был окружен неприятелем. Увидав врагов, Сидорка закричал: “Ранец, ранец, задай врагам танец!” И вылезло из ранца войска видимо-невидимо, напало оно на врагов и прогнало их от города. После этого Сидорка был встречен царем с большим почетом, произведен в фельдмаршалы и находился при царе до самой его смерти».

Однако если золото в кладе омыто кровью, то оно нечисто и никогда не принесет ничего хорошего его обладателю, потому что почти всегда вынужден он продать за него душу. Какое уж тут счастье!

Папоротник не только клады отворял, но еще помогал и при игре в карты. Для удачи за картежным столом надо было вырыть корень папоротника, высушить его и мелко истолочь — непременно в полотне. Садясь играть в карты, правой рукой посыпали порошок около

своих ног справа налево и слегка на себя, при этом стараясь не двинуться с места. Затем три раза говорили: «Всё — мое, всё — ко мне!»

Вот такой удивительный этот обычный папоротник, собранный на Купалу!

Травы в этот день собирали рано утром «на утренней заре», когда на них не успела еще высохнуть роса.

Человек, намеревавшийся собирать травы, должен был соблюдать телесную чистоту, поэтому он обыкновенно мылся в бане и надевал чистое белье. Некоторые, особенно целебные и священные травы не срывались прямо руками, а «через чистые платки и рушники».

По словам знахарниц, травы должно рвать на Ивана Купалу, между заутреней и обедней, совсем нагому, какой человек родится; и не бояться ничего, что можно при том увидеть: «Чертям не больно любо, как рвут травы». А как станешь рвать, то надо прежде попросить матушку сырую землю, чтоб она благословила нарвать с себя трав для всякого снадобья; надо ничком упасть на матушку сырую землю и молвить такие речи:

Гой, земля еси сырая,
Земля матерая.
Матерь нам еси родная,
Всех еси нас породила
И угодем наделила;
Ради нас, своих детей,
Зелий еси народила
И злак всякой напоила,
Польгой беса отгоняти,
И в болезнях отгоняти!
Повели с себя урвати
Разных снадобьев, угодьев
Ради польги на живот!

Рвать травы надо одному и так, чтоб и близко никого не было.

При этом, когда срываешь травку, надо знать, как ее заговорить. Так, богородскую траву знахарки рвали не иначе как со словами: «Тебе, травонька, на исхождение, а мне, рабе Божией, во исцеление».

В некоторых местах Воронежской губернии перед сбором лекарственных трав читали молитву:

«Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Благослови, Господи, Мать Божия, Пресвятая Дева, Богородица, и Святой отец, праведный Абрам. Я пришел к вам испросить у вас дозволить мне трав сорвать, на всякую пользу и от всякой болезни всем православным христианам. Святой отец, праведный Абрам, все поле орал, Симон-Зилот сажил, Илья поливал, Господь помогал, небо отец, а земля мать. Благослови, Господи, эту траву рвать на всякую пользу всем православным христианам».

Различные травы имеют различные силы — одна помогает против одной какой-нибудь болезни, другие — против нескольких, как, например, «лук — от семи недугов», есть даже трава «сорокаприточник» (борец, аконит), то есть помогающая от сорока приток (болезней).

Еще замечательна *травя плакун*, которая заставляет вредоносные силы плакать и не только «врачует болезни глаза и прогоняет из человека поселившихся в него бесов, но и сообщает целебные силы другим травам». Один старинный лечебник советует: «Пойдешь травы рыть — имей при себе (корень плакун-травы), а когда не имеешь сего корня, то хоть опосле приложи ко оному корню, то будет всякая трава иметь свою силу».

Плакун приводит в страх нечисть, смиряет ее и делает покорной воле владеющего этой травой человека, как правило, знахаря. Для того чтобы поработить нечисть, надо было встать лицом на восток и заговорить плакун, тогда от этой волшебной травы начинали плакать колдуны да ведьмы.

Плакун давали пить людям маленького роста вместе с ефилией-травой. В старинном травнике читаем: «Ефилия-трава растет в диких лесах и на полях, на ней что волосы тянутся. Та трава дает добро человеку, который горбат или не растет, дать эту траву с плакуном, пить по десяти в трех месяцах. Она же помогает при ожогах».

Плакун называли, как и папоротник, «перуновым цветом» и «всем цветам матери». Плакун отождествляли с разными растениями, но чаще всего с дербенником иволистным.

Старик-огородник.
В. И. Суриков. 1882 г.

Северорусский дом с коньком. *Архангельская область.*
Фото Т. Б. Щепанской. 1989 г.

Крестьянский двор. *Неизвестный художник. Вторая четверть XIX в.*

Домовой. В. М. Васнецов. Начало XX в.

Доение коровы. М. М. Иванов. 1772 г.

Пряха. *Н. А. Касаткин. 1904 г.*

Прялка-«золоченка» и прялка-гребень.
Петербургская губерния. Конец XIX в.

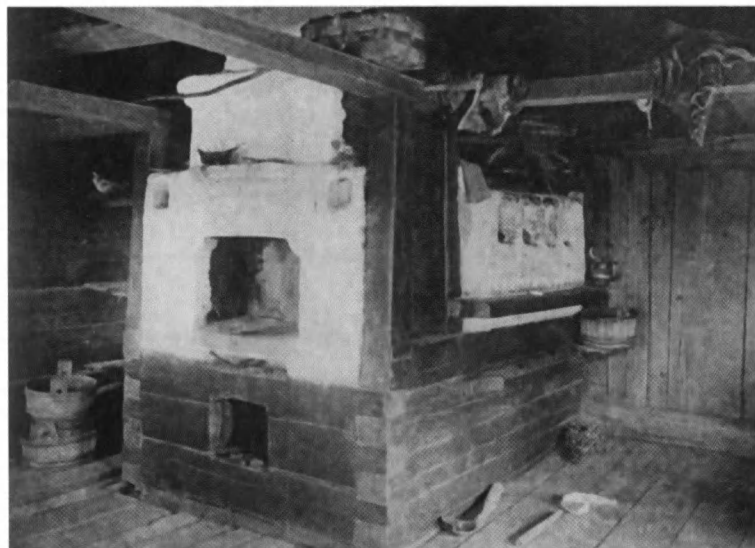
Бабушкины сказки. *В. М. Максимов. 1867 г.*

Внутренний вид избы. *В. М. Максимов. 1869 г.*

Печной угол в избе. *Архангельская губерния. 1910 г.*

Детская колыбель «Зыбка». Вологодская губерния. XIX в.

Новое знакомство. К. В. Лемох. 1885 г.

Жница.
К. Е. Маковский.
1871 г.

Крестины.
И. Ф. Тупылев.
1800 г.

Лечение знахаркой больной припадками женщины
при помощи ножа и молитвы.

Рязанская губерния. 1914 г.

У земской больницы. *Н. Загорский. 1886 г.*

Больной муж. *В. М. Максимов. 1881 г.*

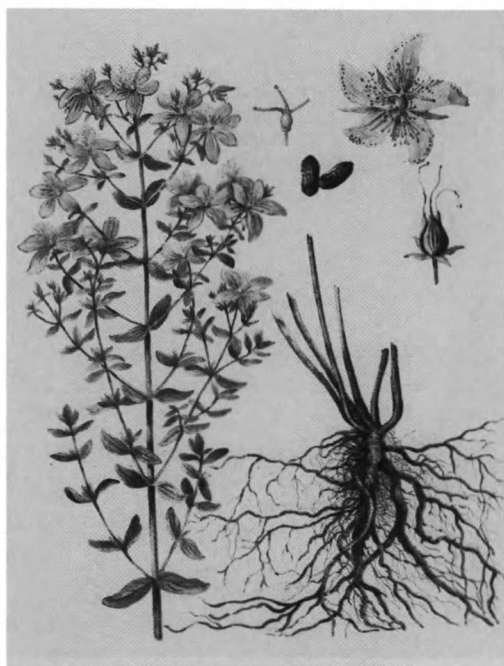

Ятрышник
пятнистый

Цветы в лесу.
И. И. Шишкин.
1877 г.

Зверобой
продырявленный

Крестьянка
с корзиной за плечами.
Владимирская губерния.
1914 г.

Красный угол в избе. *В. М. Максимов. 1869 г.*

Встреча иконы. *К. А. Савицкий. 1878 г.*

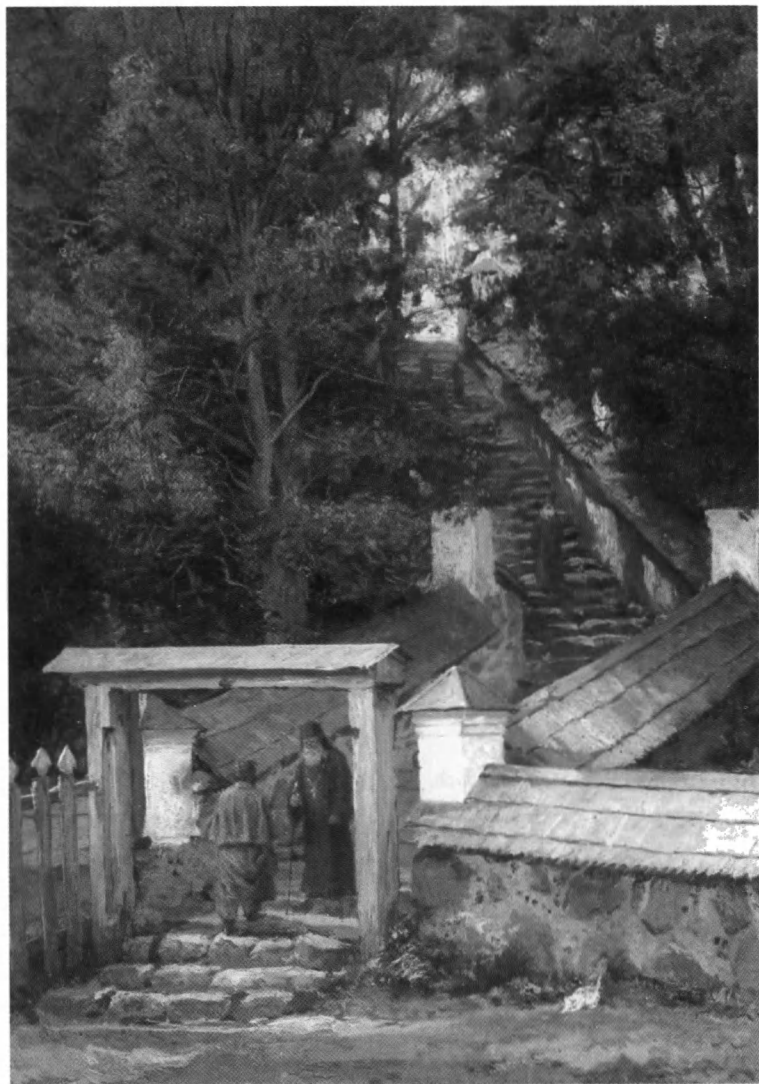

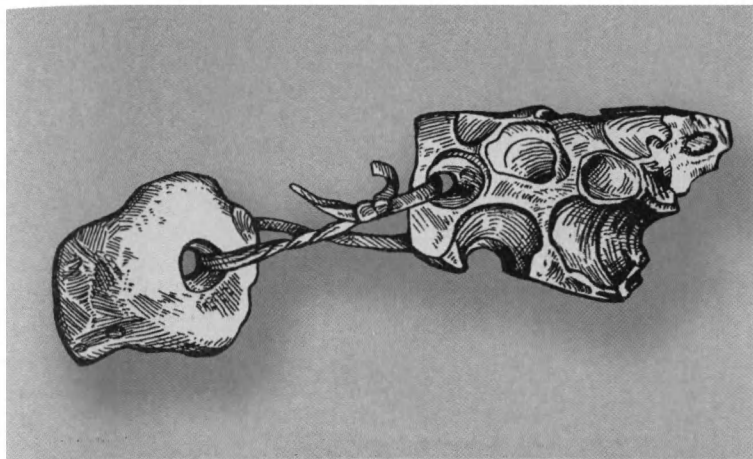
Богомольцы. М. Гермашев. Начало XX в.

Крестный ход. Б. М. Кустодиев. Эскиз. 1915 г.

У ограды скита. В. М. Максимов. Вторая половина XIX в.

Урочные камни.
Костромская область.
Рисунок. 1989 г.

Обетные кресты.
Архангельская область.
Фото Т. Б. Щепанской.
1989 г.

Деревенская девушка с мальчиком, молящимся перед иконой на дороге.
А. Д. Печенкин. 1836 г.

Корень и цвет плакун-травы открывали клады, усмиряли нечисть и были избавлением от недугов. Из травы делали обереги.

О том, каким образом люди познакомились с целебными свойствами растений, существует много любопытных поверий.

Народ убежден, что некоторым знахарям и чародеям травы сами повествуют о своих целебных свойствах. Употреблению многих трав научили людей звери, обладающие даром знания их целебных свойств.

Интересная легенда, записанная в Яренске Вологодской губернии, приводится доктором Демичем в его статье «Легенды и поверья в русской народной медицине»:

«Барин некий ходил в лес, собирал там змей, что с короной на голове, а дома приказывал слуге готовить себе из них пищу. Змеи имели такое свойство, что, поевши их, человек начал понимать разговор огня с огнем, травы с травой, и барин подслушивал в лесу таинственный разговор трав и записывал, какая трава от какой болезни полезна. От него и пошли все травники, цветники и стали потом знать пользу трав».

Способность понимать говор трав может быть получена от употребления змеиноного мяса и от другой недозволенной православным христианам пищи. В одной украинской сказке говорится про крымского пленника, казака Вакулу, что он, поевши у татар «запрещенной пищи», начал понимать разговор трав:

Канупер говорит: я от запоя,
Полынь кричит: а я от лихорадки,
Любисток уверяет, что ему известны тайны девичьих сердец,
Переступень кричит: я от надрыва,
Бодяг — от ран, исоп — от зуда в горле,
Сорочье мыло — от морщин, веснушек.

Но для знания целебных растений нет необходимости быть чародеем и ведаться с нечистой силой или есть такие непотребные вещи, как змеиное мясо. Выше говорилось, что большинство трав собиралось с молитвами и даже освящалось в церкви — потому, что целебные травы «указаны нам самим Богом».

Указания на целебные свойства растений, по мнению сведущих в «зеленом деле» лиц, заключаются уже в самих названиях трав, затем во внешнем их виде — в цвете, форме листьев, корней, в их запахе. На основании этих признаков применяется масса различных растений в народной медицине.

Так, трава горлянка употреблялась в Казанской губернии против воспаления горла.

Некоторые секреты травников

Чистотел (*Chelidonium majus*) применялся повсеместно в России для лечения бородавок; в Харьковской и Курской губерниях в отваре этой травы купали детей, страдающих различными кожными болезнями и пятнами на теле.

Живокость в Поволжье считалась средством, способствующим срастанию костей.

Травой «Сон Пресвятой Богородицы» (*Dianthus deltoides*) поили детей, когда они плохо спали.

На Украине от бессонницы у детей — плаксивцы или соняшницы — давали соняшник (подсолнечник). В Черниговской губернии применяли в аналогичных случаях окуривание из сон-травы (*Anemona pulsatilla* L.).

Кровохлебка, в изобилии растущая на русских лугах, применялась в народе как кровоостанавливающее средство, при кровохарканье и кровавой рвоте.

Трава царские очи, по мнению народа, излечивала глазные болезни, так же действовала и трава плакун.

Про царские кудри в одном из старинных травников сказано: «Пригодно у кого нет на голове волос, парить травой — будут волосы тонки, гладки».

Трава-горе «годна» от тоски и похмелья.

Против грыж употреблялся ряд растений, известных под названиями грыжной травы и грыжника.

Корень подлесника (*Asarum europaeum* L.) называется также золотушной травкой. Она употреблялась во многих местностях против золотухи. В Сибири то же растение называлось тайнишной травкой, по употреблению от «тайника» (родимца).

В Воронежской губернии растение *Phlomis tuberosa* L. называли младенческой травой, по употреблению ее на ванны для детей от «младенческой» (сухотки).

Настой корней глистовника (*Solanum dulcamara* L.) давали от глистов.

В одном из старинных лечебников рекомендуется: «Еще кто кровию мочится — подвязать под всю поясницу и под вздухи подушку или мешок с красными и розовыми цветами». Очевидно, применение здесь красных цветов имеет такое же «симпатическое» отношение к кровавому цвету мочи, как, например, назначение красного сукна при роже — к красному цвету воспаленной кожи.

Русские люди верили, что растения, имеющие красные цветы или дающие красный настой, помогают от кровотечений, кровавого поноса, геморроя; желтые цветы помогают от желчи, белые — от белей и т. п.

Чернобыль, или полынь обыкновенную (*Artemisia vulgaris*), которой лечили от всех женских недугов, пили с уверенностью, что зеленостебельный экземпляр останавливает регулы, а красностебельный — открывает задержанные.

Тысячелистник (*Achillea millefolium* L.), имеющий, как известно, белые и розовые цветы, употреблялся для лечения «красной гръжи» (маточных кровотечений) — красноцветный, а при «белой гръже» (белях) — белоцветный.

Тысячелистник вообще широко применялся в народной медицине:

«Взяв свежих верхушек тысячелистника и самой травы, изруби, положи в бутылку, чтобы было половина бутылки, залей спиртом, настаивай неделю или дней десять в теплом месте; потом процеди, траву выжми, дай отстояться, слей в склянку, сохраняй для употребления.

Капли тысячелистника укрепляют желудок и весьма полезны от спазм; принимают их на сахаре или в отварной воде, от 30 до 40 капель.

Отвар из сухой травы тысячелистника очень полезно употреблять людям слабым, он укрепляет нервы и даже самое зрение, также полезен в спазмах. Употребляют его таким образом: взяв половину чайной чашки травы

с цветами, налить четыремя или пятью чашками воды, и чтоб лучше настоялось, поставить в печь в вольный дух, пить по чайной чашке раза три или четыре в день».

«Ячмень» на веках простой народ лечил таким образом: знахарь обводил его трижды ячменным зерном, каждый раз слегка укалывая ячмень и произнося заговор: «Господи, благослови! Солнце на запад, день на исход, сучок на глазу на извод, сам пропадет, как чело* почернеет. Ключ и замок словам моим».

Ятрышник (*Orchis L.*), похожий своими корневыми шишками на семенные железы, издавна считался возбуждающим мужскую силу средством.

Ятрышник известен в народе под названием «кукушкины слезки».

Считалось, что кукушка, символ печали, некогда была безутешной вдовой и долго оплакивала погибшего мужа, а потом превратилась в птицу. По другой легенде, снегирь не пустил самца-кукушку в свое гнездо, потому что не хотел отдавать свое жилье чужаку. Убил снегирь самца — и кукушка осталась одна. Продолговатые пятнышки на листьях ятрышника сравнивали с кукушкиными слезами.

Существует и еще одна легенда о ятрышнике. Жила в одной деревне крестьянка, надрывалась она на работе с утра до вечера, а три ее здоровых сына делать ничего не хотели. Обиделась мать на детей — и улетела от них, превратившись в кукушку. Потом обида поутихла, и стало женщине жаль своих дитяток, да поздно было. Заплакала она горькими слезами, из которых вырос в лесу ятрышник.

При разных болезнях знахари готовили, естественно, разные отвары и делали разные примочки и обертывания.

Так, пишет Г. Попов, *при обмороке* давали нюхать тертый хрен, жженые перья, шерсть или вату, а иногда зажигали и гасили под носом больного восковые свечи, обливали холодной водой голову, развязывали пояс и расстегивали ворот рубахи. После того как больной приходил в чувство, ему давали съесть кусок сильно посоленного хлеба или выпить круто посоленного кваса.

* Устье печи, откуда пламя и дым идут в трубу.

При головной боли в Орловской и Казанской губерниях пили настой белоголовника (*Chrysanthemum Lencanthemum L.*), временной травы (*Veronica Chamaedris L.*), червивой (*Erigeron acris L.*), иван-да-марьи (*Viola tricolor L.*), плакун-травы (*Orchis maculata L.*) и вишневых листьев, отвар можжевельника (*Juniperus communis L.*), а в Саратовской губернии — соленый квас с древесной золой.

При кашле и боли в груди давали пить настой малины, смородины, стеблей морошки, листьев брусники*, в острых случаях пили настой овсяной соломы, собачек (*Bidens tripartitus L.*), травы вереск (*Calluna vulgaris Salisb.*), листьев яблони, листьев и цветов подорожника, листьев и цветов зверобоя и семян крапивы (Вологодская, Владимирская и Новгородская губернии). В этих же случаях давали пить и настой трав: белоголовника, базилика (*Ocimum Basilicum L.*)**, змеиного моха (*Lycopodium L.*), шелковой травы (*Carex birta L.*), травы расстрел (*Gentiana Pneumonanthe L.*), поповника (*Cirsium heterophyllum All.*), а также душицы и чабера.

В одном старинном травнике читаем такой рецепт лечения кашля, который с успехом используется и сегодня:

«С пользой употребляют при кашле еще следующее лекарство: положи в горшок шалфею, налей бутылкой парного молока, упарь докрасна и пей горячее, по чайной чашке, раза три в день».

В Ярославской и Орловской губерниях полезными считались настой на вине мха со старых яблонь, редечный отвар или редечный сок с медом, перегорелая патока***, сок пареной репы, пареный лук с сахаром и

* Неувядающая зелень брусники послужила основанием для создания легенды о том, как ласточка несла в клюве живую воду, чтобы даровать людям бессмертие. Но злая оса укусила ласточку. Птица закричала от боли, а живая вода пролилась на землю и попала на листья брусники, кедр, ель и сосну. С тех пор они стали вечнозелеными растениями.

** Если кашель сопровождался насморком, то истолченные цветы и листья базилика давали больному нюхать как табак.

*** Раскаленное железо, раз до десяти, обмакивалось в патоку, при этом происходило превращение последней в карамель — главную составную часть всех конфет от кашля.

анисом, отвар поджаренной ржи, солод, теплая солодковая вода, ячневая вода с сахаром, ячневая каша, посыпанная истолченными семенами крапивы, и простая ржаная мука, заваренная жиденьким клейстером.

При хронических формах кашля различного происхождения чаще всего употреблялся настой так называемой «дорогой» травы: $\frac{1}{4}$ фунта этой травы, нарезанной мелкими кусочками, настаивался в теплом месте, в продолжение 12 дней, на четверти вина или водки. Пить больному настойку давали две-три рюмки в день.

При кашле, соединенном с одышкой, в Орловской губернии давали пить отвар коры с девяти различных деревьев: сосновой, еловой, кленовой, дубовой, липовой, ясеновой, березовой, яблоневой и ивовой. Прокипятив три раза, пили этот отвар утром и вечером по рюмке.

При плевритах, ревматических и другого происхождения болях в груди в Орловской и Рязанской губерниях считалось полезным пить горячий настой шиповника (*Rosa canina* L.), колуна (*Cirsium lanceolatum* Scop.), зверобоя, череды, коры вяза и капустного отвара.

При тех же болезненных явлениях в Новгородской губернии готовили настой «усовно́й травы» (*Geranium pratense* L.). Полезной также считалась водка, настоянная на березовых почках, семенах репы и корнях шиповника, водка с толчеными желудями и смесь ее с яичным желтком и сахаром.

При чахотке давали дегтярную воду и настойку на водке сосновых шишек и молодых побегов сосны и ели по рюмке перед обедом и ужином, а также отвары мяты и канифоли, дубового мха с яичным желтком, свежий березовый сок и высушенные березовые почки, настоянные на воде (Орловская, Рязанская и Ярославская губернии).

В некоторых местах Новгородской губернии пользовались для лечения чахотки корнями вереса (можжу́ха, можжевельник), которые собирали весной, резали на мелкие кусочки, сушили и заваривали, как чай.

Иногда давали пить настой цвета ржи (*Secale cereale* L.), а также настой озими. Озимь заготавливали особо:

срывали «сырье» сразу после восхода, поздней осенью, резали, сушили, а пить давали в виде горячего настоя.

Часто употреблялись при чахотке отвары следующих трав: душицы, медуницы, ландыша (*Convallaria majalis* L.), иван-да-марьи, крапивы и сорванных в мае — мать-мачехи, белой буковицы (*Primula officinalis* Jacq.), конского щавеля (*Rumex* L.) и корней сараны (*Lilium* L.).

При одышке и сердцебиении чаще всего давали настой ландыша*, баранчиков (*Linaria vulgaris* L.), алтейного корня (*R. Althaeae officinalis* L.), корня девясила, мяты в цвету (Саратовская и Вологодская губернии) или отвар в молоке смеси корней зверобоя, «декокта» (*Comarum palustre* L.), богородской травы и череды (Новгородская губерния).

От водянки давали отвар ягод шиповника, верхушек крапивы и ее корней, «пяток» (чашечек) ягоды морошки, травы Божья милость (*Gratiola officinalis* L.), тысячелистника (*Centaurea Biebersthinii*), горицвета (*Adonis vernalis* L.), полыни, молодых березовых листьев и почек березы, молодых побегов ракиты (*Salix Tourn.*) и горячий настой коры ивы (*Salix alba* L.) и дуба (Ярославская, Курская, Орловская и Новгородская губернии).

«Прописывалось» также есть лук, пить овсянку, настой на водке тертого хрена и сок зари.

При тошноте пили настой васильков и калгана**

При болях под ложечкой принимали водочный настой калгана и имбиря (*Zingiber officinale* Rosc.), рябиновую настойку, можжевеловые капли, водочный отвар травы лебедки (*Origanum vulgare* L.) и конского щавеля***, водный настой травы иван-да-марья и корня тягун (*Chrysanthemum Leucanthemum* L.).

Употребляли также отвар сосновых шишек, собранных весной, и отвар пупного корня (*Scabiosa Succisa* L.) и корня зари.

При болях живота пили настой березовых почек,

* Употребление ландыша как народного сердечного средства было введено в русскую традиционную медицину С. П. Боткиным.

** При рвоте в некоторых местах Орловской губернии считалось полезным держать во рту, под языком, корень пиона (*Paeonia officinalis* Retz.).

*** При боли под ложечкой советовали есть натощак также обыкновенный луговой щавель (*Rumex Acetosa* L.), посыпанный солью.

листьев крапивы, боровухи (*Cytisus biflorus L'Her.*), богородской травы и мяты (Вологодская, Вятская, Ярославская и Казанская губернии), подорожника, листьев хмеля, коровошника (*Angelica Archangelica L.*), «раковых шеек» (*Convallaria Polygonatum L.*) и грыжной травы или грыжника (*Achillea Millefolium L.*) (Вятская, Новгородская и Орловская губернии).

В старинном травнике читаем:

«Средства от боли в животе. Иногда случается от тяжелой неудобоваримой пищи, или когда промочишь ноги, сильная боль в животе; в таком случае выпей одну или две чашки ромашки или перечной мяты, а за неимением оной, можно употреблять простую кудрявую мяту; а живот вымазать теплым деревянным маслом, настоящим нашатырем. Оно готовится так: на столовую ложку масла положи чайную нашатыря, поставь в теплое место, чтоб нашатырь распустился.

Также очень хорошее средство от боли в животе, как для детей, так и для взрослых: на столовую ложку деревянного масла положи кусок мускатного масла, величиной с простой орех, разогрев деревянное масло, положи в него мускатное, мешай покуда хорошо соединится, потом вымажи теплым живот».

Большой популярностью для лечения желудочных болей пользовались полынные капли:

«Полынные капли готовятся таким образом: возьми полыни, когда она еще в цвету, верхушек и листьев; изруби мелко, положи в штоф, чтоб полыни было полштофа, налей спиртом, не доливая посудину пальца на два до верха, поставь в теплое место, дай стоять неделю; потом слей, траву выжми, пропусти сквозь салфетку, дай отстояться, вылей в бутылку. Полынные капли употребляют от 40 до 60 капель на прием, на сахаре или в отварной воде, они укрепляют желудок и изгоняют глистов. Сок из свежей полыни, выжатый когда она бывает еще молода, принимая по утрам натощак, сначала по половине, а потом по целой столовой ложке, прибавляя от 10 до 15 гофманских капель, полезен людям, имеющим слабый желудок».

От желтухи готовили отвар корня одуванчика (*Taraxacum officinale Knaut.*), корня и листьев крапивы,

листьев хрена, травы дрока (*Genista tinctoria L.*), зверобоя, конского щавеля, чистотела, или желтомолочника (*Chelidonium majus L.*), и отвар рябинки (*Linaria vulgaris Mill.*) и ясеневого листьев (Орловская и Вятская губернии).

При запоре очень часто давали огуречный рассол, иногда вместе с молоком. Как слабительное пили также морковный сок, настой сырой свеклы, отвар рябины, коры крушины (*Rhamnus Frangula L.*) и настой на водке розмарина (*Rosmarinus officinalis L.*) и божьего дерева (на бутылку водки по пригоршне того и другого).

При поносе старались «поправить» живот голодом, ели черствый черный хлеб, выпивали чарку водки, сильно посоленную или подперченную (Вологодская губерния).

Общеупотребительным средством против ревматизма был брусничник. Брусничник, с листьями и цветами, собирался в мае, сушился в печке. При необходимости приготовления отвара сухое «сырье» кипятилось в горшке с водой до тех пор, пока отвар не становился темно-шоколадного цвета. Пили отвар брусничника как чай.

Полезными при ревматизме считались также настои на водке корней мать-и-мачехи (Калужская, Рязанская и Саратовская губернии), рябиновый сок с медом, сваренное с медом крапивное семя, отвар череды, коры вяза, цветов шиповника, листьев и корней репейника.

Репейные корни тщательно промывались в холодной воде, разрезались на части и «парились» в закрытом горшке. Этот отвар пили по стакану утром и вечером (Орловская и Вологодская губернии).

Наиболее распространенным народным средством против лихорадки была полынь, собранная в мае, которую принимали в виде настоя и отвара.

Лихорадка могла забраться под одежду, а могла соринкой обернуться — и в глаз залететь. Против нее было отличное средство — носить всегда с собой осиную кору. Лютая ненависть была у лихорадок к осине.

Коли ноги сводит, кладут осиную полешку под ноги, а коли голова болит, то на полешке полежать надо.

При потере молока советовали следующее:

«Часто случается, что у кормящих грудью матерей или кормилиц пропадает молоко; это случается от разных причин: от испуга, нечаянной радости, от печали, а иногда неважная болезнь бывает причиной потери молока. В таком случае очень полезны следующие средства: возьми две чайные ложки аниса, залей тремя чашками кипятка, дай хорошенько настояться, пей три раза в день по чайной чашке.

Вместо аниса можно употреблять укропное семя, только надобно класть несколько больше, три чайные ложки на три чашки воды.

Хорошо также употреблять тмин с пивом; взяв столовую ложку тмина или чернушки (черный тмин), истолки, влей в кастрюлю бутылку пива, всыпь туда же тмин или чернушку, вскипяти раза три, простуди, пей по два или по три стакана в день.

Для умножения молока полезно пить пиво, приготовленное следующим образом: возьми стакан пива, влей в кастрюлю, поставь на огонь и дай ему закипеть; потом, отделив от яйца желток, положи в стакан, прибавь чайную ложку мелкого сахара, взбивай до тех пор, пока желток делается густ и побелеет, тогда разведи желток понемногу горячим пивом, мешая непрерывно, наконец, сняв с огня кастрюлю, влей желток в пиво, размешай хорошенько, пей теплое.

Кормящим грудью пищу должно употреблять питательную, но не жирную».

В очень многих губерниях в качестве *противозолотушного средства* употреблялся отвар побегов калины — как внутрь, так и снаружи для обмываний и ванн. Ягоды калины или парили в вольном жару и давали больному есть, или с небольшим количеством воды клали в новый, немурявленный горшок, покрывали другим таким же, замазывали глиной и ставили до вечера в хорошо вытопленную печь. Процеженный через тряпку или сито настой давался столовыми ложками, $\frac{1}{2}$ — 1 на прием.

Для лечения золотухи существовало и еще несколько рецептов:

«Страдающим золотухой, как детям, так и взрослым,

полезно пить череду, трехцветную фиалку, называемую иначе анютины глазки; пить не обе вдруг, а попеременно, например: пивши недели две череду, потом можно пить трехцветную фиалку.

Приготавливают этот декокт, или отвар, таким образом: взяв глиняный горшок, в который входит стакана четыре воды, положить в него горсть череды или трехцветной фиалки, налить кипятком, покрыть, поставить в печь в вольный дух.

Взрослым принимать три раза в день по стакану, а детям по чайной чашке; при этом должно остерегаться от употребления мучнистых и жирных кушаний, не есть много картофеля, также не употреблять меда.

Листья черной смородины употребляют как противозолотушное средство и пьют вместо чая с молоком и сахаром. Если у детей или у взрослых есть на голове или на теле струпья, то очень полезно мыть их отваром из листьев черной смородины, взятой вместе с кореньями.

С пользой употребляют также для обмывания отвар ольховых побегов вместе с листьями.

Когда покажутся на шее затверделые опухоли или лучше сказать опухшие и затверделые железы, то не должно запускать их, а взять из аптеки или, как сказано выше, сделать дома летучей мази, прибавить в нее кусок камфары, поставить в теплое место, чтобы камфара разошлась; натирать, ложась спать, больное место и, закрыв фланелью, завязать.

Также очень полезно золотушным пить цикорный кофе, совсем приготовленный и поджаренный. На бутылку воды должно положить чайную чашку цикория, варить и употреблять как обыкновенный кофе*.

При цинге давали пить отвар молодых сосновых и еловых шишек, корней лопуха и ивы, отвар клевера и клюквенный сок с медом.

При зубной боли, кроме универсальных средств — хрена, редьки, дегтя, пороха, табака, весьма часто вводили в дупло зуба квасцы, поваренную соль, камфару, перец, цикорный корень (*Cichorium Intybus L.*), семена волчьих ягод (*Ligustrum vulgare L.*) и белены (*Hyosciamus nigtr L.*), росный ладан, вишневыи клей, сваренный с чистым дегтем и водкой чеснок.

Больной зуб обертывался крапивой, между десной и щекой клались листья кошачьей травы (валерианы) и вдыхался дым семян белены, насыпанных на раскаленный кирпич или сковородку (Вологодская и Ярославская губернии).

Иногда зубы полоскали отваром дубовой коры и черемухи, листьев ясеня, земляники, полыни и лопушка (*Salvia verticillata* L.).

В старинном травнике читаем:

«У кого слабые десны, то для укрепления их хорошо полоскать настоем из шалфейных листьев. Возьми горсть сухого шалфея, залей в фаянсовом чайнике горячей водой, на горсть шалфея налей стакана три воды, потом поставь в печь, дай хорошо настояться, простуди, слей в графин.

Полоскать должно раза три в день: поутру, когда чистишь зубы, после обеда и вечером.

Употребляя недели две полоскание из дубовой коры, которое настаивается таким же образом, от этого простого средства часто проходит упорная зубная боль».

При горловых болезнях, приписываемых почти исключительно простуде, помимо употребления потогонных припарок на шею и смазывания ее салом, жиром, медом, в очень многих местах России особенной славой пользовалась «горлянка» (*Potentilla argentea* L.), которую обыкновенно пили в виде настоя, а иногда со-сали с медом (Вологодская губерния).

В старинном травнике читаем:

«От простуды часто бывает в горле сильная боль, в таком случае очень полезно следующее средство: возьми горсть розовых цветов и горсть шалфея, налей на них три стакана кипятка, дай хорошенько настояться, и если есть готовый уксусный мед, прибавь на каждый стакан по столовой ложке, когда же нет готового меда, то положи две ложки меда и две ложки уксуса в приготовленный настой из шалфея и розовых цветов, вскипяти и положи теплым».

Как *глазная примочка* при течении гноя из глаз, глазной ломоте почти повсеместно употреблялся настой цветов черемухи, чая, цветов шиповника и молодых березовых листьев.

В качестве «глазного» лекарства употреблялась и настойка ландыша:

«Ландышу есть множество родов, но более по употреблению и пользе известен ландыш майский; цветы которого имеют приятный ароматический запах. Вода, перегнанная из ландышевых цветов, очень полезна в глазной болезни, ее употребляют точно так же, как розовую воду, то есть умываются и примачивают глаза. Ландыш *обоюдный* имеет те же самые свойства. Ландыш, называемый *соломонова печать*, а в простонародье известен под названием *купены*, очень хорошее средство для умывания лица».

Надо сказать, что знахари большое внимание уделяли девичьей красоте — как ни покажется это нам странным. В травниках и цветниках, помимо ландыша, для ее поддержания особенно рекомендуется «розовая вода» из шиповника.

Шиповник на Руси назывался свобориным деревом. В народе говорили: «Шиповник цветет — румянец года ведет».

Несмотря на внешнюю красоту и кажущуюся хрупкость, шиповник очень хорошо защищен от посягательств врагов. Его ветви покрыты многочисленными шипами и выгнуты дугой. Новые побеги, отрастающие из почек по бокам ствола, переплетаясь друг с другом, образуют непроходимые заросли.

У славянских народов шиповник был символом молодости, красоты и любви. О его возникновении существует очень красивая легенда.

Дело происходило на Кубани, где одна красивая молодая казачка поллюбила парня. Но и сама она очень понравилась станичному атаману, который и похитил девушку, а ее любимого отправил на войну. Накануне свадьбы удалось пленнице бежать в ближайший лес, где она решила лишиться себя жизни, только бы не выходить замуж за постылого атамана. На ее могиле вырос красивый куст с нежно-розовыми душистыми цветами. Однажды атаман нашел в лесу этот куст и захотел сломать ветку с прекрасными цветками, но она мгновенно покрылась острыми шипами и ободрала руки врага

в кровь. Отказала девушка нелюбимому даже после смерти.

В стародавние времена к зацветшему кусту приходили, чтобы избыть горечь, успокоить свое сердце. Едва распускал шиповник цветы, как старая бабка или приглашенная знахарка усаживала ребятишек и сказывала им у розового куста байки, чтобы испуг не коснулся детского сознания.

Русский народ хорошо знал целебные свойства шиповника. Толченые лепестки шиповника врачуют раны, вытягивают костную ломоту из тела. Мед, сваренный на лепестках шиповника, укрепляет силы, чистит кровь. 60—70 граммов отвара или настоя из мартовской коры и почек шиповника содержат суточную дозу аскорбиновой кислоты.

Шиповник считался дорогим лекарством и обменивался на парчу, бархат и собольи меха. При Иване Грозном собирать шиповник отправлялись специальные сборщики. Предназначался тот шиповник только для воинов.

Девушки верили, что если умыться водой с лепестками шиповника, то лицо станет светлым. А знахари советовали произнести «для красивого лица» у куста шиповника следующий заговор:

«Я стала, благословясь, пошла, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота и во чисто поле. В чистом поле стоит престол, на этом престоле сидит Ангел Господень и секет, отсекает свой престол. Я подхожу к этому престолу и корюсь, и молюсь, Господень Ангел, дойди, доступи до рабы Божьей (имя), до Иванова плоту, до Серафимова рода и секи, отсекай, раб Божий (имя), белое тело, ретивое сердце, горячую кровь, дай ей белое тело, ретивое сердце, румяное лицо, что раба Божия (имя) не может жить без хлеба-батюшки, без соли-матушки, без огня палючаго, без воды-голубушки, без вечерней зори, без младова месяца, без краснова солнышка, и казалась бы я, раба Божия, всем побелее, побелее снегу белаго, посветлее краснова солнышка».

Не меньшей любовью пользовалась в народе и липа. Как и многим растениям и деревьям, ей приписывали способность избавлять от сглаза. Считали: «Если липа

возле дома засохла — к плохим переменам в доме и семье. Тот же, кто липу срубит, в лесу непременно заблудится».

Липовый цвет зарекомендовал себя как потогонное, жаропонижающее, отхаркивающее, мочегонное, бактерицидное средство. Его применяли внутрь в виде горячего настоя (две столовые ложки цвета на стакан кипятка) по два-три стакана в день при лихорадочных и простудных заболеваниях, при воспалении почек и мочевого пузыря, спазмах желудка, неврозах, других заболеваниях.

В народной медицине липовый цвет — надежное старинное средство от простуды и кашля, при головной боли голову обкладывали листьями липы.

Порошок из листьев и семян липы останавливает кровотечение. Измельченные свежие почки или свежие листья применяют как смягчительное средство при ожогах, маститах и других недугах.

Сок липы способствует укреплению волос. Из цветов делают ароматические ванны, при вялой коже — компрессы.

Эффективна потогонная смесь: цветы липы, коровьяка, бузины черной (5:2:3). Такую смесь запаривают двумя стаканами кипятка и пьют горячей.

Травяные чаи и отвары

Трудно себе представить быт русских людей без чая и самовара. Чай в русском народе «уважали». Русский человек всегда любил чайком побаловаться, ведь от него «лиха не бывает», а «вода дырочку найдет». Еще о чае на Руси сложены такие поговорки:

«Чай — малый неглупый, но без сахару и он дурак.

Если человек по одному стакану чай пьет, быть ему одному.

Чай не пил — какая сила, чай попил — совсем ослаб».

В течение многих веков на Руси собирали всевозможные ароматические и целебные травы для чаев.

Собирали травы не только знахарки, но и все деревенские жители. Как правило, в семье заготавливали травы для чаев и отваров на «каждый день». Лечиться

все-таки ходили к лекарю. Занимались сбором трав старшие женщины в семье — «большухи» — свекровь и старшая из невесток или дочерей.

Высушенные лесные и полевые травы бережно хранили. В составе чая, приготовленного из этих трав, нет кофеина, поэтому такой чай не обладает возбуждающим действием, но зато он богат витаминами, минеральными и ароматическими веществами.

В каждой деревне, в каждой семье были свои любимые чаи: из осенних покрасневших листьев лесной земляники, из листьев, цветков и ягод малины или ежевики, из листьев ароматной мяты, смородины, тимьяна или чабреца, из цветков липы.

В народной медицине земляника была очень популярна. Из нее обычно делали отвар — причем из всего растения, собранного во время цветения. Пили отвар как чай, горячим и холодным, когда хочется пить, при простудах, высокой температуре, при заболеваниях сердца, почек, печени.

О происхождении земляники русский народ сложил легенду, в которой рассказывается о том, что в прежние времена земляника не имела ягод. И когда Иисус Христос, будучи еще ребенком, гулял в лесу, земляника очень испугалась и опечалилась, что ничем не сможет порадовать Господа — ведь нет ничего, что она могла бы отдать Ему, — хотя бы вкусной ягодки. Спаситель услышал мольбы маленького растения, наклонился к нему и поцеловал. И тотчас на месте поцелуя появилась и стала расти ягодка. И с тех пор земляничинки радуют людей и даруют им наслаждение.

В Южной Сибири особой любовью пользовался чай из старых сухих листьев бадана. В центральных и северных районах России широко использовался чай из листьев кипрея — иван-чая. В старину его даже вывозили из Московии в страны Европы наряду с пенькой, лесом и смолой.

На Руси очень любили чай с мятой. Ее же добавляли в квас, благодаря чему он не только приобретал приятный запах и вкус, но и дольше хранился. Отвар мяты использовался как ароматическое вещество при выпечке пряников. Листья и цветки растения добавляли в ка-

честве приправы к салатам, супам, рыбным и овощным блюдам, а вот добавление мяты в молоко предупреждает скисание и удлиняет срок его хранения.

Глава восьмая

Знахари-начетчики

Были и знахари-начетчики, которые лечили больных *«отчитыванием»*.

Такой вид лечения в основном применялся при болезнях, которые обуславливались присутствием нечистой силы в больном, порчей и сглазом: при сумасшествии, кликушестве, эпилепсии, при некоторых других хронических, а также иногда и детских болезнях.

Отчитывали или такими молитвами, как *«Отче Наш»*, *«Царю Небесный»*, *«Достойно есть»*, *«Да воскреснет Бог»*, или пользовались для этой цели Библией, или же произносили специальные молитвы, большей частью апокрифического происхождения, имеющие иногда характер настоящих заговоров.

Отчитывание, в том виде, как оно практиковалось в народе, несомненно, след церковного влияния.

Применение *«врачевальных»* молитв, как на это указывают данные Большого требника, требника Петра Могилы и в особенности рукописных требников, не так давно входило в церковную практику. Кроме общих *врачевальных* молитв здесь нередко содержались и специальные молитвы, предназначенные для врачевания какой-либо части человеческого организма или какой-либо специальной болезни.

Таковы молитвы:

молитва над главой болящему;

молитва болящему очима;

молитва над кровию многою, текущею из носа;

молитва на исцеление зубам;

молитва над онемевшим болям;

молитва болящим сердцем;

молитвы над болезнью рук и ног;

молитвы от лихорадки;

молитвы от горячки;
молитвы от ломоты;
молитвы от рези;
молитвы от стрельбы;
молитвы от бессонницы;
молитвы от водянки («от запора вод»);
молитвы от укушения змеєю;;
молитвы при трудных родах («егда начнет жена дѣтя
родити не борзо»);
молитвы от других болезней.

В зависимости от случая и периода болезни отчитывание совершалось или самими домашними, или же, что всего чаще, странствующими монашками и знахарями-начетчиками, особенно славящимися, вместе с начитанностью в божественных книгах, и праведностью своей жизни.

Подобных стариков-начетчиков было немного, и рассказы о их искусстве отчитывания и строгой жизни передавались из деревни в деревню, а иногда разносились каликами переходжими.

К начетчикам приезжали из самых отдаленных мест России с больными и нередко оставляли их на житье, чтобы пройти установленный курс лечения.

Начетчик, по несколько раз в день и по несколько часов, читал над больным установленные молитвы, кадил ладаном, обрызгивал святой водой и пр. Отчитываемый во время лечения обыкновенно питался одной только водой и просфорами.

Для проведения обряда отчитывания бесноватых, кликуш и буйствующих существовали особые длинные и широкие скамейки с укрепленными по углам четырьмя ременными петлями. В эти ремни продевались и при помощи них удерживались руки и ноги «бесноватого», которого заставляли лечь на скамью лицом вверх.

Курс лечения длился от нескольких дней до нескольких недель, смотря по успешности лечения и по степени и силе порчи.

Иногда получивших известность начетчиков, отчитывающих бесноватых и одержимых, приглашали на дом.

Такие начетчики, впрочем, как и некоторые знахари-шептуны, были людьми глубоко верующими, воз-

награждения, большей частью, не требовали, а брали то, что им могли и считали нужным дать.

В этнографических записях XIX века приводится рассказ о проведении такого сеанса отчитывания:

«— Ты, дядя, к читалке, что ль? — спрашивают невзрачного вида мужика, подъехавшего с бабой, на плохонькой и тощей лошаденке, к дому одной такой начетчицы.

— Да, голуба, молитвенных читать.

— Откуда?

— Из Лапотнова.

— Далеко отсюда?

— Да надо верст сорок быть, а не то и больше.

Баба и мужик входят во двор, а потом в сени. В сенях, направо и налево, двери. Мужик останавливается в нерешительности и начинает топтаться.

Наконец, сделав решительный жест рукой, он отворяет одну из дверей и вступает со спутницей в избу.

Изда, довольно большая, разделена на две половины стоящей посредине огромной русской печью и перегородкой. В правой половине, куда они вошли, на лавках, кадках и на полу сидят бабы и мужики, на печке также лежат 3—4 человека.

На другой половине сидят две бабы позажиточнее, по всей вероятности, жены разбогатевших мужиков или мелких торговцев. Перед иконами, у стола, стоит небольшого роста толстенькая старушка, лет 70-ти, в ситцевой серой юбке и такой же кофточке, сильно поношенной и грязной. За столом, под иконами, положив голову на руки, сидит еще баба.

— Исцели рабу твою Анну, — читает старушка ворчливой скороговоркой, — молитвами апостолов, угодников Божиих Печерских, Соловецких, Афонских... Чудотворца Николая, целителя Пантелеймона, Тихона Задонского, чудотворца, Тихона Калужского, чудотворца, мучеников... помилуй рабу твою Анну.

Сидящая за столом баба всхлипывает, вздыхает и твердит:

— Господи, Господи!

Затем старуха читает Символ Веры, молитву Господню, “Милосердия двери”, “Живый в помощи” и другие молитвы и псалмы.

Читалка упоминает и Почаевскую Богородицу, и Владимирскую, и Казанскую, и еще до десяти, и в заключение читает “заключительную” молитву.

В ней она заклинает духа нечистого, духа немощи, духа болезни, посланного кем-либо, или встречного, или полуденного, или в водах, болотах и лесах живущего, вселившегося от наговора мужеска или женска, — чтобы вышел он из головы или из чрева, или из груди, или из других частей тела болящего.

Затем читалка благословила отчитываемую бабу на “отпуск”

Во время чтения остальные пациенты довольно громко вели свои разговоры: “молитвенник” был чужой, а, следовательно, им до него и дела не было.

Одна повествовала о том, что “недуг” вступил ей сначала в ногу, потом в живот, а там забрался в спину, где уселся, как медведь, и не дает разогнуться.

Другая рассказывала о болезни своей дочери, что ей “бытто, сделали по насердкам”, и, вот, лежит она теперь пластом, чахнет и маковой росинки в рот не берет.

Мужик вполголоса передавал своей соседке, что в его бабу, надо быть, вселился дух, корежит ее, ломает, она кричит, матершиной ругается и “неподобные штуки выкидывает”

Дошла очередь читать молитвенник и до испорченной бабы. Лицо ее казалось до невозможности утомленным. Начались предварительные, обычные расспросы.

Мужик долбил только: “испортили”, “дух в нее вселился”

Баба молчала.

— На кого же вы думаете? — спросила, наконец, читалка.

— Думали, матушка, думали, и сейчас думаю, что никто больше, как невестка, моего отделенного брата жена, потому большая контрабация шла между бабами, как жили мы вместе...

— А разве твоя невестка такими делами занимается?

— Кто ж ее знает? Может, сама, а, может, кого другого нашла.

— Э-э-эх-ма, завелась эта погань, везде завелась! —

закачала головой читалка. — Ну, пойдем, помолюсь и за тебя. Как тебя зовут-то?

— Аксинья. — Лицо вдруг судорожно передернулось, она вскочила с лавки, затопала ногами, закружилась, закричала: — Матрешка, Матрешка!.. — и посыпались ругательства, одно другого хлеще, по адресу этой Матрешки.

Старуха читала “Да воскреснет Бог”, крестила больную, брызгала водой, ничего не помогало.

Наконец Аксинья как-то сразу вся опустилась, села на пол и притихла.

Ее посадили за стол.

Начался и кончился молитвенник, а она все сидела, не поднимая головы от стола.

— Ну что, Аксиньюшка, полегчало ли тебе хоть немного?

— Как бы чуточку легче стало, — тихо ответила Аксинья.

Старуха сбегала за водой:

— Пей три раза в день. Тут на неделю хватит. Да если кто придет за чем, гоните, ничего никому в эту неделю не давайте, Боже вас упаси! Ваша лиходейка за чем-нибудь да придет, что-нибудь да попросит, дадите, еще крепче свяжет, и молитва моя не поможет.

Мужик взял бутылку, полез в карман, твердя: “Сполню, матушка, все сполню, не пущу”, — и подал старухе монету.

Должно быть, не крупна была монета.

Сознавал это, вероятно, и мужик, потому что как-то особенно и выразительно кашлянул.

— Ну, — обратился он к бабе, — пойдем, Аксинья, — и уже с порога кликнул: — Спаси вас Христос, матушка!»

Лечение святыми иконами и мощами

Но не только молитвами лечили знахари больных. Очень часто они рекомендовали своим пациентам прибегнуть к помощи Бога, Божией Матери и святых.

Среди религиозных предметов и средств, к которым прибегал крестьянин, бесспорно, первое место должно

быть отведено мощам святых. Такое же значение, как мощи святых, имели чудотворные иконы. Это значение многие из них приобрели в години общих народных бедствий и в трудные исторические моменты. Они умирляли бушующие толпы, прогоняли грозные вражеские рати и помогали выигрывать трудные и решительные битвы.

Общее историческое сознание продолжает жить в нашем народе, хотя он и утратил память о конкретных случаях, и поэтому немудрено, что многие из этих икон, как исторические святыни, пользуются повсеместной известностью и всеобщим почитанием. Таковы иконы Божией Матери: Казанской, Владимирской, Смоленской, Почаевской, Иверской и др. Эти иконы считаются чудотворными — от них произошло много чудес.

Расскажем истории некоторых из них.

Казанская икона Божией Матери хранится в Москве в Кафедральном соборе Богоявления в Елохове (ул. Елоховская, 15). Это старинный образ, находившийся в Казанском соборе на Красной площади до его разрушения. Чудотворный список с иконы хранится в восстановленном московском Казанском соборе на Красной площади, в храме Илии Пророка (2-й Обыденский пер., 6) находится образ ушаковского письма, также в Казанской Богородицкой Площанской мужской пустыни (Брянская область, Брасовский район, поселок Пчела), также в московском храме Воскресения Словоущего (апостола Филиппа) на Арбате (пер. Аксакова, 22).

Казанская икона Пресвятой Богородицы явилась в 1579 году в Казани, взятой у татар Иоанном Грозным, Пресвятая Богородица явилась во сне девице Матроне и повелела возвестить архиепископу и градоначальнику, чтобы они взяли икону Ее из земли, и указала самое место. Девица рассказала о своем сне матери, но та объяснила сон обыкновенной детской грезой. Сон повторялся еще дважды и с угрозой наказания за непослушание. Мать и дочь отправились к архиепископу Иеремии и градоначальнику, но те не поверили им. Тогда, 8 июля по старому стилю, обе они, в присут-

ствии народа, отправились на указанное место. Мать и другие люди начали копать землю, иконы не находили. Но лишь стала копать сама Матрона, икона была найдена. Она была обернута в ветхое сукно и сияла чюдным светом, как будто бы недавно была изображена. Тогда с крестным ходом перенесли икону в ближайшую церковь. Список с иконы был отправлен в Москву, и царь повелел построить церковь и женский монастырь на месте явления иконы.

Впоследствии было еще несколько явлений икон, списков с Казанской:

Тобольская, находившаяся в Тобольске в кафедральном соборе и прославившаяся спасением горожан от угрожавшего им голода;

Каплуновская, явившаяся в 1689 году в сельце Каплунове Харьковской епархии и прославившаяся помощью Петру Великому в войне со шведами под Полтавою;

Нижнеломовская, явившаяся в 1643 году на источнике, в двух верстах от Нижнего Ломова Пензенской епархии;

Карповская, в 1725 году перенесенная из Карповской пустыни в Курский Знаменский мужской монастырь;

Коташинская, явившаяся в 1622 году, которая находилась в Коташинском монастыре Черниговской епархии;

Вознесенская, сохранившаяся невредимою во время пожаров в 1689 и 1791 годах, находилась в московском Вознесенском женском монастыре;

Павловская, находившаяся в селе Павловском Московской епархии;

Иркутская — в соборном храме в Иркутске;

Каргопольская — в Каргополе, в 1714 году открывшая себя течением слез из очей изображенной на ней Богородицы;

Ярославская — в женском монастыре в Ярославле, впервые прославившаяся чудотворениями в XVI и XVII веках;

икона, находившаяся в *Шлиссельбургской* крепостной часовне.

В России до 1917 года было три особо чтимых списка Казанской Божией Матери: 1) в Казани, в Богородичном соборе; 2) икона, перенесенная Петром Первым в Санкт-Петербург из Москвы; 3) в московском Казанском соборе, дарованная князем Пожарским.

В 1904 году в Казани чудотворная икона была похищена, и ее дальнейшая судьба достоверно неизвестна.

Особо чтимая московская чудотворная Казанская икона пребывает, как сказано выше, в Елоховском Богоявленском патриаршем соборе.

Празднование этой иконе и списков с нее — 8/21 июля.

Казанской молятся о прозрении слепых очей, от нашествия иноплеменных, ею благословляются вступающие в брак.

Владимирская икона Пресвятой Богородицы ныне хранится в Третьяковской галерее, вернее, в храме святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее (Малый Толмачевский пер., 9), и лишь в особо торжественные праздничные дни переносится в Успенский собор Кремля. В Москве в Сретенском ставропигиальном мужском монастыре (ул. Большая Лубянка, 19/1) хранится чтимый список со святого образа.

Владимирская икона считается самой почитаемой и самой известной из богородичных икон на Руси.

Она — одна из икон, написанных святым евангелистом Лукой. В V веке была перенесена из Иерусалима в Константинополь, а в XII веке прислана в Киев великому князю Юрию Долгорукому. Отличавшийся благочестием, сын князя Андрей Боголюбский, удаляясь в Ростовскую землю, взял с собою икону. На пути Богородица явилась князю во сне и повелела поставить икону во Владимире. Это было в 1158 году. Князь создал храм во имя Успения и перенес в него икону, украсив ее золотом, серебром и драгоценными камнями. С того времени икона стала называться Владимирскою. В XV веке Владимирская икона перенесена была в Москву, в Успенский собор. Как во Владимире, так и в Москве икона прославилась многими чудесами, особенно же чудесами спасения Москвы и всего отечества от врагов.

Владимирской иконе празднуется три раза: 21 мая/ 3 июня, 23 июня/ 6 июля и 26 августа/ 8 сентября — именно в благодарность за спасение Москвы и всей России. В эти дни в Москве совершаются крестные ходы.

21 мая 1521 года, помощью Богородицы, — за молитвы пред Владимирской иконой Ее, — Москва и Россия были спасены от татарских полчищ под предводительством Мехмет-Гирея. В 1521 году татары, на пути к Москве, произвели страшные опустошения и жестокости. Великий князь Василий Иванович, с народом и войском, обратился с пламенной молитвой к Богородице пред Владимирской иконой Ее, — и что же? — татарам, собиравшимся сжечь Москву и Кремль, показалось вокруг Москвы бесчисленное русское войско, и они бежали.

Симон Ушаков в XVII веке написал икону «Богоматерь — древо Государства Российского», в центре которой изображена в виде прекрасного цветка на дереве, который поливают заложившие основы московской государственности митрополит Петр и князь Иван Калита, Владимирская икона Божией Матери. На ветвях чудесного дерева, вырастающего из Успенского собора, подобно плодам, нарисованы святые подвижники, а внизу у собора стоят царствовавшие в то время царь Алексей Михайлович и царица Ирина с детьми.

Владимирской иконе молятся об избавлении от нашествия иноплеменных, об укреплении православной веры, о сохранении от ереси, об умирении врагов, о сохранении России.

Смоленская икона Пресвятой Богородицы, именуемая «Одигитрия», тоже, по преданию, написана святым евангелистом Лукой. Называется Одигитрией, «Путеводительницей», потому, что Богородица явилась в Константинополе двум слепым и повелела им идти в Свой храм, и когда они были приведены туда, даровала им исцеление, и еще потому, что икона сопутствовала императорам в их походах на врагов. Из Иерусалима она была перенесена в Константинополь.

В 1046 году греческий император Константин Моно-

мах, выдавая дочь свою Анну за черниговского князя Всеволода, благословил ее иконой Одигитрии. В XII столетии сын Всеволода и Анны, Владимир Мономах, перенес эту икону в Смоленск. С того времени икона стала называться Смоленской.

В 1237 году, когда Батый подступил к Смоленску и граждане прибегли с пламенной молитвой к Деве Марии, ночью в кафедральном соборе, где стоит икона, церковный пономарь получил от нее повеление сказать Меркурию, жителю Смоленска, чтобы он в воинской броне шел в храм. В храме Меркурий услышал от иконы голос: «Угодник Мой Меркурий! Властитель ордынский в нынешнюю ночь хочет напасть на город Мой со всею своею ратью и с исполином; но Я умолила Сына и Бога Моего о доме Моем, чтобы не предал его во вражие рабство. Выйди тайно ото всех навстречу врагу, и силою Христа ты победишь исполина. Я Сама буду с тобою. Но вместе с победою ожидает тебя венец мученический». Меркурий так и сделал: поразил исполина и отразил рать Батыя, при помощи сошедших свыше молниеносных мужей и в присутствии Светлой жены, лик Которой объял ужасом врагов, но сам пал убитым.

В XIV столетии икона была перенесена в Москву, в XV же столетии жители Смоленска упросили великого князя Василия Темного отпустить икону обратно в Смоленск. Святую икону сопровождали с крестным ходом за две версты за город, где в 1524 году был устроен Новодевичий монастырь в память возвращения Смоленска под власть русских государей. В монастыре поставлен был список со Смоленской иконы и установлен праздник с крестным ходом в монастырь. В 1812 году Смоленская икона постоянно находилась в рядах русского войска: накануне славной Бородинской битвы носили ее по всему лагерю, чтобы молитвой пред нею укрепить воинов на предстоявший им великий подвиг.

Преподобный Сергий Радонежский весьма чтит эту икону, и его келейной иконой был список Одигитрии Смоленской.

После окончания войны икона была возвращена в Смоленск, где и пребывала в Успенском соборе вплоть

до 1941 года. Дальнейшая судьба древнего образа неизвестна.

Ныне чтимые списки Смоленской иконы находятся в Смоленском Успенском кафедральном соборе и в Московском Новодевичьем монастыре, а также в храме Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине.

Празднование иконе 28 июля/10 августа.

Есть много списков с иконы Одигитрии Смоленской, которые ознаменовали себя разными чудотворениями. Таковы:

Игрицкая Песочинская икона Богородицы явилась в пустыни Игрица при реке Песочине близ Костромы в ветхой церкви на престоле в 1624 году. Там увидели ее пастухи боярского сына Емелиана Севрюгина, лишенного зрения. Емелиан просил духовника отслужить молебен пред иконой и получил исцеление. Тогда на месте явления иконы основан был Песочинский монастырь.

Югская икона Богоматери находилась в Югской-Дорофеевой пустыни близ города Мологи. В 1615 году старец схимонах Дорофей из монастыря близ Пскова решил идти на родину, в село Никульское близ Мологи. Когда перед отправлением в путь молился он перед иконой Богоматери в храме, то услышал голос, который повелевал ему взять с собою икону Богородицы и указывал место, где находится эта икона. Он так и сделал. На пути, уже близ села Никульского, на берегу реки Юги, старец, отдыхая, поставил икону на дерево, и когда после отдыха хотел снять ее с дерева, то никак не мог сдвинуть с места. Вдруг услышал голос: «Напрасно ты стараешься снять Мой образ. Я хочу, чтобы здесь сооружена была обитель для иноков. В ней да пребудет Мой образ и с ним Моя благодать». После того Дорофей построил тут келью, поставил в ней икону и стал там жить. Икона прославилась исцелением больных. После смерти старца основан был монастырь, получивший название Югской-Дорофеевой пустыни от имени старца и реки Юги.

Супральская икона Богоматери находилась в Супральском Благовещенском монастыре Гродненской епархии в 16 верстах от Белостока. Икона прославилась

в 1500 году, когда был основан монастырь. К иконе стекались многочисленные толпы богомольцев западно-русского края, не только православных, но и христиан римской церкви и протестантов. Супральская икона представляет собой копию Одигитрии, но над главою Богоматери находится изображение Бога Отца, в облаках, с ликами ангелов по сторонам.

Иконе молятся о сохранении и помощи в пути.

Говоря о чудотворных иконах, мы встречаемся с таким явлением русской народной жизни, как *обилие так называемых «явленных икон»*. Обыкновенно икона, поставленная кем-нибудь в уединенном месте или найденная на берегу реки, считается «явленной», около нее создается легенда, начинают совершаться чудеса, главным образом в виде исцеления больных, и слава о ней быстро растет и разносится по окрестностям.

Такие явленные иконы имелись даже в частных домах. Так, в Меленковском уезде Владимирской губернии чудотворная икона была у одного крестьянина в деревне Домнине. Икону Николая Чудотворца, плывущую по реке, выловил еще дед хлебопашца. Эта икона, по словам крестьянина, исцеляла от лихорадки, горячки, душевных и других болезней. Стоило, по его утверждению, с этой иконы только sprysнуть больного водой и дать несколько глотков выпить, как больной выздоравливал.

Одним из лучших примеров явленных икон можно назвать широко известную в нашей стране **икону Божией Матери «Неупиваемая чаша»**, которая хранится ныне в Высоцком мужском монастыре (Московская область, г. Серпухов, ул. Калужская, 110).

На этой иконе Божией Матери Богомладенец написан стоящим в чаше. Это чаша причащения, неупиваемая, или неиспиваемая, ибо Агнец «всегда ядомый и никогдаже иждиваемый». А Матерь Божия с воздетыми руками, как первосвященник, возносит к Богу жертву — Своего закланного Сына. Она молится за всех грешников и призывает к неистощимому источнику духовной радости и утешения, возвещает, что неупиваемая чаша

Небесной помощи и милосердия уготована просящим с верой.

Чудесное явление святого образа «Неупиваемая чаша» произошло в 1878 году в серпуховском Высоцком монастыре. Здесь и теперь каждое воскресенье после Божественной литургии совершается водосвятный молебен с акафистом чудотворной иконе: поминаются имена тех, кто страдает пристрастием к губительной чаше вина и нуждается в благодатной помощи Пречистой Владычицы.

Как уже говорилось выше, икона была обретена в 1878 году, когда одному крестьянину Ефремовского уезда Тульской губернии, у которого от пьянства отнялись ноги, был сон. Во сне к нему пришел старец и сказал ему идти в город Серпухов в монастырь Владычицы Богородицы. Там крестьянину было велено прийти к иконе «Неупиваемая чаша» и отслужить молебен, после которого Царица Небесная дарует ему здоровье душевное и телесное. Не владея ногами и не имея ни гроша, крестьянин побоялся идти в Серпухов. Тогда сон повторился во второй и третий раз. В третьем сне старец уже был столь грозен, что пьяница на четвереньках отправился в путь. В одном селе он остановился на ночлег у старушки, которая намазала ему ноги какой-то мазью, и наутро крестьянин смог встать на ноги. С трудом, при помощи двух палок, он добрался до монастыря и обратился к монахам с просьбой показать ему икону Божией Матери «Неупиваемая чаша». Такой иконы никто не знал, но тут один из насельников вспомнил об иконе Богородицы, на которой была изображена чаша. Икона висела в проходе из храма в ризницу. На обратной стороне иконы, ко всеобщему удивлению, была обнаружена надпись: «Неупиваемая чаша». На образе преподобного Варлаама в том же монастыре крестьянин узнал старца, который являлся ему во сне. После молебна крестьянин выздоровел и душевно, и телесно.

Празднование иконе Божией Матери «Неупиваемая чаша» 5/18 мая.

Иконе молятся об исцелении от пагубной страсти пьянства и запоя.

Во всех этих случаях народное признание такой

иконы чудотворной обыкновенно предшествует такому же признанию Церкви, и она лишь освящает существующее, то, что создано силой вещей и начало чего исходит из недр народной жизни.

Таким образом, благодаря мощам и чудотворным иконам, с одной стороны, создались такие общие религиозные центры, имеющие всенародное и историческое значение, как Троице-Сергиева, Киево-Печерская и Почаевская лавры, Соловецкий монастырь и другие, а с другой — возникли в каждом районе свои, местные, почитаемые святыни, к которым стекаются и паломничают и больные, ища исцеления, и здоровые, исполняя обет, данный в болезни.

Русский человек шел к святым иконам, в громадном большинстве случаев, побуждаемый сознанием общей греховности или тяжести какого-либо частного греха, близкой утраты или несчастья, тогда как *обеты в болезнях* он предпочтительно давал своим святыням.

Эти обеты обыкновенно давались в тех случаях хронических, а также и острых, но опасных болезней, когда использованы все доступные средства лечения и когда остается одна надежда на чудо. Ее дарят больному те угодники и святые, которым человек дает свой обет. Эти люди, он знает это, взаправду были, и мощи их — реальное доказательство этого.

То же и с чудотворными иконами. Сохраняя о них общую историческую память и давно привыкнув верить и чтить их, и от духовных, и от мирских людей, от странников и нищих, русский человек неоднократно слышал рассказы о проявлениях необыкновенной силы этих икон, а иногда какое-то особенное действие этой силы испытывал и сам. И потому он надеется на их помощь.

Ученые утверждают, что человек действительно часто выздоравливает, дав такой обет — во многом и потому, что начинает верить в свое излечение от недуга.

Все обеты, данные в болезни, исполнялись в русском народе в высшей степени строго.

Обет — это такой долг перед Богом, который никогда не остается неисполненным, будет ли он дан самим больным или родителями за больных детей.

Болезни, в которых давались обеты, по преимуществу носили длительный и упорный характер.

Это — тяжелые страдания глаз, хроническое пьянство, частые и мучительные боли головы и зубов, лихорадки, падучая болезнь, бесплодие, тяжелые и трудные роды и т. п.

Самые виды обетов были необыкновенно просты: больной давал обещание за свое выздоровление отпеть молебен перед гробом или пред иконой того или другого угодника, поставить свечу известной цены или веса, сделать в монастырь или церковь денежный вклад, пожертвовать животное, те или другие домашние изделия и т. п.

Кроме местночтимых и почитаемых всеми святыми, с их мощами и чудотворными иконами, есть еще *угодники-целители* по «специальностям».

Русская церковь даже точно указывает, к кому и в каком случае надо обращаться за помощью.

Приведем лишь некоторых святых угодников Божиих, имеющих особенную благодать помогать в различных болезнях:

Агатит Печерский, преподобный — от разных недугов и болезней;

Агриппина, мученица — о помощи в исцелении проказы и других тяжких телесных недугов;

Александр Свирский, преподобный — в желании иметь дитя мужского пола, в расслаблении тела с бессонницей и потерей аппетита и лишением каких-либо членов;

Анастасия Узорешительница, великомученица — в темничном заключении за вину и без вины, в трудных родах, о благополучном рождении ребенка;

Анна Кашинская, благоверная княгиня — об избавлении от болезней и телесной немощи;

Антипа Пергамский, священномученик — в боли зубной;

Артемий, великомученик — в болезнях желудка и при грыже;

Варвара, великомученица — об избавлении от тоски и страха внезапной смерти, о душевном спокойствии и здоровье;

Гурий, архиепископ Казанский, святитель — об избавлении от головной боли и от глазных болезней;

Дамиан, целebник Печерский, преподобный — об избавлении от разных недугов и болезней;

Даниил Переяславский, чудотворец — об избавлении от тяжелых неврозоз и при обострении хронических заболеваний;

Даниил, пророк — о сновидениях и о сне;

Димитрий, игумен Прилуцкий, Вологодский чудотворец — об избавлении от болезней и о возвращении дара речи;

Димитрий Солунский, великомученик — о прозрении очей;

Димитрий, Узличский и Московский князь, благоверный — о прозрении слепых очей;

Диомид, врач, мученик — об избавлении от разных недугов и болезней;

Евдокия, княгиня Московская, преподобная — о прозрении очей и от паралича;

Евфимий Великий, преподобный — о разрешении бесчадия — в супружеском неплодстве и во время голода;

Екатерина, великомученица — о просвещении разума к изучению духовной грамоты, при трудных родах, о хороших женихах, когда гром или град;

Ермолай, священномученик — от разных недугов и болезней;

Захария пророк и Елисавета праведная, родители святого Иоанна Предтечи — о помощи в трудных родах и в супружеском неплодстве или бесчадии;

Иаков Железнодорожский, преподобный — об исцелении болей ног и от паралича;

Илия, пророк — о здоровье родных и близких;

Иоаким и Анна праведные, родители Пресвятой Девы Марии — о разрешении от бесчадия;

Иоанн Дамаскин, преподобный — об исцелении болей рук или в увечье рук;

Иоанн Креститель, пророк, Предтеча — об избавлении от болезней головы и от головной боли;

Иоанн Рыльский, преподобный — об исцелении немоты;

Иов Многострадальный, праведный — о терпении болезней и несчастий;

Иона, патриарх Московский и всея Руси, святитель — об избавлении от зубной боли;

Ипатий Печерский, целebник, преподобный — об исцелении от женского кровотечения, в недостатке материнского молока для младенцев;

Ипатий, игумен Руфьянский, преподобный — об избавлении от бесчадия и об исцелении от водянки;

Иринарх, затворник Ростовский, преподобный — об избавлении от бессонницы, об исцелении от беснования и об изгнании бесов;

Исидор, юродивый, ростовский чудотворец, блаженный — при болезнях глаз, когда мучают страхи, когда кто-то из близких решил излечиться от пьянства;

Кир и Иоанн, бессребреники и чудотворцы, мученики — об исцелении от оспы, чревных болезней, нарывов и струпуев, от разных недугов и болезней;

Конон Исаврийский, мученик — об исцелении от оспы;

Косма и Дамиан, бессребреники и чудотворцы — об исцелении от глазной болезни и болей ног, об исцелении от оспы, от разных недугов и болезней;

Лаврентий Римский, архидиакон, мученик — об исцелении болезней глаз;

Лаврентий Туровский, преподобный — об исцелении от беснования;

Лонгин Сотник, мученик — об исцелении от болезни глаз;

Лука, апостол — об исцелении глазных болезней;

Макарий Калязинский, преподобный, чудотворец — при заболевании суставов, ухудшении зрения, неврозах;

Мартирий Зеленецкий, преподобный — об избавлении от недугов и тяжелых болезней;

Матрона Московская, блаженная, праведная — еще при жизни блаженная Матрона говорила: «Все, все, приходите ко мне и рассказывайте, как живой о своих скорбях, я буду вас видеть и слышать, и помогать вам»;

Мина, великомученик — об исцелении от болезней глаз;

Митрофан Воронежский, святитель — об избавлении от болезней;

Моисей Мурин, преподобный — об избавлении от страсти к вину страждущих запоем;

Никита, великомученик — об исцелении детей от падучей болезни, известной под названием «родимец»;

Никита Столтник, Переяславский чудотворец, преподобный — об исцелении в расслаблении тела с бессонницей, потерей аппетита и лишением каких-либо членов;

Никита, затворник Печерский, епископ Новгородский, святитель — об исцелении глазных болезней и от слепоты;

Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец, святитель — об исцелении от разных недугов и болезней;

Пантелеймон, великомученик и целитель — об исцелении от разных недугов и болезней, об исцелении детей от «родимца»;

Параскева Пятница, мученица — о разрешении бесплодия;

Пафнутий Боровский, преподобный — об избавлении от болезней глаз и ушей, а также в душевном нездоровье;

Петр, апостол — об избавлении от горячки;

Пимен Многоболезненный, Печерский, преподобный — об исцелении от разных недугов и болезней;

Рафаил, архангел — врачеватель Божий, целитель душевных недугов;

Роман, преподобный — о разрешении от супружеского бесплодия и бесплодия;

Самсон Странноприимец, преподобный — об исцелении от разных болезней;

Серафим Саровский, чудотворец, преподобный — об исцелении болей ног, об исцелении чревных болезней, об исцелении от беснования, об исцелении от болей в пояснице, об изгнании бесов, вообще в болезненном состоянии;

Симеон Богоприимец, праведный — о покровительстве детей, об исцелении и о сохранении здоровья младенцев;

Симеон Верхотурский, праведный — об исцелении болей ног, об исцелении болезней глаз;

Спиридон, епископ Тримифунтский, святитель — об исцелении от различных недугов и болезней;

Татьяна, мученица — об избавлении от усталости, головной боли, депрессии, бессонницы;

Тихон, епископ Воронежский, Задонский чудотворец, святитель — об избавлении от грусти и уныния, об исцелении от беснования;

Трифон, мученик — об исцелении от разных недугов и болезней, об избавлении от храпа, в скорби, об изгнании бесов;

Феодор Студит, преподобный — об исцелении от грудных болезней и от болей в желудке.

Кроме личной молитвы, наиболее частой и обычной формой обращения к святым является заздравный молебен. Он обыкновенно служится в церкви, а иногда и на дому больного.

Особенное значение приобретало *служение молебнов во время эпидемий*, особенно в тех случаях, когда болезнь приписывалась гневу Божию и считалась наказанием за грехи.

Молебны в таких случаях служились или отдельными домохозяевами, для охранения от болезни одного дома, или всем селением, когда эпидемия принимала крупные размеры.

В зависимости от размеров и характера эпидемии к молебнам присоединялись и крестные ходы. В некоторых случаях такие ходы совершались одними крестьянами, без участия духовенства, притом не только при существовании какой-либо эпидемии, но и чисто с предохранительной целью. В таких случаях иконы обносили не только вокруг отдельных зараженных домов, но устраивались настоящие крестные ходы вокруг целого селения.

«Совершенно своеобразная религиозная мера, — писал Г. Попов, — интересная с психологической точки зрения, практиковалась в селе Ляхах (Меленковский уезд Владимирской губернии), во время холерной эпидемии, при наступлении паники в народе.

Народ, в особенности женщины, по ночам собирался в церковь и, с разрешения священника, получал в нее доступ. Здесь пелись молитвы, распевались ирмосы и читались акафисты. Жалобный тон пения, трехкратное “аллилуйя”, припев “Пресвятая Богородица, спаси нас” производили жуткое и, вместе, трогательное впечатление и уносили мысль к первым векам христианства. Только здесь, в церкви, народ чувствовал себя спокойным».

Из обетов, которые давались больными, заслуживают упоминания *посты*.

Чаще всего давался обет понедельничать — то есть поститься неделю, в других случаях обещали поститься целый год или, как это практиковалось при зубной боли, в течение недели перед днем Ивана Постного (29 августа старого стиля), не есть мяса, не пить водки, не курить табака и пр.

Особенное значение такие обеты приобретали после соборования, с которым связывалось представление не только как о таинстве, приготавливающем к смерти, но и как об исцеляющем акте.

Для лиц, выздоровевших после соборования, неупотребление в пищу ничего скоромного (иногда только мясного), или понедельничество, в громадном большинстве случаев являлось почти обязательным.

Кроме обычных в таких случаях обетов — не пить водки, чая, не курить табака, не ссориться, не иметь супружеских сношений и т. п., иногда давались такие как обет не посещать сельских сходов или не ходить в баню.

Что самое удивительное, крестьяне, давшие обет, иногда лишались даже некоторых прав: им запрещали сеять, чтобы не было неурожая, и в некоторых деревнях на них смотрели даже как на нечисть, от которой надо держаться подальше. Иногда их не допускали в семье к общему обеду с другими, постель у них была отдельная, и одежды на смену им не давали.

Среди религиозных приемов лечения широким распространением пользовались поминание больного на проскомидии и во время «заздравной» обедни и в особенности *употребление святой воды*.

Святая вода, особенно крещенская, иногда спаская,

а также вода, освященная во время молебствий о ниспослании дождя, и по сей день весьма ценится у православных христиан за свои целебные свойства. Запаситься крещенской водой считается и в наши дни долгом каждого верующего человека, она хранится целый год и не портится.

Святая вода применяется наружно и внутрь при всевозможных заболеваниях.

Помимо многих внутренних и нервных заболеваний особенно часто ее применяют при глазных болезнях.

При укушении змеи смачивают этой водой укушенное место. Раньше для этих целей иногда настаивали святую воду на почках вербы, которая была в церкви во время вербной заутрени.

Крещенской водой растирают опухоль, образовавшуюся после ушибов, читая при этом воскресную молитву.

Матери всегда использовали святую воду для лечения детских болезней.

В связи с употреблением святой воды, как лечебно-религиозного приема, стоит упомянуть *купание в проруби* после водосвятия, в день Крещения, после которого излечиваются все болезни.

Раньше больного человека тотчас после освящения воды опускали в прорубь на кушаках и три раза окунали, погружая его в воду с головой.

Иногда для этой цели на реке, недалеко от главной проруби, где происходило водоосвящение, вырубалась другая, специально для больных.

Кроме того, было принято купаться *в реках после водоосвящения в день Первого, или «Молодого», Спаса* (14 августа нового стиля). Купались при этом обязательно ниже того места по течению реки, где происходило погружение креста. Люди зачерпывали воду пригоршнями, обмывали ею лицо, руки, пили и обливали маленьких детей.

Очень верили крестьяне и *в целебность масла от святых мощей и чудотворных икон.*

В особенности почиталось масло от мощей из Киева, Соловецкого монастыря, от Гроба Господня и с Афона. Последнее в некоторых местах называлось регаль-

ным, или рыгальным маслом («регалка»)*. В тех случаях, когда не было такого масла, оно заменялось простым лампадным маслом, которое бралось, например, при родах, из девяти лампад и нередко получало название «*Богова масла*». Им растирали больные места и принимали с водой внутрь.

Почти таким же целебным значением, как масло, пользуются и до сих пор также *ладан и просфоры*, особенно принесенные из монастырей. Целебны и обыкновенные церковные просфоры, *благословенный хлеб* и так называемый *артос*.

Особенно целебные свойства придаются девятичинной просфоре.

Кроме того, всегда на Руси считалось одним из лучших и испытанных средств при болезни поставить «*свечу за здравие*».

Иногда обещают поставить свечу непременно известной ценности, веса или толщины, а иногда ставят их даже в рост больного человека.

Есть также свечи «головные». Такие свечи, размером в окружность головы больного человека, при головной боли ставят пред иконой Иоанна Предтечи.

Раньше со свечами, с которыми стояли во время чтения 12 Евангелий, в Великий четверг, совершали следующий ритуал: по прочтении каждого Евангелия налепляли на свечу кусочек воска и полученные таким образом 12 шариков глотали от разных болезней.

Подобным же образом предупреждалась лихорадка: пушинку вербы и каплю воска от свечки, с которой стояли в Вербное воскресенье, проглатывали во время пения «Иже херувимы» и тем будто бы предупреждали лихорадку в течение целого года.

Обычай зажигать при трудных родах венчальные свечи перед иконами соблюдался не только среди крестьян. Кроме венчальных зажигались в этом случае иногда и свечи богоявленские, страстные и пасхальные: все они, по распространенному верованию, «давали потуги роженице».

* Масло, настоящее на траве «регал», растущей на старом Афоне и в Палестине, в долине Предтечи. Трава эта пользовалась репутацией всеисцеляющего средства и пилась вместо чая.

Своеобразным методом лечения было *подлезание под раку святых мощей и под чудотворные иконы*. Верование в целебность этого акта, в большей или меньшей степени распространено было по всей России. Делалось это во время крестных ходов. Ко времени такого хода, особенно если в нем участвовала какая-нибудь почитаемая местная икона, по пути его раскладывали больных, взрослых и детей, чтобы над ними прошли и пронесли иконы, здоровые же, с этой целью, нагибались и приседали.

Вот как очевидец описывает это явление при обнесении вокруг собора в Новоезерском монастыре мощей преподобного Кирилла Новоезерского в XIX веке:

«Священники поднимают и выносят раку, полиция еле сдерживает толпу. Но усилия тщетны, толпа неудержимым потоком течет под священную раку: пройти желает всякий верующий и особенно болящий. Чтобы обойти вокруг собора, требуется несколько часов: так медленно движется процессия».

Псевдорелигиозные средства лечения

Иногда «церковные» методы лечения не имеют никакого отношения к Церкви и богослужению и приобретают свои свойства лишь благодаря дню, с которым связывается их целебная роль.

Самые простые вещи в состоянии приобрести исцеляющую силу, если только освятить их в Великий, Чистый четверг: соль, сало, зола, вода, мыло и т. д.

Эти предметы получают название «*четверговых*» и в соответственных случаях пользуются исключительным применением.

Сугубо великочетверговым делом было приготовление «четверговой» соли; обычную крупную соль завертывали в тряпочку и перепекали в печи, иногда с квасной гущей. Крестьяне объясняли, что такая соль оказывалась очищенной от скверны, то есть от прикосновения руки Иуды-предателя, поэтому она обладала целебными свойствами и хранилась в течение года как лечебное средство для людей и для скота.

Вот как, по рассказам крестьян, происходило, например, освящение четверговой соли: «Каждая хозяйка считает долгом запастись этой соли, в Великий четверг, на целый год. Насыпав соли в сосуд, ставят к образам и втыкают в нее зажженную восковую свечу, молятся, кто как умеет, и к вечеру убирают.

Такая “четверговая” соль является очень распространенным наружным и внутренним средством и ею растираются и дают пить в воде при многих болезнях».

Такие же особенные последствия вызываются и некоторыми действиями, совершаемыми в Великий четверг: если стричь детям волосы в этот день, то они будут не только лучше расти, но у остриженных всю жизнь не будет болеть голова.

Известно также, что исстари был у русского народа обычай, по которому имеющие кожные сыпи для излечения купались в Чистый четверг до восхода солнца, а другие, здоровые, обливались холодной водой, чтобы на будущее предохранить себя от подобного рода болезней.

В «Стоглаве» читаем, что «некоторые невегласи попы в Великий четверг соль под престол кладут, и до седьмого четверга по Велице дни тако держат и ту соль дают на врачевание людям». Обычай этот сохраняется и в наши дни.

В Малороссии в Великий четверг оборачивали в холст кусок соли, обжигали ее в печи и приносили в церковь для освящения. Соль эта, по народному верованию, весьма хороша для людей от боли живота, для овец и коров, от разных болезней, а также от сглаза.

Существует и поверье о необыкновенной силе так называемой страстной четверговой свечи. Выслушав чтение страстей Господних, многие крестьяне внимательно следили, чтобы свеча, с которой они стояли во время службы, не погасла, и старались ее «с огнем» донести домой. Придя домой, хозяева выжигали этой свечой кресты на потолках, дверях и других местах. Эту свечу давали в руки умирающим, зажигали ее во время грозы, ставили перед иконой во время трудных родов, ходили с ней в пасечники, весной к пчелам.

Но не всякая четверговая свеча может называться

страстную; собственно страстная свеча считается та, которая, по крайней мере, «горела на трех страстях» — то есть во время чтения Евангелия на заутрени в пятницу, субботу и воскресенье.

Особенное значение получают также *растения и травы, приуроченные, так или иначе, к известным праздничным дням.*

Всеобщий обычай приносить из церкви, в Вербное воскресенье, вербы и хранить их целый год, по видимому, имеет своим источником не только воспоминание известного евангельского события, но и распространенную в свое время веру в целебность этого растения, приобретаемую благодаря особенностям празднуемого дня.

Приготовление вербных ветвей к празднику в старину составляло на Руси тоже, можно сказать, особый обряд, в котором очень живое участие принимали все — от царя до простолюдина.

Так, например, известно, что в древние времена перед Вербной субботой жители Москвы и с ними благочестивые русские цари ходили ломать вербу в Китайгород на реку Неглинную, берега которой в изобилии были покрыты ивами и вербой. Кроме того, как замечают иностранные мемуаристы, посещавшие Россию, в былое время в Вербную субботу пред обедней при большом стечении народа выносили из Успенского собора большое цветное дерево, украшенное разными искусственными плодами, и, установив его в огромные сани, возили в крестном ходе. Остаток этого старинного обычая можно видеть и в наши дни, когда на неделю Ваий прихожане приходят в церковь с ветками, украшенными искусственными цветами.

Предки наши в Вербное воскресенье, возвратясь из церкви после освящения вербы домой, все легонько стегали ею друг друга, приговаривая: «Не я бью, верба бьет». А кто просыпал заутреню, того стегали посильнее, тоже с приговоркой: «Верба хлѣс — бей до слѣз».

Повсюду принято было вербой выгонять в первый раз с Вербного воскресенья скотину в поле.

Ветки вербы, принесенные из церкви, обыкновенно прятались, и в случае летней грозы, а в особенности

града, их выбрасывали на двор в уверенности, что от этого гроза прекращается и град перестает идти.

Придя от заутрени, хозяин бросал веточки вербы в пищу домашней скотине в надежде на то, что это предохранит скот от падежа. Несколько веток втыкали под крышу дома или хлева, чтобы скотина не только сохранилась в целости, но и домой возвращалась исправно, не терялась бы в лесу.

Освященная верба, брошенная против ветра, прогоняла бурю и, брошенная в пламя, останавливала действие огня, а воткнутая в поле — сберегала посевы.

Всякий трус, желавший избавиться от своего недостатка, должен был в Вербное воскресенье по приходе от заутрени вбить в стену своего дома колышек освященной вербы — средство это если не превратит труса в героя, то, во всяком случае, прогонит природную робость.

По народному поверью, самой священной вербе исстари приписывается особенная целебная сила, поэтому наши предки съедали со священной вербы по девяти шишечек (сережек), считая это отличным средством против лихорадки. Летом же, во время грозы, ставили освященную вербу в окнах в доме для предохранения от удара молнии. В Вербное воскресенье запекали в хлебцы шишечки вербы и обязательно скармливали его скотине. В костромских селениях пекли «барашки» — печенье в форме вербных почек.

Верба — в русской мифологии один из вариантов мирового древа, а также воплощение полноты жизни и долголетия.

Такое же значение иногда получает «троицкая трава». Она собирается в Троицын день с церковного пола.

Кто хочет, чтобы такая трава имела целебное действие, тот должен простоять всю утреню и обедню, не переступая с одного места на другое. Брать ее из-под ног нужно тогда, когда будут подходить к кресту.

В Орловском уезде при бессоннице купали ребенка в воде, которую предварительно спускали с девяти икон и лили через веноч, завитый в Троицын день, между утреней и обедней.

Во многих местах особое значение при детских заболеваниях придавалось *печатке* («дорнику»), *которой печатают просфоры*. Заболевших детей приносили к просвиrne, и она мяла ребенку этой печаткой живот.

Иногда просвирни выступали в роли знахарок.

Об одной такой просвиrne рассказывает в своей книге Г. Попов: «Она прикладывает печать сначала к голове ребенка, делая изображение креста, затем к груди, рукам, ногам и спине, произнося каждый раз: “Господи, Иисусе Христе” Такой способ лечения называется “поколоть больного”

В других случаях эта печатка обмывается водой, которой поят и сбрызгивают ребят, особенно тогда, когда их “сглазили” или “взяли уроки”».

В лечебных целях использовали иногда даже *церковный колокол*. В Вятской губернии носили «под колокола» испуганных ребят, а в Орловской — лазили на колокольню и становились под колокол при глухоте.

Помогал будто бы колокол и при косноязычии: для этого нужно было спустить с языка колокола, при первом ударе к утрени в Пасху, воду и эту воду пить.

Нередко в глазах крестьянина получали также целебное значение такие предметы, как *скоба церковных дверей*, о которую он, при входе в церковь, тер свою руку, *травы, камни, щепочки*, принесенные из святых мест, *штукатурка* от врат святой обители и т. п.

Приносили в деревни «лечебные» предметы и мошеники-паломники, вернувшиеся из святых мест. Придя в деревню и порассказав о своих мнимых путешествиях к святым местам и в Святую землю, такой странник, среди других религиозных диковинок, показывал изумленным зрителям и воду из животворящего источника, и плод в сухом виде, которым будто бы питался Спаситель во время сорокадневного поста, стружки от Гроба Господня, гвоздь, которым был пригвожден ко кресту Спаситель, объяснял, от какой болезни исцеляет каждая вещь, назначал цену и — получал обильное вознаграждение от крестьян, спешивших купить «святые вещи».

«В 1896 году, — пишет Г. Попов, — бешеная собака покусала нескольких крестьян и крестьянок.

Искусанные были отправлены на казенный счет в Казань, где им сделаны были прививки. Но двое из укушенных, не доверяя докторам, не заявили, что они искусаны, и остались дома, обратившись за помощью к знахарке. Знахарка, из пришлых, за 10 рублей согласилась вылечить обоих.

“У меня, — говорила она, — есть кипарисные стружки от креста Господня: когда жиды крест-то для Господа делали, верные люди все щепки и стружки-то и прибрали. Они могут любую болезнь вылечить и бешенство тоже. Пейте вы воду с этих стружек три раза в день, утром, в полдень и вечером, на заре. Кроме того, на утренней заре ходите каждый день ко мне, и я вас буду отчитывать. Да, смотрите, усерднее молитесь Богу и просите Его о выздоровлении. Одежду же, в которой вы были искусаны, вы на себе не носите, а повесьте на подолок* и в 20-й и 40-й день лазайте туда и смотрите, что с ней будет делаться”

Укушенные крестьяне вполне следовали советам знахарки, и, вероятно, потому, что действительного заражения у них не было, они не заболели и остались живы. При этом они передавали, что на двадцатый и сороковой день своими собственными глазами видели, как одежда их дрожала, как осиновый лист: это выходило бешенство».

Есть у Г. Попова и другой рассказ о такой же знахарке-богомолке:

«Придя в село, она объявила хозяевам, что может лечить всякие болезни, изгонять бесов, делать свадьбы по наговору, сводить супругов, если они не любят друг друга и прочее. Много она пересчитывала разных болезней, поддающихся ее лечению, и, в конце концов, добавила, что она лечит даже и от сорока смертных болезней, от которых ни один доктор не вылечит, как бы искусен не был. О своей врачебной силе она говорила, что получила ее в Соловецком монастыре, от одного

* Подолок — потолок, второй его «чистый» слой, который подшивается («подволакивается») под верхним «черным» накатом.

схимника-монаха, Питирима, которому она уж больно понравилась. “Лечение мое все от Бога идет, — говорила знахарка, — не так, как у других: другие с демонами связались, а я — нет: у меня святые молитвы”

Известие о знахарке быстро распространилось по селу и окрестным деревням, и недостатка в пациентах не было. Обращались к богомолке преимущественно женщины. Каждая больная, желавшая знать свою болезнь, должна была заплатить 10 копеек. Получив деньги, знахарка раскрывала Псалтырь и читала вслух один из псалмов; пробормотав что-то себе под нос, она объявляла, что у больной порча или что в нее вошел бес и она может снять болезнь как рукой.

— И плата за это недорогая — 1 рубль 11 копеек, на благолепие Соловецкого монастыря, да мне, грешной, четвертачок, — убеждала баба-знахарка.

За эти деньги она давала разные целебные травы, образки, просфоры и прочее. Богатые и бедные доверчиво раскошеливались, платя требуемое, и даже прибавляли, говоря, что ей самой-то, сердечной, уж больно мало приходится».

Глава девятая

Знахарки-повитухи

Роды

На Руси всегда считали, что дети составляют благословение Божие и являют собой присутствие Святого Духа в семье, они — ее опора и счастье.

Отсутствие же детей для крестьянской семьи было несчастьем, выражением гнева Божия и кары за грехи мужа или жены или их отцов, и оттого-то богомолье и обеты считались такими могущественными средствами против бесплодия.

Именно поэтому всегда в народе с особым уважением относились к тем знахаркам, которые помогали ребенку появиться на свет.

Беременную женщину в крестьянской семье все бе-

регли, хотя она продолжала исполнять неукоснительно все свои обязанности. Но домочадцам прекрасно были известны возможные последствия неосторожности — и о будущей матери старательно заботились. «Тоже уметь надо родить-то», — говорили в народе. Несчастный случай с роженицей объясняли часто тем, что «тяжело подняла баба».

Несмотря на то, что в каждой волости была акушерка, так называемая «баба-голландка», крестьяне редко обращались к ней за помощью. Чаще всего к родильнице звали женщину из деревни, которая умела бы «бабить».

Деревенские повитухи, «баушки», «бабки» — это всегда были пожилые женщины, практики-самоучки, по большей части вдовы. «Бабили» иногда и замужние женщины, но только те, которые перестали сами рожать и у которых не было месячных. Девица, хотя и престарелая, повитухой быть не могла, да и бездетная женщина тоже считалась плохой повитухой. «Какая она «бабка», как она бабить будет, коли сама трудов не пытала? При ней и рожать труднее, и дети не всегда в живых будут».

Бабка, как правило, должна была быть безукоризненного поведения, как в настоящем, так и в прошлом, и не уличена в неверности мужу: в противном случае на родах у баушек дети рождались больными, уродами и не жили долго.

Избегали в народе и таких бабок, которые когда-либо обмывали мертвых, имели злой и непокладистый характер и черные глаза: считалось, что у таких тяжелая рука и при них труднее роды.

В деревнях довольно часто встречались пользующиеся исключительным доверием и почетом повитухи-знахарки, которые, как считалось, могли делать роды непродолжительными и безболезненными и были очень искусны при отеле домашних животных. Такое умение считалось даже лучшей рекомендацией для бабки. «У меня ведь хорошая бабушка была, ее и к скотине возили», — одобряли бабку из числа таких.

Уважение к повитухам было столь велико, что роженицы не забывали их и через много лет после рождения

ребенка. Существовал даже особый праздник, который назывался Бабыми кашами или Бабым праздником (8 января нового стиля). В этот день обязательно надо было пойти с подарком и поздравить повитуху, которая помогала при родах. И вот мать с теми детьми, которых бабка в свое время приняла, шла к повитухе на каши. В этот день знахарка старалась как можно лучше принять своих гостей, а ребятишки стремились во всем ей угодить и помочь.

С бабкой семья договаривалась заранее — важно было найти хорошую повитуху и уговорить ее принять ребенка. Делалось это втайне ото всех, поскольку считалось, что беременность и в особенности момент наступления родов должны скрываться до последней возможности. Беременную, по мнению крестьянина, могли сглазить, испортить, оговорить, а самые роды были тем мучительнее и труднее, чем больше народа знало о них.

«Оборони Бог, если кто спознает, что баба родит, замучит ее, ни за что не родит, как должно. Она должна будет лишнее страдать за всякого, кто узнает об этом, и будет мучиться за каждый грех узнавшего».

Особенно плохо было, если о наступлении родов узнавала девушка: роженица должна была тогда отстрадать за каждый волосок на ее голове.

Были только два человека, которые могли знать о родах безнаказанно для роженицы: это бабка-повитуха и родная мать. Поэтому очень часто роженица отправлялась рожать, особенно первого ребенка, в дом матери.

Чаще всего рожали в родительском доме только женщины из богатых и больших семей, где не так нужны их рабочие руки и где труднее уберечься от постороннего глаза. Если родительский дом был далеко, то беременная заблаговременно, иногда недели за две-три до родов, ехала туда и жила, пока не разродится.

По этой же причине роженица из большой семьи иногда уходила рожать к повитухе.

Но чаще всего, конечно, роды совершались дома, на своем дворе. Домашние под разными предлогами выпроваживались из дома, отправлялись к соседям

или сами шли на какую-нибудь работу. В случае невозможности покинуть двор и оставаясь дома, они старались симулировать свое отсутствие, притворяясь спящими.

В разных областях России были разные взгляды на присутствие мужа при родах. В некоторых местах муж не мог присутствовать при родах, потому что при муже труднее рожать, или же потому, что присутствием его нарушается принцип целомудрия: «Не место мужикам там быть, где бабы свои дела делают». В некоторых случаях присутствие это считалось безразличным, иногда желательным, потому что при муже роды бывают легче, а иногда даже обязательным, так как, присутствуя при родах, муж как бы берет на себя часть мук.

Считалось очень полезным, если муж, для ускорения родов, перешагнет через роженицу, будет держать жену за плечи, чтобы помогать ей тужиться, лучше, если снимет с себя при этом штаны и еще лучше, если разденется догола. Хорошо для роженицы, если муж во время родов будет ложиться на нее, вытянув вперед шею, будет стоять у изголовья и станет кричать и стонать вместе с женою.

В некоторых случаях роль мужей являлась донельзя курьезной: после рождения ребенка, в предупреждение появления двойни или тройни, по настоянию бабок, они «зааминивали» промежность родильницы. «Смотри, еще наносит», — стращали таких пугливых мужей бабки.

Роды, если только они не наступали совершенно неожиданно, чаще всего происходили в бане, которую топили, но не с целью вымыть роженицу и достигнуть ее чистоты перед родами, а чтобы распарить и «размягчить» тело.

Нередко местом для родов становились «подизбица», «голбец»*, чулан, летом же — клеть, сарай, амбар, гумно,

* Голбец — дощатая пристройка к печи. Верхняя поверхность голбеца использовалась для спанья, а внутри голбеца устраивали спуск в подполье. Голбец считался «пограничным» пространством, в котором положено было, по народным представлениям, пребывать тем, кто находится в «переходном состоянии», как, например, роженица и невестам. Голбец был, кроме того, местом жительства домового.

овин, сеновал или же просто какое-нибудь укромное место во дворе.

Основанием для такого уединения во время родов послужили древние верования: женщина издавна и почти всюду считалась первое время после родов существом нечистым, а значит, должна была быть изолирована от общества.

По церковным правилам женщина не может прийти в храм в течение сорока дней после рождения ребенка. И в некоторых губерниях России в течение сорока дней после родов родившая женщина считалась не только нечистой, но даже поганой. Она также не могла пить крещенскую или освященную во время водосвятного молебна воду, не могла ходить в церковь, подходить близко к божнице, брать в руки икону, зажигать перед нею свечу, присутствовать на молебне в доме, святить корову, осматривать пчел и даже доить коров, дотрагиваться до хлеба и ходить в амбар, где хранится зерновой и молотый хлеб. В Алатырском уезде даже члены того семейства, где есть родильница, считались нечистыми, и до тех пор, пока священник не совершит над нею очистительной молитвы, никто из них не бывал в церкви.

Так как самое важное при родах — совершить их, насколько возможно, секретнее не только от соседей, но и от большинства домашних, то повитуха заблаговременно никогда не приглашалась, а за ней бежали только тогда, когда у беременной начинались родовые схватки. Само приглашение совершалось как можно «таинственнее» и «секретнее».

Повитуха же, чтобы ее никто не заметил, пробиралась в избу роженицы окольными путями, иногда через гумна и огороды.

Выйдя за свои ворота, бабка, отправляясь к роженице, должна была стать лицом к востоку и сказать: «Батюшка, восток, бывает на тебе сам Иисус Христос. Благословите меня, рабу грешную, на мир Божий, к рабе Божией (имя роженицы), Казанская Божия Мать, Михаил Архангел и все святые Угоднички». А во время пути до дома роженицы она читала «Богородицу».

«Помогай Бог трудиться», — приветствовала она, войдя в дом, роженицу.

«Все благополучно, ребеночек на ходу, только бы воды прошли, а то все пойдет своим чередом», — говорила бабка пациентке после осмотра.

Но первым делом повитуха, как считалось, для ускорения родов расстегивала роженице ворот рубахи, снимала с нее, если были, кольца и серьги, развязывала все узлы, какие есть на рожаящей, в том числе и расплетала косы, отпирала все замки в доме, открывала печи, заслонки, двери, ворота, сундуки и лари. В народе верили, что если все будет развязано и открыто, то и роды «развяжутся» скорее и у роженицы свободно откроются все «затворы и запоры», затрудняющие выход ребенка. Иногда, чтобы помочь в этом роженице, то же делает, ослабляя на себе пояс и расстегивая ворот рубахи, муж.

В некоторых деревнях повитуха заблаговременно, за сутки или больше до родов, снимала с беременной всю верхнюю одежду и оставляла ее в одном исподнем, расстегивала ворот рубахи, расплетала ей косы и даже снимала крест. Простоволосая, с распущенными волосами, беременная женщина должна была ходить взад и вперед через пороги, из одной комнаты в другую, из избы в сени, из сеней в избу и так чуть не до самых родов. Считалось, что как свободно женщина расхаживает, так же свободно выйдет из нее ребенок.

Когда же наступали роды, повитуха укладывала родильницу на пол на солому. И бабка, и ее пациентка непременно должны были быть во всем чистом. Иногда повитуха даже окуривала и себя, и роженицу росным ладаном, опрыскивала святой водой и давала испить крещенской водицы, а перед иконами зажигала восковую свечку. В некоторых местах икона Божией Матери и святая вода ставились в головах роженицы.

Вообще обращение к Богу и святым во время родов являлось их неотъемлемой частью. Русские люди верили, что во время родов прилетает Михаил Архангел и все апостолы, а особенное покровительство оказывают роженицам Божия Мать и некоторые мученицы и святые. Скорой и усердной помощницей в

родах считается Анна пророчица. Святые Варвара и Екатерина великомученица принимают близко к сердцу муки роженицы, так как сами «трудились» родами, святой Иоанн Богослов помог родить на дороге одной женщине, а святой Власий имеет власть «разрешать» роды. Деятельной помощницей при родах считается также бабушка Соломонида, принимавшая, по апокрифическому сказанию, Иисуса Христа.

«Казанская Божия Мать, Смоленская Божия Мать, Иерусалимская Божия Мать, не погнушайся мне, грешной, помоги мне при родах», — взывала роженица. «Пресвятая Богородица, — молилась повитуха, — отпусти матушку Соломониду. Бабушка Соломонида, приложи свои рученьки к рабе. Чистый четверг, великая пятница, честная суббота, святое воскресенье, отблагодарите нас добрыми делами».

Весьма часто перед родами и во время родов муж роженицы, а иногда и все домашние, нередко и дети, становились на молитву. В некоторых местах считалось полезным для роженицы просить перед родами благословения родителей и вообще предков. Иногда роженицы просили прощения у родных и соседей, а иногда прощались со всем и всеми: «Простите меня, угоднички святые, мать сыра земля, батюшка с матушкой, мой благоверный супруг и мои родные детушки!» Иногда роженица просила прощения только у домашних и мужа, а иногда просил прощения у роженицы муж.

При нормальных родах роль повитухи заключалась в том, что она ободряла роженицу, разглаживала ей поясницу с приговором «Расступитесь, растворитесь, косточки!», растирала живот деревянным маслом, смазывала им или вводила во влагалище для «смягчения» кусочки мыла.

По внешнему виду беременной повитухи обыкновенно старались предугадать, родится мальчик или девочка. Повсеместно верили (и верят по сей день), что острая форма живота и сильно распухшие ноги родильницы указывают на то, что родится мальчик. Кроме того, существовало весьма странное поверье, что младенец в материнской утробе может иногда кри-

чать и крик этот обязательно предвещает его скорую смерть после появления на свет.

Кроме «мытья» для облегчения родов деревенские «баушки» весьма редко прибегали к другим медицинским средствам. Лишь изредка для ускорения и облегчения родов употреблялся внутрь настой корицы в вине, а также трава чернобыльник. Последняя употреблялась иногда и для изгнания плода. Целебное действие этой травы признавалось народом несомненным.

Во всех рукописных народных цветниках и травниках говорится о целебном действии этой травы при родах. «Трава чернобыль, — читаем мы в одном из таких цветников, — растет подобно белене... а ежели женщина ту траву принимает, то живое и мертвое дитя из утробы выведет». «Траву чернобыльник, — читаем в другом цветнике, — надо выкопать с корнем, мелко изрубить и варить в вине или с уксусом, и роженицам, кои долго мучаются, поить и на живот привязывать, а когда будет родить младенца, то от живота отвязать, иначе живот много втянет».

Вообще же, как мы сказали выше, к лекарствам деревенские «баушки-повитухи» при родах прибегали весьма редко. Все дело ограничивалось «мытьем», разглаживанием, спрыскиванием от дурного глазу и т. д.

Во все продолжение родов бабка постоянно крестилась, клала земные поклоны и утешала роженицу. «Потерпи, моя касатка, потерпи, Бог пошлет, все благополучно будет, все по-доброму идет. Ты только, как “напруги” берут, сильнее поддай, упрись мне в бедра ножками и помочь давай на нутря-то».

При каждой схватке, накрывая живот роженицы, чтобы «не вышло остуды», бабка следила за ходом ребенка и с приближением его приговаривала: «Матери Божии, святые угодники, Иисусе Христе, ослобоните рабу Божию, пошлите ей на все хорошее. Ну, подужай, подужай, ну еще разок потужись, вот, вот уж весь на воротах стоит».

Если роды не проходили быстро, то повитуха заговаривала воду:

«Стану я, раба Божия (имярек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротми. Выйду я в чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточну сторону. На той восточной стороне стоит престол Господень. На том престоле Господнем сидит Пресвятая Мати Божья Богородица. И помолюсь, и поклонюсь Пресвятой Матери Божьей Богородице: “Пресвятая Мати Богородица, соходи с престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божьей (имярек) мясные ворота, и выпускай младеня на свет и на Божью волю”. Во веки веков, аминь».

Заговор этот надо было произнести трижды, а потом дать выпить наговоренной воды родильнице или облить ее живот.

Также при замедлении родов считалось полезным «распарить» живот, иногда же, напротив, «прописывали» холод. В зимнее время роженицу выводили в сени «охолонуть» или клали ей на живот снег. «Холодок хорошо, поутомить жар-то нужно, — объясняла его действие бабка, — там от жару все вздуло, вот Бог и не дает».

Если родильница не могла легко распростаться с детским местом, то ей давали спорыньи или солоду, или гущи квасной, или же, закатав в хлебе трех вшей с трех голов и заставив родильницу съесть шарик, говорили ей, что она съела.

Почти всеми бабками считалось очень важным, чтобы роженицу при родах тошнило и рвало. Для этого, обыкновенно, толкали в рот роженицы и давали ей «давиться» ее собственной косой, щекотали во рту пальцем, поили роженицу дрожжами, конопляным или деревянным маслом: считалось, что после рвоты скорее пойдут потуги — «роженицу сорвет, вот, силу Бог и даст». Довольно странный, но излюбленный и распространенный бабий прием при родах для усиления потуг и большего напряжения роженицы — это дуть в пустую бутылку.

Деревенские роды совершались далеко не всегда в лежачем положении, а нередко стоя, так как при стоячем положении женщины ребенок будто бы скорее и свободнее выйдет, при лежании же он может подкатиться под ложечку. Чтобы он не «застоялся», а

также чтобы «расходились все жилы роженицы и все ее члены», очень часто считалось полезным, с промежутками или непрерывно, водить и таскать под руки роженицу по избе, обводить ее вокруг стола и т. п. Первое время ходить роженица старалась сама, а потом это хождение совершалось при помощи бабки или матери и мужа. Продолжалось оно до тех пор, пока не покажется головка ребенка.

Тогда бабушка клала роженицу на постель, бралась руками за головку, потихоньку ее раскачивала и говорила роженице: «Ну, помогай, силы поддавай».

Обыкновенный и также очень частый прием при нормальных родах, в лежачем или стоячем положении роженицы, — это перекинуть через брус или потолочную балку веревку, ухватиться за нее руками и, упираясь пятками о кровать или пол избы, держаться в полувисячем положении. «Каждая вещь упадет на землю, коли ни на чем не держится, — довольно смутно объясняли земским врачам этот прием бабки, — потому и ребенка тоже к земле тянет, а коли лежит баба, как есть, ну и он лежит смирно». Особенно рекомендовался этот прием в тот момент, когда Бог станет «прощать» роженицу, то есть когда покажется головка младенца. Термином «Бог простил» определялся момент рождения ребенка, ибо именно тогда, по существующему поверью, посланный от Бога и присутствующий при родах ангел влагает душу в новорожденного и улетает на небо.

Некоторыми бабками производилось «выкликание» детского места. «Кысь, кысь, кысь», — приговаривают они, «ратуя» о детском месте и слегка подергивая за пуповину. Способствовал изгнанию последа и, одновременно, занятию своего надлежащего места «золотником» (маткой) после родов также следующий заговор:

Я, раба Божия N, рожденная,
Я, раба Божия N, крещеная,
Шла через три порога,
Несла три золотые рога
К рабе Божией N, рожденной,

К рабе Божией N, крешеной,
Живот вниз направляти.
Я живот вниз направляю,
В гору не поднимаю,
Не сама собою живот направляю,
Силой Бога из него выгоняю.
Золотника прошу, как родного брата:
Золотник-золотнический,
Братец, ты, светлый месяц,
Я тебя прошу, как родного брата,
Сядь ты на мое местечко,
На золото крылечко.
А тут тебе не бывать,
Тут тебе не гулять,
Тут тебе не воевать,
И тихохонько, и легохонько
На лес сухой да на яр глухой
Из животика ее, рабы Божией N, выбывать.

Для изгнания послета применялись также окуривание родильниц очесами льна на страстной свече, маленький, привязываемый к пуповине, лапоть и веник, положенный к половым частям родильницы. Если послед не выходил через полчаса, то это считалось знаком недобрым, а если проходил час — дело было совсем плохо. Очень нередки были случаи, когда бабки, стараясь выгнать послед, усиленно тянули и обрывали пуповину. Это, по объяснению их, происходило тогда, когда послед «прирастал к телу».

Пуповина перевязывалась суровой ниткой или пряжами льна, чаще всего свитыми вместе с волосами матери. Волосы последней, обыкновенно из правой косы или с правого виска, брались для того, чтобы «ребенок всю жизнь был привязан к матери».

Перерезывалась пуповина, как правило, хлебным ножом или ножницами и смазывалась деревянным маслом.

Иногда у детей женского пола она отрезалась ножом на гребенке, чтобы девушка хорошо пряла, а у новорожденного мальчика — ножом на топоре, чтобы мальчик им хорошо владел, когда вырастет большим.

Иногда, в предупреждение грыжи, пуповина перегрызалась бабкой зубами.

Детское место, или «постелька», всегда тщательно обмытое и завернутое в тряпочку, часто с ломтем чер-

ного хлеба или яйцом, а иногда с несколькими головками лука, зарывалось в землю в каком-нибудь сокровенном месте, выбранном бабкой, чаще всего под полом избы, в подизбице, подвале, подполье, около печки или в переднем углу. В некоторых местах послед при этом клался в лапоть с правой ноги.

Реже зарывалось детское место под полком бани, на дворе, на огороде, иногда в навоз, в хлеве или конюшне. Если хотели, чтобы у ребенка не было грыжи, зарывали послед под подвальным бревном. Если хотели, чтобы следующий ребенок был мальчик, хоронили послед на чердаке над святым углом, а если мечтали о девочке, то несли на чужое поле и зарывали там.

В тех случаях, когда в семье все предшествующие дети умирали, послед зарывался на перекрестке чужого поля.

Считалось, что если детское место не хоронить три дня, то детей не будет три года, если его предварительно выворотить, то следующий ребенок будет непременно мальчик, а если зарыть его пуповиной книзу, то детей у родившей женщины больше не будет совсем.

Зарывание послета сопровождалось иногда особыми приговорами, имеющими отношение или к здоровью родильницы, или к будущему ребенка. «От земли взято, земле предавайся, а раба Божия (родильница) на земле оставайся». «Тебе, святое местечко, на лежанье, а ей (родильнице) на здоровье». «Месту гнить, а ребенку жить, да Бога любить, отца, мать почитать и бабку не забывать».

В некоторых местах, если родился мальчик, отец сам (а не бабка, как во всех других случаях) нес послед в конюшню и зарывал под ясли, говоря: «Дитяtko расти, и лошадка расти».

Иногда на короткое время бабка клала послед под голову родильницы, чтобы у нее не болел живот, и терла последом ее лицо, чтобы не было на нем «матей», и иногда, прежде чем зарыть послед, отрезала от него небольшой кусочек. От того, куда мать отнесет и бросит этот кусок, зависели судьба новорожденного и развитие будущих его качеств. Если мать бросала его в конюшню, то новорожденный становился охотником

до лошадей, если вешала на соху, он вырастал хорошим пахарем, если около кабака или какой-нибудь лавки — дорога младенцу была в купцы, а если послед вешали около церкви — ребенок очень сильно любил Бога и мог даже уйти в монастырь.

После того как с последом было покончено, «баушка» обмывала новорожденного, обрезала и завязывала у него пуповину и, если ей покажется нужным, исправляла его голову. В народе полагали, что так как голова у ребенка первое время бывает мягка, как воск, то вполне зависит от повитухи, сделать ли его круглолицим, или длиннолицым, или даже каким-нибудь уродом.

Также старательно «изничтожали» знахарки часто встречающуюся головную опухоль новорожденных и, находя у них грудные соски припухшими, предполагали в них молоко и усиленно сосали. Такое исправление ребенка обыкновенно проделывалось только в самое первое время после родов, пока дитя было «парено», но нередко производилось в течение всей первой недели, а иногда продолжалось до шести недель.

Чтобы ребенок был покоен, его обертывали отцовыми портами или, когда пеленали, вместо свивальника употребляли приготовленные из хлопков для половиков или дерюг толстые нити, известные под именем «*верчи*», а для того, чтобы младенец был красив и привлекателен, его покрывали материей зеленого цвета.

Перевязав пуповину, бабка схватывала двумя пальцами носик ребенка и потягивала его несколько раз, приговаривая: «Не будь курнос и спи крепче!»

Тотчас после рождения ребенка мать заставляли коснуться рта его своей пятой. При этом мать произносила следующие слова: «Сама носила, сама приносила, починовала». Это делалось для того, чтобы ребенок не кричал.

После этого бабка заговаривала грыжу. Вот один образец «грыжных слов»:

«Стану я, раба Божья, (имярек), благословясь, выйду я, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чисто поле. В чистом поле океан-море. В океане-море синий камень,

под синим камнем серый кот (если заговаривают грыжу у мальчика, если новорожденный — девочка, то «синяя щука»), зашпиывает и закусывает двенадцать грыж: и родовую грыжу, и стантовую грыжу, и пуповую грыжу, и яичну, и паховую, и головную грыжу, и зубную грыжу, и ушную и глазную грыжу, и ручную, и сердечную грыжу, и мокру грыжу, и подпятную грыжу, и подколенную грыжу, и заплечную грыжу. Какого слова не скажешь, то крепче всех слов (это прибавляется потому, что «грыж много» и можно нечаянно позабыть назвать какую-нибудь из них). Семьдесят жил и семьдесят суставов, и в едином суставе ключ и замок во веки веков. Аминь».

После заговаривания грыжи ребенка мыли.

Мыли младенца, из боязни обжечь его, едва нагретой водой, и в нее, когда новорожденного обмывали в первый раз, обыкновенно клали серебряные деньги, выражая тем желание ему в будущем богатства. Новорожденному мальчику клали в воду яйцо или какую-нибудь стеклянную вещь, девочке — только стеклянную вещь. Окатить ребенка в первый раз надо было непременно с локтя.

Обмыв новорожденного, повитуха клала его на спинку и стягивала сперва вперед и накрест пальчики ножек к локтям, потом поворачивала его на живот и также стягивала накрест пальчики ручек к ногам; потом клала ребенка на ладони так, чтобы головка и ножка висели, и, потряхивая несколько раз, приговаривала: «Расправлен, теперь уж уродцем не будешь!»

Управившись таким образом с ребенком, бабка хлопотала около родильницы: парила ее в бане или в печи, правила живот и сдаивала ее груди, чтобы удалить первое плохое молоко.

Вероятно, в силу распространенного поверья «если больной хотя бы немного поест хлеба с солью, то не умрет», почти всегда, по окончании родов, давали родильнице прежде всего ломоть ржаного посоленного хлеба*, часто хорошую порцию водки, иногда настоящую на калгане, черносливе, корице и гвоздике, и очень нередко квасу с толокном, ржаным соло-

* В некоторых местах с этим ломтем предварительно спускались в подполье, обходя все углы, и призывали домового, приговаривая: «Суседушко, батюшко, идикося за мной».

дом или овсяной мукой. Иногда ей давали съесть головку луку или редьки и выпить стаканчик конопляного масла. Водка давалась для подкрепления сил, калган для того, чтобы «встал на место золотник», а квас, толокно, чтобы «завязалось» в животе. По объяснению некоторых бабушек, от квасу с овсяной мукой будто бы легче бывает на нутре: «способнее и скрипотнее».

Женщину, разрешившуюся от бремени, нужно было три первых дня водить в баню, где знахарка, растирая ей живот, читала следующий заговор девять раз. Если же случалась какая-либо «неудача», то заговор читали три раза по девять раз и столько же раз продевали младенца между ног матери:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Господа Бога и Мать Пресвятую Богородицу на помощь призываю, а я, раба Божия (имярек), у родимого человека, раба Божия (имярек), про дорогой золотник* розыск начинаю: “Золотник мой, золотник, дорогой золотник, отыщи, дорогой золотник, свое дорогое место и стань, дорогой золотник, на свое дорогое место, чтобы у рабы Божия (имярек), родимого человека, отныне и до века, не болело и не щемило, вниз не спущалось и не окаменело”. Могла мать свое чадо сносить и спродить, могу и я, раба Божия (имярек), все болезни отговорить. Ведь затвержал Господь Бог воды и земли: знай свои дела; и за аминь Господь Бог мои врачебные слова — на веки веков, аминь».

В баню младенца в первые дни после рождения приносили три раза, где, по троекратном прочтении следующего заговора над водой, его «окачивали» этой самой водой:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Господи Иисусе Христе помилуй нас! Господа Бога Мать Пресвятая Богородица на помощь призывала, и все скорби и болезни обмывала; не я пособляю, не я помогаю, не я избавляю: помогает и пособляет Сам Иисус Христос и Сама Мать Пресвятая Богородица с Своим Сыном Христом со Небесным, помогает и избавляет. Сама Мать Богородица Своего Сына Христа обмывала и нам для младенцев ополоскунки посылала. Шелковый веник на бумажное раба (имярек) тело с добрым здо-

* Золотник — здесь: матка у женщины.

ровьем, ради нашего дела. Выйдите, все скорби и болезни! Ведь как могла мать свое чадо сносить и спродить, так и я, раба Божия (имярек), могу все недуги отговорить! Зосима и Савватий, Соловецкие чудотворцы, придите и помогите нашим делам, младенческим скорбям! Скорбящая Богородица избавляет всех от муки и скорбей: избавь и нас от людских упреков и сетей!»

Когда впоследствии ребенка парили, то всегда приговаривали:

«Спи по дням, рости по часам. То твое дело, то твоя работа, кручина и забота. Давай матери спать, давай работать. Не слушай — где курицы кудахчут, слушай пенья церковного да звону колокольного».

С самого момента рождения и до крещения ребенка ни новорожденного, ни родильницу не оставляли в избе одних, а тем более на ночь: у некрещеного младенца нет ангела-хранителя, и злые духи стараются завладеть его душой, причем приносят вред и родильнице. В некоторых местах избегали оставлять ребенка одного в горнице, так как в противном случае домовый легко мог унести новорожденное дитя.

Когда ребенка несли в баню, бабка несла впереди себя икону. Поэтому же она крестила все углы и печку в бане и не переставала во время мытья младенца твердить: «Ангелы с тобой, хранители с тобой», — не снимая даже креста с родильницы, хотя и грешно мыться, когда он на шее.

В некоторых северных губерниях бабка, идя с матерью и новорожденным в баню, шла впереди них со сковородником в руке, а за ней — с ножницами в руках родильница. Подойдя к банным дверям, бабка со словами «Благослови, Господи», делала на дверях три креста и передавала сковородник родильнице. Та брала его в правую руку и, входя в баню, им подпиралась, а в левой руке держала ножницы острием вперед. Вымыв ребенка, для того чтобы у него всю жизнь было много одежды, еды и денег, бабка вытирала его тряпкой, в которой были завернуты клочок шерсти от барашка, выстриженного в первый раз, яйцо от молодой курицы и серебряная монета. По возвращении из бани тря-

почка со всеми этими предметами и ножницы клались в изголовье ребенку, а сковородник родильница держала около своей постели.

Для предотвращения от похищения ребенка злым духом повитуха произносила заговор:

«На море-океане, на острове Буяне, подле реки Иордана, стоит Никитий, на злых духов победитель и Иоанн Креститель. Воду из реки святой черпают, повитухам раздавают и приказывают им, приговаривают: “Обрызните и напоите этой водой родильницу и младенчика некрещеного, но крещеной порожденного, от лихого брата, врага супостата, от лесовиков, от водяников, от домовиков, от луговиков, от полунощников, от полуденников, от часовиков, от получа-совиков, от злого духа крылатого, рогатого, лохматого, летучого, ползучого, ходячего. Заклинаем вас, враги лютые, не смейте вы подступать к рабе Божией (имя) и ею порожденному дитю, хотя некрещеному, но крещеной рожденному. Если же вы, демоны, подступите к рабе Божией (имя) и ею порожденному дитю, то Иоанн Креститель попросит Господа Бога Спасителя, всему миру Вседержителя, чтобы Он наслал на вас окаянных Илью пророка, с громом, молнией, с стрелами огненными. Илья пророк вас громом убьет, молнией сожжет, сквозь землю, сквозь пепел пробьет, на веки вечные вас в преисподне запрет, с земли вас сживет. Аминь, аминь, аминь”».

После прочтения заговора повитуха давала роженице напиться наговоренной ею воды, а младенца этой водой обмывала.

Роженицу в баню после появления на свет ребенка тоже водили три раза — уже одну. В некоторых местах, когда родильница шла туда, бабка терла ей лоб солью и приговаривала: «Как эта соль не боится жару, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, так бы раба Божия не боялась ни опризорищей, ни оговорищей», — и бросала соль наотмашку.

Именно там бабки, не стесняясь посторонних, имели возможность гораздо свободнее «править» живот родильницы. Деревенские повитухи, имея дело с увеличенной и несократившейся маткой, были уверены, что у каждой родильницы образуется грыжа, которую и надо разогнать. Для того чтобы она не пошла книзу, они

терли живот по направлению вверх, захватывали зубами и тянули пупок, а иногда накидывали на живот горшок.

Весьма важно было также поставить на место «золотник» родильницы. Сделать это в бане, когда «растомеют и размягчатся косточки», было всего удобнее. Растирая с этой целью мылом живот, бабки употребляли и некоторые специальные приемы.

Заставив родильницу встать на четвереньки и опереться руками, они сильно встряхивали ее за лодыжки, а иногда читали заговор: «Как на этом месте лежит раба Божия, так бы и в рабе Божией N стоял золотник, с боку на бок не ворочался, не ломил бы он ни заднего прохода, ни переднего». Интересен приговор, употреблявшийся в этих случаях, в некоторых местах Сольвычегодского уезда: «Сростайся, низушка, сустав в сустав, только х... место оставь».

Тяжелые и неблагополучные роды

Если роды затягивались, то повитухе приходилось показать свое искусство и прибегнуть ко всяким своим секретам. Часто эти манипуляции «баушек» были довольно странны, особенно для современного человека.

При тяжелых родах считалось полезным взять три камешка из трех различных бань, облить их водой и sprыснуть роженицу. Можно было sprыснуть ее и водой, в которой была вымочена «гажья выползина»^{*}

Считалось также хорошо окатить водой обручальные кольца мужа и жены и этой водой попоить роженицу. Вода, которой были окачены замки в доме, также обладала будто бы способностью отмыкать «врата и запоры родильницы».

Вода, если ее скатить с первого яйца, которое снесла курица, или с трех обыкновенных яиц, действовала и того лучше: считалось, что как легко и беспрепятственно скатывается вода с яиц, так же свободно выкатывается и младенец из утробы матери. Для этого только

^{*} Кожа ужа.

необходимо, когда наливается вода на яйца, приговаривать: «Как в курочке яичко не держится, так не лежал бы младенец Христов в утробе рабы Божией».

Хорошим действием, по мнению народа, обладала вода с углей, выскочивших во время топки из печи, и вода, которой были обмыты все четыре угла стола. При этом необходимо было читать заговор: «Как на этой доске вода не держится, так бы у рабы Божией младенец Господень не держался ни в костях, ни в суставах».

В некоторых местах России роженицу опрыскивали и давали ей пить воду, налитую в сапог мужа. Вода такая обладала еще большей силой, если муж предварительно обходил с сапогом вокруг избы. В некоторых деревнях считалось полезным поить роженицу водой изо рта мужа.

Так как считалось, что роды иногда замедляются оттого, что не сохранилась их тайна, то бабка шла к человеку, который «дознался» о родах, заставляла его набрать в рот воды, передать ей и, в свою очередь, изо рта в рот, передавала воду роженице.

Так же для быстрого разрешения роженицу пытались испугать, для чего неожиданно окачивали ее из ковша холодной водой.

Ее также «пугали», призывая постороннего мужчину и поручая ему, подойдя к двери дома роженицы, постучать в нее кулаком и прокричать негодующим голосом: «Что же вы, леший вас побери, так долго копаетесь?»

Для того чтобы отворились «врата у роженицы» при трудных родах, как и при нормальных, но в гораздо большей степени, производилось открывание и отмыкание всего, что затворено, заперто, завязано, застегнуто. Не только вынимались заслонки у печи, отпирались все замки в доме, открывались все ящики, сундуки и коробья, отворялись окна, ворота, но выгонялся со двора даже скот. Снимались и ослаблялись пояса у всех членов семьи, развязывались все узлы, расстегивались пуговицы, расплетались косы, снимались кольца, серьги со всех домашних, включая работников и работниц.

В некоторых исключительных случаях с роженицы снималось все, что на ней есть, даже крест, и она оставалась совершенно голой, ибо считалось, что за каждую

вещь, которая находится на женщине в момент рождения ребенка, она должна особо выстрадать и помучиться.

Бабка и сама помогала роженице помучиться и пострадать. Женщину таскали по избе до полного изнеможения и потери сознания, стучали иногда ее пятками о порог, заставляли ползать вокруг стола и, крестясь, целовать его углы. Водя роженицу вокруг стола, бабка иногда давала ей в руки зажженную венчальную свечу, сама читая при этом «Святой Боже» или шепча: «Освободи, Господи, душу грешную, а другую безгрешную».

Обычный и довольно распространенный прием, применявшийся при всех затягивающихся родах, — перешагивание мужем через роженицу. Иногда от мужа требовали стать посреди избы, а жену заставляли проползти между его широко расставленных ног. Иногда же мужа укладывали на пол, а жена перешагивала через него.

Если от применения всех подобных средств «родихе» все-таки не «лучшает» и Бог ее не «прощает», в некоторых местах совершался иногда обряд, который этнографы называли «всенародным покаянием». Предварительно справившись, не согрешили ли муж и жена когда под праздник и не нарушил ли кто из них седьмую заповедь, бабка, смотря по вине того или другой, собирала в избу роженицы мужчин-соседей или женщин. Если виноват был муж, то он клал перед образом три поклона и, падая ниц, говорил всем находящимся в хате: «Мирушко, православный народушко! Простите меня, православные, за мою беззаконность». Просить прощения полагалось не только тем, кто был действительно виноват, но и безгрешным.

Все при этом хором отвечали: «Бог тебя простит, и мы тут же». При этом родиха прибавляла: «Простите меня, в чем я нагубила». В ответ «мир» отвечал: «Бог тебя простит, и мы тут же». После этого женщины подходили к роженице «прощаться», и все расходились по домам.

Кроме того, повитухи немилосердно мяли живот, «выдавливая» ребенка, старались, насколько возможно, больше «выгнуть» спину роженицы, подкладывая под нее скатанные тряпки или помещая ее на ступе, в кото-

рой толкут семя, или кадке, так, чтобы ноги и голова роженицы свешивались. С целью исправить положение ребенка роженицу заставляли становиться на четвереньки, скакать с лавки, кувыркаться через голову и перекидываться на кровати через мужа.

Иногда несчастную женщину ставили на заслонку печи и заставляли плясать на ней. Для того чтобы «вытряхнуть» плод, приподнимали, при помощи мужа, роженицу под мышки, встряхивали и быстро опускали на пол или же заставляли мужа положить ее к себе на спину и, взяв страдальицу за бедра, ходить по избе, поминутно встряхивая.

Роженицу подвешивали также на вожжах, продетых под мышки, или клали ее на наклонно поставленную доску.

Несчастную подвешивали «к воронцу» или матице* за ноги, спускали с постели, полатей или полока, по доске, вниз головой, и встряхивали за ноги.

Подвешивание рожениц за ноги особенно рекомендовалось для переворачивания ребенка.

К числу внутренних средств при трудных родах относились спорынья, даваемая роженицам без меры, керосин и порох с водой.

После появления на свет ребенка бабки смотрели, как он себя ведет и не надо ли его «оживить».

Обмерших детей бабки опускали на несколько секунд в холодную воду и били ладонями по ягодицам, а иногда брали ребенка за ножки и опускали вниз головой, повторяя этот прием несколько раз, а затем дули в задний проход, качали ребенка над зажженным помелом, давая попадать дыму в ротик и ноздри, и вводили в нос гусиное перо.

В случае необходимости бабка жгла над ребенком бумагу и при этом приговаривала: «Жив Господь на небесах, жива душа в теле», — добавляя каждый раз к приговору имена его отца и матери.

Можно обмершего ребенка было и «откричать». Для этого бабка, качая ребенка, выкрикивала имя его отца, которое хором повторяли за ней сам отец и все присутствующие.

* Основная балка, поддерживающая потолок.

Крестины

В большинстве случаев крестины совершались на дому, на второй, на третий день после рождения. Одновременно в последнем случае давалось имя новорожденному и читалась очистительная молитва родильницы.

В кумовья приглашали кого-нибудь из близких родных или хороших знакомых; но когда прежде рождавшиеся дети умирали и когда желали, чтобы новорожденный был жив, то приглашались первые встречные.

В народе считали, что таинство крещения не всегда бывает действенно. Для его действенности от лиц, принимающих участие в совершении крещения, то есть не только от священника, но и от дьячка, требуется полное сознание святости и важности совершающегося таинства.

После крестин поздравляли отца и мать — с сынком или дочкой, кумовьев — с крестником или крестницей, бабу-повитуху — с новым внуком или внучкой и т. д.

Кума с кумой сажали за стол и угощали приготовленной для них закуской и чаем, а самого виновника происходящего торжества свивали и клали к родильнице на расстеленную мехом вверх шубу, что выражало пожелание богатства.

Между тем хозяин дома шел приглашать, кого сочтет нужным, из родных и знакомых «к младенцу на хлеб на соль, кашу есть», и затем устраивался крестильный обед.

Сначала подавалось холодное: в постный день — обыкновенно сельди и квас с кислой капустой, а в скоромный — студень и квас с яйцами и мясом; затем следовали блюда: в постный день — приправленные конопляным маслом щи со сметками, картофельный суп с грибами и лапша; в скоромный же — щи с каким-нибудь мясом, ушник, то есть суп из потрохов, лапша с курятиной или свининой, лапша молочная, и, наконец, каков бы состав кушаний ни был, на крестильном обеде необходимой считалась гречневая каша, перед которой в большинстве случаев подавалась каша пшенная.

В заключение обеда знахарка-повитуха клала на стол пирог, ставила в шапке горшок с кашей и на тарелке штоф с водкой и говорила:

Шапка малахай,
А ты, родильница,
В год еще натряхай!

Или:

Бабушка подходит,
Кашку подносит
На корысть, на радость,
На Божью милость,
На толстые одонья,
На высокие скирды.
Кашку на ложки,
Мальчику на ножки!

Или:

Гости мои любящие,
Гости мои дорогие!
К вам бабушка идет,
Вам кашку несет.
Бабушка молоденька,
Несет кашку сладеньку.
Нам не барыши получать,
А только народ приучать,
Чтобы бабушку знали,
Чаще в гости звали!

Бабка начинала угощать присутствующих, но те, по обычаю, первую рюмку предлагали угощающей.

«Попробуй-ка сама, бабушка! — шутят в ответ на ее угощения хозяин с гостями. — Бог знает, какую ты водку-то нам подаешь: может, она наговорная!»

Первым после бабки пил отец новорожденного. Для закуски ему она подавала в ложке пересоленную кашу, причем говорила:

«Ешь, отец-родитель, ешь, да будь пожеланней к своему сынку (или своей дочке)!»

«Как тебе сол(о)но, так и жене твоей было сол(о)но рожать!»

«Сол(о)на кашка, и сол(о)но было жене родить, а еще сол(о)ней отцу с матерью достанутся детки после».

Затем, бросая кверху оставшуюся в ложке кашу, проносила: «Дай только Бог, чтобы деткам нашим весело жилось и они так же прыгали бы».

За отцом младенца угощались кумовья.

«Выкушайте, куманьки дорогие! — говорила им бабка. — С крестницей (или крестником) вас! Как вы видели ее (или его) под крестом, так бы видеть вам ее (или его) и под венцом!»

После кумовьев пили подносимую водку и остальные, сидящие за столом. При этом каждый, не исключая и самого родителя, клал на тарелку деньги — в пользу бабки и на пирог — в пользу родильницы.

Уход за ребенком

После крестин бабка-повитуха оставалась в доме родильницы на одну-две недели. Обязанности ее в это время состояли в том, чтобы заботиться о ребенке, ежедневно обмывать и пеленать его, а также ходить за родильницей и, если последняя одинока, хлопотать вместо нее по хозяйству. Родильницу она парила в бане или печке, поила различными лекарственными травами и правила опустившийся после родов ее живот, растирая его при этом деревянным маслом.

Из лекарств, употребляемых родильницами, известны: настой водки на калгане, анис, богородская трава, ромашка и душица. Настой водки на калгане употребляли как средство, способствующее подъему живота; анис и богородскую траву пили для того, чтобы из грудей свободнее шло молоко; ромашку же и душицу — чтобы вызвать «краски» или от простуды.

Ничего кислого и соленого родильнице не давали.

Когда родильница достаточно оправится и когда бабка сочтет возможным уходить, происходило очищение всех присутствовавших и принимавших какое-нибудь участие при родах. Для этого пред иконами зажигали свечу, молились и потом водой, в которую клали хмель, яйцо и овес, умывались сами и мыли в ней младенца.

Во время умывания родильницы бабка говорила ей:

«Как хмель легок да крепок, так и ты будь такая же; как яичко полное, так и ты полней; как овес бел, так и ты будь бела!»

А когда мыла ребенка, приговаривала: «Расти с брус вышины да с печь толщины!» Этот обряд известен под именем *«размывания рук»*.

Бабка за свои хлопоты, кроме денег, собранных ею на крестильном обеде, получала еще один хлеб, фунт мыла, платок и деньгами от гривенника до рубля.

По уходе бабки все хлопоты и заботы о ребенке ложились главным образом на его мать.

Если ребенок заболел, к нему вновь приглашали бабку-повитуху или другую знахарку, которая знала, как лечить детские болезни.

Лечение почти всех детских болезней основывалось главным образом на действии лекарственных трав и на вере в магическую силу заговоров, наговоров и разного рода действий, совершаемых при известных условиях.

Выкидыши

Но бабки-повитухи были нужны деревенским женщинам не только для принятия родов, но и для «производства» выкидышей.

Если выкидыш случался у замужней женщины, то это было для нее большим позором — а не бедой, как можно было бы подумать.

Кроме тяжелых подъемов и работы, падений и ушибов, побоев мужа, порчи, оговора, тех случаев, когда беременную ночью «домовой подавит» и т. п., выкидыши приписывались таким прегрешениям матери, как несоблюдение постов, нерадивость в молитве, неверность мужу, совокупление с ним под праздник.

По сведениям этнографов, почти всегда выкидыши, подобно совершенному бесплодию, вели к раздорам в семье. «Что это только за народ молодой пошел? — негодовал старик на выкидывающую сноху. — Глядеть на тебя — баба ты чистый кабан, а родить по-людски не можешь. Тебя, этакую лошадь, нарочно и выбрали, чтобы видна работа была от тебя да чтобы ты детей

рожала хороших, здоровых, а ты что? Пихонуть тебя только». «И что это ты? — пилила в свою очередь сноху свекровь. — С чего вздумала скинуть? Работой тебя никто не загонял, и зашибаться тебе было негде. И что это такое, с чего скидывать зачала? Чудное дело!»

Самое удивительное, что даже незамужние крестьянки, вынужденные обратиться к знахарке для прерывания беременности, осуждались в народе. Их «обежали» замужеством, и гораздо более шансов выйти замуж было у девки, родившей ребенка, чем у той, о которой известно, что она «произвела» выкидыш.

К знахаркам же, которые в открытую занимались изгнанием плода, в деревне относились просто враждебно. Часто таких «бабок» считали самыми «последними» людьми, «подлыми», которых даже убить не будет греха, все равно что «из огорода вырвать дурную траву».

Тем не менее, судя по записям этнографов XIX века, плодоизгнание почти везде было распространено между деревенскими девушками, вдовами и солдатками, забеременевшими в отсутствие своих мужей, и лишь крайне редко замужними.

Для этого, по наущению «знатки», пили свое «временное», собирали вместе с мочой кровь месячных очищений с земли или со снега, мыли рубахи после месячного и воду лили в бане на полок или собирали ее в бутылку и зарывали в землю, непременно под печной столб. Считалось, что, пока бутылка в земле, как бы девка ни вешалась на шею парням, ни за что не «забрюхатеет». Если она выйдет замуж и захочет иметь детей, то надо бутылку эту вырыть и разбить: тогда пойдут и дети.

С той же целью в бане бросали в жар сорочку с первой ночи, вырезали из рубашки пятна от месячных очищений, сжигали их и пепел разводили в воде и пили.

Для производства выкидыша в очень большом ходу были различные механические приемы. Чтобы «выжить» ребенка, девки сами, или при помощи знахарки, перетягивали живот полотенцами, веревками, поперечниками от конской сбруи. Призванные «баушки» мяли и давили «нутро» беременной, клали на живот большие

тяжести, ставили горшки, били по нему кулаками, скалками, вальками, а иногда даже заставляли несчастную наваливаться животом на тупой конец кола, упирая острый в землю.

Поднимание непосильных тяжестей, прыганье с высокой лестницы, сеновала, перескакивание через бочку или высокую изгородь — все это не менее часто практикующиеся приемы.

Из внутренних средств наиболее распространенными были получаемые от знахарок настои на пороже, селитре, керосине, фосфорных спичках, спорынье, сулеме, сере, киновари и даже мышьяке и «живой» ртути, а также вода с мелко истолченным стеклом.

Употребление этих средств, в особенности фосфорных спичек, нередко влекло за собою смерть.

Из других, более невинных средств в употреблении было питье отвара луковых перьев, настоя корицы в вине, толченого сургуча с водой, щелока.

Некоторые старались «застудить кровь» и ходили по снегу босиком, а другие, без успеха или с успехом, иногда гибельным для жизни беременных, прибегали к другим тайным средствам, тщательно скрываемым знахарками. На вопрос: «Что они дают?» — бабы уклончиво отвечали: «А кто их ведает? Должно быть, порох какой-нибудь».

Между повитухами-знахарками встречались и такие специалистки, которые, по мнению народа, могли сделать так, что при них у законных жен дети рождались живыми, а беременные от незаконных сожителств рожали мертвых детей.

Глава десятая

Знахарский календарь

Точно так же, как и у колдунов, в жизни знахарей, в соответствии с русским народным календарем, были свои особые дни, в которые полагалось выполнять определенные обряды.

Так, *11 января* (по новому стилю), в Страшный вечер, когда особенно неистовствовала нечисть, зара-

нее приглашенные знахарка или знахарь приносили на крестьянский двор угли из печи. Старики же из своих постелей натрясали соломы. Вся семья под руководством знахаря зажигала костер — и в огне сгорали все болезни, тоска и беды.

В ночь на Новый год, то есть *13 января*, знахари собирали нечуй-траву. Именно в эту ночь, в полночь, нечистая сила разбрасывала траву по озерам и рекам. Найти траву могли только слепые, которым она словно иголками колола глаза, когда они на нее наступали. Обладая этой травой, человек был способен утихомирить ветер, избавить себя и судно от потопления, а также ловить рыбу голыми руками, без невода.

15 января старушки-знахарки справляли смывание лихоманок. Обряд и верование заключались в следующем.

В селах думали, что лихоманки выгоняются из ада морозом, ищут пристанища по теплым избам, где уже всегда есть люди виноватые. А лихоманки только и знают, что искать людей виноватых; а если уже и сыщут виноватого, то сумеют и потрясть, и познобить. Ведь на то она и лихоманка-лихорадка.

Знахарки говорили, что лихоманки бывают тощие, слепые, безрукие, уроды такие, что хуже смерти; не умеют ни войти в избу, ни отворить дверей; если голодны, то смирны и тихи до того, что как сироточки стоят, пригорюнясь, у притолоки, выжидая, не выйдет ли кто из виноватых.

Заботливые бабушки, спасая людей от лихоманок, ходили по домам смывать притолоки. Все это делалось потихоньку от мужчин. Зоркий глаз старика здесь считался опасным, а молодым не было доверия. Рано, на заре, бабушка являлась, по приглашению, во двор. С нею всегда был запас: четверговая соль, зола из семи печей, земляной уголь, выкапываемый на Иванов день из-под черныбыльника. Старшая женщина в доме встречала бабушку у ворот с хлебом-солью, с низким поклоном, с ласковым словом «добро пожаловать». Не входя в избу, бабушка начинала обмывать своим снадобьем притолку, а после вытирала чистым полотенцем. Подарки и угощения оканчивали обряд смывания. После сего уже

на целый год оставались крестьяне спокойными, не боялись лихоманок. Если же случалась с кем-нибудь беда, то полагали, что она была напущена в чужом доме, по ненависти злых людей.

Вновь приходили к избам лихорадки-лихоманки *4 апреля*. Могли они и в колодец с грязной водой просочиться. В этот день лучшей защитой от лихорадок были печная зола да уголья. Надо было взять из печи горячие угли и золу, положить их в платок или полотняную тряпицу и приложить к больному месту. Испугается жара лихоманка — и вон из дома бросится.

16 же января, в день Оберега коровы, когда, как верили крестьяне, голодные ведьмы, возвращаясь с гулянья, задаивают коров, знахари могли образумить каженника. Ни в какой другой день более сделать это было невозможно.

«Каженник — такой же человек, как и все мы, грешные, — говорили в народе, — он и видит и слышит, как и все добрые люди. Все это издали только. Подойдите поближе, и тотчас будет видно всякому, что каженник не то делает, что видит, и не то говорит, что слышит. Задумает ли он что делать, все выходит наоборот. Смотришь: начинает делать по-умному, а к концу уж верно сведет дельцо, хоть брось. Попробуйте заговорить с каженником, то, что твой грамотный: так слова рекой и льются. Зато уж и не гневайтесь после, что в его речи нет ни смысла, ни толку. Ведь за то и зовут его каженником. Одного только не знают: отчего каженнику не мил белый свет? отчего он не дорожит своею жизнью? Жить или не жить — ему все равно. Нет ни тоски, ни кручины, а горюет обо всем. Живет между родными; есть, как и у добрых людей, жена и дети; водится всякое добро больше другого, — а для каженника хоть ничего не будь. Тужит обо всем горемычной сиротой».

Знахари же открыли тайну, как навести каженника на добрый путь, как научить его уму-разуму. Призванные исцелять каженника, они надевали белую рубашку навыворот, сажали его семь зорь подле вереи, под ветер, поили травяной росой, окачивали водой из наговорного студенца.

Этнографы, видевшие казенников, говорили, что это люди, одержимые меланхолией.

21 января, в день Василия Зимнего, знахарь мог вылечить страдающего от застарелой лихорадки человека. Для этого больному нужно было дать выпить отвара из травы «петров крест», который также называли «лихотманником», и сказать соответствующий заговор.

14 февраля, в день Трифона Мышегона, и только в этот день, знахари могли заговорить губителей скирд и стогов — мышей.

Заключение не только могло сгубить мышей, но и совсем «изжить» их из селения.

Призванный знахарь вынимал из середины скирда по снопу, со всех четырех сторон, из стогов брал по клоку сена. Все это относилось в печь и зажигалось раскаленной кочергой. Зола, оставшаяся от сожжения соломы и сена, высыпалась в те места, откуда были вынуты снопы и сено. Знахарь все время читал заговоры и громко произносил заклятия. Вот одно из них:

«Как железо на воде тонет, так и вам, гадам, сгнать в преисподнюю, в смолу кипучую, в ад крошечный. Не жить вам на белом свете, не видеть вам травы муравой, не топтать вам росы медяной, не есть вам белойрой пшеницы, не таскать вам золотого ячменя, не грызть вам полнотелой ржи, не таскать вам пахучего сена. Заклинаю вас, мышей, моим крепким словом на веки веков. Слово мое ничем же не порушится».

Знахаря сопровождали хозяин с хозяйкой с хлебом-солью и чистым полотенцем. После возвращения с гумна знахаря угощали и отдаривали.

17 марта, в день, который именовали Герасим Грачевник, или Кикиморы, по мнению русского народа, прилетали грачи*

* Интересно, что грачи летят с той же скоростью, с какой продвигается фронт весны — около 50 километров в сутки.

Опытные люди замечают, что если грачи прилетят прямо на гнездо, то весна будет дружная. Если грачи прилетели и сразу взялись за ремонт своих гнезд, то уже через пару дней наступит тепло. А вот если умные птицы на гнездо садятся лишь на непродолжительное время и снова взлетают, то холода продернутся еще несколько дней.

Грачи, как считалось, могли выгнать из дома и со двора нечистую силу. Поэтому в этот день с помощью заговора знахарь выживал кикимору. Мириться с ней крестьяне не хотели, потому что она все время пакостила в доме: то стучала вьюшкой в печи, то спутывала пряжу, то кидалась картошкой или луковицей из погреба, то била глиняные горшки.

Чтобы изгнать кикимору, приглашали, как мы уже сказали выше, знахаря. С самого раннего утра уходили домохозяева из дома, и в опустевшем жилище поселялся знахарь. Он осматривал все углы, обметал печь и читал заговоры. Вот один из таких заговоров на выживание кикиморы:

«Ах, ты гой еси, кикимора домовая, выходи из горюнина дома скорее, а не то задерут тебя калеными прутьями, сожгут огнем-полымем и черной смолой зальют. Будьте, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата. Ключ моим словам в небесной высоте, а замок в морской глубине, на рыбе на ките, и никому эту кит-рыбу не добыть, и замок не отпереть, кроме меня (имярек). А кто эту кит-рыбу добудет и замок мой отперет, да будет яко древо, палимое молниею».

Убежав на Герасима от заговора и грачей, кикимора возвращалась в дом лишь после отлета этих птиц на зиму в теплые края и начинала пакостить с новой силой. Тут уж никакой знахарь помочь не мог — приходилось крестьянам ждать весны — нового 17 марта.

7 июня, на Ивана Медвяные (Медяные) росы, появлялись худые, вредные росы, иначе называемые медвяными, — сладкие выделения тлей и червей, питающихся соками растений.

«Медовая роса ржавами ведает, сладко стелется да больно выедает». Заболеет ли скотина, крестьяне говорили: «Верно, напали на медяную росу». Заблекнут ли на сухом дереве листья, считали, что завелась медя-

Крестьяне считали, что если грачи сели на гнезда, то через неделю можно уже будет выходить на сев.

В этот день, в знак радости видеть этих пернатых гостей, хлебо-сольный русский люд печет грачей из теста и говорит, что Герасим к нему грачей нагнал.

Грач — работяга-«трудоголик», а потому рожденных в его день считали наделенными заботами о своем хозяйстве.

ная роса. Заболеет ли ребенок, думали, что он бегал по медяной росе. От медяной росы избавить мог только хороший знахарь.

Медовая (сладкая) роса — к падежу скота.

С падежом скота на Руси умели бороться. Напомним эти способы.

В мор знахарь «вытирал» из дерева огонь и раздавал его на всю деревню. Если через костры, зажженные от такого огня, прогнать скотину, мор остановится.

Если в полночь украсть заставку с водяной мельницы и зарыть в воротах своего дома, то падеж скота не дойдет до него.

От падежа павшую скотину надо закопать под воротами вверх ногами.

14 сентября, в день Семена Летопроводца, начиналось бабье лето. Под Семен день тушили огонь, кроме тепла лампадного. Едва только начинала заниматься утренняя заря, вздували новый огонь, но не сами хозяйева, а знахарки и знахари, которых специально приглашали для этого в избу.

В старину новый огонь добывали из сухого дерева. «Знатки» садились посреди двора и терли сухое дерево об дерево. Молодая невестка или девица зажигали спицею новый огонь. Этим огнем топили печи в избах и банях, на «засидках» зажигали свечи и лучину.

А еще хоронили в этот день мух и тараканов. Мух и тараканов считали причиной неурядиц и безденежья в семье. Из репы, свеклы, брюквы или моркови знахари вырезали маленькие гробики, клали в них пойманных в избе мух и тараканов и закапывали в землю как можно дальше от избы. Считалось, что от такого погребения все мухи и тараканы в доме погибают.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Былички о колдунах и знахарях**

Старуха-ворожея

Жил-был старик со своею старухою. Жили они очень бедно, детей не имели. В один прекрасный летний день старик и говорит своей старухе:

— Ты хоть бы, старая, училась ворожить. Люди и этим зарабатывают себе пропитание.

Старуха с досадой на это ответила ему:

— Как будешь учиться-то: ведь на учение нужны деньги, а их у нас и нет.

Старик подумал и говорит:

— Послушай-ка, старуха, что я тебе скажу: вот от нас недалеко живет богатый барин. У него есть много коров, которые пасутся на лугу. Я пойду и уведу в лес самую лучшую корову, привяжу ее за рога к толстой сосне, потом приду к тебе и скажу, где спрятал корову. А после пойду к барину просить себе какой-нибудь работы. Барин, конечно, станет высказывать мне свое огорчение по поводу пропажи коровы, а я посоветую ему обратиться к тебе для ворожбы. И ты расскажешь ему всю правду. Этим прославишь себя, и мы через твою ворожбу непременно разбогатеем.

Старуха согласилась с мнением старика.

Он оделся и пошел в поле, где паслись барские коровы. Придя туда, он выбрал самую лучшую из них и свел ее в лес, где привязал за рога к толстой сосне. Затем он отправился домой и рассказал своей старухе, где спрятал увиденную им корову, после чего отправился в усадьбу спрашивать работы.

Когда старик явился к барину, тот первым делом спросил его:

— Не видал ли, старик, где-нибудь моей коровы?

— Нет, не видал, — ответил старик.

Барин посмотрел на него и говорит:

— Кто бы это мог увести мою корову?

Старик прокашлялся, погладил свою бороду и начал отвечать барину:

* Литературная обработка Н. Будур.

— Если тебе охота, барин, узнать, где твоя корова, то ты обратись к моей старухе: она у меня больно хорошо умеет ворожить и сразу скажет тебе всю правду про твою пропавшую корову.

Баринужаль было потерять хорошую корову. Ужлучше, думал он, пожертвовать немного за ворожбу, чем совсем лишиться коровы. Тотчас же позвал к себе пастуха, дал ему рубль, велел идти вместе со стариком к его старухе ворожить о корове.

Старик привел пастуха к себе в дом и стал кричать своей старухе, лежавшей на печи, чтоб она шла ворожить о пропавшей барской корове.

— Вставай, старуха, — закричал он, — вот пришли от барина ворожить к тебе, куда подевалась барская корова.

Та слезла с печки, взяла чашку, налила в нее воды, пошептала над ней и стала говорить:

— Ох, не знаю, не могу что-то разглядеть того человека, который украл корову; а только знаю, что корова уведена в лес, недалеко от поля, и там привязана за рога к толстой сосне. Иди в лес и там найдешь корову.

Пастух подал старухе рубль и пошел прямо в лес к большой сосне, находившейся недалеко от опушки леса. И действительно корова была там. Он отвязал ее и погнал к барину.

Когда корова была возвращена, барин сильно обрадовался и не мог надивиться на то, как могла старуха узнать, куда уведена была ворами его корова.

Потом все поуспокоилось, и об этом случае перестали толковать. Как вдруг через некоторое непродолжительное время у барина случилась новая покража: пропала барская шкатулка с деньгами.

Барин опять решил обратиться к старухе. Позвал своего верного работника, по прозвищу Спинка, и снарядил его к старухе поворожить о пропаже.

Приходит Спинка к старухе и, объяснив ей в чем дело, просит ее поворожить. Но старуха стала отказываться, говоря, что ей этого не узнать. Но Спинка стал упрашивать ее помочь барскому горю.

Тогда старуха сказала, что она сама придет к барину и поворожит ему. Спинка ответил ей на это, что чем ей идти пешком, так лучше он пойдет вперед и скажет об этом своему барину, который пришлет за ней свою лошадь.

Когда Спинка возвратился домой и объяснил барину, что старуха хочет сама побывать у него, то барин велел тотчас своему верному кучеру, по прозвищу Хребтинка, заложить лошадь в тарнтас и съездить за старухой.

Хребтинка уехал за старухой, а барин тем временем приказал людям убить ворону и поставить ее в печь жарить, а когда старуха приедет, то подать ее к столу.

«Если она узнает, чем я ее кормлю, — думал барин, — то, значит, она колдунья».

Вскоре возвратился Хребтинка и привез старуху. Ввели ее в барские покои, и барин приказал подать ей с дороги выпить и закусить.

Старуху посадили за стол и стали угощать.

А старуха села и говорит сама про себя:

— Залетела ворона в барские хоромы.

Барин взглянул на слуг и сказал потихоньку:

— А ведь и правда, она, должно быть, колдунья.

Потом барин говорит ей:

— Вот, бабушка, если ты найдешь мне украденные у меня деньги, то я дам тебе сто рублей и корову.

Старуха страшно обрадовалась посуленному; но как заработать этот посул, она не знала. Однако нужно было что-нибудь делать. Вот она и говорит барину:

— Прикажи, барин, баню истопить, да пожарче.

Барин приказал немедленно натопить баню.

Вскоре баня была готова. Барин приказал отвезти старуху в баню на лошади, так как баня находилась не близко от дома, а старухе пешком идти тяжело.

Подали тарантас и сказали старухе, чтоб она собиралась ехать в баню. А в то время, когда в этот тарантас закладывали лошадь, верные барские слуги Хребтинка и Спинка, чуя себя не совсем чистыми перед барином и боясь, чтобы старуха и вправду своим колдовством не указала на воров и на покражу, взяли ящик, наложили в него яиц и поставили его под сиденье тарантаса, для того чтобы колдовство старухино потеряло свою силу и она не могла бы найти ни виновных, ни пропажи.

Вот старуха вышла из дому и стала садиться в тарантас. Садится и говорит сама про себя:

— Сажусь, как курица на яйца.

Спинка с Хребтинкой переглянулись и повезли старуху в баню. Приехали туда; она пошла париться, а они залезли в это время в подполье, чтобы узнать, что будет старуха делать в бане. А старуха разделась, взяла веник, залезла на полок и давай хлестать себя веником. Хлещет, а сама приговаривает:

— Что будет Спинке, то и Хребтинке.

Услыхали это верные слуги барские и закричали из подполья:

— Голубушка, бабушка, деньги-то мы украли. Они целы и лежат на дворе под яслями.

Так и открылась покража. Старуха получила обещанные ей 100 рублей и корову и стала жить со своим стариком без нужды.

Клад

Было у одного крестьянина два дома: один летний, в котором он с семейством в теплое время жил, другой — зимний, назывался истопкой. Вздумалось хозяину раз летом ночевать в этой истопке одному. Пришел, лег, ночь месячная, спать не хочется, и давай он глазеть по стенам. Вдруг из подпола выходит некто: поступь тяжелая, ступит, словно мешком с деньгами тряхнет, и прямо идет к нему. Крестьянин перекрестился, молитву сотворил, потом приговаривает: «Чур меня, чур меня!» Слава Богу, зачурался.

Этот мужик прошел мимо него на двор, побывал там мало ли, много ли, идет потом назад в истопку. Крестьянин опять перекрестился, молитву сотворил, да чурается. Запел петух, этот некто и пропал в одну минуту около подполья. Крестьянин тотчас домой, рассказывает. Дома подумали об этом происшествии хорошенько и говорят: надо об этом со знающим человеком посоветоваться.

Нашли на другой день знающего человека и сказывают ему все дочиста.

— Ах! — говорит знахарь. — Вещь-то хорошу упустил ты, хозяин!

— А что такое?

— Да это ведь клад был!

— Как?

— Так!

— Нельзя ли его как поймать?

— Можно!

— Как?

— Вот как: когда выйдет еще из подполья этот мужик и пойдет к тебе, ты его подпусти! Потом как шага два подойдет, ты егохвати хорошенько раза три по макушке, да каждый раз приговаривай: «Аминь, аминь, рассыпья!»

Крестьянин так и сделал. Некто весь рассыпался на медные пятаки старинные. Однако всего поболее тысячи ассигнациями вышло.

А в другой деревне ходил мужик в пустую избу ночевать.

Придет, бывало, только начнет засыпать, вдруг выскочит рыжая кошка и начинает бегать по избе. Сама вся светится, словно золото, а хвостом где ударит, точно мелкими деньгами звякнет.

Мужик и давай советоваться на счет этого виденья со знающими людьми. Ему и посоветовали: «Поймай эту кошку, — постарайся, — за хвост, и прежде чем она вырвется из рук, проговори три раза: “Аминь аминь, рассыпья!”»

Мужик так и сделал. После третьего раза кошка рассыпалась на пятирублевые червонцы. Знать, тысяч с пять мужик огреб тут денег этими червонцами и, знаю, разбогател.

А еще в одной деревне заприметили мужики: не год, не два, а испокон уж веку, что как пойдет дождик или снег весной растает, да нальется водой одна ямка на задворках, тотчас же откуда ни возьмется утка и плавает на ней. Кто спугнет, чрез несколько времени опять прилетит и плавает, а убить никому не поддается, сколько ни пробовали. Приходит Иванов день, если сухой, в этой ямке свечка горит, а мокрый, опять та же утка плавает.

Мужики посоветовались меж собой, решили, что тут клад, и давай рыть. Рыли, рыли — нашли один пустой котелок. Стали сказывать об этом знающим людям, им и говорят: «А вы вот что: ройте эту яму на саму Иванову ночь, ройте и чурайтесь; а как чей заступ стукнет об котел, сейчас и заминивай, кричи: “Аминь, аминь, аминь!” — и опять ройте, тогда деньги выроете!»

Мужики так и сделали и отрыли огромнейший котелино с золотыми старинными. Разделили их промеж себя и все разбогатели так, что сразу в купцы первой гильдии пошли, а деревню прозвали городом.

Ночь на Ивана Купалу

У одного барина был холоп кабальный. Вот и вздумал этот холоп на Ивана Купалу в самую ночь сходить в лес, сорвать папоротник, чтобы клад достать.

Дождался он этой ночи. Уложил барина спать, скинул крест, не молясь Богу, в одиннадцать часов ночи и пошел в лес.

Входит в лес. Жутко ему стало, раздался свист, шум, гам, хохот, он все ничего, хоть жутко, а идет. Только глядь, черт с ногами на индейском петухе верхом едет. И это ничего, прошел холоп и слова не сказал. Глядит: вдали растет цветок, сияет, точно на стебельке в огне уголек лежит.

Обрадовался холоп, бегом бежит, уж почти к цветку подбежал, а черти его останавливают, кто за полу дернет, кто дорогу загородит, кто под ноги подкатится — упадет холоп. Не вытерпел он да как ругнет чертей: «Отойдите вы от меня, проклятые!» Не успел он выговорить, вдруг его назад отбросило.

Делать нечего, поднялся опять холоп, пошел, видит: на прежнем месте блестит цветок. Снова его останавливают, опять дергают, он и знать не хочет, идет себе, не оглянется, ни словечка не скажет, не перекрестится, а сзади ему такие-то строят чудеса, что страшно подумать. Холоп и знать ничего не хочет, подошел к цветку, нагнулся, ухватил его за стебелек, рванул, глядь: вместо цветка у черта рог оторвал, а цветок все растет по-прежнему и на прежнем месте. Застонал черт на весь лес. Не вытерпел холоп да как плюнет ему в рожу: «Тьфу ты, чертова харя!» Не успел проговорить, вдруг его опять отбросило за лес. Убился больно, да делать нечего.

Вот он встал, опять идет в лес, и опять по-прежнему блестит цветок на прежнем месте. Снова его останавливают, дергают, терпит холоп, тихонько подполз к цветку и сорвал его. Пустился с цветком домой бежать и боли не чувствует. Уж на какие хитрости ни подымались черти — ничего, холоп бежит и думать об этом забыл, раз десять упал до дому.

Подходит домой, вдруг барин выходит из калитки, ругает холопа на чем свет стоит:

— Алешка! Где ты, подлец, был? Как ты смел без спросу уйти?

Струсил холоп: злой был барин у него, да и вышел с палкой. Повинился:

— Виноват, за цветком ходил, клад достать.

Пуще прежнего барин озлился:

— Я тебе дам за цветком ходить, я тебя ждал, ждал! Подай мне цветок: клад найдем, вместе разделим.

Обрадовался холоп, что барин хочет клад вместе разделить, подал цветок, и вдруг барин провалился сквозь землю, цветка не стало, и петухи запели.

Остался один холоп, поглядел, поглядел кругом себя, заплакал бедняга и побрел домой. Приходит домой, глядь, а барин спит по-прежнему. Потужил, потужил холоп, да так и остался ни при чем, только с побоями.

Рассказ пономаря

Пришли мы с батюшкой Рождество славить к колдуну Ивану Степаньчу. И только мы вошли, братец ты мой, в избу, видим — никого нет; не успели и перекреститься, вдруг с напыльника

полетели на нас поленья. Мы испугались, подхватили свои пожитки да убегли. Выбежали на мост да и кричим:

— Степаныч, Степаныч!

А он со двора откликается.

— У тебя кто-то кидает дрова с напыльника, — говорим мы на его приглашение войти в дом.

— Ах они, черти лысые, я вот им дам работу. — Взял потом лукошко семени и рассыпал по двору. — Пусть их подбирают.

После этого пригласил в избу, выставил штоф водки, кулебяку, и мы порядочно угостились.

Был один колдун, который раздавал пастухам приводы для скота. Один пастух по имени Василий и обратился к нему дать привод. Колдун дал ему зайца и велел каждое утро выпускать его на место, куда он желает, чтобы вышли коровы. Пастух так и делал. В одно время старушка и говорит ему:

— Васька, что ты не ходишь с коровами-то?

А он спроста и скажи:

— Да у меня заяц пасет.

Разгорелось у старушки любопытство посмотреть его, этого зайца, и каждый день пристаёт к Василию показать зайца.

Как-то вечером Василий приносит зайца в избу старухи, но не успел выпустить его из рук, как косою кинулся в переборку и поразбивал там горшки, кринки, плошки, одним словом все, что возможно разбить.

На другой день все стадо ночевало в лесу и оставалось там дня четыре, домой идти не хотело, а на пятый явилось-таки в деревню.

Прожил Василий в найме до Покрова и пошел домой, но черт и тут не дает покоя: водил его по различным дорогам две недели вместо трех дней пути. А дома тоже то и дело просит работы.

Наконец Василий решился расстаться с зайчиком и отнес его обратно к колдуну. Тут и черт от него отстал.

Что на белом свете случается...

Дедушко сказывал...

А и было то в Турецкую кампанию... И был у их в полку солдатик, Степаном звали. Как сейчас помню — покойничек сказывал, росту Степан богатырского, плечи, что печка, хват-парень. И стал это он сохнуть. Сохнет и сохнет, на себя не похож.

Его товарищи и спрашивают:

Что такое, Степанушко, извелся ты вконец... Ай не можется?!

— А не ладно дело, братцы. Ктой-то ездит на мне кажинну ночь. Просто рубаху хоть выжми. Силушки моей боле нет, извелся вконец.

Поохали, поохали. И подошел к ним тут старичок, знающий человек, побирался он у них, корочки собирал. Солда-тушки-то его подкармливали, жалекючи. Послушал он Степана да и говорит:

— А твоему горю помочь можно, узнаем, кто на тебе ездит-то. На вот тебе уздечку. Возьми ты эту самую уздечку да и ляжь с уздечкой под койку. А на койку сноп соломы положи да шинелишкой же и укрой, будто сам лежишь... Как увидишь — кто придет, так этой самой уздечкой-то и взнуздай.

Сказано — сделано. Взял Степан уздечку ту, сноп под шинелишку положил, а сам под койку спрятался. Старичок под другой койкой лежит. Ровно в полночь и приходит, матушка ты моя, старушонка — и древняя старушонка-то.

Скок на сноп-то да и взнуздала за подушку. «Н-н-ноо!» — да по шинели кнутом, а сноп ни с места.

Тут Степан-то ка-а-ак выскочит! Да и взнуздав старуху — и в тот же миг очутилась в казармах лошадь серая в яблоках. Старичок тоже выскочил да и научает: «Не снимай уздечки, а не то замучит тебя вконец».

Так ее в конюшню и свели. Корму не велел старичок давать. Ее не кормят, а она все в теле...

Все на ней ездили. Сам командир ездил. Лучше лошади не было. Только не кована стояла.

— А можно ее подковать? — старичка Степан спрашивает.

— А чего ж не можно? Можно!

Ее и подковали... Привели с кузницы, а солдаты и пожалели: «Штой-то она всё в узде да узде. Дай-ко снимем...» Да и сняли уздечку-то.

Сняли уздечку, а вместо лошади и очутись старуха, руки-ноги у ней подкованы... Лежит да стонет. Аж ужаснулись все. Тут же ее и пристукнули да и закопали.

А старичок-то осиновый кол в могилу ту забил — прочнее, мол, будет... А закопали-то ее вверх спиной.

Так сказывал дедушко-то мой. Сам всё видел. Чего только нет на белом свете. Сам дедушка покойничек сказывал.

Колдунья

Жили-были две сестры, одна бедная, другая богатая. Вот умирает богатая и говорит:

— Сестра! Я оставляю тебе дом, как я умру, будешь ли сидеть надо мной?

— Буду, — говорит.

— Ну, — говорит, — смотри, что я ни буду делать, ты все сиди.

Вот умерла эта богатая сестра, а она была колдунья. Бедной же сестре надо было сидеть ночью.

Вот села она на первую ночь. Вдруг в двенадцать часов встает колдунья из гроба:

— Сестра! Ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну сиди!

Потом опять говорит:

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну сиди!

Потом в третий раз говорит:

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Петух и запел, колдунья и пала ничком.

Пришла бедная сестра к бабушке и рассказала всё, как есть.

— Ничего, — отвечает ей бабушка, — вот я тебя благословлю и дам тебе петуха, ночью и сядь на печку.

Вот села бедная сестра на вторую ночь. В двенадцать часов встает колдунья из гроба:

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Вот колдунья пошла ее искать:

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Вот подходит колдунья к печке:

— Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

Как колдунья за жердочку ухватилась, чтоб на печку влезть, петух увидал ее и запел. Она и упала.

Приходит бедная сестра к священнику.

— Нет, — говорит, — бабушка, страшно очень, я лучше от имени откажусь.

— Ничего, — отвечает ей поп, — ты поди сядь в хлев, на жердь, где куры сидят.

Вот бедная сестра пошла в хлев на третью ночь, села. В двенадцать часов встает колдунья, идет туда, в хлев:

— Сестра! Ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну сиди! — А сама лезет, чтоб ее ухватить. — Сестра, ты сидишь?

— Сижу, — говорит.

— Ну сиди! — А сама хотела ее схватить да и поймала петуха, он и запел. Она и упала.

Когда петух запел, тогда никто нечистой уж силы не имеет.

Сестра эта бедная и завладела всем имением.

Колдун

Жил-был мужик, у него было три сына женатых. Жил он долго и на деревне слыл колдуном. Стал умирать и приказывает невесткам, чтоб караулили его три ночи поочередно, а самого чтоб его поставили в холодной избе и чтоб невестки пряли ему на кафтан, а креста не велел надевать ни себе, ни невесткам.

Вот в первую ночь села старшая невестка и стала пряхть. Приходит полночь. Свекор и говорит из гроба:

— Невестка, ты тут?

Она испугалась, говорит:

— Тут.

— Сидишь?

— Сижу.

— Прядешь?

— Пряду.

— На кафтан?

— На кафтан.

Он и двинулся к ней. Во второй раз он опять говорит:

— Невестка, ты тут?

— Тут.

— Сидишь?

— Сижу.

— Прядешь?

— Пряду.

— На кафтан?

— На кафтан.

Она зажалась в угол, а он подвинулся еще на сажень. В третий раз двинулся, она молитвы не сотворила, он ее и задушил, а сам лег в гроб.

Бабу снесли, а сыновья, по родительскому приказу, послали на вторую ночь вторую бабу. С ней то же самое было, и другую задушил.

Третья поумнее была, сказала, что сняла крест, а сама оставила его на себе. И села, прядет, а сама молитву творит.

Приходит полночь. Свекор и говорит из гроба:

— Невестка, ты тут?

Она говорит:

— Тут.

— Сидишь?

— Сижу.

— Прядешь?

— Пряду.

— На кафтан?

— На кафтан.

Тут он хотел на нее броситься, а она на него крест направила, он упал и умер.

Посмотрела она в гроб, а там все деньги лежат. Свекор хотел их с собой взять или чтоб тому достались, кто его перехитрит. Вот эта невестка и стала богата.

Колдун и священник

Одного колдуна священник увещевал оставить свое ремесло, и колдун за это сердился на священника.

Колдун умер.

Однажды вечером, вскоре после его смерти, в ворота священника кто-то постучался. Священник подошел к воротам и спросил:

— Кто тут?

— Я, батюшка, пономарь, — отвечал голос, — пришел благословиться звонить к заутрене.

— Что ты! Я еще спать не ложился, а ты уж звонить хочешь. Пооди домой, рано еще.

Через полчаса опять пришел пономарь, стучит и говорит:

— Петухи пропели, батюшка, приходи.

Священник отдал в окно ключи, а потом послышался и звон, который слышал он один. Священник оделся, помолился и пошел в церковь.

Только священник вошел в церковь, как за ним с шумом захлопнулись двери, и он увидел колдуна. Колдун скрипел зубами и говорил: «Ага, попался-таки!» Священник скорее в алтарь, взял на престольный крест, оградил себя им и вышел из алтаря. Колдун, увидев крест, упал навзничь. Петухи пропели, и колдуна не стало.

Крестьяне потом разрывали могилу колдуна и увидели, что он перевернулся вниз лицом; между лопатками ему вбили осиноый кол, чтобы больше не вставал.

Жили у нас в деревне старик со старухой; у них была дочь Маруся. И был у нас обычай справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше.

Вот дождались этого праздника, собрались девки, напекли-наварили, что надо; вечером пришли парубки с сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба — дым коромыслом! Все девки хорошо пляшут, а Маруся лучше всех.

Немного погода входит в избу такой молодец — что на поди! Кровь с молоком! Одет богато, чисто.

— Здравствуйте, — говорит, — красные девицы!

— Здравствуй, добрый молодец!

— Гулянье вам!

— Милости просим гулять к нам!

Сейчас вынул он кошель полон золота, послал за вином, за орехами, пряниками — разом все готово; начал угощать и девок и ребят, всех оделил. А пошел плясать — любо-дорого посмотреть! Больше всех полюбилась ему Маруся: так к ней и пристаёт.

Наступило время по домам расходиться. Говорит этот молодец:

— Маруся! Поди проводи меня.

Она вышла провожать его, он и говорит:

— Маруся, сердце! Хочешь ли, я тебя замуж возьму?

— Коли бы взял, я бы с радостью пошла. Да ты отколя?

— А вот из такого-то места, живу у купца за приказчика.

Тут они попрощались и пошли всякий своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашивает:

— Хорошо ли погуляла, дочка?

— Хорошо, матушка! Да еще скажу тебе радость: был там со стороны добрый молодец, собой красавец, и денег много; обещал взять меня замуж.

— Слушай, Маруся: как пойдешь завтра к девкам, возьми с собой клубок ниток; станешь провожать его, в те поры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубок, а после по этой нитке и сведаешь, где он живет.

На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила с собой клубок ниток. Опять пришел добрый молодец:

— Здравствуй, Маруся!

— Здравствуй!

Начались игры, пляски; он пуще прежнего льнет к Марусе, ни на шаг не отходит. Уж время и домой идти.

— Маруся, — говорит гость, — проводи меня.

Она вышла на улицу, стала с ним прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу. Пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названный жених.

Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там дется. Влезла, глянула — а названный жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело.

Хотела было потихоньку соскочить с лестницы, да с испугу не остереглась и стукнула; бежит домой — себя не помнит, все ей погоня чудится; еле жива прибежала!

Поутру мать спрашивает:

— Что, Маруся, видела того молодца?

— Видела, матушка!

А что видела, того не рассказывает.

Вечером сидит Маруся в раздумье: идти или нет на вечерницу?

— Ступай, — говорит мать, — поиграй, пока молода!

Приходит она на вечерницу, а нечистый уже там. Опять начались игры, смех, пляска; девки ничего не ведают! Стали по домам расходиться; говорит нечистый:

— Маруся! Поди проводи меня.

Она нейдет, боится. Тут все девки на нее накинулись:

— Что с тобой? Или застыдилася? Ступай, проводи добра молодца!

Нечего делать, пошла — что Бог даст! Только вышли на улицу, он ее и спрашивает:

— Ты вчера к церкви ходила?

— Нет!

— А видела, что я там делал?

— Нет!

— Ну, завтра твой отец помрет!

Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась — отец мертвый лежит. Поплакали над ним и в гроб положили; вечером мать к попу поехала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома. «Дай, — думает, — пойду к подругам».

Приходит, а нечистый там.

— Здравствуй, Маруся! Что не весела? — спрашивают ее девки.

— Какое веселье? Отец помер.

— Ах, бедная!

Все тужат об ней; тужит и он, проклятый, будто не его дело. Стали прощаться, по домам расходиться.

— Маруся, — говорит он, — проводи меня.

Она не хочет.

— Что ты — маленькая, что ли? Чего боишься? Проводи его! — пристают девки.

Пошла провожать; вышли на улицу.

— Скажи, Маруся, была ты у церкви?

— Нет!

— А видела, что я делал?

— Нет!

— Ну, завтра мать твоя помрет!

Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой еще печальнее; переночевала ночь, поутру проснулась — мать лежит мертвая. Целый день она проплакала, вот солнце село, кругом темнеть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла к подругам.

— Здравствуй! Что с тобой? На тебе лица не видать! — говорят девки.

— Уж какое мое веселье! Вчера отец помер, а сегодня мать.

— Бедная, несчастная! — жалеют ее все.

Вот пришло время прощаться.

— Маруся! Проводи меня, — говорит нечистый.

Вышла провожать его.

— Скажи, была ты у церкви?

— Нет!

— А видела, что я делал?

— Нет!

— Ну, завтра ввечеру сама помрешь!

Маруся переночевала с подругами, поутру встала и думает: что ей делать? Вспомнила, что у ней есть бабка — старая-старая, уж ослепла от долгих лет. «Пойду-ка я к ней, посоветуюсь».

Отправилась к бабке.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, внучка! Как Бог милует? Что отец с матерью?

— Померли, бабушка! — И рассказала ей все, что с нею случилось.

Старуха выслушала и говорит:

— Ох, горемычная ты моя! Ступай скорей к попу, попроси его: коли ты помрешь, чтоб вырыли под порогом яму, да несли бы тебя из избы не в двери, а протащили б сквозь то отверс-

тие; да еще попроси, чтоб похоронили тебя на перекрестке — там, где две дороги пересекаются.

Пришла Маруся к попу, слезно заплакала и упросила его сделать все так, как бабушка научила; воротилась домой, купила гроб, легла в него — и тотчас же померла.

Вот дали знать священнику; похоронил он сначала отца и мать Маруси, а потом и ее. Вынесли Марусю под порогом, схоронили на раздорожье.

В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит — а на той могиле растет чудный цветок, какого он никогда не видывал. Говорит барич своему слуге:

— Поди вырой мне тот цветок с корнем; привезем домой и посадим в горшок: пусть у нас цветет!

Вот вырыли цветок, привезли домой, посадили в муравлений горшок и поставили на окно. Начал цветок расти, красоваться.

Раз как-то не спалось слуге ночью; смотрит он на окно и видит — чудо совершилось: вдруг цветок зашатался, упал с ветки наземь — и обратился красной девицей; цветок был хорош, а девица лучше! Пошла она по комнатам, достала себе разных напитков и кушаньев, напилась-наелась, ударилась об пол — сделалась по-прежнему цветком, поднялась на окно и села на веточку.

На другой день рассказал слуга баричу, какое чудо ему в ночи привиделось.

— Ах, братец, что ж ты меня не разбудил? Нынешнюю ночь станем вдвоем караулить.

Пришла ночь — они не спят, дожидаются. Ровно в двенадцать часов цветок начал шевелиться, с места на место перелетать, после упал наземь — и явилась красная девица, достала себе напитков и кушаньев и села ужинать. Барич выбежал, схватил ее за белые руки и повел в свою горницу; не может вдоволь на нее насмотреться, на красоту ее наглядеться.

Наутро говорит отцу, матери:

— Позвольте мне жениться, я нашел себе невесту.

Родители позволили. Маруся говорит:

— Я пойду за тебя только с тем уговором, чтобы четыре года в церковь не ходить.

— Хорошо!

Вот обвенчались, живут себе год и два, и прижили сына. Один раз наехали к ним гости; подгуляли, выпили и стали хвалиться своими женами; у того хороша, у другого еще лучше.

— Ну, как хотите, — говорит хозяин, — а лучше моей жены во всем свете нету!

— Хороша, да некрещена! — отвечают гости.

— Как так?

— Да в церковь не ходит.

Те речи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велел жене наряжаться к обедне.

— Знать ничего не хочу! Будь сейчас готова!

Собрались они и поехали в церковь; муж входит — ничего не видит, а она глянула — сидит на окне нечистый.

— А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?

— Нет!

— А видела, что я там делал?

— Нет!

— Ну, завтра у тебя и муж и сын помрут!

Маруся прямо из церкви бросилась к своей старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом — живущей и сказала, как и что делать.

На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает:

— Скажи, была у церкви?

— Была.

— А видела, что я делал?

— Мертвого жрал! — сказала да как плеснет на него святой водою — он так прахом и рассыпался.

После взбрызнула живущей водой мужа и сына — они тотчас ожили и с той поры не знали ни горя, ни разлуки, а жили все вместе долго и счастливо.

Оборотень

Жил-был старик со старухой. Был у них один сын, и вздумали они его женить; поехали в иное село и невесту нашли и женили. Зятя теща больно не любила: приехал тот с женой к ним на праздник, она его волком и оборотила. Оборотила волком и пустила в чисто поле.

Жена утром хватилась — мужа нету, и не знает где взять. Поехала она домой к родной мужниной матушке. Приезжает. Отец и спрашивает у невестки:

— Где сыночек наш, а твой-то муженек?

Отвечала невестка с горькими слезами:

— А он пропал.

И живут трое сиротами. Обращенный же волк влез к ним на сарай и лежит да лежит, громко воеет, и соседи на него гля-

дят, хотят убить. Он повыл да и в лес побежал; встретил волков и прибился к стае. Вот русские волки в чистом поле едят скотинушку и ему оставляют; а он понюхает да и прочь пойдет; потому прочь пойдет, что зуб не берет. Вот случилась у нашего царя великая война. Волки собрались и говорят:

— Айдате-ка, братцы, туда!

Собрались и пошли, к богатому мужику на зады зашли. У богатого мужика собачка строга, на цепи была привязанная; громким голосом покрикивала, волкам приговаривала:

— Ох вы, рыкающие звери волки, счастливые вы! Я в младых летах, не то знала бы, что с вами делать. — Ведь собачка кутеночком была. — Вы ступайте-ка туда, куда вздумали идти, а нельзя ли оттоль ко мне в гости зайти? Я в силушку взойду, вас по гумну разгоню!

Сходили волки, где у нашего царя собиралась война. Были тут да и побывали, поглядели и назад пошли, и к кутеночку зашли. Вот увидела их собачка да с сердцем вскричала:

— Ох вы, волки да серые волки, счастливые волки, мой хозяин крепко спит!

Хозяин ото сна пробуждался и больно собачке дивовался, что она крепко лает, приговаривает.

— Вот кабы вышел ко мне хозяин, — говорит собачка волкам, — да и спустил бы меня с цепи, знала бы я, что с вами поделаться!

Хозяин вышел, отвязал собачку, отворил вороточки и пустил на гумно. Собака начала волков хватать, не поспевали они из снегу махать. Как которого цапнет, так и убьет. Вот одну половину побила, а другую разогнала. Хватила собачка обращенного волка,хватила легонько, бросила да ушла. Вернулась домой.

Пришла весна-красна, поехали мужички во чистое поле пашенку пахать, а обращенный волк пошел по полю гулять. По полю гуляет, на силу ноги таскает и говорит:

— Ах, господа, да кабы кто меня убил.

Идет путем-дорогой: пашет в чистом поле дьячок, у него бычок — голенький бочок. Дьячок и говорит:

— Ох ты, серенький волчок, подь-ка сюда: я тебя в одно место пошлю!

Серый волк и думает: «Да не даст ли он мне тычка? Пойду к нему». Волчок идет, унывно завывает, себе смерти ожидает. Дьячок его взял да ударил разок:

— Да будет тебе, удалый молодец, по полю гулять и от глаза помирать; пора тебе идти домой к своей матери родной!

Оборотил его дьячок мужичком и каким был молодцом.

Власа его до пят; на пальцах ноги по три четверти; идет к своему батюшке домой. Испугался его батюшка родной. И говорит:

— А что это, где ты был, сынок?

Вот сынок его горько заплакал и говорит:

— Ох, батюшка родной, я волком был.

— А кто тебя оборотил?

— Злодейка теща.

Старичок ударил во сполох, а сына в церкву поволок. Все сбежались, на него страшно дивовалися и спрашивают:

— Кто тебя так обернул?

Отвечал молодец:

— Вот кто: злодейка теща! Волком оборотила, во чисто поле пустила, а спасибо дьячку: он меня воскресил, на вольный свет пустил.

Стары старики, пожилые мужики собрались да и пошли к его теще. Взяли ее, поймали, на столбу ее расстреляли и в яму закопали. А он с хозяйкой стал по-прежнему жить да быть.

На родах у лесовихи

Однажды нашей старухе-повитухе Бузаковской захотелось в гости. Вдруг подъезжают к двери сани, входят в избу люди, и кажется ей один из них соседом. Пригласил ее «сосед» в гости.

Приехали к хорошему дому; она вошла в избу — лежит рожонка у порога. Тут повитуха приняла ребенка.

Рожонка обрадовалась и стала благодарить бабушку.

Стала повитуха домой собираться, а мужик-то лесовой набивается ей с деньгами, да она не взяла. Тогда он домой ее отвез.

Все говорят, что если за роды у лесовых возьмешь деньги, так назад и не воротишься — обратят в вечного и подневольного слугу.

На родах у водянихи

Один раз ночью к нашей деревенской бабушке-повитухе подъезжает кто-то и зовет ее с собой. Она думает, что куда-нибудь на роды в другую деревню. Сели и поехали, только она замечает: подъехали к Карповскому озеру, которое от нас неподалеку, и остановились у проруби.

Провожатый и говорит:

— Полезай в воду за мной.

Да она нейдет, упирается, а он сердится:

— И чего нейдешь ты, бабушка.

Ну, она и пошла, и как только в воду ступила, так и очутилась на лестнице хорошей; вошла в дом. Рожонка лежит в углу.

— Бабушка, говорит, обабы ты меня — помоги в родах.

Она и обабила.

Сам-то водяной за труды денег ей дает — она не взяла. А рожонка-то и говорит:

— Бабушинька, как бы мне-то домой попасть — ведь и я русская, похитил меня водяной. Женой своей сделал.

— А ты возьми, комкай ребенка-то, целых шесть недель комкай, ребенок-то покою водяному и не станет давать.

Стала жена водяного ребенка тискать — комкать, а младенец плачет да плачет, покою отцу не дает.

Осердился водяной да и говорит жене:

— Ступай ты, окаянная, домой со своим ребенком.

Она и ушла.

Потом как-то заходила к той бабушке, которая у нее принимала сына, и благодарила ее со слезами, что научила ее отделаться от водяного мужа.

Ворожба по крестам

У нас в одном семействе было три снохи; вот однажды пропали деньги. Свекор подумал на снох и стал допытываться. Но никто из снох не повинился.

Он собрался идти к ворожее, которая узнавала по крестам, взял у всех трех снох кресты и отправился.

Приходит к ворожее — рассказал ей про дело, она взяла у него кресты, побормотала над ними что-то и на перекладинке одного из крестов завязала узелок и отдала ему обратно, сказав:

— На, возьми, одна из снох повинится.

Пришел он домой, зажал все три креста в горсть и говорит снохам:

— Узнавайте свои кресты.

Та сноха, у которой на кресте оказался узелок, тут же и повинилась. «Я, — говорит, — украла, простите».

Лечебные заговоры

Заговор от всяких болезней

1. Встану я, раба Божия (имя), поутру, рано, умоюсь я водой ключевой, утрусь Господней пеленой и помолюсь я Спасу-образу, Матушке, Пресвятой Владычице, Пресвятой Богородице. На море, на океане, на реке Иордане, на камне, алтарь стоит и Матушка Пресвятая Богородица. Возле нее семьдесят семь ангелов, семьдесят семь архангелов, первый ангел — Михаил Архангел, второй ангел — Гавриил Архангел, третий ангел Кузьма и Демьян. Не стрельби (имярек), а отлетайте вы, глазии, от (имя), из двери в двери, из ворот в ворота, по мохам, по болотам, к свиным покосам. Аминь, аминь, аминь.

Читается над ключевой водой, которой потом умываются.

2. Смоленская Божия Матерь, Калужская Божия Матерь, Царь Давид, Царь Соломон, Царица Соломоница, святой Дмитрий, станьте на поле, сократив и воду, и землю, и пески и болота, сохраните и помилуйте раба Божиго (или рабу), выгоньте болезни из утробы его, из жил его, из костей его, из головы его и дайте рабу Божиему (или рабе) доброе здорье.

Заговор читается над водой.

Избави, Господи, рабу Божию (имя) от скорби, от болести, от младенчика, от ломоты, от тошноты, от испуга, от колотья и от всякой болести.

Заговор от бородавок

Сначала надо три раза прочесть молитву «Отче наш». А затем также три раза произнести следующий заговор:

От крещеного, пораженного, молитвенного (имярек), выйди рак, выступи из жил, из пожил раба Божиго молящего (имярек). Шел Господь с трех небес, нес Евангелие и крест. Всех исцелял, и раба Божиго (имярек) исцелил. Ныне и при-сно, и во веки веков. Аминь.

Заговор читается на ущербе месяца ночью.

Во время чтения заговора завязывают узлы на суровой нитке над бородавками. Эту нитку нужно потом зарыть под порогам или под калиткой.

Заговор от заикания

Заговор читается только на молодой месяц 12 дней подряд. Когда читают заговор, из дома ничего нельзя давать взаймы, даже куска хлеба.

Идет по леску старичок-лесовичок, идет, не спотыкается, а раб Божий (имярек) не заикается, говорить не устает на радость нам, на горе врагам. Говори, не заикайся, на словах не спотыкайся, как старичок-лесовичок не запинается, не заикается. Аминь.

Заговор от изжоги

Заговор читается на воду, которую затем дают пить больному.

Осы летают,
От зла ожигают.
Не жги, изжога, не сжигай,
Рабу Божьему (имярек) покой дай.
Аминь.

Заговор от колотья (колющих болей)

Колотье, колотье, ты будешь водяное, ты будешь ветряное, ты будешь глазовое. Не тут тебе стоять, не тут тебе бують, желтых костей ломать, червонной крови сушить, нарощенна, окрещенного раба Божия (имя).

Надо три раза дунуть на врачуемого и сплюнуть в сторону.

Заговор от прострелов (от стрелы)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Не от ветра, не от вехоря пришла сия стрела в раба Божия; и выходи, сия стрела, из раба Божия (имярек) на уклад, на железо и на масло,

тянись, не ломись и не рвись. Всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Заговор от утина (боли в спине или пояснице)

Изутинившийся ложится животом на порог отворенной двери, лицом из избы; лекарь (самый старший или самый младший в каком-нибудь семействе) кладет ему на спину голик, обращая его прутьями в сени, и слегка ударяет по нему топором трижды; после того больной спрашивает лекаря:

— Что сечешь?

— Утин секу.

— Секи гораздо, чтобы век не было.

Это повторяется трижды; потом лекарь бросает топор и голик в сени, плюнув туда же три раза.

Заговор от болей в руках

Заговор произносится на полную луну.

У раба Божиего (имярек)

Руки болят, кости стонут.

Господи, помилуй рабу Твою (имярек).

Ей бы не стонать, слез не ронять.

Господи, помилуй, возьми боль унять.

Аминь.

Заговор от болей в ногах

Заговор произносится на полную луну.

Ангелы светлые, ангелы чистые,

Укройте крылами ноги резвые

Раба Божьего (имярек),

Чтобы не ныли, не болели,

Чтоб суставы не скрипели.

Аминь.

Заговор от шпор

Заговор читается девять раз, при этом больное место осеняют крестным знамением.

У рабы Божией (имярек) шпоры, как у петуха шпоры. Засохла ножка петуха, так и у рабы Божией (имярек) засохли б шпоры.

Стал стол, возьми шпоры у рабы Божьей (имярек). Как у стола ножки засохли, так и у рабы Божией (имярек) шпоры засохли.

Заговор от натоптыша

Необходимо зубами оторвать кусок шерстяной нитки и завязать на ней столько узелков, сколько у больного натоптышей. Затем надо нитку закопать под никогда не дающее плодов дерево и произнести:

Дерево не родит, не рождает, натоптышей на ноги раба Божиего (имярек) не сажает.

Заговор от косточки на ногах

Весной на зацветшем фруктовом дереве (вишне, яблоне, груше) надо найти сухую ветку и сломить ее со словами:

Как ломаю я тебя, сухая ветка, по настovým костям. Как я тебя, ветка, ломаю, так и наросты на ногах порушу. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Заговор от болей в суставах

Во время чтения заговора надо завязать 27 узелков на веревке или суровой нитке, а затем надо развязать их. Так надо сделать три раза.

У раба Божиего (имярек) тело не боли, кровь, шпоры, суставов не ломи, жилу на место поставь.

Заговор от ревматизма и радикулита

Заговор читается в ветреную погоду.

Не ломи, ветер, ветки, не ломи костей, не ломи мощей,

спины, поясницы, суставов, полусуставов, косточек, полукосточек, коленей и подколеней, рук и ног всего тела человеческого. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Заговор от варикозного расширения вен

При чтении заговора пучком из гусиных перьев надо молоком мазать вены.

Река бежит, на месте не стоит. Кровь, по венам беги, на месте не стой, в ногах не пой, в узлы не вяжись, не мучай раба Божиего (имярек), чтоб он не страдал, болезни жильной не знал. Аминь.

Заговор от внутреннего воспаления

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй раба Божия (имярек), сподоби его, благослови. Отче! Есть море золото, на золоте море золот корабль, на золоте корабле едет святой Николае, помогает рабу Божию (имярек) от усоей; есть море золото, на золоте море золото древо, на золоте древе золоты птицы — носы железны и ногти железные, дерут, волочат от раба Божия (имярек) на мхи, на болота; есть море золото, на золоте море бел камень, на бел камене сидит красная девица с палицею железной, тепет, обороняет, отлучает от раба Божия (имярек) усоеви на мхи, на болота; есть море золото, на золоте море золот корабль, на золоте корабле едет тридцать царей и семьдесят цариц, помогают рабу Божию (имярек) от усоей; есть море золото, на золоте море золот корабль, едет святой Николае, отворяет морскую глубину, поднимает железные врата, а залучает от раба Божия (имярек) усоеви аду в челюсти.

Заговор от нутряной нутрянки (опухали живота, рака)

Читается трижды девять раз в бане, и столько же раз парят больного венником. Затем венник выбрасывается в поле на запад.

Стану я, раба Божия (имярек), отговаривать у раба Божия

(имярек): Нутряная нутрянка, выйди с раба Божия (имярек), из его белого тела, с его живота. Выйди в чистое поле, где пустота; там стоят столы дубовы, скатерти браны, питья медовы, яства сахарны. Тебя в гости звали!

Заговор от боли в животе

Господи Боже, благослови, а ты, дом, домище, стань на свое местище, на старое гнездище. Стоял дуб-царь на синем море, собирались на нем птицы салоушки, свивали гнездочки, вот вам дом. Крестом крещу, крестом ограждаю, крестом прогоняю. Будь ты, враг, проклят, всегда, ныне и присно. Аминь, аминь, аминь.

Заговор делается на куске хлеба, который потом дают больному съесть.

Заговор от поноса

Заговор делается на воду, которую затем дают выпить больному.

Лежит поле богато,
В нем нора засрата,
Там срамной порог,
Там живет хорек.
Поди с раба Божьего (имярек) на ту нору,
Вся грязь с нутра:
Коли, охи, ахи, вздохи,
Слезы, маета, болезнь живота.
Поди, дристунья, на ту нору.
Аминь.

Заговор от глистов

Заговор произносится на воду при убывающем месяце.

Место червя в яблоке, место червя в могиле, место червя в земле, место червя в коровьем дерьме, а не во мне. Выйди, червь, на свое место, или в яблоко, или в могилу, или в землю, или в коровье дерьмо. Слово мое крепко. Аминь.

Заговор от грыжи

Заговор произносится над сучком в стене избы или на доске.

Царица Небесная, Смоленская, Почаевская, Белобережская, Троеручница, Казанская, Бельническая, святой Михаил Архангел со всеми небесными силами, Мина преподобный, Афонские угодники, святой Пантелеймон целитель, Максим, Киевские Антоний и Феодосий, Варвара мученица, Тихон Задонский, помогите и утешите боль младенцу колючую, болючую, статывую, ломотную, сухотную, завистную, радостную, женскую, бабскую, приговорную.

Произнеся заговор, надо плюнуть на сук, обвести его три раза пальцем и заключить словами:

как этому суку не шататься, не болтаться и листьев не пускать, так сократи, Господи, землю и воду, сократи, Господи, младенцу боль колючую и болючую.

Заговор от боли в голове и в животе

На море, на океане, на острове Буяне, растет дубище, на дубище — сучище, на сучище сидит котище. Котище, котище, возьми чемерище от (имя). Много на дубе цветочков, много на голове волосочков, возьми полволоска*. Много у живота кровящи — возьми полкровика, оставь полживотины**

Читается по три раза, три зори, после каждого раза произносят «Аминь».

Заговор от мигрени

На синем море стоит дуб. В том дубе сидит красная девица, чемерь-чемерица. Чемерь-чемерица, красная девица, иди по мхам, по болотам, от рабы Божьей (имярек) уходи и больше не приходи. Аминь.

Заговор от зубной боли

*Больного ставят к окну спиной так, чтобы он не видел света, а наземь кладется свайка или ключ****

* Если боль головная.

** Если боль в животе.

*** Этот заговор произносится при боли кариозных зубов. На свайку заговариваются зубы мужчинам, а на ключ — женщинам.

Читающий, указывая левой рукой на свайку, трижды произносит стих первого заговора:

лежит железо, не болит и не горит, не тлеет и не млеет, и не сохнет. Чтобы у раба (имя) зубы не болели, не тлели и не млели, и не сохли.

После каждого раза читающий заговор приказывает больному оборачиваться к окну и кланяться, а сам щупает пальцем больной зуб и три раза дует на левую сторону.

Потом трижды читает второй стих заговора:

лежит железо, ожелезневши, окостеневши, одубеневши, онемевши, чтобы у раба (имя) зубы окостенели, одубенели, онемели, чтобы до веку до вечного никогда бы они у него не болели.

По прочтении заговора читающий берет свайку или ключ и до девяти раз слегка стучит им по больным зубам и приговаривает:

ожелезнейте, онемейте, одубенейте и больше не болейте, по сей день, по сей час, по сию минуту.

Заговаривают на свайку или на ключ девять раз.

Заговор от лихорадки

Тетки, лихоманки, вас двенадцать сестер, идольных дочерей, отстаньте от раба Божия (имя), по сей день и по сей час и будет вам его трясти и трепать. Я буду просить Матвее святого, Марка святого, Луку святого, Ионна святого. Они вас пошлют по пням, по лугам, по болотам, по колодам, где человечьяго голоса не слышать.

Заговор от горячки

Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, и пойду, перекрестясь, во сине море; на синем море лежит бел горяч камень, на этом камне стоит Божий престол, на этом престоле сидит Пресвятая Матерь, в белых рученьках держит белого лебедя, обрывает, общипывает у лебедя белое перо; как отскокнуло, отпрыгнуло белое перо, так отскокните, отпрыгните, отпряните от раба Божия (имярек), родимья огневицы и родимья горячки, с буйной головушки, с ясных очей, с черных бровей, с белого тельца, с ретивого сердца, с черной печени, с белого легкого, с рученок, с ноженек. С ветру пришла — на ветер пойди; с воды пришла — на воду пойди; с лесу пришла — на лес пойди отныне и до века.

Заговор от золотухи

На море, на океане, на острове на Буяне, стоит дуб таратынский. На тот дуб слетались двенадцать недуг, двенадцать золотух. Расходитесь, вы, недуги, родные сестры золотухи, по пням, по колодам, по гнилым по болотам, из раба (имя).

Закончив произносить заговор, на лицо больного надо дунуть, а на землю плюнуть.

Заговор от «дикого мяса»

Берут кусок сырого свежего мяса в безлунную ночь, кладут его по левую сторону от больного и читают следующий заговор:

В диком лесу стоит изба,
У избы есть дверь,
У двери лежит зверь.
Зверь не бросается,
Мяса дожидается.
Пойду к рабу Божиему (имярек),
Возьму у него мяса,
Отдам дикому зверю,
Чтобы пропустил к двери.
Пойду мимо зверя
Через те двери.
Передо мной икона висит,
А под ней лампадка горит.
Так бы и болезнь с раба Божиего (имярек)
Сошла да сгорела.
Через лес дикий, избу чужую,
Зверя лесного, дверь потайную
Ушла да не вернулась бы.
Раз крещусь, два крещусь, три крещусь,
К дикому зверю обращаюсь:
«Забери дикое мясо у раба Божиего (имярек)».
Аминь.

*Мясо относят подальше от дома и бросают.
Выздоровевший человек ровно год не должен есть мяса.*

Заговор от воспаления подчелюстных желез

Больного выводят во двор, подводят к воротам и, смотря на лес, заговаривают:

дуб, дуб, сухой дуб, возьми свой глот, и собачью, и медве-

жью, не возьмешь свой глот, сглону тебя с ветвями и с кореньями.

Потом безымянным пальцем обводят один из сучков в доске ворот и причитывают:

как сучок не расходится ни в ширину, ни в длину, так чтобы у рабы Божией (имя) жаба не расходилась ни в ширину, ни в длину, аминь.

Читают три раза.

Заговор от чирья на скуле

Тихон Задонский, помоги и утешь боль колючую, болючую. Выкачиваю скуло колючее, болючее, статывое, ломотное, сухотное из ногтей, из чистого сердца, из ясных очей, из черных бровей. Сократи, Господи, землю и воду, и сократи, Господи, скуло колючее и болючее.

При этом около скулы надо водить или катать камушком.

Заговор от чирьев (нарывов)

Чирей-Василий, не ходи ты шире, а поскорей сойди, раба Божия (имя) освободи. В этом доме не являйся, к белу телу не прикасайся. Аминь, аминь, аминь.

Заговор от «сучьего вымени»

Надо взять кусок хлеба или мяса и во время чтения заговора водить им вокруг нарывов.

Вернись к той скотине, чье имя носишь,
А раба Божиего (имярек) навеки бросишь.
Аминь.

После чтения заговора кусок надо отдать съесть собаке.

Заговор от кил

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Встану я, раб Божий, помолясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в

ворота, во чисто поле. Во чистом поле стоит столб, от земли до небеси, на этом столбе сидит Никита Столпник и спускает пузыри. Исчезни, кила, у раба Божия (имя), во веки веков. Аминь.

По другому варианту этого заговора: в поле стоит святая соборная, Апостольская церковь, в этой церкви сто семьдесят семь престолов, на одном престоле лежит пелена Христова.

Утренней и вечерней росой, *говорит заговор*, умоюсь, пеленой Христовой утрюсь. Аминь, аминь, над амином аминь.

Есть и такой вариант этого заговора, по которому на поле стоит столб от земли до небеси, на этом столбе сидит князь-воевода, Михаил-архангел.

Прикажи ты мне, князь-воевода, говорить, раба Божия (имя) исцелить, пузыри-килы снимать. Сама ты, болезнь, сохни, в трещины иссохни. Аминь, аминь, над амином аминь.

Заговор от червей (от загноения раны)

Взять горсть земли и, ходя при закате солнца вокруг больного, сыпать между пальцами землю и говорить:

тридцать червей и три червяка. Один червяк из нашего (имя) выпادي и все пропади. Поди вон, как между пальцами сыпались. Дай Бог холод, солнце за лес, черви вон.

Заговор от гангрены

Читают заговор на утренней и вечерней заре над больным местом.

Матушка Соколия, многожалостливая, позови святых отцов Евангелистов — Ивана, Луку, Марка, священномученика Антипу, святого Игнатия, Ефрема, Ивана Репосева, Ивана Сираха, Ивана Купального, Ивана Великого.

Сними с раба Божиего (имярек) огонь смертельный, телу губительный, кровь святую на кровь грешную. Тут и огонь сгинет. Аминь.

Заговор от рожи

Рожа-рожище, бешиха-бешище, прилетел орлище, сел на бешище, крыльями размахал, лапами разодрал. Тут тебе не быть, желтых костей не ломить, красной крови не пить, белого

тела не сушить, ретивое сердце не томить, буйную головушку не ломить. Помилуй и сохрани, Господи, раба Божиего (имярек). Молите, все святые, Бога за нас.

После прочтения заговора больное место обводят красным шерстяным лоскутком.

Заговор от геморроя

При чтении заговора (три раза) безымянным пальцем правой руки касаются больного места и сплевывают через плечо.

На море, на окяне, на острове на Буяне
Стоит древний дуб.
На том дубу сидит птица Эра.
Полети, птица Эра, на нарывные места раба Божиего (имярек),
Расклевай их, расклевай своих деток,
Рассыпай их за быстрые реки,
За крутые горы, за темные леса.
Там лежит гнилая колода.
Отнеси их и положи туда.
Во веки веков. Аминь.

Заговор от ожога

Гора, ты очень не разгорайся, в водах не подымайся, в ширину не расширяйся. Вокруг тебя огонь, стена каменная. Раб Божий идет, за собой сине море ведет, как синю морю огонь покорен, так чтобы и рабу Божию (имя) был он покорен.

*Заговор от укуса змеи**

На реке Смородине — калиновый мост, на том мосту стоит дуб-Мильян, а в том дубе — змеиный гроб, а в том гробу — змеиный зуб и яд. Змее домовая, змее полевая, змее

* С 30 мая/12 июня, со дня преподобного Исаакия, которого в народе называли Исаакий Змеевник, Змеиный Праздник, бродят змеи по лесам станицами и убивать их очень опасно. В этот день змеи идут поездом на свои свадьбы, и что каждому встречному готовы мстить без милосердия, и что от укушения змеи в этот день ни один колдун не может заговорить.

гноевая, змее межевая, змее курчевая, змее лесовая, змее подколодная, змее водяная, змее полетучая, змее шкуронее, унимаи своих слуг, вынимаи свои зубы и яд с белых костей, с черных бровей, с ясных очей, с жил, с поджил, с ногтей, с подногтей, с буйной головы, с горячей крови, с ретивого сердца (имя), а не вынешь — убьет тебя Михаил-архангел каленой стрелой, я — словесами, Пресвятой Богородицы с помощью*

Надо сказать три раза, с каждым разом на три шага отступать назад и плевать в левую сторону.

Заговор от укуса ужа

На синем море, на океанской пучине, плавал камень.
На том камне сидел Симеон желтоголовый.
Симеон желтоголовый, прекрати мою боль, останови.

Заговор после укуса собаки (от шала — бешенства)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Хлеб сквозь дуб проймаю, от шалу отгоняю. Сам Господь Бог от шалу отгнал, хлеб в дуб клал, своей рукой и печатью печатал.

Заговор произносится над хлебом и повторяется три раза, а если прошло много времени после укуса, то 12 раз.

«Не ходи в этот день в травы, не тревожь лесные чащи, не пытай судьбы», — говорили в народе.

При ужалении змеи, по мнению русского народа, следовало смазать рану серой из уха и всего человека вымазать чистым дегтем. В других местах лучшим средством от укуса змеи считалось натирание укушенного места сеledкой или прикладывание к нему живых лягушек, которые должны сменяться новыми, как только лягушка издохнет. Иногда от укуса змеи применялись и вовсе не мыслимые для современного человека средства. Так, например, к месту укуса прикладывались человеческий кал, смешанный с коровьим маслом, и теплые лошадиные испражнения.

В старину вытопленное из убитой змеи сало служило целительным средством от рожистых воспалений. Змеиную шкуру тоже прикладывали к болящему, изведенному нарывами телу.

От нагноения глаз их мазали жиром жареной змеи.

* Этот и следующий заговоры применялись и при укусах животных.

При словах «хлеб сквозь дуб проймаю» нужно хлеб из одной руки переложить в другую.

Заговор от кровотечения

Вставал я рано утром, умывался водой ключевой, утирался тонким пряденым полотенцем и пошел из избы в двери, из дверей в ворота и выхожу в чистое поле. В чистом поле Сам Иисус Христос ездит на белом коне и сечет руду и камень, и из этого камня нет ни руды, ни крови. У раба Божия (имя) нет ни крови и ни руды.

Зажимают рану и, по окончании заговора три раза дуют и плюют.

Заговор от занозы

Во время чтения заговора указательным пальцем надо водить вокруг занозы. После заговора заноза быстро выйдет сама, а ранка затянется.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Зашла заноза не в кровь, не в тело, в дым да в воду. От нарощенного, крещеного, молитвенного раба Божиего (имярек). Шила шипица, красная девица, не я тебя сажала, не я тебя вынимала, будет тебя вынимать Мать Пресвятая Богородица со своими святыми помощниками, со святыми угодниками. Шила всякая бывает: деревянная, красный волос, черный, седой. Не я вычитываю, вычитывает Пресвятая Богородица на престоле, вычитывает своими словами, отдувает своим духом. Аминь.

Заговор при зашивании раны

Игла, иголка, стальное твое тело, знай свое дело, полезай в мое тело. Вы, кости, раздайтесь, вы, жилы, расступитесь, а ты, руда, не кань, не крань. Аминь, аминь, аминь.

Взяв иглу в правую руку, надо обратить ее острием ко рту, сказать трижды этот заговор и зашивать порезанное место.

Крови при таком зашивании нет, боли тоже, и игла проходит через тело, словно через репу, по меткому народному выражению.

Заговор от вывиха

Становой сустав, стань на свой стан*, со всех костей, со всех мозгов, со всех жил, со всех пожилков, из буйной кости, из красной крови, из раба Божия (имя).

Прочесть три раза и столько же раз ударить по больному месту запястьем руки, сказав: «По сей день, по сей час, по сию минуту».

Заговор этот надо повторять три раза в день.

Заговор от болезни глаз

И очушко кохано,
И очушко кохано,
И очушко кохано,
У раба Божьего (имярек).
Глаза коханы,
Глаза коханы,
Глаза коханы,
Чисты, непорочны, новорожденные,
Крещеные и молитвенные,
Выплыви, заноза,
И не коли (имярек) глаза,
Выплыви, туски,
И не боли у (имярек) глаза.
У (имярек) глаза чистые и непорочные,
Новорожденные, крещеные, молитвенные.

Заговор, чтобы глаз не дергался

Когда дергается глаз, нужно поклонявить палец, приложить его крепко к глазу и произнести три раза:

тетушка-дергушка, не трепи, не дергай ни вниз, ни вверх. Аминь.

Заговор от соринки в глазу

*Приподняв веко, говорят:
выплыви, бабка, дам тебе яблоко!*

* При этом больное место, начиная по направлению с востока на запад, обводят безымянным пальцем и, к моменту произнесения слова «стан», описывают полный круг.

Заговор от бельма

Господи Иисусе Христе. Сыне Божий, помилуй нас! Аминь. И шел святой Егорий чрез железный мост и за ним бегло три пса: один — серый, другой — белый, третий — черный. Серый пес бельмо слизнул, белый пес бельмо слизнул, черный пес бельмо слизнул у рожденного, у молитвенного, у крещеного раба Божия (имярек).

Три раза проговорить и плюнуть.

Заговор от ячменя

Плюнув трижды в сторону, показать больному глазу кукиш и прошептать три раза:

ячень, ячень, на тебе кукиш; что хочешь, то купишь; купи себе топорок, руби себя поперек!

Заговор от слезоточения

Ехал святой Егорий, за ним три хорта*. Один хорт око лижет, второй — слезу пьет, третий — муки удаляет. Аминь.

Больной глаз надо перекрестить.

Заговор от боли в ушах

*Нужно прижиматься ухом к угловому кресту** и говорить:*

угол рублен и крест дубов. У того креста не болело, не щипело и уха не вертело: и так бы у раба Божия (имярек) не болело, не щипело и уха не вертело, ни в день, ни в ночь, ни в утреню зорю, ни в вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрой месяцу. Во веки веков, аминь.

Заговор, чтобы не «стреляло» в ухе

Заговор произносится шепотом больному на ухо.

Из лука меткого стрела полетела,
У раба Божиего ухо прострела.

* Хорт — борзая собака.

** Такой крест бывает у каждой избы; он образуется из древесной серы от действия жары.

Стрел-пострел, коли, да не боли.
Всяка хвороба от ее порога
На пуск, на лес, на буйный ветер.
Аминь.

Заговор от глухоты

Читать заговор следует в оглохшее ухо три утренние и три вечерние зори.

Слышит мышь и сова, и болотная змея,
Кот и кошка, и ты немножко.
Так и ты, каковым родился, с таким слухом перекрестился,
С того часа, с моего наказа
Слышать будешь. Аминь.

Заговор от свинки

Заговор произносится девять раз. После чего шея больного обертывается чулком, в который насыпан теплый песок.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне, и присно, и во веки веков. Ни первый, ни другой, ни третий, ни четвертый, ни пятый, ни шестой, ни седьмой, ни восьмой, ни девятый. Не я хочу, не я лечу, Пресвятая Божия Матушка своими устами, своими перстами. Аминь.

Заговор при боли в горле

При боли в глотке бабушка-повитушка обращалась в сторону, где лес, и говорила следующее:

дуб, дуб, возьми свой дубоглот, и глот, и мокрую жабу, сухой дубоглот, и глот от раба Божия (имярек)! Не возьми свой дубоглот, он тебя с ветвями и с корнями проглотит.

Заговор от кашля

На болотной кочке
Говорит жаба дочке:
«Ты, моя дочь, здесь квакаешь,

А раб Божий (имярек) там кашляет.
Квашню, кашель и квакшу перемешаю,
Раба Божиего (имярек) от кашля освобождаю».

Заговор от астмы

Иисус Христос, иди на мой спрос. Я молюсь за раба Божиего (имярек), за крепкое дыхание его. Хрип и стон, выйди вон. Заселись, легкий вдох, а ты, стон, выйди вон — и в боло-тах, в лесах захрипи, застони, там скройся и пропади. Нет тебе обратной дороги, нет у нас житья. Аминь.

Заговор от тупуна

Заговор читается три раза. После каждого раза надо сплюнуть через левое плечо и прикусить себе язык.

Типун на языке на питку-сыромятку, на мышку-грызушку, на сову-старушку. Ключ, замок, язык. Аминь.

Заговор от сердечных болезней

Во время чтения заговора, держа два стальных ножа за лезвия, ударяют их друг о друга обязательно деревянными ручками.

Как я стучу ручку об ручку, и ножу не больно, так и сердцу раба Божиего не болеть. Ножи булатные, ручки деревянные, слова тяжелее камня Алатыря. Аминь.

Заговор от болезней печени

Заговор говорится на воду, которую затем дают пить больному.

Не болит у Христа печень, не печет, не ноет и не стоит ни на зореньке с утра, ни в полдень, ни на закатной зоре, ни ночью. Так бы и у раба Божиего (имярек) печень бы не болела, не горела, не ныла, не колола, с этого часа и до последней минуты. Двенадцать апостолов заговор подписали, печатью увенчали, к ней ключи потеряли. Христос ключи подобрал, к себе в Божие царство забрал. Аминь.

Заговор от болей в почках

Во время произнесения заговора больного кладут на живот и водят по пояснице веточкой вербы, сохраненной с Вербного воскресенья, крестят этой же веточкой больного.

Не болит земля, не болит небо, не болит солнце, не болит месяц, и у раба Божиего (имярек) почки не болят, не колят, не ноют. Плевал раб Божий (имярек) на эту боль, на это нытье, колотье, на всякое ломотье. Как скажу, так и будет, слова мои крепки и лепки.

Заговор от припадка

На Сионской горе выростала жемчужная роса. Матерь Пресвятая Богородица жемчужную росу собирала, все недуги ею умывала, выгоняла ею все болезни и скорби: младенец-полуношник, огненный, ломовой, грустовой, тосковой, дорожный и перекрестный; лихорадку, испуг и горячку. Выгоняет Она из ног, из спины, из боку, из рук, из живота, из сердца, из желтых костей, из красной крови, из белого тела, из буйной головы, из черных бровей и изо всех жил. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Заговор произносится в течение 12 зорь.

Заговор от столбняка

Заговор читается на заре.

Заря-зарница, красная девица, возьми от раба Божьего (имярек) иродовы косточки, колотые, ломотые, жиглинку гнойную, кровяную, смертно больную, синюшную, резаную, колотую — на болота зыбучие, кусты колючие, где живое не живет, птица не поет, кровь не течет. Аминь.

Заговор от кровотечения у женщин

Заговор читается три раза на воду, которую затем дают выпить больной.

Матушки березы тутне стоят, корней не пускают. Дай золотнику рабы Божией (имярек) на место стать. Матушка белая береза, возьми свою болоту, отдай рабе Божьей (имярек) свою красоту, забери у нее течь и кровоту. Аминь.

Заговор от грудницы

Грудница, рудница, иди до воды,
На кого хочешь, на того напади.
Хоть на коняку, хоть на корову,
Хоть на чертовку здорову.
От белого тела, от белой кости, от черновой крови,
От рабы Божией (имярек)
Нарыв отними.
Аминь.

Заговор от женских болезней

Заговор произносится в бане во время мытья. Рукой надо гладить по животу, обливать его теплой водой и читать следующий заговор:

Арина, Марина в калину ходила, калину ломала, у рабы Божией (имярек) болезнь выбивала. Слей, сними, водой сполосни бабкины, дедкины, теткины, дядькины, батькины, маткины злобные шепотки, злые разговоры, ведьмины заговоры. Аминь.

Заговор от бесплодия

Читают заговор перед супружеской постелью.

У лошади — жеребята, у коровы — телята, у овцы — ягнята, а у меня нет дитяти. Как месяц растет-нарастет, так пусть из семян семечко будет для меня деточка. Благослови, Господи. Аминь.

Заговор от плотской немощи

Встану яз, раб Божий (имярек), благословясь, и пойду, перекрестясь, в чистое поле под красное солнце, под млад светел месец, под частыя звезды, мимо Волотовы кости могилы. Как Волотовы кости не топнут, не гнутся, не ломаются, так бы у меня, раба Божия (имярек), фирс не гнулся, не ломился против женския плоти и хоти и против памятных кости. И возьму яз, раб Божий (имярек), свой черленный вяз и пойду я в чистое поле, ажно идет в чистом поле встречу бык третьяк, заломя голову, смотритса на небесную высоту, на луну и на

колесницу. И подойду яз, раб Божий (имярек), со своим чер-
ленным вязом и ударю яз быка третьяка по рогу своим чер-
ленным вязом. И как тот рог не гнется, не ломится от моего
вязу, так бы и у меня, раба Божия (имярек), фирс не гнулся,
не ломился против женския плоти и хоти и против памятных
кости отныне и до веку.

Заговор от коросты

*Во время полноводья, когда пойдет лес, взять ломоть
хлеба, крепко посолить его и бросить в воду, произнося:*

хлеб, соль честная, плыви, куда хочешь, тебе добрый путь,
а мне оставь доброе здоровье!

Заговор от лишая

Стригун-лишай, жить не мешай. Поди на лешего, на пса
лохматого, на кота усатого, на лес сухой, на овраг пустой. Там
тебе раздолье, там тебе приволье, сойдя с раба Божиего (имя-
рек) отныне и во веки веков. Аминь.

Заговор от псориаза

Я, их не зная, всех на помощь вызываю, встаньте, помогите:
Ивана Крестителя, Ивана Богослова, Пантелеймона Целителя,
Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, Кузьму и Демьяна,
и Варвару великомученицу, и святого Иова.

Встаньте, помогите, экзему, псориаз изгоните. На очерет*
на болоте, за зеленые леса, на зеленые воды, на золотое кры-
лечко, где люди не ходят и звери не плодятся.

Не сама я творю. Господа зову. Аминь.

Заговор от грибков в ногтях

*Поставив больного близ дерева, читающий заговор обво-
дит своим пальцем трижды около сучка и столько же раз
читает следующие слова; потом своим пальцем трижды
обводит палец больного.*

* Очерет — камыш, тростник.

Как этот сучок не растет, не подымается, засохни так эта боль наносная, заногтица, у меня, раба (имярек), и чтобы не болела и не подымалась.

Заговор от выпадения волос (облысения)

Заговор надо читать, стоя у окошка, расчесывая волосы, и глядя на нарождающийся месяц.

Поле к зернышку,
Свет к солнышку,
Темя к гребешку,
А волос к волосу.
Аминь.

Заговор от запоя

Живую щуку сажают в туюс или кувшин с вином и настаивают 12 дней; щука дает много слизи, и настоей протухает. Им поят пьяницу, приговаривая:

как щука не терпит вина, також бы не терпел его раб Божий.

Заговор от похмелья

Господине есть хмель, буйная голова, не вейся вниз головой, вейся в посолонь, а яз тебя не знаю, где ты живешь; вверх сыра древа влези к своему господину в медные бочки и пивные. Как не жить на огне, так на сем человеце лихия словеса (имярек)! Аще изопьешь чашу сию, доколе мои словеса из меня сии изошли, из его, раба Божия (имярек), похмелье! Господине хмель, как царь сядет на царствии своем, тако и ты сиди на месте своем, где родился.

Заговор от икоты и порчи

Лекарь очерчивал больное место безымянным пальцем, читая молитву «Да воскреснет Бог» и потом следующее:

встану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь утреннею росой, утрюсь тонким белым

полотном и пойду из избы в двери, из дверей в ворота, под восточную сторону к Окияну морю. На том Окияне море стоит Божий остров, на том острове лежит бел горюч камень Алатр, а на камени святой пророк Илия с небесными ангелами. Молюся тебе, святой пророче Божий Илия, пошли тридцать ангелов в златокованом платье, с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от (имярек) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и ветроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетает, на черныя грязи, на топучия болота, и встречно и поперечно, стамово и ломово — на молоду, на ветху и на перекрое месяца.

Иногда вместо безымянного пальца знахарь очерчивал пораженное язвой место мертвым мылом (то есть тем, которым обмывали умершего человека); затем обращался с молитвой к Илие-пророку и силам небесным и наконец говорил:

спустите мне гром и моланью; отбивайте и отстреливайте от раба Божия (имярек) уроки и призоры, щипоты и ломоты, потяготы и позевоты, и ветроносное язво, куда крылатая птица не залетает, и удалый молодец на коне не заезжает, встречное и поперечное, стамово и ломово, внутренне, споево, заочно и жилинно. Как у мертвого мертвеца колеют руки и ноги, зубы и губы, трепущее* тело, так бы колели у (имярек) уроки и призоры и притки, щипоты и ломоты, потяготы и позевоты, и ветроносное язво, встречное и поперечное, стамово и ломово, нутренно, споево, заочно и жилинно.

Кроме мертвого мыла и безымянного пальца больное место очерчивали сосновым суклом, который вытал из дерева от гнилости сам собой, затем знахарь обращался к пророку Илие и ангелам и наконец говорил:

как у матушки у сухой сосны сохнут и посыхают сучья и коренья из белой болони** и красного сердца, так бы сохли и посыхали у (имярек) уроки и призоры и притки, щипоты и ломоты, потяготы и позевоты, на молоду, под полон, на перекрое и на ветху месяца; с буйной головы, с русых волос, черных бровей, ясных очей, с губ, с зуб, с рук, с ног, с легкого и с печени, с крови горячей и трепущого тела.

Лекарю и больному весь Ильинский месяц (июль) жить должно во всей чистоте души и тела и не иметь блудного греха, без чего лечение не будет успешно.

* Живое.

** Болонь — молодой внешний слой дерева.

Заговор от сглаза

Избавь, Бог, от серого, от синяго, от черного, от желтого, от всякого глазу, от плохого часу.

Заговор от лихого глаза и лихого человека

Божия Мать, Пресвятая Богородица,
Великая Помощница,
Иоанн Богослов, друг Христов,
Лазури-зарницы, прекрасные девицы,
Помогите, пособите младенцу Ивану,
Во всякой скорби, во всякой болезни:
Места от худого, глаза от лихого,
От серого, от белого, от карего, от черного,
От бабьего, от мужичьего, от девичьего.
Выйди вон из костей, из мощей, из ушей,
Из ноздрей, изо рта, из буйной головы.
Не я тебя выговаривала, а выговаривает
Мать Божия, Пресвятая Богородица,
Великая Помощница,
Да бабушка Соломонида,
Которая Иисуса Христа повивала,
К себе на руки принимала,
Своею Христовой ризой утирала,
По сей день, по сей час, по мой выговор.
Аминь.

Заговор от переполоха (испуга)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Как мать сыра земля не боится ни стуку, ни бряку, так бы и раб Божий (имя и отчество) не боялся ни испугу, ни переполоху ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером. Как вода оmyвает, очищает и уносит пески и ржавчину, так бы и раб Божий (или раба) очищались, оmyвались от болезней, от испугот, от переполохов и не боялись бы они ни испугот, ни переполохов, ни дневных, ни ночных, ни утренних, ни вечерних. Аминь.

Заговор от тоски и общего недомогания

Стала, благословясь, и пошла, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, во чистое поле, на восточную сторону, под ясное голубое небо, под черное облако, под млад

месяц, под красное солнышко. Под красным солнышком океан-море, на океан-море стоит ладон камень, на ладонном камне стоит апостольская церковь, в этой церкви стоит гробница Феодосиева*, у этой гробницы на золотом стуле сидит Богородица. Я и корюсь, и молюсь, на колени валюсь: Ты дойди, поступи, свет — Пресвятая Богородица, до гробницы Феодосия Преподобного, ризы нетленные отщипни, золотой гробницы отскобли, и дойди, поступи до раба (имя) Божияго, золотой ризой нетленной прикладывай, гробницы присыпай, приговаривай, чтоб не чуял раб Божий ни тоски, ни болезни, ни костевья, ни мозговья, ни сердцевья, ни в костях, ни в жилах, ни в ясных очах, ни в темных бровях, ни в белом теле, ни в ретивом сердце, век вовек, отныне и до века, до конца века, до преставления света.

«Аминь» не говорится.

Заговор от сибирки (от чумы)

Благослови меня, Господи, рабу Божию, заговаривать сибирку. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. У рабы Божией (имя) — чума-чумица, старая сатаница. Гоним тебя, чумицу, старую сатаницу, в мягкий болотный мох, в темные леса, в гнилые колоды, в пустые поля, в сухия древа. Заговариваю сибирку у рабы Божией (имя) на попритченном месте. Выйди ты, сибирка, скорбь-болезнь, из ее красной крови, из желтой кости, из семидесяти семи жил и семидесяти семи поджил, из семидесяти семи суставов, из ее дома, из ее плоти и из ее головы. На крутой горе, на матушке, на сырой земле, стоит церковь Господня и престол Его. На этом престоле стоит гробница, а в этой гробнице девица-мертвица, посланная заговаривать сибирку, или пухлю, или стрельбу, или рассыпушку. Тебе, сибирка, нет ни пальца, ни сустава. Аминь, аминь, аминь.

Заговор надо повторять три раза, обводя язву лошадиной костью.

* Феодосия Тотемского.

Русские народные травники

Предисловие

В числе памятников старинной русской литературы не последнее место должны занимать сохранившиеся рукописи медицинского содержания. Некоторая часть их уцелела до сегодняшнего времени под названием целебников, лечебников, травников, зельников и пр.; но есть основание думать, что в старину число таких сочинений было значительно больше и они имели немаловажное значение в русской жизни.

Забота о собственном здоровье так близка человеку, что она, естественно, выражается тем или другим способом у всякого народа, находящегося даже на самой низкой ступени культурного развития. Поэтому зачатки так называемой народной медицины существуют даже у диких народов.

Медицинские понятия, выработанные непосредственным опытом или заимствованные у более развитых соседей, сначала сохраняются в семьях и передаются из рода в род, как предание; но с водворением письменности, естественно, является стремление сохранить такие предания в менее искаженной форме, посредством более стройного и подробного письменного изложения их. Таким способом должны были составляться первые рукописные сочинения по русской медицине, под именем травников и зельников, имеющие дело с лекарствами почти исключительно из растительного царства и притом произрастающими на туземной почве.

При свойственном малоразвитому народу суеверии лекарствам обыкновенно приписывалось много чудесных свойств. Поэтому первые, чисто народные, травники и зельники должны были содержать в себе значительную долю народных предрассудков и веру в чудесное действие трав.

* *Василий Маркович Флоринский* (1833—1899) — известный русский врач-акушер и археолог, профессор Военно-хирургической академии и Казанского университета, основатель Томского университета. Большое внимание уделял изучению древностей русского народа и инородцев, особенно камских болгар. Был одним из первых и самых серьезных исследователей русских простонародных травников. Обладал коллекцией народных лечебников и травников XVI—XVIII веков.

Только такие «травники» и могут называться чисто народными, самобытными. В них, как и в народных поверьях, былинах, сказках, предрассудках, выражается доля народного творчества, не заимствованного от европейской науки, но скопившегося под влиянием местных условий жизни и склада нравственных понятий данного народа.

С течением времени, когда в русскую жизнь стали проникать от цивилизованных соседей более выработанные медицинские понятия, где медицина имела уже значение науки, лечебники должны были изменить свой характер и принять более систематическую форму.

В это время явились сочинения, переведенные и переделанные с иностранных языков, носящие отпечаток медицинской школы или греческо-римского периода, или периода арабского, нередко со ссылками на авторитет, например, Галена, Цельса, Авиценны и пр. Эти сочинения представляют уже не лепет народной медицинской поэзии, но стройную систему медицинского учения того времени. Такова, например, весьма распространенная рукопись под заглавием «Прохладный вертоград». Это сочинение, относящееся ко второй половине XVII столетия, было очень распространено, так как до сих пор списки его встречаются чаще других лечебников.

Из сопоставления этих списков, принадлежавших к разным эпохам, можно видеть, что древние переводы или переделки медицинских книг не оставались в одном и том же виде. С течением времени они пополнялись, нарастали в объеме и обогащались содержанием посредством вставок и приписок, взятых из других источников. Такие пополнения, делавшиеся обыкновенно в конце глав, где оставлялось свободное место, в некоторых рукописях легко отличить по почерку, а иногда и по содержанию, соответствующему более позднему периоду. Иногда в рукописях встречаются более крупные вставки или правильные приложения в виде отдельных статей, относящихся до медицины, техники, астрономии и домашнего хозяйства, вследствие чего лечебники получают характер медицинских сборников.

При рассмотрении медицинских рукописей прежде всего должен явиться вопрос: когда и кем они были составлены?

К сожалению, имеющиеся у меня под руками списки, за немногими исключениями, не заключают в себе в этом отношении никаких указаний. Поэтому для разрешения вопроса нередко приходится руководствоваться внешним видом (почерком) и содержанием рукописей, насколько оно соот-

ветствует тому или иному периоду развития медицинских наук вообще и русской медицины в частности.

В этом отношении имеют особенно важное значение:

1) упоминаемые в лечебниках привозные лекарственные вещества, так как время первого появления их в России до известной степени может быть определено по другим историческим источникам;

2) форма их медицинского употребления, фармацевтическая обработка, мера и вес;

3) склад медицинских воззрений, выражающих собой или следы арабской медицины, или представляющих возрожденную науку после XV столетия;

4) медицинский язык и в особенности его терминология;

5) случайные и внешние признаки рукописей, характеризующие ту или другую эпоху;

6) общие исторические соображения о ходе медицинского дела в России, на основании которых можно судить о возможности или невозможности отнести данную рукопись к той или другой эпохе.

На основании этих данных я считаю возможным разделить имеющиеся у меня под руками списки травников и лечебников на три категории:

а) рукописи (травники), составленные до XVI столетия;

б) лечебники XVI и XVII столетий и

в) лечебники и вообще медицинские рукописные сочинения XVIII столетия.

Основания, по которым данная рукопись относится мною к той или другой эпохе, будут изложены ниже. Здесь же считаю уместным указать только на общие исторические факты, могущие служить к некоторому разъяснению рассматриваемого вопроса.

Первые семена медицинских познаний внесены были в Россию из Греции, с принятием христианской религии, и первыми распространителями греческой медицины у нас были монахи, преимущественно с Афонской горы. История сохранила нам имена многих подвижников, прославившихся даром врачевания больных, каковы, например, преподобный Антоний, Дамиан, Олимпий, Агапит Печерские, Пимен Постник и др.

Переяславский архиепископ Ефрем в 1091 году приказал строить даже больницы для безвозмездного врачевания всех приходящих.

Духовные лица, по большей части греческого происхождения или учившиеся в Греции, занимались делом врачевания из чисто религиозных побуждений, как делом христиан-

ской благотворительности. При этих занятиях они должны были пользоваться греческими и латинскими медицинскими сочинениями и, очень вероятно, делали из них извлечения или переводы на русский язык, распространяя, таким образом, медицинские познания не только словом и примером, но и в письменной форме.

В то же время, то есть в XI и XII веках, бывали в России настоящие врачи, например, Петр Сириянин и так называемый армянский врач, пользовавшийся Владимира Всеволодовича Мономаха, о котором в Патерике Печерском сказано, что он был «хитр зело» и умел определять пульс.

Врачевание производилось по большей части домашними средствами, зелиями, произрастающими на русской почве, мазями, пластырями и даже некоторыми хирургическими приемами (вскрытие нарывов, моксы, затыкание ноздрей при кровотечении из носу и пр.); но нет сомнения, что уже в это время были привозимы в Россию и иностранные лекарства.

Владимир Мономах, получив облегчение своей болезни после употребления средств, данных ему преподобным Агапитом, показывал эти средства армянскому врачу, который признал их за александрийские: «несть сие зелие от наших зелий, сказал он, но мною из Александрии быти». Если допустить, что лекарства привозились даже из Александрии, то тем более возможно было употребление медицинских средств греческого происхождения, и так же может быть привозимых из Азии через порты Каспийского моря и через Булгарию. К числу таких средств могли относиться: корица, калган, ремень, сабур, перец, александрийский лист и пр.

В XIII и XIV веках начатки восточной образованности, в том числе и медицины, не успевшие еще пустить прочных корней в России, были почти совсем заглушены рядом бедствий, постигших русскую землю. Нашествие татар, междоусобия князей, страшные эпидемии повальных болезней совершенно изменили строй русского развития. Сношения с образованным миром были почти прерваны; об иностранных медиках нет и помину; медицинские познания, заимствованные прежде от греков, едва сохраняются в народных преданиях, постепенно извращаясь и вытесняясь предрассудками и суевериями.

Так продолжалось до второй половины XV века, когда в России снова появились врачи, но пользовавшиеся далеко уже не тем доверием, как прежде. Упомянутый в «Русском летописце» врач немчин Антон, прибывший к нам в 1485

году, за неудачное врачевание, по приказанию великого князя Иоанна Васильевича, был зарезан, как овца, под мостом на Москве-реке (зимой). Такая же участь постигла и другого врача Леона, пользовавшего в 1490 году сына великого князя Иоанна Васильевича, Иоанна Иоанновича, страдавшего камчугою в ногах. За неудачное лечение этот врач был публично казнен.

Несмотря на такой недружелюбный прием, иностранные врачи снова являются в Москве в начале XVI столетия, именно: константинопольский врач Марко и из Германии Николай Луев и Феофил, лечившие великого князя Василия Иоанновича.

В царствование Иоанна Васильевича Грозного врачебное дело в России пользовалось особенным покровительством. В это время в Москве является несколько врачей и аптекарей, преимущественно из Англии, таковы: Арнольф Лензей, Елисей Бомелий, Стендит, доктор Иоанн, Ричард Элмес, Роберт Якоб (в России называвшийся Романом Елизаровым), аптекарь Френчем (Френшам) и др.

С этого же времени, особенно с открытием торгового пути через Белое море (1553), стали привозить в Россию более разнообразные и сложные лекарства.

В 1581 году заведена была в Москве придворная аптека, в которой хранились и приготавливались лекарства, преимущественно для великих князей. В числе лекарств, привезенных в Россию из Англии аптекарем Френчемом в 1602 году, были и весьма действенные лекарства, как, например, опий, камфора, шафран, шпанские мухи, морской лук, сабур, александрийский лист, манна, ир, серные цветы, кубеба, диагридия, цитварное семя, калган и пр. Многие лекарства для лучшего их сохранения были заварены в сахаре.

Иностранные врачи приглашались преимущественно для охранения здоровья царственного дома и отчасти придворных людей. Для той же цели предназначалась и заведенная в Москве придворная аптека с домашними и иностранными лекарствами*.

* Даже придворные чины и сами великие князья относились к иностранному лечению весьма недоверчиво. Так, например, Иоанн Васильевич Грозный, несмотря на особенную привязанность к врачу своему Арнольфу Лензею, лекарства от него не принимал. Даже в позднейшее время, например при Петре Великом, приготовление лекарств в придворной аптеке и поднесение их государям было обставлено большими формальностями, ввиду остерегательства от неправильного приема, как это можно видеть из помещенной ниже рукописи о порядке придворной аптеки.

Остальные обитатели Москвы, а тем более других городов России, ни этими лекарствами, ни врачебными советами не пользовались. Они должны были иметь свою домашнюю медицину и свои средства для лечения. Такая медицина действительно существовала и была распространена в народе посредством рукописных лечебников, при помощи которых врачеванием занимались многие, не будучи собственно специалистами этого дела.

Составлением лечебников и лечением больных в прежнее время преимущественно занимались лица духовного звания. Врачебная профессия осталась в их руках частью вследствие старых преданий, так как духовенство первое перенесло греческую медицинскую науку на русскую почву, частью потому, что оно представляло тогда наиболее образованное сословие. В рядах высшего духовенства находилось немало людей, вполне владевших греческим и латинским языками, следовательно, могущих пользоваться распространенными тогда медицинскими сочинениями на этих языках.

Доказательством того, что лечебники составлялись и при содействии духовных лиц, могут служить:

1) предисловия к некоторым лечебникам, в которых прежде всего доказывается, на основании книг Священного Писания и святых отцов, что «врачебное искусство не возбранно не только мирянам, но и инокам»;

2) в предисловиях иногда помещались пространные богословские рассуждения и выписки библейского содержания, как бы для того, чтобы придать следующему за тем лечебнику богословскую санкцию;

3) в одном лечебнике (из Соловецкого монастыря, № 30) в предисловии прямо сказано, что он «сочинен из дохтурских наук преосвященным Кир Афанасием, архиепископом Холмогорским и Вожежским (1696)».

Если в это время, то есть в конце XVII века, епископы занимались медицинской литературой, то тем более можно думать, что иноки занимались этим в предшествовавших столетиях, когда память о первых духовных подвижниках на медицинском поприще — иноках Печерского монастыря, святителях и епископах — была свежее и легче могла вызывать подражание.

Профессор В. М. Рихтер в сочинении своем «История медицины в России» (1814) считает первый рукописный лечебник за перевод с польского, появившийся в 1588 году. В рукописи, которую он имел под руками, означено было, что «сей травник 1423 года переведен в Кракове на польский

язык римскими мастерами для пана Станислава Гожтовтова, воеводы Троцкого, а по приказанию воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина переложен в городе Серпухове в 1588 году с польского на русский язык» (ч. 1, с. 314).

Рихтер не объясняет, почему именно этот лечебник он считает древнейшей медицинской рукописью на русском языке. Обозначенный здесь год перевода не доказывает еще того, что все другие рукописи, в которых год составления их не обозначен, были позднейшего происхождения. Напротив, мне кажется, что рукопись, о которой говорит Рихтер, должна быть причислена к позднейшим на том основании, что в ней излагаются более совершенные формы врачебного искусства. Сюда относятся главы: о фельдшерском и аптекарском искусстве, об аптекарской науке, о времени для собирания трав, цветов, корней и семян, о иноземных лекарственных травах, деревьях и семенах, о гнойных нарывах и разных болезнях и пр.

Я не имел под руками этого сочинения, содержание которого в общих чертах изложено у Рихтера, но по простому перечню глав считаю возможным сравнить его с другими рукописями и предположить, что последние должны быть признаны более древними. Не говоря уже о травниках и зельниках, не носящих на себе никаких следов научной медицины, даже сочинения более обработанные и более систематические не содержат в себе ни обстоятельного описания болезней, ни фармацевтической обработки лекарств, ни упоминания о фельдшерах и повивальных бабках или о фельдшерском искусстве. И это едва ли можно объяснить только тем, что лечебники предназначались для народного употребления.

В позднейших лечебниках, имевших то же назначение, мы видим однако же и медицинский вес, и более сложные формулы лекарств, и более отчетливое понятие о болезнях. Следовательно, отсутствие этих признаков в данной рукописи должно указывать на более древнее ее происхождение.

Принимая мнение Рихтера о первом русском лечебнике, мы должны думать, что первый свет медицины проник в Россию через Польшу, но это было бы несогласно с историческими данными. Выше мы уже видели, что первые понятия о греческой медицине распространились у нас посредством греческих монахов еще в XI и XII столетиях и нет основания не допустить, что уже в это время были возможны переводы и переделки на русский язык латинских и греческих медицинских сочинений.

Сверх того в России, по-видимому, пользовались сербскими и болгарскими медицинскими сочинениями, как об этом упоминается в предисловии к одному из лечебников, между тем как о заимствованиях с польского нигде не говорится ни слова. В конце XVI века, когда был переведен с польского предполагаемый Рихтером первый лечебник, у нас не только должны были существовать рукописные медицинские сочинения, но были более или менее образованные врачи, понимавшие современную медицину, как это видно из описания медицинского экзамена, произведенного доктором Артемием аптекарю Филиппу Бритье в царствование Михаила Федоровича.

Лечебник, переведенный с польского для Бутурлина, был у нас далеко не новостью. В первой четверти XVII столетия у нас понимали уже аптекарское искусство: умели делать перегонку из трав и цветов посредством кубиков, готовить экстракты, эфирные масла, декокты, сиропы, порошки, каши, мази, пластыри и пр. Были известны и хирургические приемы: зашивание ран, разрезы, перевязки артерий, исследование зондом, извлечение осколков переломанных костей и пр. Из лекарств в это время были известны и употребительны у нас почти все средства, которыми пользовалась образованная Европа.

Если даже считать недоказанным, что существующие в рукописях травники, зельники и лечебники, в которых не обозначен год их составления или перевода, могут быть отнесены к периоду ранее 1588 года, то все-таки упоминаемый Рихтером польский лечебник не может считаться у нас первым.

В Императорской Публичной библиотеке находится рукопись под заглавием «Книга, глаголемая Травник, травам всяким по азбучным словам в алфавитном порядке», в конце которой имеется подпись, что «переведена сия книга с немецкого языка на словенский, а перевел полоняник литовский, родом немчин Любчанин, а переведена в лето 7042 (1534), мая в 29 день». Следовательно, это сочинение было известно на русском языке на 54 года ранее польского лечебника Рихтера.

Едва ли можно сомневаться в том, что и этот перевод был далеко не первым. И до XVI столетия существовали болезни в русском народе, должно было существовать и лечение их, которое не могло же быть производимо по одним только устным преданиям. Русский народ имел уже в то время довольно значительную рукописную литературу, любил записывать и

сохранять все достойное внимания по предметам духовной, исторической и житейской мудрости, следовательно, не мог не составлять и не сохранять медицинских заметок, частью оставшихся от прежних веков, частью вновь заимствуемых из иностранных литератур или из собственной житейской опытности.

Очень возможно, что эти сочинения не имели такой полноты и научно-систематической формы, как позднейшие переводные лечебники XVI и XVII веков; но они, тем не менее, должны были существовать. Поэтому я склонен думать, что некоторые встречающиеся донныне старые народные травники, в которых не обозначено время их составления, по происхождению своему должны быть относимы к этой эпохе (до XVI века).

Число таких рукописей в настоящее время очень незначительно, во-первых, потому, что они, как древнейшие, легче могли утратиться; во-вторых, они, как менее совершенные, стали давно вытесняться из употребления более полными и более научными лечебниками XVI и XVII веков; и в-третьих, некоторые из них может быть впоследствии были использованы как добавления в позднейшие медицинские сборники, а потому переделывались и, так сказать, сливались с ними.

...В частных беседах с людьми, более или менее знакомыми с содержанием рукописных травников, мне приходилось слышать относительно издания их разные мнения. Некоторые, весьма образованные, лица считали эти издания излишними на том основании, что

1) большая часть рукописей представляет переводы или переделки иностранных медицинских сочинений, ныне вполне устаревших и потому не имеющих ни научного, ни практического значения;

2) и в смысле исторических документов они не представляют особенной важности, так как содержание их по большей части чисто медицинское, а не историческое;

3) так же точно они не имеют значения выразителей русской народной медицины, как народного творчества, ибо заключают в себе не плоды русской мудрости, а не более как первые попытки заимствования европейской медицинской науки.

Само собою разумеется, я не разделяю такого мнения; иначе не предпринял довольно сложного труда перечитывания, сверки, переписки и обработки упомянутых рукописей. По моему мнению, они вполне могут заслуживать внимания всякого образованного врача, дорожащего не одними пос-

ледными выводами современной науки, но и историческим ходом ее развития, на следующих основаниях.

Старые медицинские рукописи, если даже большинство их считать переводами с иностранных языков, не могут быть сравниваемы со старыми иностранными книгами. Последние действительно представляли бы собой только исторический интерес данной науки, и то в том лишь случае, если они имеют право на историческое значение; но переводы тех же сочинений на русский язык, как первые усилия привить на русскую почву европейскую медицинскую науку, имеют для нас специально русский исторический интерес.

Не нужно забывать, что эти переводы являлись в то время, когда в России не только не было никаких медицинских школ, но не было никакой подготовки для усвоения медицинских понятий, не было медицинского языка и необходимой для него терминологии. Следовательно, медицинские переводы того времени имели совсем другое значение, чем нынешние переводы.

Если взять во внимание одну только историю разработки русского медицинского языка, то и в этом случае рукописи будут для нас весьма дорогим материалом. В этом отношении они имеют уже значение не просто переводов, а русских медицинских памятников, как выразителей народного творчества. В них можно встретить весьма много чисто народных медицинских терминов, теперь несправедливо забытых под влиянием иностранной терминологии; по рукописным лечебникам можно восстановить значение многих выражений, встречающихся в других исторических памятниках, понимание которых без этого могло бы быть затруднено...

Рукописные лечебники имеют и чисто историческое значение. Не говоря уже о включенных в них отдельных статьях, касающихся эпизодов истории русской медицины, например, упомянутое выше описание медицинского экзамена в 1631 году, статья о порядке в аптекарской палате в начале XVIII века и пр. — даже медицинский текст лечебников может дать много указаний по истории русской медицины. Сюда относится, например, упоминание о тех или других болезнях и привозных иностранных лекарствах, на основании чего можно делать исторические выводы или подтверждения относительно появления или существования у нас в данное время тех или других заносных болезней (горячка, сифилис, рожа и пр.).

Самый способ распространения в России научных меди-

цинских понятий, посредством лечебников, прежде чем у нас были заведены первые медицинские школы, имеет уже высокий исторический интерес.

Лечебники могут иметь и некоторое практическое значение по отношению к так называемой народной медицине. Средства, рекомендуемые в них, не рассчитанные на существование аптек и медиков, отличаются общедоступностью, простотой и отсутствием сильно действующих веществ. Некоторые из них по справедливости могут считаться очень действительными, следовательно, могут быть рекомендованы народу даже в настоящее время, как более простые и дешевые. В числе их много и таких, которыми пользуются медики до настоящего времени, но много средств и оставленных, забытых или сохранившихся только в простонародье, но тем не менее заслуживающих внимания и рациональной проверки, именно в видах применения к домашнему и простонародному врачеванию. В этом смысле обнародование старых лечебников может принести пользу и развитию народной медицины.

Присматриваясь к распространенным в русском народе медицинским воззрениям и способам лечения, можно усмотреть, что под корой невежества и грубых предрассудков сохраняется немало ценного, практически полезного. То и другое должно иметь свою историю, так как укоренившиеся взгляды и лечебные привычки, например, к кровопусканиям, не явились сами собой, а должны были развиться под влиянием того или другого заимствованного учения.

Поэтому для историка, этнографа и медика далеко не праздный вопрос: откуда взялась русская простонародная медицина, как она распространялась и чем поддерживалась?

Рукописные лечебники и на этот вопрос могут ответить. Оказывается, что большая часть господствующих в народе медицинских воззрений взята из этого источника.

Арабская медицина пустила свои корни в русском народе благодаря тому, что в свое время она была распространяема у нас путем многочисленных популярных сочинений. Зная это, не покажется странным, что до сих пор в устах простого русского народа приходится иногда слышать идеи Галена, Цельса и Авиценны.

Между прочим, это урок нашим современным медикам. Составив себе ложное понятие о недоступности научных истин для простого разума, они до сих пор не сделали того, что было под силу духовенству и подьячим XVI и XVII столетий.

Обнародование лечебников, может быть, и в этом отношении принесет пользу, показав, как нужно просвещать народ в деле сохранения здоровья, не тая от него истинной науки и не относясь с пренебрежением к его будто бы неразумию.

Травник

§ 1

Есть трава *ахтамос*, ростом в стрелу, темна-ворона и цвет на ней с венцами. И та трава вельми добра от щемоты, а хлебать ее в молодом месяце в уксусе или в молоке. Ежели у кого пупок рушится, яждь той травы — поможет Бог.

§ 2

Есть трава *парамон*, растет волосата что черные волосы, растет подле болота, кустиками, а наверху что шапочки, желты. Полезна от нечистого духа, от черные болезни, и ту траву давай пить с молоком.

§ 3

Есть трава *екумедис*, растет на старых расчистках, собою мохната, листочки мохнатые ж с одной стороны, ростом в пядь. А кто ест порану и тот человек отнюдь никакой болезни не узрит.

§ 4

Есть трава *матюшник*, растет на межах и по перелогам, собою синя, цвет на ней кистями, синий же; и та трава добра ко пчелам, на ту траву сама летает, и ту траву кто держит в дому своем и по веснам ульи окуривает — во всех ульях пчелы будут.

§ 5

Трава *одален*, растет при реках, ростом в локоть, цвет рудо-желт, листочки белые. И та трава добра, коли человека окормят; и, дав ту траву, скоро пойдет низом и верхом. И корень травы добр от зубной болезни, и пастуху, чтобы стадо не расходилось, или кто тебя не любить станет, и хочешь его присушить, — дай ясти корень.

§ 6

Есть трава *адамова глава*, растет возле сильных раменских болот, а растет кустиками по 8, по 6, по 9 и по 12, в листе

ростом в пядь, цвет багров, кругленький, а расцветает вельми хорошо — кувшинцы всяким видом. И ту траву рвать с крестом Господним и говорить: Отче наш, помилуй мя, Боже. А кто грамоте не умеет и сотворит ему 300 молитв Иисусовых. И принеси ту траву в дом свой, который человек порчен и кто портил, дай пить. А кто хочет дьявола видеть или еретика, и тот корень возьми водой освяти, и положи на престол и незамай 40 дней, и те дни пройдут, носи при себе — узриши водяных и воздушных демонов. А воду хочещи держать или мельницы ставить — держи при себе или пойми взверх; хочещи воздвигнуть палату, храмину и землю под себя подвести и та трава есть царь во всех травах. А когда кто ранен или сечен — приложи к ране, в три дня заживет.

§ 7

Есть трава *плакун*, а растет при озерах, высока в стрелу, цвет багров и та трава вельми добра; держи в чистоте, давай скоту, который вертится, или которые ребята не спят, клади в головы, а крест из нее вырезать, носить при себе вельми добро.

§ 8

Трава *бронец*, растет кустиками, что гороховина, цвет на ней ворон и красен, ягоды голубые. Та трава к тому, в котором человеке старая порча или старая грыжа — топи с хмелем и хлебай, то минется и кашлю претит.

§ 9

Трава *ворона*, растет лапушником, цвет прибел, собою низка, что капуста, ягоды вороны; растет при реках. Добра та трава: аще кто ею трется, то тело отнюдь не пухнет, и со всякого удару щепоты нет.

§ 10

Есть трава, растет в воде, концом против воды, а как сорвешь и кинешь на воду, то поплывет против воды. Та трава вельми добра носить при себе: всякого еретика и сопротивника отгонит, а корень ее бел называется, и к замкам добра.

§ 11

Трава, имя ее *корюф*, растет при мокрой земле, ростом в стрелу, цвет бел, дух тяжел. От корюхи* ту траву носи при

* Кори.

себе, или в молоке хлебай, топя; выгонит кумоху* и одышку и слывет кумошная, аще человек по дважды на день и в неделю будет хлебать — скорби** своей избудет.

§ 12

Трава *дягиль кудрявый*, без сердца; добра она от еретиков. Ту траву кто ест, и тот человек никакой порчи не боится; аще в пир пойдешь, грызи корень хотя однажды в день или в неделю — скорби своя избудешь; носи дягиль на главе — люди любят.

§ 13

Трава *сарахия*, ростом в стрелу, толста и мохната, а корень девятой. Аще кто ее утопит*** с муравьями да (будет) пить на тощее сердце и который человек хмельное пил, — отнюдь не станет и духа хмельного станет бегать. И зубы у них вырвет, да с тою же травую *сарахею* утопи и пей, то будет добро. (В последних строках, вероятно, есть пропуск.)

§ 14

Лас трава, собою бела, растет при борах, цвет походит на..., ростом в пядь, два корня что орешки, один черный, а другой белый. Аще белый ешь, то стоит *pudent*; а черный съешь, то не стоит. А полож белый за щеку, то без сумнения стоит. А самая та трава добра килы**** парит — отвязываются прочь.

§ 15

Есть трава *нукокея(?)* Растет по березникам, синя и пестра, листочки долгоньки, что язычки, а корень на двое, един мужеск, другой женск. А коли муж жену не любит, дай ему женск, — станет любить, а женск (корень) смугол; а жена мужа не любит, дай ей мужеска, а мужеск (корень) бел, — станет любить.

§ 16

Есть трава *чан*, растет коленцы, ростом в локоть и выше, а цвет синь и как отцветет, точно иглы востры. И та трава добра

* Лихорадку.

** Болезни.

*** То есть сварит; и ныне употребляются выражения: топленое молоко, топленые сливки.

**** Кила — опухоль, грыжа, по народному поверью, будто бы напускаемая злыми людьми. Отсюда выражение: «килу насадить», «килу навязать».

от черных болезней, дай пить скоту, во хранине держи и с собой носи.

§ 17

Трава *мачеха*, растет лапушниками, одна сторона бела, а листочки что копытцы, а корень по земле тянется, цвет желт, а у иной цвета нет. Корень вельми добр. Аще у кого утроба болит, корень парь да хлебай — поможет.

§ 18

Есть трава *петров крест*, растет при полях, ростом в локоть, цвет багров, растет кустиками, что молодая дятлявина, а корень все крестиками, бел и мелок. Та трава вельми добра малым детям давать в молоке — скорби* никакой не будет. Аще которая жена страждет черною болезнью, хлебай ту траву — минется. Аще кто пойдет в путь, корень возьми с собой от еретика.

§ 19

Трава *пострел*, растет при борах, а растет она в марте, апреле и мае, в сих месяцах кустиками, и цвет вельми хорош. Ту траву рвать в апреле 9-м, 22-м или 23-м числе, в то место положить индейское яйцо. Та трава вельми добра всякому человеку держать в дому своем, или кто станет избу ставить — положи под первое угольно бревно — добро будет.

§ 20

Перенос трава, собою мала и темна, цвет ворон, а как отцветет, то со стручками, в них семечки. Та трава добра от змей, и уж спит от нее, и всякая нечисть противиться (ей) не может. А семя положи в рот, поиди в воду — вода расступится. А корень его как есть человек.

§ 21

Хеновник трава, растет подле реки, собою смугла, ростом в стрелу, растет кустиками, а дух вельми тяжел. Та трава добра, коням к ране прикладывай; аще червь у коня, давай пить.

§ 22

Трава *потутник*, растет по пути. Добра она от окорму; высушив, к ране присыпать с маслом коровьим. Живет скотина и человеку добро.

* Болезни.

§ 23

Есть трава *попугай*, растет по низким землям, собой едва узнать можно от земли. Носи при себе, где хочешь проси денег или хлеба, аще мужеска пола (у кого просишь) положи по правую сторону пазухи, аще женска полу — по левую. А ежели скоморохи играют, кинь им под ноги и они передерутся.

§ 24

Есть трава *ужак*, растет по камням, по орешникам, и [из земли] не видать, ровно яичный желток. Добра от зубной болезни, у кого зубы болят, держи при себе.

§ 25

Есть трава *золотуха*, растет по лесам, где женский пол не ходит. Она добра от волосатика. Собою желта и толста, что перст, а рост из-под колоды, цвет желт.

§ 26

Трава *ряска*, растет кустиками, синенька, стелется по земле. Та трава добра положить в головы жене, и она скажет, что было с ней — добро или зло, а положить надобно в сих числах: в 19, 20, 25.

§ 27

Трава *девятисил** растет кустиками, высока, корень толст. Добра она, кто ее топит в уксусе и хлебает — внутреннюю выгонит болезнь, одышку. А растет она в огородах по низким местам. Аще кто ее утопит с хлебом и чесноком, да пельнюю и пьет по полужложке на тощее сердце, всякую нечисть изнутри гонит.

§ 28

Есть трава *унзин*, листочки долгоньки, что стрельные копыя железца, кинулись по сторонам, а вверху шишечки, мохната, ростом в пядь и выше. Она добра к порезу присыпать — скоро заживет. Аще рана — парь с огородною мятою или дикою и присыпай, то скоро заживет.

§ 29

Трава *навька*, ростом в человека, по ней, что иглы колются, цвет мохнат, синь, а растет по пахотным местам и по межам.

* Впоследствии, в сокращенном виде, начали называть *девясилом*.

Ту траву держать добро в хоромине; а когда скот вертится, и ты вложи корень в шерсть с воском, — минется.

§ 30

Трава *осот* добра: кто ее знает, тот человек талан обрящет. А растет красна и светла, листочки кругленьки, что денежки, собой в пядь, а цвет розный. Растет кустиками по сильным местам раменским. Ту траву держать торговым людям: носи при себе, где ни пойдешь, много добра обрящешь, и от людей честь будет и великою славою тот человек вознесется. А корень ее светел, как воск.

§ 31

Трава *ушак*, растет по березникам и по ельникам, собою в пядь, а с половины ее и до верха цвет — петушки беленькие со всех сторон. Та трава добра от грыжи, топить ее в уксусе или в молоке и пить поутру не евши, пока грыжа не уймется.

§ 32

Есть трава *сава*. Страшна бо та трава! Когда человек найдет на нее в поле или лесе, то умом смятется. Ростом не велика, от земли чуть знать, на ней пестринки по всей, а в корени черви и наверху. Добра ловить зверей. Аще кто что украдет, — поворотится (вернется) от него, только положи на след; или кто ставит поставухи (силки, капканы) и ты положи (той травы) подле дороги, — пути ему так не будет. Ту траву рвати по вечеру. Аще у кого сором насорится*, и ты истолки щавелю и привяжи платом. Аще у кого мшицы, и ты обмочи платок в деготь и положи себе на голову. От хрипотины ясти морковь печеную — поможет.

§ 33

Есть трава *богородская*, растет при великих реках и припольниках, на добрых местах, собою мала, что елочки, растет кустиками, цвет багров на каждой елочке. Трава добра малым детям давать в молоке, помогает от скорби. А корень несет добро, у которой жены груди болят — топи в молоке козьем, пей и грудь парь. Да и скот добро окуривать с ладаном — всякого духа отгоняет.

§ 34

Есть трава *земляница*, растет по прелям кустиками, что снег бела. Та трава добра, в молоке хлебать, которые малые дети не спят — поможет. Она же добра от колотья.

* Разновидность конъюнктивита.

§ 35

Щавель коневой растет на прелых местах, ростом в конопель, что метла, а в ней семечки. Она добра, кто битый человек и приступает к сердцу кровь — дай с вином пить или с листом конопляным — поможет.

§ 36

Пелын трава, растет что лебеда. Полезна она в вине варить с медом, тот человек порчи не боится. Грыжу вон гонит и от трясавицы добра.

§ 37

Есть трава *боровый лист*, что брусница, цвет таков же красноват и ростом токова ж. Та трава добра пчелы и борти окуривать — будут пчелы.

§ 38

Трава *царь мурат*, растет при припольниках и на пашне, собою в стрелу и выше, цвет багров, коловата, что иглы. Та трава угодна в дому держать и хоромы ставить на ней. А когда скотина вертится, положи с воском в шерсть и отыдет нечистый дух. И от черной болезни добра.

§ 39

Есть трава *стародубка*, растет при врагах и при припольниках зеленых, а ростом в пядь, собою зелена, листочки что язычки, востреньки. Та трава добра давать пить которого человека испортили, пей в молоке — поможет. Или грыжа в котором человеке внутренняя, и который человек болен и труден, не ходит, — дай пить с медом помалу, то вынесет низом и верхом. А кто огневой лежит, а поту нет, дай с гвоздикой и пот пойдет страшен; а если умереть суждено, то пот густ, что кровь, и дух тяжел.

§ 40

Есть трава *рябина*, растет на пахотных землях, листочки что рябинкин цвет желт, кистями, корень бел. Та трава угодна: цвет, у кого очи болят — парь в кислом квасу с медом; а корень тоя травы, когда бывает поветрие, топи с медом — поможет. Корень же пей, кому уроки* бывают, или на скот, пей и носи при себе. А буде у коров глумятся удесы, вложи корень в главу с воском — поможет.

* Уроки — порча или нездоровье от дурного глаза или слова. Изурочить — испортить, сглазить.

§ 41

Есть трава *полевой хмель*, растет по полям, шишки желты. Та трава с мятою угодна пить поутру рано, то хмель не возьмет, сколько ни пей, а иногда мята угодна к тому есть.

§ 42

Есть трава *царевы очи*, ростом в иглу, собою красна и листочки красны, и та трава угодна в дому своем, и животу человеку пользует, и на суд возьми с собою — не осужден будешь, или в путь идучи на который помысл, возьми с собою — вельми добра. Аще который человек хочет в пир идти при себе — ласковое житие будет. А растет она при борах, где родится клюква.

§ 43

Есть трава *баклан*, растет при реках, цвет желт, а листы круглые, корень бел. Добра она давать коням и коровам, которые дряхлые или который трухо... человек и забывается, — истопи, пей и парь ею тело и главу обкладывай — поможет.

§ 44

Трава *самоток*, растет она на старых лугах и на сильных местах, ростом в пядь, цвет синь, что шапка, корень бел. Ту траву хорошо в молоке пить или в уксусе у которого человека чемер, вскоре поможет Бог. Пить на исходе месяца, здрав будешь.

§ 45

Есть трава *полевой дягель*, по горам и по сухим местам, собою в локоть или в стрелу, что дягель, наверху кисточки, беловата, дух медвян, а корень что перец. Та трава добра давать пить у которой жены груди болят, а корень держи на зубах, угодна.

§ 46

Есть трава *медвежье ухо*, растет на добрых местах раменских, на старых лугах и по огородам, ростом в стрелу и выше, листом мала, цвет желт, дух хорош. Цвет угоден давать коням в овсе и парь коням губы и ноздри — норицы не будет.

§ 47

Есть трава, походит на *конопель*. Добро ее топить в уксусе и пить на исход месяца на тощее сердце — чистит в человеке тело, и ломоту и грыжу выгонит, и утробу чистит, и голове легче живет, которая была.

§ 48

Есть трава *перепонка*, растет по огородам и по старым пахотам, рост что елочка, листочки долгоньки, маленькие, гладеньки, цвет на ней что пестунки. Угодна та трава, у кого очи преют или слезы ходят часто. Или которая [язва] долго не заживет, сотри с попутником и приложи с маслом или с мукою аржаную — поможет.

§ 49

Есть трава *дикая крапива*. Добра она, у кого человека мочь [моча] зойметса, дай пить с грушевым морсом, истопи, или с огурцами — поможет Бог.

§ 50

Есть трава *чернобылец*, растет вместе с крапивой, что крапива. Добра она от черной болезни, смешать с плакуном — поможет Бог. А коням давай в овсе, — не столь зачесываются.

§ 51

Есть трава *сорочий щавель*, она маленька, листочки что денежки. Та трава добра которого человека бешеная собака изъестъ или змея или уж ожалит. С салом медвежьим в три дня заживет.

§ 52

Трава *смык*, растет бела, а ина желта, что пестики, ростом в пядь. Добра она, который человек не смыслен. Дай пить с вином, пусти в ухо пар и хлебай — поможет Бог.

§ 53

Трава *земляница*, на ней ягоды земляны. Добра та трава очи парить, у которого преют, с листом смородиным.

§ 54

(Повторение о траве золотухе § 25.)

§ 55

Есть трава *вьюнец*, растет при реках и при болотах, на старых местах зеленицах, рост в локоть, цвет багров, корень красен. Добра она, у которого человека волосатик или нырок — хлебай и прикладывай на рану с овечьим щавелем. Поможет Бог.

§ 56

Есть трава *енок*, растет по холмикам, собой маленька, светла и бела, что булавочка, цвет, что пыльца белая и желтая, собой в иглу, а когда сыщется, растет кустиками. Добра она, с нею щелок делать с кленовым листом и мыть голову, то кудри будут и волоса мягки. Она добра присыпать, у кого ногти сходят. Легче будет.

§ 57

Есть трава *болотный былец*, растет при всяких реках, высока, что крапива, цвет походит на бел, корень черн, мохнат, красноват, дух тяжел. Добра та трава на медведя ходить, борцам или поводитильщикам; да она добра в молоке топить или в уксусе пить по утрам, то утверждаются стомах и афедрон*

§ 58

Есть трава *палочник*, что наверху растут черные палочки, а растет подле озер. Добра та трава от порчи, и от горькой болезни, и от моровой болячки. Пей и парься. А пить ее с пострелом. А корень палощников добр к посеку, или уж ужалит или змея, да еще добро держать мельникам.

§ 59

Трава *чистяк*, растет на раменских местах и оврагах, ростом в локоть, растет кустиками, приголуба что лебеда, корень желт, а в ней что молоко, а в корне что краска. Тою травую парить очи с медом, да еще парить ею у жен груди — много молока будет.

§ 60

Есть трава синеворот [солнворот?], ростом в локоть, а рост без листков, гладкий, цвет желт. Та трава угодна от грыжи**, которое место грызет, а не проваливается; присыпай — поест. Да она ж к чирьям годна — прикладывай.

§ 61

Есть трава *пырей*. Добра, коли пчелы жалют, трися ею и парь — минется пухота. Да она ж угодна, когда займется мочь в человеке. Пей с капустою. Поможет Бог.

* Стомах — желудок, утроба. Афедрон — заднепроходное отверстие.

** Грыжа здесь употребляется в смысле нарыва.

§ 62

Есть трава *молодовник*, растет по рекам, листья что капуста, высока в стрелу, цвет лазорев, кувшинцами, корень бел. Угодна та трава, у кого корь на лице или воспа. Парь в бане, поможет Бог.

§ 63

Есть трава *ефилия*, растет в диких лесах и полях, на ней что волосы тянутся. Та трава добра давать, который человек не растет или горбат, дай с плакуном пить по девяти в трех месяцах. Да она же добра от пожогу или обварится человек, парь ею и хлебай — поможет, только да не смертно есть.

§ 64

Есть трава, растет по пригоркам, верхним концом в землю гнется. Аще кто ту траву роет на Иванов день и дает скотине, и тот скот того году от поветрия не умрет; а кто в Великий четверток, встав поутру до солнышка, окурит в дому скот свой, того году тот человек ничем нерушим от зверя, от упаду. Добро есть ту траву всякому человеку держати во рту своем.

«О каменех драгих и ко многим делам угодных и о силе их»

Об алмазе

1. Алмаз камень цветом подобен нашатырю, а внутри темнее хрусталя, но блистание от себя издает, а крепостию таков крепок и тверд, что и в огне не сгорит, и иными вещми не может вредитися; но точию его твердость мягчить тем обычаем: полагаем в мясо и в кровь козлячью, но прежде тот козел напоен вином и петросилиевою травою накормлен. Величество же того камени бывает больше ореха лесного, а находят его в арабских и в кипрских странах.

2. Камень алмаз, аще воин носит на левой стороне во оружиях, тогда бывает спасен от всех супостатов своих и сохранен бывает ото всякие свары и от нахождения духов нечистых.

3. Тот же алмаз, кто его при себе носит, грежение (грезы) и сны лихие отгоняет.

4. Тот же алмаз окорм смертный объявит, аще к тому камню приблизится, то потети начнет.

5. Алмаз пристойт при себе держати тем людям, кои страждут лунным страданием и на которых ночью стен находит.

6. Алмазом камнем аще беснующегося человека осяжет, тогда та болезнь пременится.

О яхонте черленном

1. Яхонт черленный кто при себе носит, снов страшливых и лихих не увидит.

2. А кто, в солнце смотрячи, очи затемнел, тогда ему поможет, егда тем камнем потереть.

3. А коли тем камнем по голове потрешь, по волосам, тогда в себе плоть главную тянет, яко магнит железо.

4. А кто тот яхонт носит в перстне при себе, тот и скрепит сердце свое, и в людях честен будет.

О лале

1. Камень лал цветом бывает ал или побледнее яхонта черленого.

2. Аще кто лал при себе носит, поветрие моровое отгоняет

и похоти телесные лишние унимает, тело человеческое во здравии ото всяких болезней устрояет, мысли злые отдаляет, и промеж людьми приятельство чинит, и всякое счастье размножает.

О яхонте лазоревом

1. Яхонт лазоревый, кто его носит при себе, тело умножает и благолепие лицу подает, пот лишний унимает и похоти телесные смиряет, и чинит человека быти чистым и добрым, нечистоты с очей и болезни с чела отгоняет, и животные болезни усмиряет.

2. Тако же кто его при себе носит в перстне, чинит его спокойным и в людях честным, набожным, милостивым, духовным; а измены открывает, страхи отгоняет, чирьи бывающие во время поветрия морового одним доткнением уздравляет.

О изумруде

1. Изумруд камень есть цветом зелен, а привозят его из Британии, а добывают его в тех местах, где руду медную копают.

2. Изумруд толчен аще в питии положишь, уймет смертоносную ядось и укушение ядовитых заживит.

3. Изумруд толчен и прият внутрь в питие, весом против седми зерен ячменных, тогда от окорму смертного избавляет человека.

4. Аще кто на изумруд часто зрит, тогда зрак человеческий укрепляет, и очи от прилучающихся недугов во здравии сохраняет, и носящему его весельство наводит.

5. Тот же камень толчен в питии прият, пользует прокаженным, и печени, и желудковым болезням помогает.

О бирюзе

1. Бирюза или ферюза есть камень синостен, смешан с некоторой белостию, а чтобы синость одолела бледность.

2. А коли человек с коня спадет, тот камень сохраняет его от расшибения.

3. Аристотель премудрый пишет про него, что умножи-

вают его цари великие в сокровищах своих и чествуют им; носящему его весельство наводит.

4. Аще кто его носит при себе, не может быть тот человек убит, понеже никогда не видали его на убитом человеке.

5. А когда разотрут его и пьют, помогает от окормов змеиных и от иных многих пакостей уздравляет, и болезнь из почек и из пузыря выведет.

О бечете

Бечета есть камень сердце обвеселит, и кручину и неподобные мысли отгоняет, разум и честь умножает, от грома и от неприятелей обороняет, и от губительного поветрия морового сохраняет, беременным женам к скорому рождению детей приводит.

Об аметисте

1. Аметист есть камень цветом вишневым, а родится в Индии; сила того камня есть: пьянство отгонять, мысли лихие отдалять, добрый разум делает и во всяких делах помощь дает.

2. Аще кто этого камня изопьет, то неплодного плодным делает, и окорм гасит, воинских людей от их недругов оберегает и к одолению приводит, и к ловлению зверей диких и птиц добрый есть помощник.

О топазе

1. Топаз камень назван от места, в котором месте он сперва найден, а то место зовут топазис; а который всех лучше и тот цвет имеет, что золото, а который темен, тот не столь добр.

2. Топаз кто при себе носит, гнев человеческий и похоти телесные унимает.

3. Войтех мудрец пишет, коли топаз в кипящую воду положишь, то вода кипеть перестанет и назад его можешь голой рукой вынуть и то-де испытано неким мудрецом во французской земле, во граде Париже.

4. Тот же камень помогает, кто кровью блюет, и от той болезни охраняет, кою называют «волк».

5. Тот же камень на рану положен, тогда кровь уймёт из раны и телесное зажение угасит.

О балагусе

1. Балагиус камень кто при себе носит, тогда чинит его веселым, промеж мужа и жены любовь умножает, коли он на шее повешен; сны лихие и страшливые отгоняет, болезни горячые и в щеках мокростные и волгостные исцеляет.

2. Тот же камень терт с серебром тертым, утри на лице натираем и их истребляет.

3. Тот же камень в воду положен и чтобы ту воду пили, тогда тяжко дышающим помогает, и внутренние болезни отгоняет, и младенца в утробе матери содержит, и кто ту воду в очи пускает, от многих болезней издвывает.

О гранате, или О винисе

1. Гранат, а по-русски виниса камень, веселит сердце человеческое и кручину отдаляет.

Тот же камень, кто его во рту носит, и у того человека речь и смысл к судебным делам направляет.

2. Тот же камень, кто его при себе носит, и того человека к людям прилюбливает.

О агатисе

1. Агатис есть камень черен и светел, а коли будет сожжен, помогает от падучей болезни, и духи нечистые отгоняет, желудковым болезням помогает и к сладости ественной приводит.

2. Тот же камень положить в воду и дать мокнуть три дня, и ту воду дай пить родильницам во время родов их, тогда легкое рождение чинит.

3. Ту же воду дать пить девице для обличения нечистоты ее; и как выпьет, то не у чистой девицы не удержится, тотчас на низ изойдет та вода, а только девица непорочная, то укрепитя и не изойдет вода.

4. Тот же камень духом нечистым сопротивляется и волхам, и ужи отгоняет; того для и орлы в гнезда свои кладут тот камень, чтобы от того ужи бегали.

Об аспиде

1. Аспид есть камень многими и различными цветами бывает, а из них лучше и сильнее светло-зеленый, чтобы в нем струи червлёные проходили сквозь.

2. Того камня крест кто носит на себе, сохраняет того чело- века от потопления на воде.

3. Так же кто его носит на себе, в чистоте пребывает; трясавичное биение уймет и водоточную болезнь изгонит.

4. Тот же камень помогает женам во время родов их, и всякое ночное и стенное нахождение отгоняет и от соблазна сохраняет.

5. Тот же камень утробу кровавую уймет и у жен лишнее течение менструово заключает, и разуму острость подает, а коли тот камень обделан серебром, тогда силой своей исполнен есть.

О хрустале

1. Хрусталь камень, когда будет положен против солнца, тогда огонь из себя испускает, и порох пищальный и иные вещи зажигает, а как кто его согреет, то никак ничего не зажжет.

2. Тот же камень кто жаждущий во устах держит, то жажду ему уймет.

3. Тот же камень растерт и смешан с медом пресным, то мамкам молоко множится.

4. Тот же камень кому на шее поцеплен, тот сон лишний отгонит.

О магните

1. Магнит камень родится в Индии в горах при берегу морском, цветом аки железо, а железо издалеца привлекает к себе, а кто похочет его учинить, чтобы железо не привлекал, тогда соком чесноковым его помазать или луковым; а как захочет его опять учинить в силе, тогда положить на ночь в козлову кровь, то будет в силе своей по-старому.

2. А кто его истолкнуши приемлет в вине фряжском с сахаром, тогда густую мокрость изнутри выгонит.

3. Тот же камень, кто его при себе носит, велегласие творит и весельство наводит.

4. Аще кто обдержан водоточной болезнью, тому даем пить ползолотника тертого магнита, и от того здрав будет.

5. Тот же камень, аще муж носит при себе, тогда мил бывает жене своей, так же как и жена носит, то же ей чинит.

6. Тот же камень магнит, коли будет положен под голову той жене, которая к мужу своему неверна, тогда сквозь сон

мужа своего обнимет тотчас; а только которая жена от мужа своего блудит, тогда та жена с постели летит, как бы ее кто спихнул, а то ей учинится от того камня во сне страшливое и боязливое видение.

7. Тот же камень терт мелко и сыпан на жар угля горящего, тогда дивные страшливые дела покажутся, что невозможно будет человеку тут стоять.

О безазре

1. Безазар камень, привозят его из Индии; а кой привозят из Восточной Индии, тот есть сильнее, а цветом сер, а иной черен и мягок, а сказывают, что находят его на берегу морском, а родится, сказывают, у змеи в желчи.

2. Все мудрецы описывают про безазар, иже начальное место имеет промеж иных лекарств, которые, лекарства, помогают от окорму и от опойств, сиречь от порчи лихих людей.

3. Аще кто его выпьет золотник без четверти, тогда погашает всякий яд и избавляет человека от смерти, потому что нет его сильнее; от порчи помогает, всякая вещь, которая избавляет от какой ни есть немощи, бывает названа безазаром, того камня прозвищем.

4. Серапион мудрец пишет, аще кто тертого камня безазара, весом против 12 зерен ячменных, выпьет в питье с ренским или с белым французским вином, подогрев, тогда помогает от порчи и всякие болезни от сердца отгонит, а как его выпьешь и лег бы на постель, и окутался платьем, и чтобы вспотел.

5. Также помогает, коли кто изнемогает поветрием моровым и тот камень приемлет и при себе носит.

6. Аще кто тот камень вставит в перстень и почает в себе порчу и, вложя в уста, съест его, тогда от порчи избавляет.

О целенитесе

1. Целенитес, сказывают, вынимают из великого желвя, имеет цвет кабы жемчуг, на себе имеючи скорлупу.

2. Целенитес есть индийского желвя глаз; волхвы его под язык себе кладут и людям сказывают дела, что впредь будет, а в рот, выполоскав, да его кладут; и то могут делать от восхода солнечного до шестого часа дня, и на молодую месяца во весь день, сказывают, что тот камень ту силу имеет, а на ветхую месяца то через день, и тот, сказывают, камень огня не боится и не горит.

Об орловом камне

1. По-латыни тот камень зовут аквилелапис, а по-арабски гогар алгамак, а по-гречески... сиречь легкое рождение творит женам, и скотам и птицам, а находят его в индийских и персидских странах; цветом тот камень бел и звук из себя издает, кабы в нем иной камень колеблется; а когда его разобьешь, тогда в нем иной камень обрящеши, а величеством есть с орех лесной, а подобен есть костяниевой ягоде.

2. Серапион мудрец пишет, что тот камень вносят орлы в гнезда своя и полагают его под самками, тогда дети их вылупляются без болезни и родильницам его привязывают к левой стороне, легко тогда рождение творить.

3. Тот же камень, кто его при себе носит, и он любовь укрепляет, и богатство множит, и падучую отгоняет болезнь.

4. Тот же камень, аще положишь в смертные яства, тогда те яства человек не может проглотить; а когда камень вынешь, тогда яства по обычаю станет человек есть.

О ластовичном камне

1. Камень есть найден в животе молодых ластовиц, а находится двух цветов, бывает черен и черлен.

2. Черленый камень кто при себе носит, помогает тем, кои страждут лунным страданием и иступившим ума.

3. Таюже кто его при себе носит, чинит его речистым, и любят его люди.

4. Тот же камень истерт и с водой смешан, больные очи уздравляет.

5. Черный камень, кто его при себе носит, речи начатые к доброму концу приводит, гнев умиряет, людям любимого чинит.

6. Тот же камень в желтом сукне на шею привязан, ворогушу отгоняет и все волгости злые отдаляет, и падучую болезнь отгоняет, и то испытано.

О курищем камне

1. Тот камень бывает найден в желудке валеного петуха, коли петух трех лет вален бывает, а после валения только бы жил семь лет, а чем бывает стар, тем будет лучше, а знать потому, как уже в петухе тот камень будет, тогда уже петух ничего не станет пить, а величеством бывает с бобово зерно.

2. Тот камень, кто при себе носит, того человека никто не может одолети.

3. Аще кто его во рту держит, жажду отдаляет, мужа с женой в любви содержит, и разведенного мужа с женой в первую любовь совокупить, и к плотскому совокуплению хорошо помогает, и отнятое государство из неприятельских рук отвращает.

О корольках

1. Корольки бывают трех цветов: черлены и белы, и черны; белые и черные в лекарские зелья не полагаем, разве найдешь в составах зеленых прописано именно про белые или про черные, тогда их полагаем; а когда обрящем написано без прозвища корольки, тогда емлем красные, а чем корольки краше, тем лучше, а белые и черные потому же.

2. Неции врачеве глаголют, аще какой человек в доме своем корольки имеет, или при себе носит, град падающий вредить ему не может, а в прежние времена корольки толкли, и в жито семянное их сыпали, и тем житом сеяли от биения градового; а иные те корольки на межах на пашенных к деревьям привязывали от того же биения градового.

3. От тех же корольков дух нечистый бегаёт, понеже он крестообразно растёт.

4. Тот камень [болезнь] в кишках и из селезенки выведет и ко всякой стомаховой болезни пристойит.

5. Корольки прияты, блевание кровавое уймут и легко урину движут.

6. Корольковым камнем аще очи слезные потрешь, тогда слезы уймутся.

7. Аще корольками утром веки очные потрешь, тогда скатанамиева болезнь уймется, что видится человеку, аки комары у него перед очами мелькают.

8. Корольки мелко толченые и с водой дождевой принятые истребляют лишнюю волгость селезенную, и болезнь из брюха и из желудка выведут, и от различных внутренних болезней помогают.

9. То же предреченное питье особенно есть лечебно тем, кои в просоние пугаются, и сохраняет человека от соблазна духа нечистого.

10. Корольки принятые биение сердечное уймут и сердце укрепляют.

11. Аще который человек на монисте* корольки носит, того колдование и иное никакое ведовство неймет, а как тот человек позанеможет, то корольки красные белеть станут, а как поздоровеет тот же человек, так корольки опять станут черлены.

О жемчуге

Жемчуг есть сух и студен во втором ступне, и кой больше, тот лучше.

1. Жемчуг мелко тертый аще кто внутрь приемлет, естественную животную силу укрепляет, и биение сердечное уймет, и обморок головной отведет.

2. Аще который человек впадет в великое бессилье, тогда давай жемчуг мелко на порох истертый с свороборинным сахаром.

3. Также бессильным людям давать сахар, который зовут аптекари «монюс кристи», а тот сахар сделан с тертым жемчугом, и бессилье того уймется, и сердце укрепится.

4. Аще у кого очи темнеют, тот приемлет тертый жемчуг и так плева с очей сойдет и кровь сердечную чистит.

О лазори

1. Лазорь есть камень на порох натерт и присыпан к бородавицам, и тако истребляет.

2. Тот же камень повешен у дитяти на шее, боязни от них отдаляет и волоса кудрявы чинит.

3. Тот же камень весом против 16 зерен ячменных внутрь принят, меланхолию выгонит и кровь чистит от волгостей густых, а сила его есть — холодит и высушает.

О золоте

1. Золото мелко терто и внутрь принято, прокажение из всего тела изгонит и все уды телесные укрепляет, язвы или чирьи златою снастию отворим, та язва никак не гноится.

2. Золото мелко терто и внутрь принято, биение сердечное уймет и сердце укрепляется.

3. Золото сусальное аще к ранам прикладываем к гнилым, тогда мясо дикое из ран без болезни вытянет.

* По другому списку — «на пояснице».

4. Золото мелко тертое и смешано с соком бораговой травы, или с костью еленья сердца, мелко толченного, и сахару головного примешано по рассуждению, вельми пристойит принять тем людям внутрь, кои дряхлуют и бесильствуют.

5. Золото принятое меланхолиеву болезнь выгонит и сон сладостен наводит, и грежение ночное отводит.

6. Аще кто золото во рту носит, у того благоухание изо рта исходит.

7. Золото терто и внутрь принято, помогает и исцеляет тех, кои наедине сами с собой говорят и сами спрашиваются и сами отвечают и во уныние впадают; и золото тех укрепляет, и уныние отгонит, и крови доброй растение творит.

О серебре

1. Серебро есть естеством студеностно и сушительно, мелко терто и смешано с маслом тартовым, и тем коросту и свербеж помазуем, уймется.

2. Тем же помазуем старые гнилые раны, тогда мясо дикое из них истребит и их заживит.

3. Серебро язвы сеченые в место сводит, аще тертым серебром присыплет.

4. Серебро мелко тертое внутрь принято, сердце укрепляет и растение доброй крови творит.

5. Серебро мелко тертое и внутрь принято, коим обычаем ни буди, густую мокрость от всего тела изгонит.

О ртути

Ртуть есть горяча и волгостна в четвертом ступне.

1. Ртуть варена и смешана с маслом бобковым, и тем помазуем главу, где вши и гниды от того умирают и коросты на главе заживляются.

2. Аще ртуть на огонь мещем, тогда великий дым будет, и тот дым вредителен есть человеку; понеже грыжу наводит сус-тавом, и зрак вредит, и слух, и смысл порушает.

3. Ртуть лихое мясо из язвы истребляет и болячку фисту-лову заживляет.

4. Аще который человек ртуть умиренную в суставах своих имеет, тот да пьет молоко козы и колеблется на бочке, и тако ртуть из суставов выходит или болящий да емлет вино фраз-

ское, в коем варена горчица трава обычная, да трава полынная, да трава исопова, и вино да пьет.

5. Емли масла орехового 3 золотника, и разогрей гораздо в сковородке, и всыпли в него мартасану серебряного, да белил обычных, по 2 золотника, и прибави уксусу лютого 6 золотников и то все вместе вари, дондеже огустеет, аки мед пресный, и к тому прибави ртути один золотник, и то есть масть особна, лечба от шелудей, аще помазуешь, — шелуди и иные нечистоты изгибают.

О мышьяке

Мышьяк тремя цветами живет: а) белый, б) желтый, в) черлен.

1. Взяти полтора золотника мышьяку мелко толченного, да шесть золотников извести живые, и разведи водой, и вари гораздо, и воткни перо, как пух отпадет, тогда то зелье послело, и тем зельем помазуем те места, где волосам ненадобно расти, то не станут волосы расти; и два дня или три спустя смывай, чтобы тела не вредило.

2. Взять мыла грецкого или простого 2 золотника, толченого мышьяку 3 золотника, и в том масть доспети, и парься в мыльне и тем коросту и свербеж мазать, и после того вспотеть, и зелье смыть, и так делать пятью и шестью, и тело чисто станет.

О киновари

Киноварь делаем в сере горючей, да во ртути, а цветом он черлен.

1. Киноварь мелко на порох терт и присыпаем к ранам сеченым, вельми течение кровавое уймет.

2. Тот же киноварь, аще присыплем к ожогу, то ожог заживляет; киноварь кладется в различные зелья, кои к язвам прикладываются.

О сурьме

Сурьма мелко толчена и присыпана во афендрон ко еморондову течению (геморрою) и тако та болезнь застановится.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдеева Е. А.* Записки для городских и сельских хозяев. СПб., 1842.
- Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958—1963. Т. 1—2.
- Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Антонович В.* Колдовство // Труды этнографической статистической экспедиции в Западный русский край. СПб., 1872. Т. 1.
- Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые. СПб., 2004.
- Афанасьев А. Н.* Народные заговоры. М., 1862.
- Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды. Казань, 1914.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869. Т. 1—3.
- Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. В 3 т. М., 1958.
- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Баня*, ее польза и влияние на организм человека. СПб., 1905.
- Белоус В.* Народный праздник Купала. М., 1861.
- Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Божеянов И. Н.* Как праздновал народ русский Рождество Христово, Новый год, Крещение и Масленицу. СПб., 1894.
- Большая книга гаданий мира / Сост. Н. Будур.* М., 2006.
- Будур Н. В.* Инквизиция. Гении и злодеи. М., 2006.
- Будур Н. В.* Камни в легендах и преданиях. М., 2008.
- Будур Н. В.* Руническая магия. М., 2001.
- Будур Н. В.* Русский народный календарь. М., 2007.
- Бурцев А. Е.* Жизнь русского народа. СПб., 1914.
- Бурцев А. Е.* Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1908—1911.
- Буслав Ф. И.* Бес. СПб., 1881.
- Буслав Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1—2.
- Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
- Великорусские заклинания.* М., 1998.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
- Ветухов А.* Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907.
- Власова М.* Новая абевера русских суеверий. СПб., 1995.
- Волков Н. П.* Русская Масленица и исторические данные о ней. Владикавказ, 1897.
- Высоцкий Н. Ф.* Очерки нашей народной медицины. М., 1911.
- Глинка В. А.* Древняя религия славян. Митава, 1804.
- Горбунов-Посадов И. И.* Русский деревенский календарь. М., 1908.
- Даль В. И.* О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1996. Т. 1—2.

Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1902—1905. Т. 1—4.

Ефименко П. С. Малороссийские заклинания. М., 1874.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области русских древностей. М., 1974.

Иванов П. Народные рассказы о ведьмах и упырях // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1891. Т. 3.

Кагаров Е. Г. Мифологические очерки. Харьков, 1913.

Кайсаров А. С. Славянская и российская мифология. М., 1810.

Канторович Я. А. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896.

Кашинский И. Г. Русский лечебный травник. СПб., 1817.

Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1901.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов велико-русского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887.

Крачковский Ю. Ф. Быт западноевропейского селянина. М., 1874.

Круг жизни. М., 1999.

Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия. М., 2006.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.

Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869.

Максимов С. В. Куль хлеба. М., 1982.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Маркевич Н. А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссов. Киев, 1860.

Материальная культура и мифология. Л., 1981. Репринт. СПб., 1890.

Мифы и легенды народов мира / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. Т. 3.

Мифы народов мира. В 2 т. М., 1980.

Мишле Ж. Ведьма. М., 1912.

Народная медицина. СПб., 1845.

Народные гадания. М., 1999.

Народные заговоры. Пермь, 1918.

Народный быт Великого Севера. СПб., 1898.

Народный праздник Купала. Львов, 1861.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья. Витебск, 1897.

Никифоровский М. Русское язычество. М., 1875.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М., 1984.

Обзор русского народного быта Северного края / Собр. А. Е. Бурцев. СПб., 1902.

Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом. М., 1997.

Панкеев И. А. Обычаи и традиции русского народа. М., 1998.

Полная энциклопедия быта русского народа / Сост. И. Панкеев. М., 1998.

Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Померанцева Э. В. Рассказы о колдунах и колдовстве // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Вып. 365.

Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

Потебня А. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865.

Протт В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

Протт В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

Прыжов И. Г. Наша общественная жизнь. СПб., 1864.

Пыляев М. Старое житие. М., 1903.

Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 1—2.

Рожнова П. Радоница. М., 1992.

Русская изба. Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь. СПб., 1999.

Русский быт по воспоминаниям современников. М., 1914.

Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылин. М., 1880.

Русский народный календарь / Сост. Н. Будур. М., 2005.

Русский народный лечебный травник и цветник. М., 1892.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

Селиванов В. В. Год русского земледельца // Соч. Владимир, 1902. Т. 2.

Сказания русского народа / Собр. И. П. Сахаров. СПб., 1885.

Словарь русского знахаря. Нижний Новгород, 1998.

Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837—1839.

Соболев А. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Сперанский М. Ведьмы и ведовство. М., 1906.

Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. СПб., 1899.

Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848.

Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.

Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.

Тэрнер В. Миф и ритуал. М., 1983.

Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. М., 1895.

Флоринский Т. Д. Славянское племя. Киев, 1907.

Фольклор и этнография. Л., 1970.

Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1978.

Фрезер Д. Золотая ветвь. М.; Л., 1931. Вып. 1—4.

Фрейденоберг О. А. Миф и литература древности. М., 1978.

Цветочный питомник. СПб., 1887.

Церковно-народный месяцеслов И. П. Калинского. М., 1997.

Чулков М. Абевега русских суеверий. М., 1786.

Шейн П. В. Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях. СПб., 1898—1900.

Шептинг Д. О. Мифы славянского язычества. М., 1849.

Шужлин В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург, 2001.

Элиаде М. Тайные общества. М., 1999.

Элиаде М. Шаманизм. Киев, 2000.

Этнические стереотипы поведения. М., 1985.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.

Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

6

Часть первая. КОЛДОВОСТВО

<i>Глава первая.</i> ИСТОРИЯ КОЛДОВОСТВА В РОССИИ	14
<i>Глава вторая.</i> КОЛДУНЫ И ВЕДЬМЫ И ВИДЫ ИХ «ДЕЯТЕЛЬНОСТИ».....	26
«Классификация» колдунов и ведьм	26
Оборотни	37
Упыри.....	39
Расправы над ведьмами и колдунами.....	41
Наведение порчи и защита от нее	45
Колдун на свадьбе.....	58
Сглаз, испуг, озык и дурное слово.....	61
Защита от колдунов.....	66
<i>Глава третья.</i> КРУГ ЖИЗНИ ВЕДЬМ И КОЛДУНОВ.....	74
Рождение.....	74
Круг жизни.....	76
Смерть колдунов и ведьм.....	88

Часть вторая. ЗНАХАРСТВО

<i>Глава четвертая.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА О БОЛЕЗНЯХ И ИХ ПРИЧИНАХ.....	95
Злые духи болезней и Божественное провидение.....	96
Народные названия различных частей тела и болезней ..	101
Причины болезней по верованиям народа.....	108
Кликушество и беснование	122
«Икотная болезнь»	136
Огненный змей.....	137
Домовые.....	141
<i>Глава пятая.</i> ЗНАХАРИ И ЗНАХАРСКИЕ ПРИЕМЫ	146
Знахарь и земский врач	150
Специализация знахарей	155
«Экзотические» методы лечения	160
Баня и русская печка.....	170
Потогонные средства.....	178
Водка.....	179
«Огородные» овощи	179
Лечение водой, огнем и землей	183
Лечение драгоценными камнями.....	193

<i>Глава шестая. ЗНАХАРИ-ШЕПТУНЫ</i>	200
Магия слова	200
Специализация знахарей-заговорщиков	203
Знахарь или колдун?	207
Процесс лечения заговорами	211
<i>Глава седьмая. ЗНАХАРИ-ТРАВНИКИ</i>	222
«От всякой болезни растет в лесу травка»	222
Травники	226
Знахари и научная медицина	230
Магическая сила трав	235
Аграфена Купальница и Иван Купала	239
Некоторые секреты травников	258
Травяные чаи и отвары	271
<i>Глава восьмая. ЗНАХАРИ-НАЧЕТЧИКИ</i>	273
Лечение святыми иконами и мощами	277
Псевдорелигиозные средства лечения	295
<i>Глава девятая. ЗНАХАРКИ-ПОВИТУХИ</i>	301
Роды	301
Тяжелые и неблагополучные роды	318
Крестины	322
Уход за ребенком	324
Выкидыши	325
<i>Глава десятая. ЗНАХАРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ</i>	327
<i>Приложения</i>	333
Былички о колдунах и знахарях	333
Лечебные заговоры	352
<i>В. М. Флоринский. Русские народные травники</i>	377
«О каменех драгих и ко многим делам угодных и о силе их»	399
<i>Избранная библиография</i>	410

Будур Н. В.
Б 90 Повседневная жизнь колдунов и знахарей в России XVIII—XIX веков / Наталия Будур. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 415[1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03158-6

Вот уже более десяти лет в нашей стране продолжается настоящий бум на книги, в которых рассказывается об обычаях и традициях русского народа, о том, что определяет его характер и душу. И это не случайно, так как отличительной чертой последних лет является стремление возобновить и возродить давние традиции. В этой ситуации обращение к фольклору — это обращение не к прошлому, а к тем резервам души, которые есть в каждом и бывают востребованы в самые сложные, трудные минуты.

В книге, которую вы сейчас держите в руках, автор коснулся одновременно «коммерческой» и очень тяжелой темы ведовства и знахарства, попытался представить общую картину обычаев и обрядов, поверий и суеверий, мифов и легенд русского народа, связанных с колдунами, знахарями и ведьмами.

**УДК 392 (470+571)
ББК 63.529 (2Рос)**

Будур Наталия Валентиновна

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ В РОССИИ
XVIII—XIX ВЕКОВ**

Главный редактор А. В. Петров

Редактор И. В. Черняков

Художественный редактор И. И. Сулов

Технический редактор В. В. Пылкова

Корректоры Т. И. Малюренко, Г. В. Плятова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 25.04.2008. Подписано в печать 25.09.2008. Формат 84x108/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 23,52+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 83844.

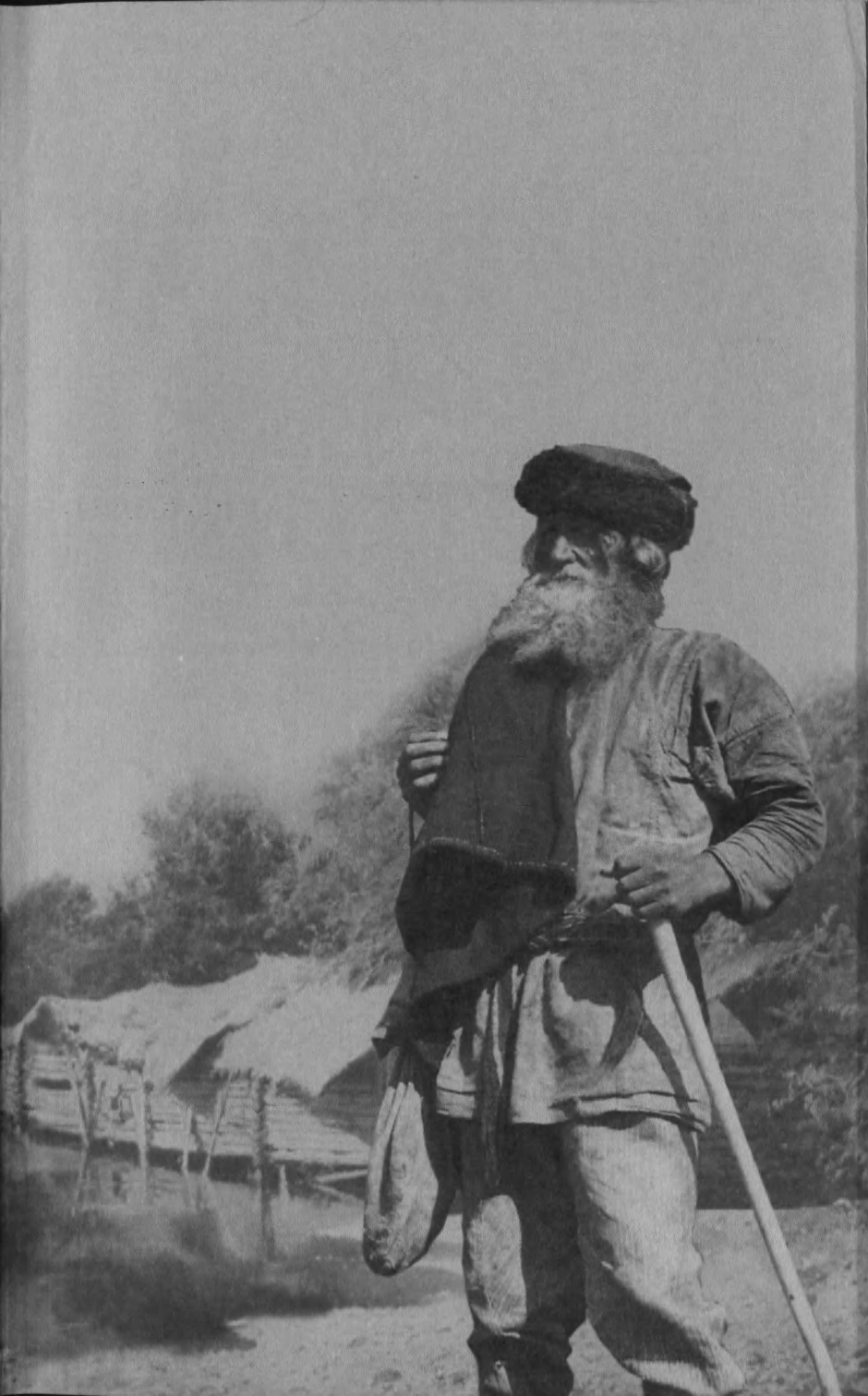
Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03158-6

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Г. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ.
1920—1930-е

Г. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ.
1930—1940-е

Е. Глаголева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОРОЛЕВСКИХ
МУШКЕТЕРОВ

Ф. Данино
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦРУ.
1947—2007

Д. Меекс, К. Фавар-Меекс
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГИПЕТСКИХ БОГОВ

Ж. Эргон
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЭТРУСКОВ

ISBN 978-5-235-03158-6

9 785235 031586 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ